

**ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ УРАЛА И
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ХХ ВЕКЕ:
ПЛАНИРОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ**

Российская академия наук
Уральское отделение Российской академии наук
Институт истории и археологии УрО РАН

**ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ
УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В XX ВЕКЕ:
ПЛАНИРОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ**

Екатеринбург
2018

УДК 94(57)”1920/1970
ББК 63.3(25)6
Н72

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института истории и археологии УрО РАН

Научный редактор:
д.и.н. Г. Е. Корнилов

Рецензенты:
д.и.н. В. В. Запарий, д.и.н. А. В. Сперанский

Н72 **Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири в XX веке: планирование и управление:** коллективная монография / Е.Т. Артемов, А.Э. Бедель, К.И. Зубков, В.П. Карпов, Г. Е. Корнилов, Н.Н. Мельников, М.В. Михеев, А.И. Тимошенко, В.П. Тимошенко. — Екатеринбург: УрО РАН, 2018. — 368 с.

ISBN 978-5-7691-2511-9

В монографии дается ретроспективный анализ роли планирования и управления в процессах хозяйственного освоения восточных регионов России — Урала и Западной Сибири — в XX веке. На фоне истории становления советской системы управления и общемировых тенденций экономического развития анализируется опыт разработки и осуществления крупнейших промышленных программ — Урало-Кузбасса, танковой программы, атомного проекта, формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, которые не только кардинально изменили структуру экономики восточных регионов, но и внесли решающий вклад в промышленную модернизацию страны, обеспечив ей передовые позиции в мире.

Книга адресована профессиональным историкам и экономистам, преподавателям и студентам вузов, всем, кто интересуется экономической историей России.

© Уральское отделение РАН, 2018
© ИИиА УрО РАН, 2018
© Авторы, 2018

ISBN 978-5-7691-2511-9

***Памяти Владимира Петровича Тимошенко,
коллеги и друга***

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Раздел I. Экономические стратегии и реалии послереволюционной эпохи	13
1.1. Изучение производительных сил российской периферии	14
1.2. Рамки перспективного планирования	38
1.3. Тупики новой экономической политики	66
Раздел II. Императивы централизации хозяйственной системы	85
2.1. Геоэкономические предпосылки формирования Урало-Кузнецкого комбината	86
2.2. Исходные концепты планирования	122
2.3. Горизонты «Генерального плана» освоения ресурсов	137
2.4. Структурирование уральской промышленности	153
2.5. Урало-Кузбасс в проектировках генерального хозяйственного плана	168
2.6. Значение проекта «Урало-Кузбасс» для индустриальной модернизации СССР	181
2.7. Прогноз комиссии Академии наук по мобилизации экономики Урала на нужды обороны и реальное развитие народного хозяйства региона в условиях войны	198
Раздел III. Альтернатива послевоенного экономического роста	231
3.1. Выбор курса развития	232
3.2. Территориально-производственное планирование и управление	251
3.3. Территориальные аспекты атомного проекта	268
3.4. Урало-Печорский проект: истоки замысла и причины неудачи	283

Раздел IV. Генеральная перспектива:	
несостоявшийся подъем	293
4.1. Создание экспортных баз и инфраструктуры.....	293
4.2. Освоение нефтегазовых ресурсов Тюменского Севера.....	318
4.3. Стагнация «экономики согласований»	329
Заключение	353
Список литературы.....	358
Сведения об авторах.....	366
Список сокращений.....	367

Предисловие

В начале 1992 г. правительство страны запустило средства радикального реформирования общества, в большинстве своем противоположные тем, которые осуществлялись в эпоху социалистического строительства: либерализация цен, отказ государства от унитарной модели управления, прекращение долгосрочного планирования, приватизация государственной собственности, демонополизация внешней торговли и др.

Давление радикальных рыночных реформ на общество оказалось не менее мощным, чем разрушительное воздействие тотального государственного регулирования. Началось видимое рассогласование общегосударственных, региональных, групповых и индивидуальных интересов. Это естественный базис нового возрождения местных сообществ, стихийного формирования местных политических, хозяйственных и культурных элит. Отсюда понятна апелляция населения к политической власти, опирающейся на исторические традиции российской государственности с ее опытом эффективного регулирования интересов государства и регионов.

Региональная политика Центра в отношении восточных районов, и особенно Урала, традиционно имела существенную специфику — регионы «конструировались», целенаправленно формировались для решения общегосударственных задач. Функция «опорного» Уральского региона в период социалистического строительства, накануне и в годы Великой Отечественной войны определила военную специализацию промышленности и гипертрофированное развитие базовых отраслей — добывающей, металлургии, тяжелого машиностроения, химии. Играв роль базисного региона в региональной стратегии СССР в 1930-е гг. (создание Урало-Кузнецкого комбината), в 1940-е (производство военной техники), в 1950–1970-е (создание ракетно-атомного щита), Урал в 1990-е гг. оказался в ситуации глубочайшего кризиса. Созданные в предшествующие периоды пропорции экономической системы

не позволяли легко адаптироваться к рыночным отношениям и новым реалиям в региональной политике государства.

Очевидно, что решение проблем региона возможно только при оптимальном сочетании и согласовании общегосударственных и региональных интересов, а значит, при наличии эффективной федеральной политики. Внутренних региональных источников финансирования масштабных проектов, структурной перестройки, реконструкции и модернизации производства не было. Такие программы требовали огромных средств того, необходимы были специальные исследования, методические разработки, оценочно-прогнозная и перспективно-проектная работа в целях научного обоснования данной уникальной программы, по сути реабилитационной для Урала. И в первую очередь необходимо выявить исторические корни современных проблем организации системы регионального программирования и управления.

В исторической литературе проблема регионального планирования и управления до недавнего времени носила подчиненный характер, поэтому в ней не сформировалось отдельное исследовательское направление. Но она неизбежно затрагивалась при изучении наиболее значимых процессов социалистического эксперимента, истории партийного, советского и хозяйственного строительства.

Этапы истории регионального управления изучены неравномерно.

Существует громадный пласт региональных исследований, в которых затрагиваются аспекты хозяйственного и политического управления регионом. Они подверглись детальному историографическому анализу в обобщающих трудах. В исследованиях, посвященных истории Урала, представлены проблемы формирования и эволюции региональной структуры управления, раскрываются причины и характер возникновения противоречий по линии «центр — регионы».

В работах уральских исследователей, посвященных историографии становления и развития Урала как единого промышленно-экономического района (В.В. Алексеев, А.В. Бакунин, Б.В. Личман, В.Э. Лебедев и др.), подведены итоги изучения изменений административно-территориального устройства, организации хозяйственного механизма управления регионом. В историографии отдельных периодов истории Урала (В.В. Алексеев, А.В. Бакунин, А.Т. Тертышный, В.Д. Камынин, А.В. Трофимов и др.) выявлена специфика региональных политических и хозяйственных процессов в периоды реформирования систем управления в условиях «во-

енного коммунизма», новой экономической политики, индустриализации, изменений 1950–1960-х гг.

В последнее десятилетие на Урале сложилось направление изучения исторической регионалистики. Основные исследовательские результаты можно свести к следующему: 1. Выявлены исторические корни, т. е. условия (причины) возникновения проблем, которые приходится решать или с которыми предстоит столкнуться в обозримой перспективе. 2. Определены тенденции, имеющие относительно устойчивый характер на протяжении длительного времени и придающие региональному развитию соответствующую направленность. 3. Оценена эффективность использовавшихся в прошлом моделей регулирования региональных процессов, из исторического опыта извлечены значимые для современной социальной практики уроки. Появились историографические статьи об экономическом развитии Урала.¹

В русле исследования исторического опыта регионального планирования и управления особенного внимания требует изучение различных моделей освоения ресурсных регионов в историческом прошлом. Для этого важно уточнить основные понятия и методологические принципы анализа ведущих процессов в региональном развитии и определить основополагающие и системообразующие положения региональной политики государства на разных этапах развития страны; проанализировать этапы, содержание и результативность советской региональной политики; установить границы самостоятельности региона в решении региональных социально-экономических проблем и показать необходимость упорядочения

¹ Корнилов Г. Е. История российских регионов периода Великой Отечественной войны: особенности современной историографической ситуации // Великая отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов. Казань, 2015. С. 69–82; Корнилов Г. Е. Урало-Кузбасс в советской экономической стратегии: историография проблемы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4(42). С. 287–303; Корнилов Г. Е. Урал в Великой Отечественной войне: историографическая ситуация // Урал. ист. вестн. 2013. № 4(41). С. 50–62; Мельникова Н. В., Джозефсон П. Р. Американские и российские исследования атомного проекта СССР: сравнительный анализ // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37, № 1. С. 85–109; Бедель А. Э., Мельникова Н. В. Атомный проект СССР: современная отечественная историография и источники // Экономическая история: ежегод. 2016. Т. 14–15. С. 492–513; Урал в контексте российской и мировой истории XX века. Историографическая концептуализация. Екатеринбург, 2017; Запарий В. В., Камынин В. Д. Изучение экономической истории на Урале // Экономическая история. 2016. № 3(34). С. 30–36; Запарий В. В., Камынин В. Д., Гуансян Ч. Экономика Урала XX столетия глазами историков // Экономика региона. 2015. № 2(42). С. 85–92; и др.

государственного регулирования территориального развития; выявить взаимозависимости концептуальных (региональные программы, согласование целей и интересов развития) и институциональных (административно-территориальное деление, модели управления) составляющих региональной политики. Поскольку изучение исторических аспектов этой важной научной и практической проблемы только начинается, авторы данного труда считают необходимым сосредоточить внимание на изучении исторического опыта регионального управления. Обобщить накопленный в прошлом опыт помогут имеющиеся теоретические подходы и документальная база.

Региональные особенности управления в унитарном государстве ярко не выражены. Поэтому исследование ориентировано на единую общегосударственную систему управления региональным развитием.

В советскую эпоху было реализовано несколько вариантов организации регионального управления.

Первая волна реформ прошла в 1920–1930-х гг., когда государство было вынуждено усилить свою роль в экономике и взять на себя выполнение многих социальных функций. Это потребовало создания профессиональной государственной службы и укрепления всех государственных структур.

Вторая и третья волны хозяйственных преобразований приходятся на послевоенный период и обусловлены «перегревом» государства от огромного числа возложенных на него задач и функций, дополняемых все новыми проблемами, решить которые оно оказалось не в состоянии. Это вело к отчуждению власти от гражданского общества и усилению недоверия различных социальных слоев.

Можно выделить два типа экономических реформ, реализованных в советское время. Во-первых, это реформы, проводимые одновременно с изменением политической системы, когда они являются следствием смены общественного строя, что требует создания новой системы государственного управления, адекватной экономическим и социальным отношениям. Реформы такого типа включают разработку законодательства, реорганизацию госаппарата, формирование государственной службы, развитие местного самоуправления и т. д. Во-вторых, это реформы, осуществляемые в рамках стабильной политической системы, которые направлены на модернизацию всей административной системы или ее отдельных частей, что не связано с фундаментальными изменениями в государственном устройстве. Такие реформы ограничиваются от-

дельными мероприятиями по совершенствованию работы госаппарата.

Советский опыт организации процессов освоения ресурсных регионов, рассмотренный в работе, свидетельствует о том, что традиционные методы управления территориями не обеспечивали их выживания, сохранения и возрождения специфики социально-экономической и социокультурной среды местных сообществ. Поэтому перед местной властью встает проблема поиска новых способов решения местных проблем, прежде всего главной из них — обеспечения жизнедеятельности населения.

Естественный выход из сложившейся ситуации — саморазвитие территории. При условии дальнейшей корректировки экономической реформы, в первую очередь переноса ее центра непосредственно на места, а также передачи прав по использованию собственной ресурсной базы органам местного самоуправления, процессы саморазвития территорий могут пойти быстро и эффективно. Реализация идей саморазвития территорий возможна прежде всего на основе становления самоуправления как института народовластия, формирования и развития нового политического самосознания людей, пробуждения стремления к экономической и политической самоорганизации, не говоря уж о совершенствовании самой законодательной базы осуществления реформ на местах.

Становление нового федерализма и местного самоуправления, происходившее в России одновременно с переходом к рыночной экономике, усиливало взаимозависимость хозяйствующих субъектов и региональной власти. Кардинальные изменения в принципах формирования, структуре и функциях территориальных органов власти, с одной стороны, и не менее глубокие преобразования в экономической природе, традиционном юридическом статусе и структуре хозяйствующих субъектов, с другой стороны, переводят проблему территориально-хозяйственных отношений в новое качество. Исключительное разнообразие территориально опосредованных управленческих решений и коренные изменения в структуре субъекта (органы власти) и объекта (хозяйственная деятельность) предопределяют новое, современное содержание регулятивных функций территориального управления, которое должно вытекать из необходимости согласованного обеспечения интересов регионов и хозяйствующих в них субъектов. В то же время необходимо учитывать стихийность формирования властно-управленческих структур. Она привела к тому, что сложилась беспрецедентная совокупность региональных уровней и органов

с пока еще крайне нечетким разделением между ними компетенций, полномочий и ответственности. В единстве со столь же неупорядоченным процессом возникновения на базе различных форм частной собственности независимых производителей товаров и услуг это превратило сферу территориально-хозяйственных отношений в обширную зону острых противоречий и конфликтов. Представляется также весьма полезной организация нормотворческой деятельности, в ходе которой были бы, во-первых, систематизированы все положения действующих нормативных актов по вопросам взаимоотношений хозяйствующих субъектов с региональными властями; во-вторых, исключены противоречия и уже устаревшие нормы в этих законах; в-третьих, создан единый закон прямого действия по всем аспектам взаимоотношения властей и хозяйствующих субъектов.

Разделы монографии написаны следующими авторами:

Введение — Г. Е. Корнилов, В. П. Тимошенко; раздел I, раздел III: глава 1, 2, раздел IV: глава 1, 3 — В. П. Тимошенко; раздел II: глава 1, заключение — К. И. Зубков, Г. Е. Корнилов; раздел II: глава 2–5 — А. Э. Бедель; раздел II: глава 6 — А. И. Тимошенко; раздел II: глава 7 — Н. Н. Мельников; раздел III: глава 3 — Е. Т. Артемов; раздел III: глава 4 — М. В. Михеев; раздел IV: глава 2 — В. П. Карпов.

Раздел I. Экономические стратегии и реалии послереволюционной эпохи

К моменту победы революции в России никто из ее признанных теоретиков или наиболее авторитетных практиков не имел (да и не мог иметь) более или менее законченного представления об основных контурах будущей экономической системы социализма. Революция, таким образом, застала большевиков невооруженными с точки зрения продуманной, законченной экономической теории социализма. Так или иначе, последовавший за революцией период ожесточенной борьбы на время снял с повестки дня вопрос о естественных формах социалистической организации хозяйственной жизни, заставив прибегнуть к предельной централизации власти, к чисто административной, внеэкономической мобилизации всех ресурсов на нужды обороны.

Контроль над ресурсами должен был воспрепятствовать их движению под действием экономических регуляторов, поскольку иначе государство не могло реализовать свои амбициозные цели. Поэтому любые попытки встроить в план механизмы, увязывающие цели и ресурсы с учетом реальной действительности и объективным балансом интересов субъектов народнохозяйственной деятельности, отвергались как несостоятельные. Показательна в этом плане дискуссия о генетическом и телеологическом начале в планировании. Выразители взглядов, шедших вразрез с линией ВКП(б) на всемерное расширение сферы охвата планом народного хозяйства, нещадно критиковались за то, что переход общества из одного состояния в другое рассматривали не как акт сознательного, планомерного утверждения социалистической системы производительных сил и производственных отношений, а лишь как структурную эволюцию народного хозяйства.

Уже в декабре 1917 г. был сформирован и начал действовать Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) — первый государственный орган общехозяйственного регулирования, дополненный вскоре (по мере неуклонного усиления планового начала) системой местных (губернских) советов народного хозяйства.

Аппарат ВСНХ представлял собой логическое продолжение развития процесса управления русской промышленностью. И объясняется это не историческими совпадениями, а практически полной идентичностью парадигм управления народным хозяйством старой и новой власти, базировавшихся на принципах мобилизационного типа развития.

1.1. Изучение производительных сил российской периферии

С конца XIX в. политика освоения периферийных регионов страны была концептуализирована в рамках процесса, называемого ныне «капиталистической (или индустриальной) модернизацией», идеологом которой выступал известный политический деятель С. Ю. Витте. Экономическая политика на рубеже веков строилась на представлениях о необходимости сокращения избыточного импорта, расширении привлечения в страну иностранного капитала и усилении опоры на собственные топливно-энергетические ресурсы. В рамках данной стратегии предусматривалось постепенное перемещение центра тяжести индустриального развития на восток. Соответственно Урал обретал роль растущего экономического центра Российской империи и плацдарма для дальнейшего продвижения в Сибирь.¹ Целью такого рода смещения акцентов представлялось ускорение экономического роста в интересах сохранения Россией статуса великой державы.

Реализация этой стратегии предполагала решение сложного спектра масштабных экономических и социально-демографических задач в восточной макроне России. Во-первых, предусматривалось формирование на востоке страны предприятий топливно-энергетического и металлургического комплекса, в концепциях которого отчетливо проявлялись контуры реализованного уже в 1930-е гг. Урало-Кузнецкого проекта. Во-вторых, основой переноса центра тяжести экономического роста на восток должно было стать

¹ См.: Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002. С. 36.

развитие в азиатской части России транспортной системы, прежде всего железнодорожного транспорта, — неперемного условия индустриального прогресса. В контексте достижения этой цели осуществлен проект строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. В-третьих, представлялось необходимым обеспечить решение демографической проблемы — слабая заселенность восточной части страны не только препятствовала экономическому росту, но и являлась угрозой безопасности России. Эта проблема во многом решалась в ходе осуществления столыпинской аграрной реформы и массового переселения экономически активного населения на восток. Уже другой знаковый персонаж российской научной элиты Д. И. Менделеев резюмировал, что перспективы России связаны с продвижением «населенности» на восточные территории и развитием производительных сил в данном регионе. При этом, по его мнению, адекватная социально-экономическая политика должна была лишь ускорить объективную «историческую необходимость».

В начале XX в. все эти соображения оказались многократно усилены фактором внешней угрозы. Вначале это были ухудшающиеся отношения с Японией. Проигранная Россией Русско-японская война кристаллизовала понимание необходимости ускоренного экономического развития восточных регионов страны. Серьезные уроки были преподнесены и некоторыми из уже реализованных по «экономному» варианту проектами, такими как введенная в строй действующих Транссибирская магистраль, оказавшаяся не в состоянии решить поставленные перед ней задачи. В дальнейшем смещения центра тяжести индустриального роста на восток потребовала угроза начала Первой мировой войны.

Однако и в начале XX столетия, как и 300 лет назад, продвижение России на периферийные восточные и северо-восточные территории напоминало «путешествие по неизведанной земле». При этом ключевым мотивирующим императивом всегда было стремление включить ресурсы новых регионов в систему факторов экономического роста государства. Это и определяло базовые методологические установки российских геополитических и экономических стратегий. Главная из них заключалась в том, что отношения Центра и периферийных регионов (представленных, главным образом, Азиатской Россией) в историческом прошлом выражались в виде дихотомии «метрополия — колония». Периферийные территории на севере и востоке представляли интерес, главным образом, с точки зрения их ресурсного потенциала, освоение которого должно было осуществляться селективно, в зависимости от военно-

стратегического императива или экономической целесообразности развития страны в целом, а еще чаще ее европейской части. На протяжении веков в отношении востока России *de facto* сохранялся полукOLONиальный подход, ориентированный на использование региона преимущественно в качестве основы для экономического развития «метрополии». В этом смысле символом колониальной стратегии России на востоке страны как раз и стала знаменитая формула М. В. Ломоносова, которой вплоть до самого последнего времени так гордились в регионе.

Методология геополитических и экономических стратегий определяла и базовые принципы научного изучения периферийных территорий России. С конца XIX в. в них доминировал явно выраженный прагматический подход. В качестве институциональной основы для организации исследований на востоке страны основные надежды были связаны с возможностями Российской академии наук (РАН), хотя активную роль в поддержке научных исследований в периферийных регионах играли и другие организации — прежде всего Российское географическое общество (РГО) и Генеральный штаб. И все же в начале XX столетия РАН представляла собой ведущую научную силу в государстве. К 1917 г. Академия наук состояла из трех отделений — Физико-математических наук, Исторических наук и филологии и Русского языка и словесности. В состав Академии входил один институт, 19 лабораторий, станций и музеев, 21 комиссия, библиотека и архив. В Академии наук работало 44 академика. Общая численность научных и технических сотрудников составляла 220 человек.¹ Однако почти все академические учреждения и научные работники были сосредоточены в столице Российского государства — Санкт-Петербурге.

Традиционно Академия наук тяготела к проведению фундаментальных исследований в рамках «классических» дисциплин и направлений научного анализа. Вместе с тем, уже в это время в академических учреждениях наметилось противоборство между сторонниками и противниками утилитарного подхода к научным исследованиям, что имело опосредованное отношение и к организации работ по изучению производительных сил периферийных регионов России. Большая часть Академии была ориентирована на сохранение этого учреждения в качестве своего рода *Ivory Tower* — «башни из слоновой кости». В то же время часть социально ангажированных ученых зани-

¹ См.: Кольцов А. В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР (1917–1961 гг.). Л., 1988. С. 16, 17.

мала принципиально иную позицию, направленную на значительное расширение академического участия в социально-экономической жизни страны и повышение роли науки как фактора развития производительных сил общества. Военно-политические провалы России в первые полтора десятилетия XX в., которые показали технологическое отставание России от ее ближайших конкурентов, усиливали позиции этой группы ученых и организаторов науки.

Идеологом данной части исследователей стал один из крупнейших российских ученых академик В. И. Вернадский. В число его ближайших сторонников входили академики П. Н. Лебедев, И. П. Павлов, Н. С. Курнаков, В. В. Докучаев и некоторые другие. Ими было выдвинуто несколько проектов реформирования российской науки, направленных на усиление экономической значимости науки в обществе и ее места в государственной политике. В центре внимания оказалось два сюжета: о повышении роли Академии наук в изучении производительных сил страны, и о развитии сети научных учреждений на территории России. На практике они оказывались теснейшим образом связанными между собой.

Одной из первых крупных инициатив такого рода стал проект организации Ломоносовского института Академии наук. Институт должен был стать комплексным научным учреждением, состоящим из трех отделов — химического, физического и минералогического. Формирование института должно было существенно усилить естественнонаучные акценты в работе Академии. В силу финансовых и организационных причин эти планы не были реализованы, однако они стали основой для выдвижения новых концептуальных предложений, получивших практическое осуществление в предреволюционные годы. Крупнейшим из них, определившим логику работ Академии наук по исследованию состояния и развития производительных сил страны на долгие годы вперед, стало создание Постоянной комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС).

КЕПС была сформирована в январе 1915 г. по инициативе академиков В. И. Вернадского, А. П. Карпинского и Н. С. Курнакова. Кроме этих трех ученых в состав Комиссии вошли академики Б. Б. Голицын, М. А. Рыкачев, В. В. Зеленский, И. П. Бородин, Н. В. Насонов, И. П. Павлов, П. И. Вальден, Н. И. Андросов, В. И. Палладии, В. А. Обручев, А. Е. Ферсман и др. Председателем КЕПС стал В. И. Вернадский. Всего в работе Комиссии принимало участие свыше 100 человек, т. е. почти половина всех научных сотрудников Академии наук. Акад. В. И. Вернадский отмечал: «Главным поводом к ее (КЕПС)

учреждению явилось убеждение Академии наук, что самое широкое и самое энергичное использование естественных производительных сил Российской империи, связанное с подъемом труда и творчества нашего народа в этом направлении, есть насущная задача нашего времени».¹

В дальнейшем В. И. Вернадский, крупнейший организатор и методолог науки, приложил немало усилий, направленных не только на становление нового научного учреждения, но и на концептуальное осмысление его деятельности. Именно проблема производительных сил стала одной из основ теоретических построений В. И. Вернадского. По его мнению, к естественным производительным силам можно было отнести «1) силы природы... территории, которая находится в распоряжении страны и 2) силы народа, который эту территорию занимает». В это понятие входит богатство недр страны, ее почв, продукты ее животного и растительного мира, источники энергии.² Думается, что с такой классификацией, делая поправку на специфику категориального аппарата и языка столетней давности, трудно не согласиться и в настоящее время. Важно подчеркнуть, что концепция В. И. Вернадского в отношении исследования производительных сил выходила за рамки сугубо утилитарного подхода, направленного на выявление ресурсного потенциала периферийных территорий страны.

С первых дней своего существования КЕПС приступила к исследованию ресурсного потенциала России. Первыми работами КЕПС стали очерки, включающие характеристику запасов ряда перспективных для промышленной разработки полезных ископаемых — вольфрама, бокситов, олова, глины и т. д. Для издания трудов Комиссии было сформировано два редакционных комитета.

Следует отметить, что в концептуальных построениях В. И. Вернадского особая роль отводилась этнокультурным и социально-демографическим аспектам развития производительных сил. Он хорошо понимал, что оптимальное использование «естественных богатств территорий» и их эффективное включение в экономический оборот невозможно без изучения социокультурного потенциала соответствующих регионов, того, что им именовалось «силами народа». В начале 1917 г. была опубликована статья В. И. Вернадского «Задачи науки в связи с государственной политикой в России».

¹ Ермолаева Ю. Н. Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг. Развитие науки в Якутии. Новосибирск, 2001. С. 16.

² См.: Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 337.

В ней автор подчеркивал: «Мы должны решительно стремиться к государственной организации взаимного ознакомления составляющих Россию народностей, к государственной организации их изучения, к государственному содействию их стремлениям в этом направлении... Усиление научной работы, связанной с местной или национальной жизнью, позволяет использовать духовные силы народы так сильно, как никогда не удается их организовать в унитарной централистической организации. Местный центр использует и вызывает к жизни духовные силы, иначе недоступные к возбуждению. Этим путем достигается максимальная интенсификация научной работы. А она неизбежно связана с усилением изучения, а, следовательно, и использованием естественных производительных сил данной местности, а, следовательно, и всего государственного целого».¹

Эта идея также пробила себе путь при формировании перспективной академической стратегии. В феврале 1917 г. в составе Академии наук была создана Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС). Сразу же после своего создания КИПС стала одним из наиболее влиятельных учреждений в структуре Академии наук. В состав Комиссии вошли академики В. В. Бартольд, В. И. Вернадский, М. А. Дьяконов, Е. Ф. Карский, Н. Я. Марр, В. Н. Петрец, А. А. Шахматов, Л. С. Берг, Б. Я. Владимирцов, Д. А. Золотарев, И. А. Орбели, С. И. Руденко, А. Д. Руднев, В. И. Семенов-Тянь-Шанский, Г. Н. Чубинов, Л. Я. Штенберг, Л. В. Щерба и др. Возглавил КИПС непрременный секретарь Академии наук акад. С. Ф. Ольденбург.²

КЕПС и, в меньшей мере, КИПС, стали полигонами для отработки новых подходов к организации научных исследований в стране. В центре внимания КЕПС находились проблемы создания научно-исследовательских институтов как наиболее перспективной формы институционализации научной деятельности, а также формирования их государственной сети. Еще в 1916 г. на общем собрании КЕПС ее руководитель акад. В. И. Вернадский озвучил свои представления на этот счет. Он подчеркнул, что проблема организации научной деятельности «до сих ставилась перед нами в трех формах: 1) в создании съездов для обсуждения вопросов, связанных с изучением и использованием естественных производительных сил России; 2) в объединении для планомерного изучения рассеянных по нашей стране научных работников и отдельных центров научной

¹ Цит. по: Ермолаева Ю. Н. Указ. соч. С. 17, 18.

² См.: Кольцов А. В. Указ. соч. С. 22, 23.

работы, в создании их взаимной помощи, поддержки, осведомления; 3) в расширении старых и создании новых исследовательских учреждений для изучения и использования естественных производительных сил». Из этого следовал обоснованный вывод о том, что «...необходимо широкое развитие в стране специальных исследовательских институтов прикладного, теоретического или смешанного характера».¹

Таким образом, ко времени революции 1917 г. в Академии наук сформировалось мощное «лобби», ориентированное на повышение роли и места академических учреждений в экономической жизни государства за счет усиления прикладной компоненты в деятельности Академии и трансформации ее в координирующий и организующий центр работ по изучению производительных сил России. Первые практические шаги в этом направлении, связанные с созданием КЕПС и разворачиванием ее деятельности, оказались успешными. Тем самым академическая стратегия была скорректирована, а экономическая значимость академических изысканий как фактора развития производительных сил общества существенно возросла. Доминировавший в это время в Академии наук подход к изучению производительных сил базировался на принципе комплексности, включая как естественные, природные, так и социально-экономические и даже социокультурные аспекты, не ограничивался рамками лишь их ресурсной компоненты.

События 1917 г. привели к радикальному изменению сложившихся в России устоев экономической, политической и общественной жизни. Как известно, большая часть академического сообщества встретила известие о коммунистической революции в стране негативно. Вместе с тем, у научного сообщества имелись определенные основания для тактического альянса с большевиками. Как уже отмечалось, на рубеже XIX–XX столетий Россия столкнулась с целым рядом мощных ограничительных факторов, препятствовавших развитию научно-технического прогресса. Ситуация была парадоксальной. Уровень научно-технической мысли в стране, воплощенный в системе фундаментальных исследований, к концу XIX в. был весьма высок. Но реальная востребованность научно-технического потенциала, которым располагали государство и частный бизнес, оставалась весьма ограниченной. Формировалось ощущение, что российская экономика не испытывает необходимости в собственной науке и новых технологиях.

¹ Цит. по: Ермолаева Ю. Н. Указ. соч. С. 17.

Второе следствие данной ситуации заключалось в том, что в России возникло острое противоречие между потребностями развития науки как относительно самостоятельной социальной системы и формами ее организации, механизмами управления. Даже в теоретических областях, где в ряде дисциплин (химия, математика, физиология и т. д.) российская наука имела мировой приоритет, ее прогресс сдерживался устаревшими формами научной деятельности. Консервативная система организации научной работы не только снижала эффективность использования имевшегося в стране научного потенциала, но и формировала весьма напряженные отношения между представителями научного сообщества и политической властью.

Подобная система весьма «недружественных» отношений между наукой и экономикой, с одной стороны, наукой и властью, с другой, имела для страны стратегические последствия. Несовершенство технико-технологической базы российской индустрии отчетливо проявилось в годы Первой мировой войны, предопределив угрозу военного поражения и став, в конечном итоге, одним из факторов смены политических режимов. Тенденции экономического развития в передовых странах мира после окончания войны и ее уроки говорили о необходимости резкого повышения роли науки как важнейшего инструмента модернизации России. Осмысление именно этой ситуации лежало в основе инициатив акад. В. И. Вернадского, его сторонников и коллег. Они буквально «навязывали» власти свои предложения, но отношение к реформированию системы научной организации со стороны политического истеблишмента оставалось весьма настороженным. Академия наук пыталась решать эти вопросы в пределах своей компетенции. Наиболее ярким свидетельством этого являлось формирование и разворачивание деятельности КЕПС. Однако ее возможности без поддержки властей оставались ограниченными. В такой ситуации, при всем настороженном отношении интеллектуальной элиты к большевистской власти, в первое время определенная часть научного сообщества связывала с новым режимом и определенные надежды на практическую реализацию ранее сформировавшихся замыслов.

Проблема, однако, заключалась в том, что в постреволюционной России наука становилась не только инструментом развития, но и одной из ключевых идеологием коммунистической доктрины. Многие идеологи большевизма и, прежде всего сам В. И. Ленин, неоднократно подчеркивали, что наука как производительная сила сможет реализовать свой потенциал лишь в социалистическом

обществе. Лидерам государства трудно было не заметить ставшую очевидной направленность объективных тенденций экономического прогресса в мире и роль его ведущих факторов — техники и технологий, базирующихся на современной науке. Возникло ощущение, что хаос, привнесенный в Россию мировой войной и революциями, лишь временно прервал те тенденции экономических и технологических трансформаций, которые начали пробивать себе дорогу еще в конце предыдущего столетия и были ориентированы на модернизацию страны. Война на время остановила процессы быстрого индустриального роста и показала необходимость глубокого технологического обновления в России. Объективная потребность в этом и перспективы такого развития сохранялись, несмотря на смену политического режима. Будущее страны во многом зависело от технологических перемен в экономике, а проблема заключалась в формировании практической политики, способствующей таким переменам.

Подобные представления об объективных процессах идеологами большевистского режима были концептуализированы в рамках марксистской доктрины «управляемого общества». Отличительной особенностью такой концептуализации стало то, что в коммунистических представлениях о науке и ее роли в социальном развитии место технологических императивов и факторов, определяющих внутреннюю логику развития науки, заняли макросоциальные и идеологические детерминанты. Причем это затрагивало не только систему теоретических представлений большевиков о взаимоотношении науки и общества, но и практическую политику в отношении науки. Был сделан вывод, что наука и технология должны рассматриваться как важнейшие факторы формирования стратегии социального развития. Однако, как утверждалось, в социалистическом обществе эти факторы больше не являются спонтанными, действующими стихийно. В соответствии с таким подходом государство получало право вмешиваться в развитие науки и технологии и «корректировать» его в зависимости от своих политических целей и на основе собственных представлений. Это грозило науке большой опасностью, поскольку делало ее заложницей социально-экономического, политического и идеологического волюнтаризма.

В то же время большевистские лидеры хорошо понимали, что экономический рост невозможен без прогресса технологий и, соответственно, без развития науки. Объективно все это ставило науку в положение одного из наиболее важных государственных приоритетов, что создавало потенциально более благоприятные возмож-

ности для ее развития в стране, чем прежде. Казалось, что при советской власти впервые в российской истории наука получила шанс сыграть ту социальную роль, которую она заслуживала. Однако уже в первые месяцы пребывания у власти большевиков стало ясно, что опасения по поводу возможности волюнтаристского отношения к науке со стороны лидеров нового режима не были напрасными. Сразу же выявились два важнейших фактора, которые стали доминирующими в отношении новой власти к науке. Во-первых, реальные перспективы развития науки были все же ограниченными. Можно было надеяться на поддержку только тех областей знания, которые интерпретировались государством как необходимые или потенциально важные для решения задач модернизации. Именно этот принцип стал рассматриваться как первостепенный при формировании научной политики в стране. Закономерности развития науки как системы знаний, ее внутренняя логика не являлись весомыми аргументами при программировании советской научной политики в таких аспектах, как организация исследований, финансирование научных изысканий, подготовка специалистов и т. п. Наука не считалась универсальной ценностью. Доминирующим стал лозунг «Наука на службу пролетариату!», а научная теория (по крайней мере в общественных науках) стала «служанкой идеологии». Именно идеологические, политические и экономические императивы выдвинулись на роль критериев определения «необходимости» или «полезности» отдельных областей знания, а роль судей взяли на себя те, кто «по определению» не являлся экспертами в этой области, — идеологические и политические руководители, но не представители научного сообщества.

Во-вторых, оформился утилитарный, инструментальный подход к науке. Сформировались такие принципы отношения к науке, технике, технологии, когда их «полезность» рассматривалась через призму способности помочь в «расшивке» тех или иных проблемных ситуаций, возникавших в экономике и других сферах жизнедеятельности общества в тот или иной конкретный момент. Весьма часто к ним относились рутинные задачи, обусловленные конъюнктурой. В практическом смысле это означало перенос акцентов в научной политике на прикладные исследования и разработки при недостатке внимания к теоретическим изысканиям. Данный принцип распространялся не только на различные области знания и технологии, но и на субъекты научно-технической деятельности — ученых, преподавателей, инженеров. В результате наука теряла остатки своей автономии — теперь уже не только организационной,

но и содержательной. Такой подход к организации исследований допускал вторжение в саму структуру научного знания. Именно на основе этих концептуальных представлений и сформировался в 1930-е гг. феномен «идеологизированной» науки.¹

Данная система взглядов стала одной из основ разработки модернизационных теорий в СССР в первой половине XX в. в рамках концепции «догоняющей модернизации», осуществляемой в контексте социалистических преобразований.² Как известно, эта концепция воплотилась в практику посредством политики форсированной индустриализации, нацеленной на максимально быстрое достижение Советским Союзом уровня экономического развития передовых стран мира и приведшей в итоге к огромным социальным и политическим издержкам. Что касается науки, то широкие возможности в связи с модернизационной программой открывались, прежде всего, для тех направлений исследований, которые могли привести к быстрым практическим результатам и не затрагивали теоретических основ научных изысканий.

Подобная нюансировка целей развития стимулировала развитие отраслевого сектора науки. В то же время она поставила четкую задачу и перед Академией наук. Будущее Академии наук было обусловлено тем, насколько она окажется способной гармонизировать собственную стратегию с задачами модернизации. Что же касается системных идеологических ограничений, то в первые постреволюционные годы для многих представителей научного сообщества они не представлялись очевидными.

В 1917–1918 гг., несмотря на форс-мажорную ситуацию, деятельность Академии наук продолжалась в рамках прежней, дореволюционной стратегии, насколько это было возможно в условиях разрухи и начавшейся Гражданской войны. Отношения Академии наук и новых властей строились на компромиссной основе и базировались на согласовании взаимных интересов. Ни одна из сторон не питала иллюзий в отношении друг друга и напряженность в отношениях сохранялась. По образному замечанию одного из зарубежных исследователей этой проблемы, «несмотря на *pas de deux* двух партнеров [советской власти и Академии наук] обе группы

¹ См.: Ахундов М. Д., Баженов Л. Б. У истоков идеологизированной науки // Природа. 1989. № 2. С. 90.

² См.: Алексеев В. В. Столетняя революция в России // Северная Евразия: взгляд через тысячелетия. Урало-Сибирские исторические чтения, посвящ. 275-летию РАН. Екатеринбург, 2000. С. 42; Он же. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX в. М., 2000. С. 69.

оставались подозрительными друг к другу и выдерживали вежливую дистанцию».¹ В то же время некоторым руководителям и ведущим ученым Академии импонировала готовность властей поддержать такую форму организации научной деятельности как научно-исследовательские институты, и продолжить исследования по изучению производительных сил страны. В «Положении к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства», направленном Наркомпросом в Президиум Академии наук в январе 1918 г., на Академию возлагалась ответственность за проведение научных изысканий по освоению природных ресурсов для нужд промышленности.²

Соответственно, продолжилась и расширилась работа КЕПС. В составе КЕПС были сформированы отделы по редким металлам и радиоактивным веществам, нерудным ископаемым, отделы животноводства, каменных строительных материалов, почвенный, промышленно-географический. В это же время появляются и научно-исследовательские институты: по изучению платины и других благородных металлов, и физико-химического анализа. Следует подчеркнуть, что в структуре КЕПС был сформирован и особый отдел по исследованию Севера.³

Комиссия продолжала активно разрабатывать проблему научно-организационного строительства в России и оптимизации распределения научного потенциала по территории страны. В мае 1918 г. на обсуждение совета КЕПС ее ученым секретарем акад. А. Е. Ферсманом был вынесен вопрос «Об учреждении провинциальных отделений Комиссии и о создании института корреспондентов ее».

Этот вопрос решился положительно. Было сделано заключение о целесообразности создания института корреспондентов КЕПС в различных регионах страны и формирования системы территориальных отделений Комиссии на местах. А. Е. Ферсману было поручено посетить такие города как Нижний Новгород, Казань, Уфа, Пермь, Екатеринбург, Вологда, Вятка и др. с целью установления тесной связи КЕПС с провинциальными организациями, которые, однако, еще предстояло сформировать.

Гражданская война помешала реализации большинства этих замыслов.⁴ Известно, что удалось открыть два территориальных

¹ Bailes K. E. *Technology and Society under Lenin and Stalin*. Princeton, 1978. P. 49.

² См.: Bailes K. E. *Science and Russian Culture in an Age of Revolutions*. Vernadsky and his Scientific School. Bloomington, 1990.

³ См.: Ермолаева Ю. Н. Указ. соч. С. 21, 22.

⁴ См.: Кольцов А. В. Указ. соч. С. 20, 21.

отделения КЕПС. Наряду с Москвой, лишь в одном случае идея получила свое практическое воплощение в регионах страны. В 1920 г. была образована Комиссия по изучению естественных производительных сил Крыма. Это стало возможным благодаря тому факту, что в Крыму в это время находился акад. В. И. Вернадский, который и возглавлял работу КЕПС Крыма до 1921 г.¹ После установления в Крыму большевистского режима эта Комиссия стала именоваться Крымским отделением КЕПС Академии наук.

В начале 1920-х гг. в определенном смысле КЕПС стала «государством в государстве» в системе Академии наук, обретя высокую степень организационной и финансовой автономии. Принципы работы КЕПС закладывали концептуальные основы для идей формирования территориальных отделений и центров Академии, активным сторонником и поборником которой на протяжении всех 1920-х и 1930-х гг. оставался акад. А. Е. Ферсман, выдвинувший в конце 1920-х гг. предложение об организации системы филиалов и баз Академии наук.

Что касается самого В. И. Вернадского, то он продолжал заниматься разработкой предмета деятельности Комиссии с учетом особенностей ситуации в России и за ее пределами. По его мнению, организация научной работы в стране определялась: «1) необходимостью срочного, глубокого и полного изучения естественных производительных сил страны и прилегающих к ней стран; 2) особенностями мирового положения России, в частности, ее положения в Азии; 3) чрезвычайным разнообразием как естественно-исторического, так и этнического состава русского государства».² Новые методологические построения В. И. Вернадского сделали предмет исследования производительных сил еще более сложным и комплексным. Теперь он включал в себя не только естественно-научный и экономический аспекты, но и включал в себя исторические, этнонациональные, социокультурные, демографические и даже геополитические и стратегические аспекты. Такая постановка задачи по-прежнему сохраняет свою актуальность и звучит вполне современно.

По мере становления и утверждения в стране новой власти, правила игры, определявшие взаимодействие Академии наук и правительства, все более изменялись. Давление на Академию усиливались, а ее деятельность оказывалась детерминированной си-

¹ См.: Bailes K. E. Science and Russian Culture in an Age of Revolutions.

² Цит. по: Ермолаева Ю. Н. Указ. соч. С. 17.

стеймой идеологических, политических и экономических факторов. От Академии требовали идеологической и политической лояльности, не ограничиваясь ранее достигнутым нейтралитетом. Эти события, хорошо описанные в литературе, завершились фактическим сломом сопротивления со стороны руководства Академии в конце 1920-х гг. после принятия нового Устава АН СССР, проведения экстраординарных выборов в Академию и ее реорганизации.

Отражением позиции правительства, утвердившейся в это время в отношении Академии наук, стало заявление управляющего делами СНК СССР Н. П. Горбунова. В феврале 1929 г. он подчеркнул, что для Академии наук есть два пути дальнейшего развития. «Первый путь — ведущая роль всей научной работы в стране, превращение в крупную ассоциацию главнейших научных учреждений, в которых должна производиться основная научная, теоретическая и прикладная работа, являющаяся базой для дальнейшего социалистического строительства. Реформированная Академия наук должна превратиться из Академии полуфеодалной — отживающего типа — старой Академии в Академию советскую, которая от старой Академии преемственно должна взять все ее огромные научные богатства, но не коем случае не старые традиции, приобретенные без благосклонного участия царского правительства.

Второй путь — сохранение старого отживающего типа Академии, постепенное самоумирание, изоляция от советской общест-венности.

Выбор этих путей в значительной мере зависел от самих академиком...». В случае выбора второго варианта развития событий, по Н. П. Горбунову «государство должно будет позаботиться об использовании другими советскими научными учреждениями того огромного научного богатства, которое накоплено Академией и которое совсем не является собственностью Академии, а должно считаться достоянием всей страны».¹

Как показали последующие годы, это были не просто слова. Особо выбора у Академии не имелось, и события развивались по первому варианту, окончательно завершившись к концу 1933 г. переподчинением Академии наук СНК СССР.

Однако уже в относительно либеральные 1920-е гг. научная деятельность Академии была поставлена в жесткие рамки прагматической целесообразности. Экономические потребности определяли

¹ Цит. по: Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки. Основные направления государственного руководства наукой. М., 1971. С. 190, 191.

как направления, так и формы работы Академии наук. В таких условиях одной из наиболее эффективных форм организации научных исследований по изучению производительных сил и природных ресурсов в периферийных районах страны продолжала оставаться работа в рамках академических комиссий и комитетов. Продолжалась деятельность КЕПС. После окончания Гражданской войны развернулась работа Комиссии по изучению племенного состава. Еще в 1919 г. в ее рамках были сформированы четыре отдела — Европейский, Сибирский, Кавказский и Среднеазиатский. Основным результатом исследований КИПС в 1920-е гг. стал сбор картографического материала и данных для проведения переписи населения, а также составление карт.

Важнейшей формой проведения работ в периферийных районах страны, направленных на изучение производительных сил, в 1920–1930-е гг. оставались экспедиционные исследования. По имеющимся данным, только в 1924 г. Академия наук организовала 46 экспедиций.¹ С начала 1920-х гг. восточное и северо-восточное направление становилось одним из основных для проведения экспедиционных работ. В 1921 г. Академией наук проводились геологические изыскания на Новой Земле. С 1922 г. стали разворачиваться работы Западно-Сибирской экспедиции Академии наук и Российского географического общества. В том же году была организована Монголо-Урянхайская экспедиция. В 1923–1925 гг. масштабные экспедиционные работы развернулись на Урале. С 1925 г. начинает работу Якутская экспедиция Академии наук. Для руководства работами на территории Якутии была организована Комиссия по исследованию Якутской АССР. Ее деятельностью руководили академики С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, В. А. Комаров. Большая часть экспедиционных исследований, начатых в это время, имела долговременный характер, продолжаясь на протяжении многих лет.² В ряде случаев такие исследования, в несколько видоизмененной форме, сохранялись вплоть до конца 1950-х — начала 1960-х гг., как это было, например, в случае с Монгольской комплексной экспедицией.

Формировалась и организационно-управленческая инфраструктура для руководства экспедиционными исследованиями по изучению производительных сил страны. Еще в октябре 1921 г. была образована Комиссия по научным экспедициям, которую возглавил

¹ См.: Кольцов А. В. Указ. соч. С. 26.

² См.: Там же. С. 24–26.

акад. С. Ф. Ольденбург. В 1926 г. возник Особый комитет по изучению союзных и автономных республик (ОКИСАР). Ее председателем был назначен акад. А. Ф. Ферсман. К числу основных задач этого Комитета было отнесено систематическое исследование естественных производительных сил и населений национальных республик СССР и согласование всех экспедиционных работ Академии наук. В состав ОКИСАР входила и так называемая Северная комиссия, работавшая под председательством Д. А. Золотарева. В 1928 г. Комитет был преобразован в Комиссию экспедиционных исследований (КЭИ).

В 1930 г. КЕПС и КЭИ были объединены в единую структуру, получившую название Совет по изучению естественных производительных сил, вскоре переименованный в Совет по изучению производительных сил (СОПС). Задачей СОПС стало общее руководство научно-исследовательской деятельностью учреждений АН СССР в той части, которая имела целью изучение производительных сил страны. Как ранее КЕПС, СОПС стал одним из крупнейших академических учреждений. В его составе был образован ряд секций, работу каждой из которых курировал ученый совет. В частности, в составе СОПС работали Уральская и Западно-Сибирская, а также Восточно-Сибирская и Дальневосточная секции. Работой СОПС руководили академики И. М. Губкин и В. Л. Комаров.

Деятельность СОПС определялась потребностями социально-экономического развития страны. Экспедиции, курируемые Советом, действовали на тех территориях, где предполагалось активное промышленное строительство. Для согласования работ АН СССР с интересами местных властей был введен институт уполномоченных СОПС, которые направлялись Советом в соответствующие регионы страны. В рамках СОПС продолжились экспедиционные работы в таких периферийных районах как Бурят-Монголия, Якутия, Ойротия (Горный Алтай). Только в 1930–1938 гг. СОПС было направлено в различные регионы страны более 150 экспедиций.¹ В 1934 г. акад. В. П. Волгин заключил: «Нет почти ни одного уголка Советской страны, где бы не было экспедиций академии, где бы их работа не принесла нам новых знаний о наших сырьевых и топливных ресурсах».² При этом, по имеющимся данным, в начале 1930-х гг. финансирование экспедиций на востоке России составляло не менее 2/3 всех затрат АН СССР на экспедиционную деятельность.³

¹ См.: Там же. С. 75.

² Там же. С. 74.

³ См.: Дедюшина Н. А. Академия наук и проблемы Урало-Кузбасса // Академия наук и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 192.

В 1933 г. успешная реализация программы экспедиционных работ была отнесена к числу основных достижений Академии наук. ЦИК СССР особо отметил «крупнейшие достижения Академии наук в научно-исследовательской работе по вопросам прикладного характера, непосредственно обогатившие практику народного хозяйства», а также «важнейшие экспедиционные работы АН СССР, ее работы по геологическим разведкам, изысканиям по рудным и нерудным ископаемым, по углю и нефти. В результате этих работ изменилась карта естественных богатств Союза и открылись новые возможности для промышленного строительства».¹

Постепенно, по мере развития научных изысканий в периферийных регионах страны, возникала мысль о целесообразности разработки механизмов постоянного присутствия Академии на территориях перспективного хозяйственного освоения.

Несмотря на поощрение экспедиционных работ прикладной ориентации со стороны правительства, сил Академии наук на постоянное увеличение количества экспедиций и расширение территориального охвата экспедиционных работ уже не хватало. В такой ситуации в середине 1930-х гг. академическое руководство переместило акценты на укрупнение экспедиций и сокращение их количества. При организации экспедиций был «принят на вооружение» селективный метод, в соответствии с которым они направлялись лишь в наиболее важные в контексте экономической стратегии регионы. С другой стороны, все большее число экспедиций стало носить многоаспектный, комплексный характер.

Наряду с этим уже в конце 1920-х гг. был поднят вопрос о целесообразности организации в приоритетных с точки зрения перспектив экономического развития страны районах стационарных академических структур. Возникновение этой проблемы на рубеже 1920–1930-х гг. было неслучайным. С началом первых пятилеток в СССР особое значение стало придаваться оптимизации размещения производственного потенциала по территории страны. Чрезмерная концентрация производства в центральных и западных регионах правомерно рассматривалась как фактор, сдерживающий экономическое развитие, формирующий социально-политические диспропорции и создающий потенциальную угрозу национальной безопасности. Наиболее перспективной в плане размещения производительных сил считалась восточная макрозона России, главным образом Урал и Западная Сибирь. В данный период основные

¹ Есаков В. Д. Указ. соч. С. 214, 215.

надежды были связаны, прежде всего, с Урало-Кузнецким проектом, предусматривающим формирование на востоке страны мощной индустриальной базы черной и цветной металлургии, а также угольной, химической и машиностроительной промышленности. Принимая во внимание масштабность и долговременность этих задач, работа в регионах перспективного хозяйственного освоения экспедиционными методами оказывалась уже не способной удовлетворить производственные потребности.

Еще в 1926 г. один из руководителей Академии наук академик А. Е. Ферсман писал: «Ближайшая цель Академии наук — создать на окраинах свои филиалы и хорошо оборудованные ячейки. Нельзя концентрировать научную работу только в центре, целиком обходить окраины».¹ В 1929 г. эти же вопросы обсуждались на Общем собрании АН СССР, которое в целом поддержало необходимость перехода от экспедиционных к стационарным формам организации исследований там, где возможно.²

А. Е. Ферсман в течение долгих лет оставался одним из наиболее настойчивых проводников идеи формирования стационарных структур АН СССР на востоке страны. Во многом это объяснялось его хорошим знанием региона и профессиональным опытом — А. Е. Ферсман являлся руководителем Комиссии АН СССР по изучению Сибири. Вместе с тем, выдвигавшиеся проекты организации отделений, филиалов, баз и станций Академии наук в периферийных регионах страны носили альтернативный характер, и предложения А. Е. Ферсмана были далеко не самыми радикальными. Фактически, его проект формирования академических станций был увязан с расширением экспедиционной деятельности и носил вспомогательный характер: новые станции ориентировались на обеспечение экспедиционных работ центральных академических учреждений и лишь в небольшой степени могли осуществлять собственные исследования. Как справедливо отмечено Е. Т. Артемовым, «они должны были стать своего рода „придатком“ расположенных в Ленинграде и Москве центральных институтов Академии наук».³

По вопросу о целесообразности формирования региональной сети в руководстве АН СССР существовали противоречивые мнения, сталкивались различные, порой противоположные позиции.

¹ Известия. 1926. 13 окт.; Кольцов А. В. Указ. соч. С. 82.

² См.: Кольцов А. В. Указ. соч. С. 81–83.

³ Артемов Е. Т. Проекты организации научных учреждений АН СССР в Западной Сибири в годы первых пятилеток // Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект. Новосибирск, 1988. С. 163.

Над этой проблемой работала специально созданная Комиссия АН СССР во главе с ее вице-президентом акад. В. Л. Комаровым. Проанализировав поступавшие в Комиссию предложения региональных администраций об организации подразделений Академии наук в различных регионах страны, она пришла к отрицательному заключению. В докладе В. Л. Комарова, озвученном 27 июня 1931 г., отмечалось: «...Если распылять наличные кадры Академии наук на десять различных центров, то комплексность работы Академии будет потеряна. Мало того, если даже открыть новые кафедры специально для этой цели, то найти достаточное количество специалистов все равно не удастся, тем более что для таких филиалов нужны не любые специалисты, а специалисты совершенно определенные...».¹ Таким образом, под сомнение ставилась не столько сама идея географического расширения академического присутствия на территории страны, сколько ее выполнимость в данное время.

Вместе с этим был предложен компромисс. «Заключив, что организовать филиалы Академии наук, т. е. маленькие академии наук, во всех этих центрах [речь шла прежде всего о Хабаровске, Иркутске, Новосибирске, Свердловске, Алма-Ате и Ашхабаде] не удастся, Комиссия предложила организовать в каждом из названных центров научно-исследовательскую базу, которая могла бы явиться ведущим органом при местном краевом правительстве, которая могла бы давать авторитетные указания относительно той или иной разработки, тех или иных исследований и т. д. Прежде всего, задача такой базы консультационная».²

Одновременно Комиссия решила удовлетворить и другую растущую потребность — «приблизить науку к объектам исследования, разбросать по Союзу станции...».³ Далее делался вывод о принципах работы такой сети научно-исследовательских учреждений АН СССР: «...Идея наша такова: организовать сеть научно-исследовательских станций на местах для непосредственного изучения того или другого природного явления или же процесса, происходящего в массе населения. Эти станции опереть на базы — центры нашей административной жизни, причем база будет обладать, постепенно развиваясь, научными лабораториями и другими учреждениями, которые позволят часть местного материала концентрировать. Они не

¹ Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1927): сб. документов. Л., 1968. С. 169.

² Там же.

³ Там же. С. 170.

должны ни конкурировать с местными учреждениями, ни умалять значения научно-исследовательских институтов страны, а помогать им всемерно, и там, где силы местных учреждений недостаточны, там Академия наук в лице своей базы будет приходить на помощь и развивать ту или иную камеральную работу».¹

В соответствии с этой концепцией предусматривалась организация вспомогательных учреждений, ориентированных на содействие в научном обеспечении регионального развития, которые постепенно могли бы эволюционировать в подлинно научные структуры. В 1931 г. вопрос о создании филиалов и баз АН СССР был рассмотрен на заседании Президиума ЦИК СССР, на котором было отмечено, что создание подобных организаций должно носить планомерный характер и происходить там, «где по единому народнохозяйственному плану осуществляется особо интенсивное строительство». К числу приоритетных регионов, несомненно, относились Урал с центром в Свердловске, и Западная Сибирь с центром в Новосибирске. Таким образом, в начале 1930-х гг. перспектива развития академических стационаров, характер деятельности и профиль будущих учреждений представлялись достаточно очевидными. Не вполне ясна была конкретная организационная форма существования академических стационаров. Сомнение вызывала и принципиальная осуществимость масштабных замыслов в условиях крайнего дефицита финансовых, материальных и кадровых ресурсов. Как показала практика, именно эти факторы и сыграли решающую роль при практической реализации одобренных и согласованных проектов.

Принципиальное решение о формировании стационарных подразделений Академии наук было принято руководством Академии летом 1931 г. В числе первоочередных предусматривалось создание комплексных баз на Урале (Свердловск), Дальнем Востоке (Хабаровск), в Западной (Новосибирск), и Восточной Сибири (Иркутск).² Некоторое время перспективные академические структуры именовались Уральским, Западно-Сибирским и Дальневосточным отделениями АН СССР, но затем для академических учреждений подобного типа утвердилось название «филиалы» и «базы».³ В дальнейшем были определены функции академических филиалов и баз, сеть которых предполагалось сформировать в годы второй пятилетки.

¹ Там же.

² См.: Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале. Документы и материалы. 1932–2002 гг. Екатеринбург, 2002. С. 25.

³ См.: Кольцов А. В. Указ. соч. С. 87.

Филиалы планировалось организовать в тех регионах, которые обладали развитой сетью научно-исследовательских учреждений. Они должны были представлять собой комплекс учреждений, работающих под руководством центральных институтов АН СССР в координации с отраслевыми научными учреждениями и обеспечивающих разработку «основных теоретических проблем района». В регионах со слабо развитой сетью научно-исследовательских организаций предполагалось создавать базы АН СССР, основной целью которых должно было стать содействие местным учреждениям «в планировании науки и исследование естественных ресурсов края».¹

После утверждения общей стратегии начались дискуссии с региональными властями о принципах финансирования новых научных структур. Сразу же возникли противоречия по вопросу о том, кто будет нести основные затраты по реализации проектов и обеспечивать работу научных учреждений. Местные власти полагали, что академические стационары должны будут финансироваться из бюджета Академии, в то время как Академия наук предполагала возложить все расходы на регионы, оставив себе лишь научное руководство филиальскими структурами. Пространство для компромисса было достаточно узким, и переговоры с региональными администрациями проходили очень сложно.

В начале 1932 г. было принято решение об организации Дальневосточного, а вскоре после этого — Уральского филиала АН СССР (УФАН). Летом 1932 г. во время выездных сессий Академии наук в Свердловске и Новосибирске, посвященных проблемам Урало-Кузбасса, вновь была акцентирована необходимость «привязки» уже созданного Уральского и перспективного Западно-Сибирского филиалов к реализации ключевых экономических проектов на востоке страны. Фактически оба филиала должны были формироваться в рамках единой научно-организационной концепции и решать сходные задачи. Однако, несмотря на благоприятную политическую конъюнктуру, судьба филиалов и на Урале, и в Западной Сибири была непростой и сложилась по-разному.

Филиал в Свердловске стал реальностью в январе 1932 г. Его возглавил акад. А. Е. Ферсман. Директорами новых институтов были утверждены О. Е. Звягинцев (Химического), А. Е. Ферсман (Геохимического) и П. М. Горшков (Геофизического). В состав Президиума филиала вошли видные уральские ученые и представители политического и хозяйственного руководства. «Положение об Уральском

¹ Там же. С. 88.

филиале АН СССР» было подготовлено акад. А. Е. Ферсманом. В уставных документах нашли отражение принципы ориентации филиала на потребности региона и тесной координации работ с местными властями. Заместитель председателя филиала должен был назначаться по предложению Уральского облисполкома. Филиал был призван координировать все экспедиционные работы на Урале, а также увязывать деятельность своих подразделений и других исследовательских учреждений Урала на основе составления общего плана научно-исследовательской работы в регионе.¹ Как выяснилось впоследствии, это требование на практике оказалось трудновыполнимым. На 1 января 1934 г. в штате филиала состояли один действительный член АН СССР, три профессора, девять научных сотрудников и специалистов, 10 старших специалистов, 11 лаборантов и 20 человек обслуживающего и вспомогательного персонала — всего 54 человек.²

Работе по организации и становлению Уральского филиала способствовало большое общественное внимание и политическое звучание, придаваемое Урало-Кузнецкому проекту. В июне 1932 г. в Свердловске и Новосибирске состоялась выездная сессия АН СССР, посвященная проблемам Урало-Кузбасского хозяйственного комплекса. В резолюции сессии признавалось необходимым «ускорить формирование филиала Академии наук на Урале в Свердловске, а также приступить в ближайшем будущем к организации филиала Академии в Новосибирске».³

Вдохновленные поддержкой со стороны руководства Академии наук, местные власти решили придать процессу создания филиала намного больший размах. В постановлении Президиума Уральского облисполкома «Об организации Уральского отделения Академии наук СССР» от 27 июня 1932 г. отмечается необходимость организации в структуре Отделения, наряду с тремя вышеупомянутыми институтами, еще нескольких научно-исследовательских учреждений. В их число должны были войти Энергетический, Гидрологический, Биологический, Биохимический, Климатологический институты, институты Прикладной математики и Изучения человека как производительной силы, а также музей истории науки и техники и четыре исследовательские станции.⁴ Планы, таким образом, были масштабными и ориентированными на длительную перспективу.

¹ См.: Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале. С. 30, 31.

² См.: Ермолаева Ю. Н. Указ. соч. С. 65, 74, 100, 101.

³ Вестник АН СССР. 1932. № 8. С. 5.

⁴ См.: Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале. С. 38.

Сразу же после создания Уральского филиала выявился тот факт, что его руководство претендует на реализацию двух задач, каждая из которых была не только весьма амбициозной, но и трудноосуществимой на практике. Во-первых, устами А. Е. Ферсмана было заявлено, что «задачей филиала является объединение научно-исследовательских сил Уральской области».¹ Учитывая разнонаправленность интересов влиятельных экономических ведомств и отсутствие у филиала каких-либо административных и, тем более, экономических рычагов, достижение такой цели представлялось крайне затруднительным, если вообще возможным. Во-вторых, председатель Президиума УФ АН СССР полагал, что филиал должен заняться преимущественно теоретическими исследованиями. Решение этой задачи также было трудно осуществимым в силу ее несогласованности с поставленными перед новой структурой целями, а также ограниченности кадрового и материально-технического потенциала филиала.

Масштабные замыслы быстро вошли в противоречие с реальной жизнью. Становление филиала на Урале было связано с большими сложностями. В докладе акад. В. П. Волгина на отчетном собрании АН СССР 1933 г. подчеркивалось, что Уральский филиал не располагает соответствующей производственной базой и потому не может рассчитывать на достижение достаточно высокого теоретического уровня работ, свойственных Академии. В докладе признавалось целесообразным перейти в сложившихся на Урале условиях к практике организации исследований по принципу направления туда выездных бригад из центральных научно-исследовательских учреждений, вместо того, чтобы тратить время на создание в регионе «...небольших лабораторий, в известной мере параллельных уже существующим и не способных в отведенных им случайных помещениях подняться до той высоты, на которой должны стоять учреждения Академии».² Фактически, это означало признание неудачи замысла по созданию региональных академических центров и возвращение к старой методологии работы АН СССР в периферийных регионах — практике экспедиционных исследований.

Судьба только что созданного филиала, столкнувшегося с комплексом финансовых и организационных проблем, казалась предрешенной. Уже в первой половине 1934 г. была проведена реструктуризация УФАИ. Институты были ликвидированы и на их

¹ Кольцов А. В. Указ. соч. С. 102.

² Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале. С. 57.

основе сформированы три лаборатории. Еще через полгода в составе филиала действовали лишь лаборатории Физико-химического анализа, Органической химии и пирогенных процессов, а также Группа по геохимии золота и Ильменский заповедник.¹ Но и после этого, ввиду сложностей с финансированием, недостатком научного персонала и материальной базы, работа действовавших в составе филиала подразделений подвергалась постоянной критике. Осенью 1936 г. было принято решение о ликвидации Уральского филиала АН СССР, которое после ходатайства региональных властей в конце года все же было пересмотрено.² Лишь к концу десятилетия в работе филиала появилась стабильность. После этого в его структуре вновь были созданы научно-исследовательские институты — Химический, Горно-геологический, а также Металловедения, металлургии и металлофизики. На короткое время в ведение филиала был передан и Уральский физико-технический институт, однако вскоре он вновь был выведен из его состава.

В Западной Сибири судьбы академической науки оказались еще более сложными. Вариант перспективного плана развития академических структур в Западно-Сибирском крае, как и на Урале, был подготовлен еще к осени 1931 г. По принципам организации, целям и задачам Западно-Сибирский филиал (ЗСФАН) не должен был принципиально отличаться от Уральского филиала. Оба учреждения создавались в рамках единой научно-организационной парадигмы. При оптимистическом развитии событий к концу второй пятилетки в структуру Западно-Сибирского филиала АН СССР должно было входить уже семь научно-исследовательских институтов. Однако филиал так и не был создан. Что касается Дальневосточного филиала АН СССР, то он, будучи формально организован в 1932 г., так и не превратившись в значимую научную величину, к концу 1930-х гг. был ликвидирован.³

¹ См.: Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале. С. 61; Кольцов А. В. Указ. соч. С. 103.

² См.: Беляев Е. А., Пышкова Н. С. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР: исторический очерк. М., 1979. С. 180, 181.

³ См.: Кольцов А. В. Указ. соч. С. 98.

1.2. Рамки перспективного планирования

В первые годы советской власти В. И. Ленин заложил основы концепции территориальной комплексности при организации народного хозяйства. Он отмечал особую важность «образцовой постановки небольшого „целого“, но именно „целого“, т. е. не одного хозяйства, не одной отрасли хозяйства, не одного предприятия, а суммы всех хозяйственных отношений, суммы всего хозяйственного оборота хотя бы небольшой местности».¹ При этом глава советского правительства обращал внимание хозяйственных руководителей на комплексное развитие регионов с учетом их основной специализации. Комплексное развитие и рациональная специализация экономических районов неразрывно связана с размещением производства и отвечает важнейшему требованию социалистического хозяйствования — достижению в интересах общества наибольших результатов при наименьших затратах.

В. И. Ленин требовал сочетать централизованное управление народным хозяйством с внутрирайонным соподчинением предприятий. Он считал ошибочной несогласованность в руководстве различными отраслями хозяйства экономического района, требуя, например, от партийных, советских и хозяйственных работников Донбасса и Урала решать вопросы управления в духе наибольшего единства и согласования при сохранении руководящей роли региональных организаций.² В резолюции IX съезда партии, подготовленной при участии Ленина, отмечалось: «организационная задача состоит в том, что, сохраняя вертикальный централизм по линии главков, сочетать с горизонтальным соподчинением предприятий по линии хозяйственных районов».³ Единая организация управления экономическим районом была вызвана тем, что «предприятия разных отраслей промышленности... вынуждены питаться одними

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М., 1958. Т. 43. С. 234.

² См.: Там же. Т. 53. С. 135, 136; Т. 51. С. 124.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 1898–1954. 7-е изд. М., 1953. Ч. 1. С. 481.

и теми же потоками местного сырья, транспортных средств, рабочей силы и пр.».¹ Эти общие вопросы требовали увязки всех организационных взаимоотношений промышленных предприятий на территории региона, в том числе и объектов централизованного подчинения.

Основой управления социалистическим производством страны, в том числе региона, является научное планирование. На VII съезде РКП(б) в марте 1918 г. В. И. Ленин говорил: «Превращение всего государственного механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи».² В. И. Ленин требовал составления единого народнохозяйственного плана, без которого нельзя рассчитывать на успех, и указывал на необходимость умело сочетать отраслевое и территориальное управление. Вождь партии неослабное внимание уделял перспективному и текущему планированию экономики Урала. По мысли Ленина богатейший край должен развиваться как крупный народнохозяйственный комплекс во взаимодействии с хозяйственной жизнью Сибири и всей страны. В апреле 1918 г. он предложил Академии наук разработать план экономического подъема России, основной частью которого должно быть «рациональное размещение промышленности».³ Одновременно по указанию Ленина ВСНХ объявил конкурс на проект создания Урало-Кузбасса — хозяйственного комплекса, охватывающего промышленность Урала и Кузнецкий каменноугольный бассейн. Первым планом комплексного развития народного хозяйства республики стал план электрификации России (ГОЭЛРО), составной частью которого был раздел «Электрификация Уральского района». Однако планирование народного хозяйства, промышленности края развернулось значительно раньше, с первых месяцев Советской власти. Главным стимулом и условием для этого, послужила национализация промышленности, которая на Урале была осуществлена раньше, чем в других районах страны, — с декабря 1917 г. по июнь 1918 г. В начале января 1918 г. в Екатеринбурге состоялся I съезд по организации управления казенными и национализированными предприятиями. Руководство всеми предприятиями и горнозаводскими округами было возложено на областное правление национализированными заводами Урала, подотчетное Уралсовнархозу и ВСНХ.

¹ Там же.

² Ленин В. И. Указ. соч. Т. 36. С. 7.

³ Там же. С. 228.

В 1920-е гг. идеи ГОЭЛРО о новой территориальной организации производительных сил получили развитие в деятельности Госплана, образованного в начале 1921 г. на базе комиссии по электрификации. Первой среди крупных областей страны, созданных в ходе реализации госплановского районирования, была Уральская область, образованная в ноябре 1923 г. Это позволило уральским партийным и государственным органам приступить к активной консолидации хозяйственной жизни в границах нового территориально-административного деления. Тем более, что выполнение плана развития экономики Урала задержала гражданская война, которая разрушила народное хозяйство края. Более пяти лет потребовалось, чтобы восстановить промышленность, транспорт и сельское хозяйство.

Перед областным правлением встала первоочередная задача организации планирования производства, которая осложнялась тем, что работу приходилось проводить в условиях национализации, отсутствия единого общественного производства в экономике. Однако, несмотря на трудности, областное правление на основе сведений, полученных с заводов, приступило в феврале 1918 г. к разработке плана по демобилизации предприятий и переводу их на производство мирной продукции, по развитию металлургии, машиностроения, топливной промышленности, электроэнергетики.¹ Одновременно созданный в марте 1918 г. Уральский горнозаводской комитет при ВСНХ приступил к разработке плана комплексного развития Урало-Кузнецкого комбината, в которую активно включились инженерно-технические силы края.

Ориентиром планирования производства служил достигнутый до революции максимальный уровень. В отраслях, где национализация завершалась, составлялся общий план производства, в других соответствующие коррективы вносились по мере передачи заводов и фабрик в руки государства. Важно подчеркнуть, что руководящие и планирующие органы Урала стремились к разумному расчету и реальному планированию. Состоявшийся в мае 1918 г. Пленум Уральского облизполкома по вопросу организации производства указал, что хозяйственное строительство должно «чуждаться фантастических планов, невыполнимых в ближайшем будущем».²

¹ См.: Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 – июль 1918 гг.): сб. документов. Свердловск, 1958. С. 197, 198.

² Гараев Г. Г. Организация и совершенствование системы управления промышленностью Урала. Томск, 1984. С. 86.

К середине 1918 г. первый хозяйственный план Урала был составлен областным управлением национализированных предприятий. Он учитывал установки о рациональном и комплексном развитии промышленности региона, включая кооперацию промышленности края с Сибирью. На развитие угледобычи в Кузбассе для нужд уральской промышленности ассигновалось 8 млн руб. Главное внимание в плане уделялось возрождению индустрии. В первую очередь планировалось развитие главной отрасли — металлургии, в том числе предусматривалась организация нового производства ферромарганца на базе использования руд в Нижне-Тагильском и Богословском горных округах. Обеспечивая комплексное развитие экономики, уральские организации особое внимание в плане уделяли развитию перерабатывающих отраслей, в частности, машиностроению, которое до революции было слабо развито. Планировалось организовать производство тяжелого и сельскохозяйственного машиностроения, выпуск двигателей, станков, инструмента и т. д. Наряду с созданием новых отраслей предполагалась техническая реконструкция устаревших предприятий.¹ План 1918 г. был рассчитан на ближайшие годы.

Более полно и на длительную перспективу идеи формирования на Урале территориально-промышленного комплекса нашли отражение в плане ГОЭЛРО, который явился первым планом комплексного развития всего народного хозяйства республики. Комиссия ГОЭЛРО разработала всеобъемлющий прогноз преобразований страны, новых соотношений отдельных отраслей народного хозяйства, их специализации и кооперирования, комбинирования производства. В. И. Ленин обращал внимание на необходимость координации планов отдельных отраслей производства, которые должны быть «связаны и вместе составлять тот единый хозяйственный план, в котором мы так нуждаемся».²

План ГОЭЛРО явился началом районирования промышленности. Одним из его важнейших положений была территориальная комбинация и сбалансированность отраслей промышленности на базе электрификации. План содержал разбивку территории страны на ряд больших экономических районов, основанную на территориальном распределении общественного труда и производства по отдельным районам и зонам с надлежащим учетом своеобразия особенностей их экономики, природных, сырьевых и энергетических

¹ См.: Национализация промышленности на Урале... С. 668–670.

² Ленин В. И. Указ. соч. Т. 42. С. 154.

ресурсов и веками сложившихся в этих районах национальных комплексов.

План обосновывал выбор ведущих отраслей народного хозяйства и их взаимосвязь между собой. Базой для этих глубинных и длительных процессов должно было стать широко развитое машиностроение. «Неизбежной предпосылкой металлообрабатывающей промышленности, — констатировалось в плане, — является горное дело и металлургическая промышленность».¹ Они в свою очередь были связаны с топливно-энергетическим комплексом и развитым транспортном. План ГОЭЛРО — это комплексный подход к развитию экономической структуры народного хозяйства страны, в основе которого лежит машиностроение.

Ведущее место в плане ГОЭЛРО отводилось Уралу. Отмечалось, что «интересы всего народного хозяйства, регулируемого по определенному государственному плану, выдвигают Урал на первый план, так как положение Урала на границе Европейской России и Сибири с ее необъятными перспективами развития повелительно диктует возможно полное использование его богатств».²

Перед экономикой Урала ставилась задача изменения структуры промышленности, рационального размещения ее отраслей. Комплексное развитие Урала в плане ГОЭЛРО предусматривалось на современной технической основе, что обеспечивалось первоочередной электрификацией региона, созданием здесь единой энергетической системы. Формирование топливно-энергетического комплекса базировалось на быстром развитии угледобычи, торфоразработок, использовании гидроресурсов и других источников. На основе электрификации предполагалось интенсивное развитие главных отраслей промышленности — черной, цветной металлургии и машиностроения. В отличие от плана 1918 г. в плане ГОЭЛРО выдвинута задача превращения Урала в крупный район основной химии. Здесь учитывалась необходимость приближения химических заводов к потребителям, возможность использования богатейших месторождений сырья и отходов промышленных предприятий. Большое внимание уделялось развитию коксохимии, нефтехимии и лесохимии. Развитие этой отрасли открывало перспективу химизации народного хозяйства края. «Задача ближайшего десятилетия, — говорилось в плане ГОЭЛРО, — выполнить колоссальную задачу упорядочения ураль-

¹ Цит. по: План электрификации РСФСР. М., 1955. С. 165.

² Там же. С. 518.

ского хозяйства, что даст увеличение выхода основных продуктов горнозаводской промышленности, развить ряд новых отраслей промышленности (химической, деревообрабатывающей, машиностроительной, электротехнической и т. п.)».¹

На основе идей рационального размещения производительных сил и комплексного развития Уральского индустриального центра в плане ГОЭЛРО были определены основные промышленные узлы с учетом специализации и кооперирования. Всего было намечено 12 крупных районов: Богословский, Верхнекамский, Гороблагодатский, Высокогорский, Екатеринбургский, Златоустовско-Челябинский, Южно-Уральский, Оренбургско-Илецкий, Камышловско-Шадринский, Пермско-Кунгурско-Красноуфимский, Вятский, Камско-Воткинский. Эти узлы планировались на базе создания крупнейших предприятий (Магнитка, Уралмаш) или коренной реконструкции старых и превращения их в заводы-комбинаты (Надеждинский металлургический, Березниковский химический и др.). Промышленные районы должны были составить основу Уральского индустриального комплекса, который получал развитие в тесной кооперации с экономикой Западной Сибири (Кузбассом) и всей страны.

Таким образом, в плане ГОЭЛРО впервые были сформулированы и определены проблемы и перспективы комплексного и рационального развития индустрии Урала. Перед Уральским районом стала двоякая задача: реконструировать существующее хозяйство и создать крупный экономический район с комплексобразующими отраслями производства.

После Октябрьского переворота и установления политической власти большевиков на территории края встал вопрос о создании Уральской области. III съезд Советов Урала (январь 1918 г.) принял решение об объединении Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской губерний в Уральскую область. Ее высшим органом объявлялся областной съезд Советов, созываемый не реже одного раза в три месяца. На Советы возлагались задачи управления административной, хозяйственной, судебной и культурной жизнью области. Упразднилось городское и земское самоуправление по мере перехода их функций Советам. Съезд высказался за объединение с крестьянскими Советами, полностью разделявшими платформу Советской власти, изложенную в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и принятую на III Всероссийском

¹ Там же. С. 526.

съезде Советов (10–18 января 1918 г.). Слияние Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов произошло в конце января 1918 г.

В первой половине 1918 г. на Урале для выполнения разнообразных государственных функций при исполкомах Советов были созданы отраслевые отделы (комиссариаты). При Уралоблисполкоме, в частности, были образованы отделы труда, производства, снабжения, сельского хозяйства, транспорта, финансов, управления, военной юстиции, просвещения, почты и здравоохранения. Председателем облисполкома стал В. Н. Андроников. В Перми, Вятке, Уфе и Оренбурге функционировали губернские исполкомы. Начали работать городские, уездные, районные, волостные и сельские советы. К середине июля 1918 г. на Урале насчитывалось 3 136 Советов.¹ Таким образом, в регионе был сформирован советский аппарат управления.

После победы Советской власти Урал вовсе не был «цитаделью большевиков». Свидетельством тому служат результаты выборов в Учредительное собрание, проводившихся 26 ноября 1917 г. В Пермской губернии в них участвовало 1 278 тыс. человек (за эсеров проголосовало 665,1 тыс. или 52,1 % избирателей; за большевиков — 268,3 тыс. или 21 %; за кадетов — 126,4 тыс., 9,9 %; за представителей духовенства — 86,9 тыс., 6,8 %; за кандидатов национальных объединений (мусульмане) — 77,3 тыс., 6 %; за меньшевиков — 54 тыс., 4,2 %).² Примечательно, что власть большевиков в первые дни после переворота поддержало немногим более одной пятой населения Урала. Большинство крестьян отдали предпочтение эсерам и другим партиям.

Процесс становления Советской власти как в центре, так и в регионах проходил сложно. Вскоре после октябрьских событий стало ясно, что «сторонники пролетарской диктатуры» не могут полностью заменить старый чиновничий аппарат. Советское строительство на Урале серьезно осложнилось сопротивлением меньшевиков и эсеров. В Екатеринбурге — пролетарском центре Урала — чиновничество, служащие, врачи, учителя, инженерно-технические работники на «советский переворот» ответили несогласием и массовой забастовкой. 30 октября 1917 г. эсеры предложили большевистскому Совету создать коалиционную власть. Учитывая отсутствие до-

¹ См.: Очерки истории коммунистических организаций на Урале. Свердловск, 1971. Т. 1. С. 321.

² См.: Ослоновский А., Орлов А. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. Свердловск, 1928. С. 28.

статочной поддержки со стороны населения и военного гарнизона, большевики 31 октября согласились на организацию объединенного Совета — «комитета народной власти». Телеграф, телефон, учреждения, банки в Екатеринбурге начали работать. Жизнь в городе стала входить в нормальную колею.¹

Становление нового политического режима на первом этапе происходило в условиях роста самостоятельности Советов в решении хозяйственно-политических вопросов и одновременно расширения функций центрального госаппарата, появления военных и чрезвычайных органов, не подлежавших контролю на местах. Роль Советов в политической системе вскоре начала снижаться. Этому способствовало нарастание экономического и социального кризиса в стране и стремление большевиков к скорейшему практическому решению проблем строительства социализма. Уже в марте 1918 г. председатель ВЦИК Я. М. Свердлов, выступая на VII съезде РКП(б) отметил, что «теперь перед партией... стоят задачи проделать значительную часть работы, которую проделывали до сих пор Советы».² Данное положение было продублировано в циркулярном письме РКП(б).³

Вслед за установлением политической власти началось экономическое наступление на буржуазию. Советское правительство организовало в первую очередь на Урале «красногвардейскую атаку на капитал», которая была поддержана на местах. С декабря 1917 г. по июнь 1918 г. были национализированы предприятия 25 горнозаводских округов (из 34), в том числе 85 % предприятий металлургической промышленности, а также банки, железнодорожный и речной транспорт. Процесс национализации происходил одновременно с массовыми репрессиями по отношению к заводоладельцам, управляющим, инженерно-техническим кадрам и служащим. В этих условиях со всей остротой на повестку дня встал вопрос об организации нового управления хозяйством края. Декретом ВЦИК от 2 декабря 1917 г. был создан ВСНХ — Высший Совет народного хозяйства, призванный осуществлять руководство советской экономикой в масштабе страны. Одновременно были образованы хозяйственные органы для управления производством в экономических районах. По инициативе местных органов Советской власти 3 декабря 1917 г. на базе Уральского заводского

¹ См.: Там же. С. 21.

² Седьмой экстренный съезд РКП(б): стеногр. отчет. Март 1918. М., 1962. С. 174.

³ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 150, 151.

совещания в Екатеринбурге было сформировано Исполнительное бюро в составе В.Н. Андроникова (председатель), П.Л. Войкова и В.М. Быкова. 23 декабря 1917 г. ВСНХ наделил заводское совещание Уральского района широкими полномочиями по организации хозяйства, демобилизации промышленности, ее финансированию и планированию, распространявшимся на Вятскую, Оренбургскую, Пермскую, Уфимскую и прилегающие районы Тобольской губернии и Тургайской области.¹ По постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов Екатеринбургское бюро горнопромышленников было закрыто, а правление округов и акционерных обществ распускалось по мере национализации их имущества. В это же время по указанию В.И. Ленина в Петрограде было ликвидировано Правление уральских заводов, а их имущество конфисковано.

Новым шагом на пути формирования единого управления хозяйством региона, особенно его промышленностью, стал Первый съезд по организации управления казенными и национализированными предприятиями Урала, состоявшийся в Екатеринбурге 4–10 января 1918 г.² На съезде была предложена примерная структура органов управления заводами и горнозаводскими округами. Предусматривалась замена старого горного управления «управляющим коллективом», стоящим на «революционной высоте». Вопросами технико-технологической политики должен был заниматься отдельный орган, освобожденный от административных функций.³ Небезынтесным на съезде было предложение эсера Данилова о централизации промышленности Урала, привлечении на службу лучших технических сил и создании автономного управления.⁴

Оценка опыта организации производства дана в решениях III Уральского областного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (январь 1918 г.). На нем была выработана инструкция об организации управления национализированными заводами. Наиболее целесообразной его формой были признаны Деловые советы, которые наряду с рабочим контролем, уже функционировали на некоторых из них. На 2/3 эти советы состояли из рабочих и на 1/3 — из служащих и технического персонала. Представители ра-

¹ См.: Национализация промышленности на Урале... С. 66, 67.

² См.: Там же. С. 65.

³ См.: Гараев Г. Г. Организация и совершенствование системы управления промышленностью Урала. 1917–1925. Тюмень, 1984. С. 65.

⁴ См.: Национализация промышленности на Урале... С. 94, 95.

бочих выбирались трудовым коллективом завода или делегировались рабочими организациями — профсоюзами и фабзавкомками — и могли отзывать в любое время. Представители от инженеров, техников и служащих выдвигались общим собранием и утверждались рабочими организациями. Деловой совет состоял из отделов: финансово-бухгалтерского, счетного, отчетного и производственно-статистического; технико-демититаризационного; закупок и сбыта; труда. Совет возглавлял председатель, он был подотчетен областному Управлению национализированными заводами. Наряду с Деловым советом функционировал заводской комитет как орган рабочего контроля, действовавший рука об руку с профессиональным союзом.

Управление производственным округом осуществлялось конференциями, проводившимися не реже одного раза в три месяца. Они избирали исполнительные комиссии (Деловые советы) в составе председателя, заместителя, секретаря, представителей от каждого предприятия.

Заводскими и окружными Деловыми советами руководило областное управление (г. Екатеринбург), избиравшееся на областных конференциях из пяти человек. В его состав входили по одному представителю от округов, крупных заводов, областного Совета рабочих и солдатских депутатов, профессионального союза и фабрично-заводского комитета. Управление контролировало выполнение плана производства, занималось финансированием, сбытом продукции, осуществляло технико-технологическое взаимодействие округов, связь с центром и т. д. Как видим, главными функциями областного управления были организация и руководство крупной государственной промышленностью на Урале. Оно было подотчетно избиравшей его конференции, областному Совету и ВСНХ. Тем самым создавалось двойное подчинение: территориально-хозяйственному органу власти на Урале и органу хозяйственного руководства в центре, формировалась система коллегиального управления промышленностью, всем хозяйством Уральского экономического района. Одновременно III областной съезд Советов Урала упразднил существовавшую систему управления промышленностью в регионе.

В соответствии с Положением ВСНХ от 23 декабря 1917 г. для руководства местной промышленностью на Урале стали создаваться губернские и уездные советы народного хозяйства (СНХ). III съезд рабочих и солдатских депутатов, учредив Уральскую область, принял решение о создании совнархоза, который начал

функционировать с мая 1918 г. Губернские совнархозы действовали в Вятке, Оренбурге, Екатеринбургe, Перми и Тюмени, уездные — в Глазове, Кунгуре, Сарапуле и других городах. Совнархозы, являясь исполнительными органами ВСНХ на местах, были в то же время экономическими отделами местных Советов.

В конце января 1918 г. в Петрограде состоялся съезд представителей национализированных и казенных заводов страны, на котором было принято временное положение об организации управления ими. Оно предусматривало коллегиальную систему территориально-производственного управления промышленностью в Советской республике.

Итоги пятимесячной работы по организации управления были подведены на втором областном съезде национализированных предприятий Урала 14–22 мая 1918 г., признавшем правильность основных принципов, положенных в основу строительства аппарата управления. Были намечены дальнейшие шаги по совершенствованию хозяйственного руководства национализированной промышленностью и перенесению имеющегося опыта в другие отрасли хозяйства Урала. Таким образом, экспроприация буржуазии, национализация промышленности, обобществление частной собственности и создание советского аппарата управления на Урале в основном летом 1918 г. были закончены.

Документы свидетельствуют, что при обобществлении и организации производства большевики и органы местной власти на Урале руководствовались не уровнем развития культуры и производительных сил, а классовым подходом, необходимостью установления власти пролетариата. На первом съезде национализированных заводов Урала подчеркивалось, что Деловые советы только тогда станут «действительными выразителями и проводниками трудящихся», когда в них будет «рабочее представительство в преобладающем числе». Только при последнем условии «станет реальной диктатура пролетариата на заводах». Бюро профсоюзов металлистов Богословского округа поручило Деловым советам «стать на классовую позицию и определенно признать пролетарскую диктатуру в деле восстановления производства, в деле переустройства жизни на новых началах».¹

Несмотря на это многие рабочие коллективы выдвигали в заводское руководство знающих и опытных инженерно-технических

¹Абрамовский А. П. Первые социалистические преобразования в промышленности горнозаводского Урала. Челябинск, 1981. С. 27.

работников. Однако эти кандидатуры областное большевистское руководство не утверждало в состав Деловых советов, а газета «Уральский рабочий» клеймила их как классово чуждые элементы.¹ Большевистская «социалистическая эйфория», боязнь утратить классовую линию привела к тому, что в 118 окружных и заводских Деловых советах, утвержденных на 1 июля 1918 г., насчитывалось более 400 рабочих и около 250 служащих, инженеров и техников. На долю большевиков приходилось не менее 50–60 %, и они возглавили почти все окружные и большинство заводских Деловых советов. Установка большевиков на то, чтобы в управление заводами, округами, промышленностью области вошли «только организаторы, чтобы новый орган действительно стоял на революционной высоте», была выполнена. Что касается инженеров и техников, то они, будучи «освобожденными от несвойственных им административных обязанностей, получали лишь возможность своими знаниями принять участие в промышленной жизни».²

Некоторые Деловые советы (например, Богословского округа) полностью состояли из рабочих. В других для работы в правлениях привлекали служащих, инженеров и техников, но брали с них письменные обязательства. Так, 17 служащих Нижне-Тагильского округа в своих обязательствах писали: «Ввиду национализации Нижне-Тагильского горного округа мы, служащие правления упомянутого округа, изъявляем свое полное согласие продолжать свою работу в правлении... При этом обещаем ни в какие переговоры и соглашения, могущие повредить округу, с бывшими акционерами не входить, в чем и выдали настоящую подписку».³ Ряд Деловых советов был избран рабочими коллективами с нарушением инструкции, особенно по их социальному составу. В Деловой совет Саткинского завода вошли инженеры П. В. Гончаров (бывший управляющий заводом), Л. И. Фольварков, техник С. В. Шнырев, служащий Г. И. Мокшинский и рабочий Г. А. Сорокин. Аналогичным был по социальному составу Деловой совет Шемахинского завода. Однако эти составы советов областным правлением были отвергнуты.⁴

Таким образом, окружные и заводские Деловые советы возглавили большевики-организаторы, нередко участники революционного движения и бывшие рабочие. Как те, так и другие не имели

¹ См.: Уральский рабочий. 1918. 5 марта.

² Национализация промышленности на Урале... С. 81.

³ НТФ ГАСО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 75. Л. 313.

⁴ См.: Абрамовский А. П. Указ. соч. С. 26.

специального образования и в лучшем случае окончили церковно-приходскую или народную школу (4 класса). По отношению к так называемым «буржуазным специалистам» проводилась дискриминационная политика.

Характерна биография члена Делового совета Лысьвенского округа, а с 1921 г. председателя Богословского горнозаводского треста М. К. Ошвинцева. Он окончил в 1903 г. народную школу, трудился на Бисертском металлургическом заводе сначала горнорабочим, затем рабочим в доменном цехе. В 1907 г. вступил в РСДРП, участвовал в рабочем движении, после Февральской революции возглавил бисертскую группу большевиков. В марте 1918 г. после национализации предприятий Лысьвенского округа был избран в состав Делового совета.¹ О том, как работали новые руководители предприятий и округов, вспоминал председатель Делового совета Верх-Исетского горного округа Н. М. Давыдов: «Надо сказать, что я вначале больше “комиссарил”, чем руководил производством, но скоро понял, да и товарищи помогли понять, что надо самому разбираться в прибылях, уметь составлять баланс, знать технологию производства».² Отлучение от руководства промышленностью региона опытных и квалифицированных инженерно-технических кадров и передача его в руки людей некомпетентных отрицательно сказались на уровне организации производства.

Кадровый потенциал рабочего класса за годы Первой мировой войны был значительно подорван. Часть его оказалась на фронте, другая — ушла в деревню или в кустарную промышленность. Их место заняли малоквалифицированные работники, в том числе женщины и подростки. Отрицательно сказалась на производительности труда рабочих новая тарифная система, введенная на уральских предприятиях областным правлением и фабзавкомками. Общеуральский тарифный договор был разработан и вступил в силу с 1 февраля 1918 г. Основной его принцип — поднять минимальный жизненный уровень рабочих путем уравниловки оплаты труда рабочих низшей и высшей квалификации, мужчин и женщин. Если до революции соотношение между уровнем заработной платы высококвалифицированного и неквалифицированного рабочего составляло 20:1, то в 1918 г. — только 1,75:1.³ Тарифные ставки высших технических служащих приблизились к уровню оплаты кадровых

¹ См.: Вершинин Т. Я. Михаил Ошвинцев. Свердловск, 1971. С. 18.

² Абрамовский А. П. Указ. соч. С. 29.

³ См.: Рафиков И. К. Рабочие Урала в первые годы Советской власти. Свердловск, 1988. С. 16.

рабочих. Эта нивелировка в оплате труда резко снизила заинтересованность рабочего как в повышении квалификации, так и производительности труда. Расчет большевистских руководителей на революционный энтузиазм масс не оправдался. Не изменили положение и декретируемые сверхурочные работы. В конечном итоге упала производительность труда и сократились объемы выпускаемой продукции.

Тяжелым было положение рабочих и в обеспечении питанием и жильем. С целью поддержки минимального жизненного уровня рабочих была введена нормативная система распределения продуктов питания и прежде всего для низкооплачиваемых групп и многодетных семей. В результате принцип материальной заинтересованности распределения по труду оказался недейственным.

В промышленности Урала, как и всей страны, рабочее самоуправление не могло остановить нарастающий кризис и все более проявляло свою некомпетентность в управлении производственными процессами. Это заставило Советское правительство отказаться от мысли, что «можно и должно тот же час» перейти от бюрократического к широкому демократическому управлению и выдвинуть новые лозунги: учиться «у руководителей трестов», «у крупнейших организаторов капитализма», беспрекословно подчиняться распоряжениям лиц, наделенных неограниченными полномочиями диктаторов.¹ Поскольку стабилизировать положение в промышленности не удавалось, совершенствование управления производством пошло по пути централизации, замены системы самоуправления административными рычагами. Контроль за деятельностью новых «диктаторов» перешел к вышестоящим инстанциям.

Против усиливавшейся централизации и ограничения демократических прав трудящихся решительно выступили «левые коммунисты», в том числе и на Урале. В апреле 1918 г. они с тревогой говорили о том, что «пролетариат как класс делается пассивным объектом, а не субъектом организации» производства и что «форма государственного управления развивается в сторону бюрократической централизации, господства различных комиссаров, лишения местных Советов самостоятельности и фактического отказа от типа управляющегося с низов государства — коммуны».² В резолюции IV областной Уральской партконференции стратегия партии, осуществлявшаяся весной 1918 г.,

¹ См.: Ленин В. И. Указ. соч. Т. 33. С. 49; Т. 36, С. 137, 148.

² Коммунист. 1918. № 1. С. 8.

была расценена как «попытка бюрократического строительства социализма сверху руками чиновничества».¹ Однако критика со стороны «левых коммунистов» была отвергнута, с весны, особенно с лета 1918 г., шло свертывание «ростков самоуправления».

В 1918 г. после национализации некоторые предприятия за счет организации сверхурочных работ, использования имеющихся производственных заделов, под влиянием большевистской агитации действительно наладили организацию труда, добились повышения ее производительности. Но это были лишь отдельные примеры. В целом же крупная промышленность Урала в 1918 г. из месяца в месяц снижала производительность труда и сокращала выпуск продукции, а к концу гражданской войны оказалась в катастрофическом положении. Это особенно показательно на примере металлургии. К августу 1918 г. из 106 металлургических заводов действовало 90, из 89 доменных печей — 51, что составляло 62 %. Месячная производительность чугуна вместо 4 437 тыс. пудов в 1914 г. равнялась 3 210 тыс. пудов в 1918 г. Из 88 мартиновских печей, 3 бессемеровских конвертеров и 14 пудлинговых печей функционировали соответственно 59, 2 и 8, или 66 %. Среднемесячное производство на них сократилось за указанные годы с 4 735 тыс. пудов до 4 млн пудов, в том числе производство кровельного железа и рельсов уменьшилось в 3,5 раза.² Падение производства продолжалось с конца 1918 до 1920 гг. В 1920–21 хоз. г. валовой оборот крупной уральской промышленности со 198,7 млн руб. (1913 г.) упал до 27,7 млн руб. и составил 13,9 %, в том числе в горной — 7,8 %, в легкой — 24,5 %.³ Резкое падение производства в конце 1918–1919 гг. было также вызвано гражданской войной, основательно подорвавшей производительные силы Урала. Однако главная причина заключалась в волевом введении новых, «социалистических» производственных отношений при низком уровне культуры, производительных сил и недостатке средств производства.

Как уже отмечалось, Урал по инициативе В. И. Ленина первым в стране национализировал крупную промышленность. Одновременно Советское правительство решало проблему обобществления, передачи в руки рабочих собственности горнопромышленников. Уже после принятия первого Декрета о национализации предприятий Богословского горного округа на Северном Урале в декабре 1917 г. Совнарком РСФСР потребовал от представителей Центрального Со-

¹ Там же. № 4. С. 4.

² См.: Национализация промышленности на Урале... С. 287–289.

³ См.: Ослоновский А., Орлов А. Указ. соч. С. 125.

вета фабрично-заводских комитетов округа принятия обязательств по охране общественной собственности и управлению заводами. Их авторы — рабочие М. А. Андреев и А. В. Курлынин — включили пункты о вооруженной охране вверенного имущества, о повышении производительности труда на предприятиях, организации трудовой дисциплины, контроле, учете и плановом распределении продукции, о финансировании и оплате труда рабочих. Подобные обязательства перед СНК брали трудовые коллективы других национализированных заводов и округов.

Однако уже в работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин констатировал, что «главная трудность лежит в экономической области: установить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, обобществить производство на деле».¹ Тщательно изучая работу национализированных предприятий, беседуя с рабочими и специалистами, он приходит к выводу, что в области обобществления собственности Советская власть поторопилась. В. И. Ленин увидел опасность несоответствия подорванных производительных сил характеру вводимых производственных отношений. «Левым коммунистам», требовавшим самого решительного обобществления, он в мае 1918 г. говорил: «Можно быть решительным или нерешительным в вопросе о национализации, о кооперации, но в том-то и гвоздь, что недостаточно даже величайшей в мире “решительности” для перехода от национализации и конфискации к обобществлению». «Сегодня только слепые не видят, что мы больше нанационализировали, наконфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать. А обобществление как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной “решительностью” без умения правильно распределить, обобществить же без такого умения нельзя».²

Жизнь показала, что преждевременное обобществление производства при незрелых производительных силах негативно сказывается на экономике страны, региона. Поэтому, не отказываясь в принципе от обобществления производства, В. И. Ленин вместе с тем сумел увидеть всю пагубность волевого введения социализма при недостатке средств производства, низком уровне производительных сил и начал искать пути включения частной собственности в естественный процесс трансформации в собственность социалистическую. Уже в мае

¹ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 36. С. 171.

² Там же. С. 293, 294.

1918 г. глава государства приходит к выводу, что «государственный капитализм экономически несравненно выше, чем наша теперешняя экономика».¹

Начавшаяся летом 1918 г. гражданская война приостановила процесс формирования единого административно-хозяйственного управления Уральского региона. Продолжали функционировать губернские административно-хозяйственные органы. Наряду с этим с целью объединения усилий трудящихся всего региона в борьбе с контрреволюцией и иностранной интервенцией, а также для восстановления разрушенного войной народного хозяйства были организованы Уральские бюро РКП(б), ВЦСПС и ЦК комсомола. Для практического руководства промышленностью края было создано Уралпромбюро.

В ходе освобождения края от армии Колчака восстанавливается деятельность советских учреждений. На первом этапе организацией представительств власти занимались политотделы Красной Армии, которые создавали в освобожденных районах, и в городах Военно-революционные комитеты. К осени 1919 г. Урал был полностью очищен от белогвардейской армии. По распоряжению Наркомата внутренних дел от 25 августа 1919 г. на территории Урала были воссозданы четыре губернии — Екатеринбургская, Пермская, Тюменская и Челябинская. В них начали действовать губревкомы, выполнявшие функции учреждений Советской власти. На территории Башкирии была восстановлена Уфимская губерния.

Для решения хозяйственных вопросов в условиях продолжавшейся в стране войны создаются чрезвычайные органы. На Урале в январе 1920 г. была сформирована Первая революционная армия труда во главе с Революционным советом. В его состав, наряду с командирами и политработниками Третьей армии, вошли представители народных комиссаров продовольствия, земледелия, путей сообщения, труда и ВСНХ. Выполнив свои функции, революционная армия в 1922 г. была расформирована.

Процесс становления хозяйственного руководства на Урале после окончания гражданской войны проходил исключительно трудно и противоречиво. Решение проблем осложнялось, с одной стороны, демонтажем прежних структур управления, разрухой в экономике, а с другой — непоследовательными действиями командно-административной системы, формировавшейся в стране в годы гражданской войны. К тому же в результате войны регион остался

¹ Там же. С. 299.

практически без специалистов, способных взять дело управления промышленностью и всем народным хозяйством в свои руки.

В начале июля 1919 г. ВСНХ для оказания помощи в создании системы управления и восстановления промышленности направил на Урал комиссию во главе с В. Я. Чубарем. Для решения поставленных задач Президиум ВСНХ выделил крупные денежные средства. Было организовано Бюро отдела металлов ВСНХ (БОМ) по руководству восстановлением металлургической и металлообрабатывающей промышленности в составе В. Я. Чубаря, В. Н. Андроникова, А. М. Маслова и Е. И. Маврина. БОМ включал пять отделов: технический, финансово-отчетный, заказов, сообщения и организационный. В Екатеринбурге, Перми, Златоусте и Уфе были открыты его отделения. Началось формирование заводовуправлений, восстановление производственных округов и организации управления ими для приведения в соответствие старых технологических связей на основе территориально-производственного принципа. Одновременно с формированием структуры управления на заводах налаживалось производство, изучались возможности пуска неработающих предприятий, составлялись производственные программы, намечались формы концентрации производства через создание промышленных объединений. В октябре 1919 г. Уральская комиссия закончила работу. Управлением промышленности Урала занимались Бюро отдела металлов ВСНХ и вновь созданная Урало-Сибирская комиссия во главе с А. В. Шотманом.

Начавшаяся концентрация производства привела к созданию в декабре 1919 — январе 1920 гг. объединений в различных отраслях промышленности с районными управлениями. Они финансировали подчиненные им предприятия, распоряжались фондами, комплектовали рабочие кадры, добивались технологической взаимосвязи производств. Это были структуры параллельные округам, к тому же многоотраслевые и более громоздкие. Так, Екатеринбургское райметаллоуправление объединяло 31 предприятие, Южно-Уральское — 20, Высокогорское — 18, Пермское — 17.¹ В результате реорганизации старые производственные округа ликвидировались и создавались промышленные объединения. Было упразднено и Бюро отдела металлов ВСНХ. Действовавшая Урало-Сибирская комиссия организовала Уральское отделение для Екатеринбургской, Пермской, Уфимской, Челябинской, Тюменской губерний и Сибирское. В сентябре 1920 г. первое было преобразовано в промышленное

¹ См.: Гагаев Г. Г. Указ. соч. С. 105.

бюро Президиума ВСНХ на Урале (Уралпромбюро), которое возглавил К. Г. Максимов.

После окончания гражданской войны на Урале были созданы структуры управления не только крупной, но и средней, и мелкой промышленностью. В ведении Уралпромбюро в начале 1920 г. насчитывалось 5 районных управлений металлургической и металлообрабатывающей индустрии, 4 — рудной, 5 — топливной, а также правление золото-платиновой, нефтяной отрасли, «Райхимоснова», «Уралбум», «Пермьсоль», «Райспичка» и др. Ему были подчинены губернские совнархозы, осуществлявшие руководство средней и мелкой (местной) промышленностью. Всего в составе Уралпромбюро насчитывалось 29 производственных объединений, в которых числилось более 1 900 предприятий.¹ Это была громоздкая трудноуправляемая система с огромным штатом работников, но вместе с тем единая для всего Урала, обеспечивавшая централизованное управление многоотраслевым хозяйством в условиях разрухи и начавшегося голода.

Таким образом, в первые годы Советской власти большевики, провозгласив демократию для народа, фабрики и заводы для рабочих, практически отходят от своих принципов как в политической, так и в экономической жизни. Внедряется господство большевистской партии, начинаются репрессии. Национализированная собственность становится государственной и отдается на откуп нарождающейся советской бюрократии, а управление хозяйством централизуется. Приоритет отдается восстановлению и развитию крупных экономических районов, в том числе Уралу, где закладывались основы единой системы административно-территориального и хозяйственного управления.

После окончания гражданской войны страна приступила к восстановлению народного хозяйства. Война и разруха, политика «военного коммунизма» и командно-административная система управления привели к глубокому социально-экономическому кризису. В новых условиях необходимо было перейти от «военного коммунизма» к экономической политике, основанной на новых принципах, формах и методах работы. Органической частью развития народного хозяйства и административного устройства страны становится экономическое районирование, основные принципы которого были изложены в тезисах ВЦИК (1921 г.).

¹ См.: Годовой отчет промышленного бюро Президиума ВСНХ на Урале за 1920 г. Екатеринбург, 1921. С. 10.

В мирных условиях потребовалось создание устойчивых рычагов административно-хозяйственного руководства единым в экономическом отношении Уральским промышленным районом. Это было тем более важно, что среди части руководителей как в центре, так и на местах сразу после освобождения края появилась тенденция не восстанавливать Уральскую область. Против этого решительно выступил В. И. Ленин, который предписывал «быть чрезвычайно умеренными и осторожными в вопросе о новом административном делении».¹ Глава государства отстаивал создание на Урале системы единого административного, хозяйственного и партийного руководства. Этого требовало и тяжелое экономическое положение края после войны, преодолеть которое можно было лишь объединив усилия всех трудящихся и их организации. Урал оказался первым регионом, в котором в начале 1920-х гг. было осуществлено экономическое районирование.

Основой для формирования региона как единого целого послужил план ГОЭЛРО, в котором Урал был выделен в самостоятельный хозяйственно-экономический район.² 3 ноября 1923 г. ЦИК СССР принял постановление об образовании Уральской области, в состав которой вошли Екатеринбургская, Пермская, Челябинская, Тюменская губернии. Был избран Уралоблисполком, создана единая партийная организация во главе с Уралобкомом РКП(б), сформировались профсоюзная, комсомольская и другие областные организации. Население области насчитывало 6 млн человек, из которых 1 млн 212 тыс. проживали в городах. В состав области вошло 15 округов, 205 районов, 40 городов, 3 100 сельских Советов. Районирование привело к сокращению числа административных единиц более чем в два раза — до 3 430, а работников аппарата — с 30 170 до 11 685.³ Горнозаводской Урал и сельскохозяйственные районы Предуралья в результате районирования составили единое целое, в котором технологически связанная индустрия стала опираться на сельское хозяйство, располагавшее емким внутренним рынком для уральской промышленности.

Учитывая необходимость реализации программы по национальному вопросу, Советское правительство после освобождения Уфимской губернии от армии Колчака еще в марте 1919 г. создало

¹ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 51. С. 182.

² См.: План электрификации РСФСР: доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. 2-е изд. М., 1955. С. 517.

³ См.: История Урала. Период социализма. Пермь, 1977. Т. 2. С. 159, 160; Ослоновский А., Орлов А. Указ. соч. С. 102.

на ее территории Башкирскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Вместе с тем тесные экономические связи БАССР с Уральской областью, особенно в период индустриализации, обусловили включение ее в состав Урало-Кузбасса. На территории Вятской губернии с компактно проживавшим удмуртским населением в декабре 1920 г. была сформирована Вотская область с центром в г. Ижевске. Органически с хозяйственной жизнью Урала была связана Оренбургская губерния, однако в соответствии с районированием 1923–1924 гг. она вошла в Средне-Волжский край.

Районирование создало условия для становления на Урале мощного хозяйственного комплекса, одновременно повысив руководящую роль Советов. Созданные вместо волостей районы стали хозяйственно-культурными центрами и очагами дальнейшего экономического, политического и культурного развития Уралобласти. Все наиболее важные вопросы по развитию промышленности, сельского хозяйства, торговли, культурного строительства после районирования стали разрешаться из единого центра в плановом порядке. Регион получил больше возможностей для самостоятельного решения социально-экономических вопросов с использованием местных ресурсов. В постановлении по докладу Уралобкома «О развитии Урала как мощной промышленной базы страны» от 28 января 1927 г. СНК РСФСР, отметив подъем уральской промышленности, восстановление сельского хозяйства до довоенного уровня, укрепление и широкую децентрализацию местного бюджета, расширение сети социально-культурных учреждений, констатировал, что «всем указанным достижениям способствовало районирование Урала, оформившее его как крупнейший хозяйственный комбинат и обеспечившее возможность единого планового руководства всей хозяйственной и культурной жизнью области».¹

X съезд РКП(б) принял новую экономическую политику, получившую развитие в решениях X Всероссийской конференции, состоявшейся в мае 1921 г. НЭП предусматривал широкое использование, наряду с государственной, других форм собственности. Каждый гражданин РСФСР получил право на частную собственность, на основании и владение частным торговым и промышленным заведением. В сельском хозяйстве господствующим становилось индивидуальное крестьянское хозяйство, право на аренду земли и наем рабочей силы. Была разрешена сдача в аренду средних и мелких

¹ История индустриализации Урала. 1928–1932 гг.: документы и материалы. Свердловск, 1967. С. 71, 72.

государственных предприятий частным лицам, кооперативам и товариществам.

В государственном секторе предусматривалось «расширение самостоятельности и инициативы каждого крупного предприятия в деле распоряжения финансовыми средствами и материальными ресурсами».¹ Главным методом в управлении производством признавался хозяйственный расчет. В распоряжении ВСНХ оставались те крупные предприятия, которые могли быть обеспечены материальными ресурсами за счет общегосударственного снабжения, а многочисленные средние и мелкие снимались с государственного обеспечения. В постановлении СТО (Совета Труда и Оборона) от 12 августа 1921 г. «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства» ВСНХ предоставлялось право создавать хозрасчетные объединения из наиболее крупных заводов и фабрик, правления которых организовывались в составе главка или при ВСНХ. Правлению объединения передавались предприятия «со всем их оборудованием, материалами, запасами, топливом, сырьем, полуфабрикатами, с необходимыми подсобными предприятиями».² Заводам предоставлялось право в определенных размерах реализовать часть своей продукции как внутри страны, так и за границей. Изменился порядок оплаты труда и снабжения рабочих, усиливались индивидуальные и коллективные стимулы материальной заинтересованности.

С учетом плана ГОЭЛРО и задач по созданию многоукладной экономики формировался хозяйственный механизм управления на Урале. С введением НЭПа ограничивались полномочия ВСНХ и его местных органов — Промбюро. Теперь вопросы общего экономического регулирования возлагались на СТО и его подразделения в регионах — областные и губернские экономические совещания. На Урале в 1921 г. было образовано областное экономическое совещание (Уралэконо), которое возглавил К. Г. Максимов, а затем Г. И. Опкоков (Ломов).

Основной формой организации управления производством стали тресты, которые наделялись определенной хозяйственно-оперативной самостоятельностью, переводились на принцип хозрасчета. Они формировались по отраслевому принципу, но объединялись в кооперации со вспомогательными производствами с

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 2. С. 269.

² Управление народным хозяйством СССР. 1917–1940 гг.: сб. документов. М., 1968. С. 53.

учетом углубления традиционных технологических связей отраслей (выплавка металла, производство проката, добыча руды и топлива) и территориального размещения. В 1922 г. вместо ранее существовавших пяти районных правлений были созданы шесть горнозаводских трестов: Богословский, Калатинский «Уралмедь», Екатеринбургский, Пермский, Средне-Уральский, Южно-Уральский. На базе первых пяти трестов был образован синдикат «Уралмет». Тресты формировались и в других отраслях: Золотоплатиновый (добыча золота, платины, драгоценных камней, редких металлов), «Уралхим» (производство соды, серной кислоты и других химических продуктов), «Ураласбест» (добыча и переработка асбеста), «Камуралбумлес» (производство лесоматериалов и бумаги), «Пермьсоль» (добыча соли), «Уралпенька» (производство шпагата и канатов). Всего в отраслях крупной промышленности было создано 17 трестов. Их деятельность возглавило Уралпромбюро, а координацию работы промышленности, сельского хозяйства, торговли, кооперации — Уралэконо. С образованием в 1923 г. Уральской области последнее стало органом Уралоблисполкома, а Уралпромбюро было преобразовано в облсовнархоз. Таким образом, на Урале создается единый хозяйственный механизм управления промышленностью и всем народным хозяйством, осуществлявший вместе с советскими органами власти новую экономическую политику на территории Уральской области.

Сложившаяся структура управления промышленностью в основном сохранялась до конца НЭПа, однако шел процесс ее совершенствования. Некоторые тресты, как показал опыт, оказались слишком громоздкими, трудноуправляемыми и нерентабельными. В апреле 1923 г. СНК с целью улучшения управления промышленностью принял Декрет о трестах.¹ Последние получили право на кредит в банках, на требование от госорганов оплаты сдаваемой продукции и, наконец, возможность объединяться в синдикаты. Была обозначена и главная цель — деятельность на началах коммерческого расчета. Это повлекло за собой упорядочение структуры трестов: разукрупнение громоздких и ликвидацию убыточных. На Урале из Пермского был выделен Прикамский, из Горноуральского — Симский, из Среднеуральского — Уральский железорудные тресты. Последний был разделен на Алапаевский, Нижне-Тагильский и Гороблагодатский. В итоге на 1 октября 1925 г. крупная промышленность Урала

¹ См.: О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета // СУ РСФСР. 1923. № 29. С. 26.

насчитывала 31 трест, в том числе 10 общесоюзного подчинения, 3 — республиканского, 18 — областного.¹ По сравнению с 1922 г. число трестов увеличилось, но сократилось количество объединений, финансировавшихся из общесоюзного бюджета. К 1927/28 хоз. г. число трестов союзного значения сократилось до 5, областного — до 6, а остальные перешли в ведение окружных промышленных отделов или были преобразованы в промкомбинаты окружного значения.² Это позволяло государству сконцентрировать внимание на работе особо важных предприятий, а Уралу изыскивать внутренние возможности, чтобы улучшить работу предприятий и трестов областного и окружного подчинения.

В ведении уральских хозяйственных органов наряду с крупной промышленностью находилась мелкая и средняя. Вначале существовали промобъединения: «Кожкуст», «Соликамхимкуст», «Деревокуст», «Полиграфкуст», «Пимкуст», «Электрокуст». С введением НЭПа в аренду на территории Урала (вместе с Башкирией) было передано около 200 предприятий средней и мелкой промышленности. Остальные перешли в ведение коммунальных отделов местных Советов; из них были созданы промкомбинаты. Стала возрождаться кустарная промышленность.

В период НЭПа на Урале возникли концессионные предприятия. В частности, американская концессия А. Хаммера по добыче и переработке асбеста в Алапаевском районе (1921 г.), латвийская — Стурковича по добыче мрамора в Полевском районе, английская «Лена-Голдфилдс лимитед», которая также включала ряд объектов Экибастуза и Сибири. В 1927 г. на Урале действовало 12 концессионных предприятий. Самой крупной из них была золотопромышленная концессия «Лена-Голдфилдс лимитед», которая в 1926–1929 гг. осуществляла 30 % всей добычи золота в СССР, или более 600 пудов в год. Долевые отчисления Советскому государству составляли полтора миллиона рублей в год, на предприятиях концессии работало свыше 12 тыс. человек. Экономическое значение определялось солидным вложением средств в основной капитал промышленности СССР и Урала, ростом средств производства, улучшением торгового баланса, увеличением фонда заработной платы. Создание концессионных предприятий способствовало росту количества рабочих мест, повышению квалификации индустриальных кадров и прохождению ими практики на частнокапиталистических предприятиях. Наличие

¹ См.: Гараев Г. Г. Указ. соч. С. 156.

² См.: История индустриализации Урала. 1928–1932 гг. С. 118.

концессий развивало конкуренцию на внутригосударственном рынке между смешанными, концессионными и государственными предприятиями, что подтягивало советские предприятия к мировому уровню. Наконец, привлечение иностранного капитала и специалистов заставляло советские государственные органы принимать срочные меры к улучшению работы хозяйственного аппарата, совершенствовать управление экономикой. Арендные, частные и кустарные предприятия находились под контролем уральских хозяйственных органов. Концессии контролировались и ВСНХ.

Создание единого административно-хозяйственного и партийного руководства, перестройка управления хозяйством региона в условиях многоукладной экономики позволило решить в 1920-е гг. главную проблему — восстановить промышленность, сельское хозяйство, транспорт Урала. В процессе возрождения развитие края определяла металлургия, дававшая в середине 1920-х гг. более двух третей стоимости валовой промышленной продукции. Производство металлургической и металлообрабатывающей промышленности сосредоточивалось на менее чем 40 предприятиях. В 1925/26 хоз. г. отрасль достигла 92,2 % довоенного уровня, главным образом за счет увеличения удельного веса более ценных готовых изделий, удовлетворяя потребности страны и Урала, особенно крестьянского рынка. Так, выпуск сортового железа в течение 1923–1926 гг. увеличился в 3 раза, посуды — в 5, кос — в 6, гвоздей — в 2 раза.¹ Была восстановлена цветная металлургия. Начали выдавать продукцию Калатинский, Нижне-Кыштымский, Пышмино-Ключевской медеплавильные заводы. К 1926 г. их действовало уже пять. С 1921 г. по 1925 г. выплавка черновой меди увеличилась почти в 8 раз, электролитной — в 2,5 раза. В 1925/26 хоз. г. добыча каменного угля с 73,2 млн пудов в 1913 г. возросла до 95,6 млн пудов. В середине 1920-х гг. оборот химической промышленности достиг 5,5 млн руб., или 91 % от уровня 1913 г. Что касается электрификации Урала, то в 1924 г. по плану ГОЭЛРО была достроена Кизеловская, в 1927 г. — Егоршинская электростанции. Основная часть необходимых средств удовлетворялась за счет оборотных, а также основных фондов, при этом сокращалась возможность их перспективного развития.

Из всех отраслей промышленности, производящей средства потребления, по стоимости выпускаемой продукции около поло-

¹ См.: Фельдман В. В. Восстановление промышленности на Урале. 1921–1926 гг. Свердловск, 1989. С. 89.

вины приходилось на долю кожевенной. К концу 1925 г. в Уральской области работало 14 кожевенных заводов и 5 мастерских по производству обуви. Развивались на Урале и кустарные промыслы на основе аренды. С 1923 по 1925/26 хоз. гг. объем выпускаемой кустарной промышленностью Урала валовой продукции вырос в 2,5 раза.

Формирование административно-хозяйственной сети управления, итоги восстановления народного хозяйства Урала в период НЭПа отвечали в целом интересам всех слоев населения и объективным потребностям страны, поскольку учитывали неодинаковый уровень развития в различных укладах и отраслях народного хозяйства. Навязанный стране эксперимент «военного коммунизма» ясно показал всю пагубность искусственно созданного способа производства, командно-приказного управления и привел к резкому снижению всех показателей, особенно — производительности труда и валового продукта. Нужно было встать на цивилизованный путь развития, используя опыт и знания компетентных отечественных и зарубежных организаторов производства. С этих позиций НЭП оказался объективным, закономерным процессом для социально-экономического развития страны и позволил добиться позитивных результатов в становлении ее экономических районов, в том числе Урала.

Однако большевистские лидеры рассматривали НЭП как временное отступление, вынужденную уступку капитализму. И хотя имели место высказывания В. И. Ленина о том, что это «всерьез и надолго», что концессии — «на несколько десятков лет», а кооперативная политика — «на неопределенный срок», главная его установка по НЭПу была провозглашена в 1922 г. на XI съезде РКП(б). Здесь В. И. Ленин от имени всей партии уже как обязательную выдал директиву: «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил».¹ Иными словами, стратегия большевиков — строительство социализма, а НЭП выполнял роль тактической задачи. Следовательно, переход к экономике НЭПа проходил через очередной виток коммунистической иллюзии. Ленинская установка: «Довольно, больше никаких уступок» давала основание сталинскому руководству в партии и государстве ограничивать действия принципов НЭПа, замораживать

¹ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 45. С. 87.

развитие рыночных отношений, сужать масштабы использования капиталистического производства и различных форм собственности. Формирующееся командно-бюрократическое управление агрессивно использовало некомпетентное вмешательство в рыночные отношения в целях создания благоприятных условий для государственного сектора. В области эмиссионной политики и ценнообразования командование плановых органов реально создавало угрозу выведения цен из равновесия с рынком. Регулирование производства и потребления осуществлялось только с помощью административных методов. Сама же система такого управления не была отработана и находилась в стадии непрерывной перестройки, что особенно было характерно для уральской промышленности.

Использование достижений иностранной науки, техники, опыта не получило распространения. Концессии были свернуты по инициативе советских органов. Провозглашенное на XI Всероссийской партийной конференции в декабре 1921 г. регулирование рынка и денежного обращения в своей основе противоречило сути рыночной экономики.

В таких условиях восстановление промышленности шло с большим трудом и медленно. По металлургическим предприятиям региона выплавка чугуна составила в 1926/27 хоз. г. — 558 тыс. т, или 69 % от уровня 1914 г.; в 1927/28 хоз. г. — 665 тыс. т, или 80 %, и приблизилась к довоенному уровню только в 1928/29 хоз. г. (764 тыс. т).¹ В целом экономика обобществленного сектора страны была неэффективной. Национальный доход СССР в 1928 г. оказался на 12–15 % ниже уровня 1913 г., душевое потребление (с учетом роста населения на 5 %) — на 17–20 %. Из 10,8 млн рабочих 1,5 млн составляли безработные. Годовая производительность труда упала на 23 %, а фондоотдача — на 25 %. Из-за низкой эффективности экономики крайне ограниченными были денежные ресурсы страны. Если в 1913 г. рентабельность промышленности равнялась 19,7 %, то к 1925 г. она снизилась до 10,9 %. На Урале этот показатель был еще ниже из-за устаревшей техники и технологии. Поэтому прибыли в хозяйственном секторе сократились в среднем в 2 раза. К концу 1920-х гг. в результате большевистского курса на волевое введение «социализма» при недостаточных средствах производства и низком уровне производительных сил в хозяйстве практически скла-

¹ См.: Национализация промышленности на Урале... С. 288; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 2. С. 116.

дывалась ситуация застоя. Рост национального дохода (2 % в год) оказался меньше, чем рост населения — 6 %.¹ Гибель НЭПа была неизбежной потому, что курс на построение социализма в одной стране предполагал в конечном итоге вытеснение несоциалистических укладов из экономики.

¹См.: Ханин Г. И. Почему и когда погиб НЭП // ЭКО. 1989. № 10. С. 73.

1.3. Тупики новой экономической политики

Опыт хозяйствования, приобретенный в годы НЭПа, имеет особую ценность прежде всего потому, что государство социалистического типа взяло на себя задачу регулирования сложной по составу многоукладной экономической системы. И государство осуществляло регулирование, стремясь подчинить деятельность каждого сектора единой цели — построению обобществленной экономики. Выраженный мобилизационный характер экономической политики.

В условиях НЭПа существовало пять социально-экономических укладов: социалистический, частнокапиталистический, мелкотоварный, государственно-капиталистический и патриархальный. Три первых уклада были основными, за ними стояли основные классовые силы — пролетариат, буржуазия и мелкая буржуазия. Социальная структура отражала своеобразие «смешанной экономики» и особенности социально-политического противоборства в обществе. Решающее значение для вариантов эволюции экономической системы смешанного типа, конечно же, имело поведение подавляющего большинства — мелкобуржуазного слоя.

Сам характер «смешанной экономики» неизбежно предполагал сосредоточение государственного регулирования на пограничной зоне взаимодействия двух секторов народного хозяйства: социалистического и частного. Основной организационной формой этого взаимодействия являлся рынок. Советское право периода НЭПа носило определенно выраженный классовый характер, и правовая политика осуществлялась дифференцированно по отношению к различным экономическим укладам.

Политика государства применительно к частному капиталу и формам его организации на всем протяжении НЭПа также не была однородной. В 1921 г. власти отменили часть ограничений, наложенных на частное предпринимательство в период «военного коммунизма», существенно расширив его сферу. При этом не устанавливались достаточно определенные формы частнохозяй-

ственной организации и деятельности, предоставляя их выбор заинтересованным лицам (по принципу: «что прямо не запрещено, то дозволено»). Экономическое усиление частного капитала, особенно в области торговли, заставило государство в 1925–1926 гг. пересмотреть налоговое законодательство в сторону его ужесточения, правовой регламентации цен и кредита и перейти к более активному наступлению на частный сектор. Параллельно с этим разрабатывается система законодательных регламентаций более сложных (и легче контролируемых) форм частного предпринимательства: смешанных акционерных обществ, концессионных предприятий и т. д.

Проблема частнокапиталистического посредничества имела важное значение для всей системы советского хозяйства 20-х гг. Достаточно большой удельный вес частноторгового оборота, хозяйственная активность частных посредников, умело использующих конъюнктуру рынка, стремление частного капитала внедриться в сферу государственного и кооперативного хозяйственного оборота — все эти факторы заставляли власти больше внимания уделять правовому статусу частных предприятий и частного сектора в целом.

Правовое оформление частного оборота в первый период НЭПа проходило по двум основным направлениям: по пути легализации тех или иных конкретных форм частноторговой деятельности и по пути включения в частный оборот новых объектов. В первых государственных актах прямо перечислялись допустимые к свободному обмену продукты и губернии, где этот обмен официально разрешался. (На практике первыми легальными формами частной торговли стала рыночная и базарная торговля). Прямые указания на ограничение частной торговли пределами «местного оборота» постепенно сменялись допущением и иных масштабов и форм: «в других местах, с лотков и ларей и в закрытых торговых помещениях».¹

Параллельно с изменением организационных форм частной торговли расширялся круг объектов частноторгового оборота. Закон о замене продразверстки продналогом отменил государственную монополию на основные виды продукции. Участниками этого оборота, прежде всего, становились мелкие производители — крестьяне и кустари, отчуждавшие продукцию собственного производства. Здесь следует отметить, что на протяжении всего периода

¹ СУ. 1921. № 26. С. 149; № 40. С. 212.

НЭПа государство, предоставляя право частной торговли, постоянно отдавало предпочтение участникам товарооборота — производителям продукции. Частная же посредническая торговля всегда являлась для него менее желательной формой частного предпринимательства.

В 1922 г., когда рынок, торговый оборот и коммерческий метод ведения дел приобрели большое значение в организации хозяйства, широкое участие частного капитала в товарообороте потребовало кодификации частных хозяйственных прав и документального их оформления. Таким документом стало постановление ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР».¹ Постановление подробно регламентировало круг объектов, допускаемых в частную собственность, а также устанавливало примерный перечень договоров, заключение которых разрешалось частным лицам.

Частный сектор сориентировался на функцию посредника между государственным производством и индивидуальным потребителем: кустарями и крестьянами. С частным посредничеством государственная промышленность столкнулась уже в первые месяцы НЭПа. В августе 1921 г. госпредприятия получили официальное разрешение привлекать в качестве поставщиков необходимых им товаров частных лиц. Несколько позднее легализовалась запрещенная в 1920 г. подрядная деятельность частных лиц по заказам госорганов. Частное посредничество получает широкое распространение также в области товарообменных и торговых операций.²

Государство предпринимало попытки направить частное посредничество в русло интересов обобществленного хозяйства.

Декрет Совнаркома РСФСР от 4 октября 1921 г. «О порядке приобретения советскими органами материалов на вольном рынке» устанавливал трехступенчатую очередность выбора госорганами своего коммерческого посредника на рынке: вначале обратиться к кооперативным организациям, затем к «единоличным производителям» и лишь в случае неуспеха — к «частным лицам вообще». Позднее эта система была перенесена на порядок реализации госпредприятиями своей продукции.³

¹ См.: СУ. 1922. № 36. С. 423.

² См.: СУ. 1921. № 63. С. 458; № 47. С. 230.

³ См.: СУ. 1923. № 14. С. 173.

На практике же торгующие госорганы систематически нарушали этот порядок, особенно, если частник предлагал более выгодные условия. Поэтому в феврале 1923 г. было запрещено частное посредничество в сделках госорганов между собой. Этим декретом было положено начало более решительному размежеванию двух секторов рыночного оборота.

Чтобы выжить в условиях диктатуры пролетариата и мощного давления со стороны социалистического сектора, частный капитал должен был выработать для себя весьма эластичные и гибкие организационные формы. Внутри частного сектора сложилась хозяйственная система с самостоятельными отраслями и структурными звеньями. Одновременно с укрупнением частных торговых единиц в течение 1922–1927 гг. происходило постепенное перемещение частной торговли из городских центров в деревню. Государственная политика оттеснения частника из сферы торговли промышленными товарами заставляла его переносить свои операции на крестьянский и кустарный рынок.

В области промышленности частный капитал с самого начала своей легализации не смог занять сколько-нибудь значительного места. В частной промышленности специалисты отмечали определенные черты специализации, обусловленные, во-первых, ее стремлением приблизиться к рынку, и, во-вторых, закрепиться в тех пунктах экономики, где государственная и кооперативная промышленность были относительно слабы, то есть сосредотачивались в меньшем числе отраслей.¹

Для частного предпринимательства были характерны такие черты, как своеобразное переплетение легальных и нелегальных форм работы, а также развитие известного универсализма, связанного с постоянной мобильностью и многообразием деятельности частного капитала. «Один и тот же капиталист не только попеременно, но и одновременно вкладывал свой капитал в разные отрасли деятельности. Он рассматривал это как обязательную страховку против изменения степени всегда возможного нажима со стороны власти..., а также использовал всеми этими приемами временные изменения конъюнктуры».²

Процессы укрупнения частной торговли, начавшиеся весной 1922 г., вызвали образование большого числа частнохозяйственных объединений. Чтобы каким-то образом легализовать свою

¹ См.: Местная промышленность и торговля. М., 1925. № 9. С. 42.

² Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.; Л., 1927. С. 235.

договорную практику, эти объединения должны были принимать признанную в гражданском обороте форму. Как правило, ею становилась форма кооператива. Таким образом, недочеты хозяйственного законодательства способствовали так называемым лжекооперативным движениям в секторе частнохозяйственных объединений.

Одним из важнейших аспектов частного посредничества являлся правовой механизм пользования частными лицами государственным имуществом. Этот механизм подчас регламентировался подробнее, чем право частной собственности в чистом виде.¹ Для «смешанной» собственности было характерно, что ее частный субъект одновременно являлся пользователем государственного имущества и собственником своего. Обе группы имущественных ценностей объединялись в организационных рамках одного предприятия (арендного, концессионного или смешанного акционерного), и только относительно самих этих предприятий можно было говорить о существовании «смешанной» собственности. Однако рост этой формы наряду с двумя сопутствующими ей тенденциями: вытеснением физических лиц юридическими и сокращением объектов частного оборота — приводил к известному сужению имущественной базы «чистой» частной собственности в рамках «смешанной» экономики.

На практике имели место три основные формы: «чисто частные» хозяйственные образования, смешанные и оперативно-контрольные (биржи). Разные формы организации соответственно обусловили и разный характер методов регулирования. В чисто частных организациях ведущим был метод контроля, осуществляемого госорганами. В смешанных формах выдвигался принцип хозяйственно-оперативного преобладания государства. На биржах решающим стал метод контрольно-регулирующего воздействия. Элементы всех трех методов переплетались на практике в применении к различным формам организации.

Опасаясь влияния рыночной стихии, государство развернуло целый ряд административно-правовых и хозяйственных мер, направленных против частного капитала. В этом комплексе важное место заняло налоговое регулирование. Налоговое законодательство превращалось в гибкий регулятор, направляющий частный капитал в те отрасли хозяйства, где последний мог оказаться бо-

¹ См.: Канторович Я. Частная торговля и промышленность по действующему законодательству. М., 1925. С. 14.

лее полезным и где он легче контролировался. Усиливая или ослабляя интенсивность налогообложения в соответствующих сферах частного хозяйственного сектора, государство содействовало приливу или отливу из них частного капитала, косвенным образом усиливая конкурентную способность государственных и кооперативных хозяйств. *Одной из главных задач налоговой политики государства было удержание частного капитала в установленных пределах и сферах, создание условий для экономического преобладания социалистического сектора.* «Налоги дают нам, — писал В. И. Ленин, — доход с нэпманов и с производителей на помощь промышленности, особенно на помощь тяжелой индустрии».¹ С переходом к НЭПу налог стал не только способом извлечения необходимых государству средств, но и методом стимулирования хозяйственной инициативы мелкоотварных производителей.

В первые годы НЭПа система налогового обложения характеризовалась множественностью различных включенных в нее платежей и сборов, а также перенесением центра тяжести на группу косвенных налогов.² В июле 1921 г. было принято первое Положение о промысловом налоге, которое, исходя из существовавшей тогда системы частного предпринимательства давало классификацию хозяйств, облагаемых промысловым налогом. Классификация отразила тот факт, что в поле зрения налоговых органов оказались наиболее простые формы организации торгово-промышленной деятельности. Однако быстрое развитие форм частного предпринимательства вскоре потребовало пересмотра норм.

В феврале 1922 г. принято новое Положение, в котором увеличивалось число разрядов облагаемых предприятий и их предельный размер по числу занятых рабочих.³ Переход государственных предприятий на хозрасчет, рыночное обеспечение и сбыт послужили причиной для включения в число облагаемых предприятий государственных заведений. Вместе с тем в нем оставалось недифференцированным в отношении порядка и размеров налоговое обложение предприятий разных социальных секторов.

В третьем Положении о государственном промысловом налоге (январь 1923 г.) устанавливались льготные условия для обложения государственных предприятий, но оставался старый порядок обложения для частных и низовых кооперативных предприятий.⁴

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М., 1958. Т. 45. С. 262.

² См.: СУ. 1922. № 22. С. 233; № 30. С. 357; № 34. С. 397; № 44. С. 550.

³ См.: СУ. 1922. № 16. С. 172.

⁴ См.: Там же. С. 88, 89.

Тем самым частные предприятия были впервые выделены в особую группу, облагаемую налогом на особых условиях. Со временем эта обособленность частных предприятий в налоговом отношении усиливается. В 1924 г. Наркомфин принял новую классификацию торгово-промышленных предприятий, по которой ставки уравнительного сбора с госпредприятий были в 1,5–2 раза ниже, чем соответствующие ставки для частных.

В дальнейшем развитие налогового законодательства пошло по пути уточнения порядка и структуры обложения и расширения льгот кооперативным и кустарным предприятиям. При общей стабилизации налоговой практики и усилении налогового аппарата отмечалось постоянное сокращение участия частного капитала в платежах промыслового налога. А с ростом его бремени частное предпринимательство вновь обратилось к нелегальным формам деятельности. Так, резко, начиная с 1926 г., возросла численность нелегальных частных предприятий.

Как следует из докладной записки Уральского областного финотдела, направленной в Наркомат финансов страны, нелегальные предприятия имели довольно прочную базу и, оперируя в отдельных местностях, долго могли уходить от какого-либо контроля.

С относительным снижением роли частного капитала в качестве плательщика промыслового налога в частном секторе возросло значение другого основного налога подоходного.

Промысловый и подоходный налоги являлись основными в налоговой системе, регламентировавшими накопление частного капитала. Наряду с ними важное место отводилось местным налогам, которые постепенно, с 1926 г., стали играть весьма значительную роль в обложении частного капитала и частного предпринимательства. Местная налоговая система дополняла и усиливала налоговый нажим государства на частный капитал. Нормативное исчисление давало местным налоговым органам выработать собственную практику, подчас не очень согласованную с единой налоговой политикой и принципами налогообложения. *И постепенно, к концу периода НЭПа местная налоговая практика превратилась в рычаг, которым государство стало все энергичнее теснить частное предпринимательство.*

В целом, по отношению к частному сектору налоговая система в течение НЭПа постепенно изменяла свою ориентацию от стремления охватить большее число субъектов к стремлению сосредоточиться на обложении групп с наивысшей доходностью. При

этом значительную роль здесь играли налоговая практика, и возрастание доли, прихотлившейся на местные налоги.¹

С курсом на ограничение накоплений непосредственным образом была связана и политика цен. Стройной системы ценообразования в 1920-е гг. еще не сложилось. Понижение цен административным путем происходило преимущественно в виде кампаний. Так, кризис сбыта осенью 1923 г. явился следствием диспропорций в восстановлении разных отраслей экономики, низкого уровня производительности труда в промышленности. Выход из положения был найден за счет нажима в кредитной и ценовой политике на частный сектор.

XIII конференция РКП(б) в резолюции «Об очередных задачах экономической политики» определила, что посредничеству частного сектора должен быть поставлен предел путем усиления хозяйственной роли кооперации и государственной торговли.² Среди мер правительство предусматривало максимальное сокращение или полное прекращение в некоторых отраслях кредитования частного сектора и волевое снижение цен.

Этап ликвидации частной промышленности и торговли начался позднее, с конца 1927 г. Ликвидация происходила медленно, в течение трех лет. Самым эффективным способом ликвидации частного предпринимательства явилась налоговая политика. Ее содержанием стало уже не ограничение частного капитала, как в первые годы НЭПа, а все более полное изъятие не только доходов, но и прежде сделанных накоплений. Прекращение отпуска частникам сырья, топлива, товаров в торговую сеть, переход на нормированное снабжение населения — все это сделало невозможным легальное функционирование частной торговли и промышленности. К осени 1931 г. они ликвидировались. Государственная политика по отношению к частному капиталу имела ярко выраженную социалистическую направленность. В ней сочетались административные и экономические методы регулирования частного предпринимательства. В десятилетнем периоде развития частной торговли и промышленности можно выделить ряд этапов. Первый — 1921–1924 гг., отступление от запретительных мер «военного коммунизма» и оживление частного предпринимательства. Одновременно в 1924 г. произошло первое широкое наступление на частный капитал, относительное

¹ См.: Маряхин Г. Очерки истории налогов с населения в СССР. М., 1964.

² См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 3. С. 168, 169.

и абсолютное его сокращение. Второй — 1925–1926 гг., когда государство строило свою политику в отношении частного предпринимательства в соответствии с мероприятиями по увеличению товарооборота и накоплению средств для индустриализации. С 1927 г. начался третий этап — ликвидация частной промышленности и торговли.

Таким образом, организационные формы хозяйствования в различных секторах экономики НЭПа развивались под контролем государства.

Основной областью взаимодействия укладов был рынок, товарный оборот. С самого начала его развития государство взяло под контроль основные межсекторные связи. Постоянно сочетая методы экономического и административного воздействия (составлявшие суть всей плановой работы), государство не позволяло «застыть» тем или иным формам регулирования, непрерывно ориентируя их на изменения народнохозяйственной конъюнктуры.

Стихийные элементы «смешанного» хозяйства вовсе не являлись на всех этапах НЭПа полностью автономными и нерегулируемыми, так как плановое начало постоянно воздействовало на них в самых различных секторах и сферах экономики.

В системе нэповской экономики сложились достаточно сложные организационные и хозяйственные взаимоотношения различных хозяйственных укладов. Экономическая политика государства строилась с учетом ситуации, в которой элементы государственного хозяйствования тесно соприкасались с элементами кооперативного и частного, в рамках единого имущественного оборота. На правовом уровне это взаимодействие проявлялось в переплетении двух начал правового регулирования: «публично-правового», для которого были характерны черты последовательной плановости и централизации, и «частно-правового», с присущими ему хозяйственно-правовой автономией сторон, децентрализацией, непрямым регулированием.

Правовая надстройка чутко реагировала на все изменения в многоукладной экономике. Наличие в народнохозяйственной системе частнохозяйственных элементов не сдерживало процесс укрепления и роста социалистического сектора. Этому всевозможными средствами содействовало государство, постепенно подчинявшее своему воздействию все остальные элементы народного хозяйства.

Изменение соотношения и форм взаимодействия различных секторов в экономике непосредственно отражалось на правовом

регулировании: организационно-правовых формах предпринимательства, законодательстве, нормативных актах. Так, методы косвенного правового воздействия на частный сектор на протяжении НЭПа постепенно уступали место непосредственному административному нажиму, а смешанные хозяйственные формы — последовательно социалистическими формами.

Все это свидетельствует о том, что условия развития частного предпринимательства в годы НЭПа были исключительно неблагоприятными. В 1927–1928 гг. это проявлялось в конкретных актах: резком сокращении кредита частному сектору, закрытии частных кредитных учреждений, сокращение перечня арендованных частными лицами государственных предприятий, введении организованной закупки сырья и продуктов у крестьян и кустарей (контракция), ужесточении налоговой политики и т. д. При такой постановке дела частное предпринимательство к концу нэповского эксперимента неизбежно приобрело ярко выраженный криминальный (теневой) оттенок.

Кого затронули изменения? Как же распределялось самодеятельное и все население Урала между различными социально-классовыми группами общества?

Как следует из статистики, удельный вес буржуазии был невелик. В годы гражданской войны многие из ее представителей, выступив против новой власти, потерпели поражение и вынуждены были эмигрировать. Та часть буржуазии, которая не подпала под национализацию, в период «военного коммунизма» оказалась под жестким давлением государства, сильно регламентировавшего деятельность владельцев частного капитала, особенно в торговле.

Однако буржуазия сохранила экономические позиции в мелкой промышленности, национализация которой не была полностью проведена, а также действовала нелегально и сохранила некоторые материальные ценности. Главная же причина ее «живучести» состояла в том, что она имела глубокие корни в мелко-товарном производстве, рождающем капиталистические формы хозяйствования. Имея в виду это обстоятельство, В. И. Ленин говорил: «...Буржуазию мы победили, но буржуазия у нас осталась, и борьба осталась».¹ В городах был значительный слой мелких собственников. В конце 1920 г. в городах Урала 47,2 % всех промышленных заведений, учитывая и мелкие, кустарно-ремесленные,

¹ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 42. С. 361.

принадлежали частным лицам.¹ Среди мелкой буржуазии городов было много торговцев.

Введение НЭПа привело к оживлению экономической и социальной жизни региона. Уже к 1923 г. начал ощущаться рост населения городов (до этого действовала обратная тенденция), и по сравнению с 1920 г. численность городского населения увеличилась на 6,8 %. На Урале этот процесс шел гораздо интенсивнее, чем по стране в целом.

В потоке населения, устремившегося в города, была не только часть возвращающегося городского населения, но и масса мелкобуржуазного населения из деревни. Это значительно усложняло и без того пеструю в условиях многоукладной экономики социальную структуру.

Поток населения пополнял в большинстве случаев социалистический сектор и частнокапиталистический.

В городах в противостоянии форм собственности и, соответственно, социальных отношений на полюсах находились пролетариат и нэпмановская буржуазия. Ее развитие определялось объективными условиями НЭПа и регулирующей политикой государства. «Пролетарское государство, не изменяя своей сущности, может допустить свободу торговли и развитие капитализма, — отмечалось в резолюции XI съезда РКП(б), — лишь до известной меры и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определения форм, порядка и т. д.) частной торговли и частного хозяйственного капитализма».²

Во всех сферах хозяйства на Урале к середине 1920-х гг. к категории нэпманской буржуазии относилось 312,8 тыс. человек, в том числе 225,4 тыс. членов кулацких семей. Среди самостоятельного населения представителей новой буржуазии насчитывалось 53,4 тыс. и кулаков — 146,4 тыс.³ Прослойка этой категории населения в регионе по численности и удельному весу была значительно ниже страновых показателей (почти в два раза). Это вполне согласуется с утверждением, что на Урале вытеснение и ограничение предпринимательских элементов шло более высокими темпами. Удельный же вес кулацких хозяйств на Урале был выше, что объясняется более высокой активностью частного капитала в сфере торговых заго-

¹ ГАСО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 145. Л. 391.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 2. С. 484.

³ См.: Занятия населения Уральской области. (По данным разработки Всесоюзной переписи населения 1926 г.). Свердловск, 1929. С. 7–9, 24, 25, 43, 46–50.

товок сырья, переработки сельхозпродукции, чем в сфере крупной промышленности.

Нэпманская буржуазия по экономической мощи не могла идти ни в какое сравнение с дореволюционной буржуазией, однако нельзя не учитывать ее основательную роль в хозяйственных отношениях 1920-х гг. Буржуазия имела опыт хозяйствования, международные связи и т. д. Как уже отмечалось, нэпманская буржуазия охотнее оперировала в сфере торговли. Торговцы насчитывали более половины нэпманов-предпринимателей. Довольно многочисленной группой буржуазии была прослойка владельцев мелких кустарно-ремесленных промышленных заведений. Они составляли 1/5 часть предпринимательской буржуазии. В основном это были владельцы мастерских, предприятий легкой промышленности, сапожных мастерских, хлебопекарен и т. д. Были широко распространены портняжные мастерские, кожевенные, мукомольные, реже встречались заведения, связанные с металлообработкой, кузнечные и слесарные.¹ Гораздо меньшую часть составляли хозяева, занятые в сельскохозяйственном производстве, чуть более 10 % из числа предпринимательской буржуазии. Некоторая их часть была связана с огородничеством и садоводством, имела хозяйства на городских окраинах.

Лишь небольшая по численности группа предпринимателей являлась хозяевами фабрик и заводов, она насчитывала всего 0,9 % от всей численности. Это были и арендаторы, и частные владельцы, и владеющие предприятиями на концессионных началах. Незначительная часть буржуазии занималась подрядом строительных работ, извозным промыслом, а также владела частными учебными и другими заведениями.

Несмотря на жесткий налоговый режим, ограничения по всем направлениям социальных и политических отношений, весь период НЭПа численность и удельный вес нэпманской буржуазии с учетом всех ее групп возрастал. (На Урале за 1923–1927 гг. в 2,5 раза).

Изучение внутренней структуры нэпманской буржуазии показывает, что в 1923–1927 гг. падает прирост численности самой активной ее части — торговой буржуазии, а по удельному весу торговцы сокращаются на 1,3 %. То же происходило и с группой фабрикантов и заводчиков, удельный вес которых, и без того незначительный, упал до 0,7 %. Следовательно, к началу индустриализации нэпманская буржуазия начала вытесняться из самых важных

¹См.: Там же.

сфер городского хозяйства — торговли и цензовой промышленно-ремесленную промышленность и сельскохозяйственное производство в городах, переход к нелегальной деятельности. Эти тенденции развития буржуазии были зафиксированы на XIV съезде ВКП(б) как политический успех: «...при абсолютном росте численности частного капитала происходит падение роста его роли, в особенности торгового капитала».¹

С этой точки зрения представляет интерес развитие базы и основной среды предпринимательской активности — мелкобуржуазного уклада.

Переход к НЭПу вызвал оживление в этой части хозяйства и увеличение численности связанных с мелкобуржуазным производством слое населения. Государство рядом специальных постановлений и декретов создало более благоприятные условия для восстановления и развития кустарно-ремесленной промышленности. Уже в мае 1921 г. специальным декретом Совнаркома были сняты всякие ограничения развития мелкого производства.² Проблемы подъема мелкой промышленности рассматривались на X, XI конференциях РКП(б), где было указано на необходимость обеспечить производителям свободное распоряжение своими продуктами.³ Наконец, в июле 1921 г. вышел декрет ВЦИК «О кустарной и мелкой промышленности», который расширил само понятие мелкой промышленности и улучшил условия для ее развития.

К 1923 г. мелкобуржуазные слои населения занимали весьма значительное место в социальной структуре. К ним относились и пограничные элементы предпринимательской деятельности: «хозяева, работающие только с членами семьи» (хотя здесь имел место случай замаскированного найма). Значительную группу мелкой буржуазии города составляли хозяева-одиночки, по всей вероятности, ее низший слой. К мелкой буржуазии относилась подавляющая часть групп «помогающих членов семьи».

Мелкая буржуазия города и деревни, безусловно, преобладала в социальной структуре населения, хотя и проявлялась тенденция постепенного сокращения ее удельного веса. По своей численности мелкобуржуазный слой превосходил рабочее население в 1925 г. на Урале в 5 раз, а по стране еще больше. Для исследования большое

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т. 2. С. 421–468.

² См.: Хозяйство Урала. 1928. № 15–16. С. 196, 197.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т. 3. С. 428.

значение имеют данные по мелкой буржуазии города (среднее крестьянство в силу своей специфики представляет предмет особого изучения), по своим характеристикам относящейся к предпринимательскому слою.

Если учесть все категории городских хозяев на Урале, не эксплуатирующих наемный труд, и членов их семей, помогающих в занятии, мелкая буржуазия насчитывала по приблизительным подсчетам 840 тыс. человек, или 21,3 % всего городского населения. 42 % мелкой буржуазии связаны были с сельскохозяйственным производством на городских окраинах. Второй по численности группой выступали кустари и ремесленники, составлявшие около 30 % всей мелкой буржуазии. Значительную часть составляли мелкие торговцы — 17 %. К концу благоприятного для предпринимательства периода сильно выросла численность занятых в кустарно-ремесленном промысле (более чем на 45 %) и сократилась численность и удельный вес мелких торговцев и занятых в сельскохозяйственном производстве.¹ В мелкой буржуазии развивался процесс дифференциации. Об этом свидетельствуют данные об уменьшении ее низшего слоя — хозяев-одиночек, численность которых сократилась к 1926 г. на 27 тыс. человек, или на 5 % по сравнению с 1923 г. Уменьшился на 1,8 % их удельный вес в составе мелкой буржуазии. Зато группа хозяев, работающих только с членами семьи, увеличилась почти на 40 %, а по удельному весу — на 0,7 %. Это сокращение численности одиночек и замедление темпов их роста особенно заметно на группах, связанных с сельхозпроизводством и кустарно-ремесленным промыслом. Например, группа кустарей и ремесленников среди одиночек за изучаемый период выросла численно лишь на 28 %, а «хозяева, работающие только с членами семьи», занятые в кустарном промысле, увеличились на 174,9 %. О дифференциации говорит и факт перелива капиталов в кустарно-ремесленный промысел.

Кстати, политический курс учитывал процесс дифференциации в мелкобуржуазной среде. Так, XIV партконференция признала необходимым в правовой области отказаться от причисления трудовых кустарей и промысловиков к нетрудовым элементам; обеспечить им возможность фактического осуществления их избирательных прав; вовлечь их в работу советских органов и общественных организаций.²

¹ См.: СУ. 1921. № 47. С. 230.

² См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т. 3. С. 376, 377.

Дифференциация мелкой буржуазии, с одной стороны, ее кооперирование, с другой, привели к тому, что на протяжении периода, по сравнению с 1923 г., ее численность и удельный вес в самостоятельном населении Урала мало менялись. Имеющиеся данные свидетельствуют о значительной дифференциации доходов кустарей и ремесленников. Ниже всего они были в тех отраслях производства, где не требовалось применение труда высокой квалификации, а спрос удовлетворялся полностью (добыча камня, обработка дерева). В производстве продовольственных продуктов, одежды, обуви доходы были на 10–20 % больше. На 60–70 % выше оплачивался труд квалифицированных кустарей, занимавшихся производством металлоизделий, инструментов, художественной продукции. Почти двукратное различие в заработках мелких товаропроизводителей обуславливалось главным образом различиями в качестве труда.

Доходы торговцев в годы НЭПа были выше, чем у других предпринимателей. Так, разносчики, владельцы маленьких магазинов и киосков, имели доход на 70–80 % выше, чем кустари без найма.

Торговцы низших разрядов, прибегавшие к найму рабочей силы, получали доход в 2,8 раза больший, чем кустари, использовавшие наемный труд, и на 18–20 % больший, чем владельцы мелких промышленных предприятий. Доходы торговцев увеличивались быстрее, чем доходы представителей других групп населения. За 1923–1927 гг. прибыль владельцев торговых заведений низших разрядов возросла на 54–55 %, а мелких промышленников и кустарей — на 20–25 %. Прибыль торговцев-капиталистов увеличилась на 26 %, а владельцев ценовых предприятий уменьшилась.

Регулирующая роль государства сказалась и на механизме доходов в предпринимательской части хозяйства. Усредненные показатели мало отличались от доходов в общественном секторе. Интенсивно шел процесс уравнивания в доходах разных групп населения.

К концу НЭПа социальная структура общества продолжала оставаться сложным переплетением классов, социальных слоев и групп: рабочий класс, занятый на социалистических, государственно-капиталистических и частных предприятиях, нэпманская буржуазия, кустари и ремесленники и т. д.

Осуществление государственной социальной политики привело к тому, что в этой сложной структуре значительно укрепились позиции социалистических элементов. Политика в отношении

предпринимательского слоя проявилась в исследуемый период в мерах «допущения в известных пределах» и использования частного капитала в интересах социалистического строительства, ограничения, относительного вытеснения, а затем подготовки решительного наступления на нэпманскую буржуазию.

Практика социальной политики времен НЭПа сводилась, таким образом, к жесткому регулированию размеров и темпов частного накопления, препятствованию появления устойчивой группы предпринимателей капиталистического типа и созданию максимально благоприятных условий социализации общественных отношений. Это одна из причин того, что общественная собственность на средства производства, существовавшая в 1920-е гг. в рамках одного из укладов, под воздействием государственной поддержки стала господствующей экономической формой. Сложилась всеобъемлющая система финансового и административного контроля, в условиях которой предпринимательская активность, существование социальных групп населения, связанных с рыночной стихией, оказалось невозможным.

Такое сложное развитие несоциалистических укладов в «сמשанной экономике» НЭПа было предопределено политической стратегией обобществления хозяйства с использованием любых средств и возможностей. Да и допущение частного капитала в промышленность и торговлю скорее относится к числу вынужденных мер, продиктованных хозяйственной разрухой и приближающейся хозяйственной катастрофой. «Нужда и разорение таковы, — писал В. И. Ленин, — что восстановить сразу крупное, фабричное, государственное, социалистическое производство мы не можем... Значит необходимо в известной мере помогать восстановлению мелкой промышленности, которая не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия — которая может немедленно оказать известную помощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы».¹ Из этого вытекала установка на вынужденный и временный компромисс государства диктатуры пролетариата с капиталистическими элементами. XI съезд РКП(б) так обозначил эту установку: «Мы должны заставить и сделать так, чтобы их руками работать на нас...»²

Во всех политических документах эпохи содержалась мысль о необходимости ограничения частнопредпринимательской активности.

¹ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 43. С. 220, 221.

² Там же. Т. 45. С. 97.

Мартовско-апрельский Пленум ЦК РКП(б) 1924 г. специально сосредоточил внимание на проблемах контроля за рынком, овладении им за счет частного, особенно оптового капитала. Предполагалось, что государственной оптовой торговле можно подчинить частное производство в промышленности и розничную торговлю, особенно там, где «кооперация и государственный сектор сами не могут контролировать рынок».¹

Поскольку частный капитал проявил себя преимущественно в сфере оборота, то политическое руководство акцентировало влияние на возможную угрозу контролю государства за системой связей внутри нэповской экономики. XIII съезд РКП(б) назвал угрожающим положением, когда «промышленность находится в руках государства, а посредником между ней и крестьянином выступает частный сектор. Вот почему задача развития кооперации есть, прежде всего, задача вытеснения из торговли частного капитала и тем самым создания сплошной связи между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью».²

Поэтому при первом же признаке стабилизации хозяйства была предпринята попытка покончить с частным сектором. Кампания по снижению цен 1924 г. больно ударила по частному сектору. В ходе нее принимались меры общественного воздействия на сопротивлявшихся «нэпманов», устраивались «месячники покупки только в кооперации», был поднят большой пропагандистский шум. Но эта попытка только ухудшила хозяйственное положение и III Пленум ЦК РКП(б) (21 января 1925 г.) отметил тяжелые последствия некомпенсированного вытеснения частной торговли. Повторилась по существу политическая ситуация 1921 г. и, как следствие — поручение законодательным органам и правительству о более широком использовании частного капитала. Принятые льготы и послабления обеспечили в 1925–1926 гг. кратковременное оживление частного торгово-промышленного предпринимательства. Тогда государство еще не могло отказаться полностью от услуг предпринимательского слоя. Лишь в конце 1927 г., учитывая совокупность факторов экономического и политического развития страны, партийная верхушка элементам частнокапиталистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения».³

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т. 3. С. 198.

² Там же. С. 223.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4. С. 261.

Сама концепция и идеологическое обоснование НЭПа содержали в себе утверждение временного характера существования частного сектора. А значит, ликвидация частного предпринимательства была политически запрограммирована.

В соответствии с действовавшими факторами политического характера и происходил процесс становления и развития предпринимательства в условиях НЭПа. Они определили основные организационно-правовые формы частной хозяйственной активности, подпадавшие под всеобъемлющее государственное регулирование. Но вместе с тем, до тех пор, пока государственный контроль осуществлялся через право, налоги, финансовый и трудовой надзор и другие внеэкономические средства, пока этот контроль не стал распорядительным, непосредственные отношения капиталистической собственности (в рамках частного и мелкотоварного укладов) существенно не изменялись. Частный сектор, поэтому, нельзя было отнести к числу переходных форм хозяйствования, он не служил ступенью на пути преобразования капиталистической собственности в общественную.

Государственно-капиталистические образования времен НЭПа обладали в этом отношении особыми чертами. Их справедливо считали переходной экономической формой. Например, смешанное акционерное общество: капитал состоял из средств государства и средств иностранных или отечественных частных компаний и лиц, а управление осуществлялось представителями обеих сторон. Здесь мы сталкиваемся с сочетанием разнородных начал и отношений в реальном социально-экономическом процессе. Однако в хозяйственной жизни страны роль смешанных форм была ничтожно мала.

Вопрос о сочетании государственного и частного капиталов в рамках единой хозяйственной системы в годы НЭПа не получил определенного разрешения. Отсюда — жесткая зависимость несоциалистических укладов от поворотов государственной политики, а на завершающих стадиях НЭПа уход частного капитала в теневые виды хозяйственной активности.

Осуществление послереволюционной экономической политики позволило к концу 1920-х годов во многом решить задачу восстановления народного хозяйства СССР. Однако этим еще не достигалось главной цели, попытка реализации которой обернулась для самодержавной системы потерей власти, а для страны революционными потрясениями. НЭП в принципе, видимо, создавал предпосылки перехода к назревшим экономическим

преобразованиям, однако этот путь предполагал достаточно длительные сроки выхода на планируемые рубежи. Советское руководство, однако, не было уверено в том, что оно обладает таким запасом времени: новое столкновение с «империалистическим лагерем» казалось самой ближайшей перспективой. Поэтому необходима была стратегия, обеспечивавшая кратчайшие сроки осуществления перестройки экономики. Такой стратегией могла быть лишь политика чрезвычайных административно-командных мер, с неизбежностью исключавшая использование рыночных рычагов регулирования экономической деятельности. К тому же весь предшествующий опыт преобразований формировал склонность большевистских лидеров к «решительным мерам». Именно таким путем и осуществлялись две важнейшие кампании по перестройке советской экономики — индустриализация и коллективизация.

Необходимость проведения индустриализации в России мало у кого вызывает сомнения, тем более что начало ее относится еще к предреволюционному периоду. Однако естественным образом встает вопрос о причинах перехода к ней именно во второй половине 1920-х гг. Наиболее существенную роль здесь, видимо, играют такие факторы, как выход советской промышленности на минимально необходимый для этого уровень развития и политические ожидания в самом недалеком будущем мировой войны (которая представлялась не только неизбежной, но и желанной, поскольку создавала реальные предпосылки для мировой революции). Последнее обстоятельство ставило на повестку дня проблему необходимости повышения военной мощи, что невозможно без высокоразвитой промышленности. Немаловажную роль также играло то обстоятельство, что, согласно традиционным взглядам большевиков, социализм можно построить лишь на базе крупной индустрии. На первый план выдвинулся вопрос об источниках индустриализации.

Раздел II. Императивы централизации хозяйственной системы

По вопросу о темпах и методах индустриализации в советском руководстве не существовало единства мнений. Это проявилось, в частности, в дискуссии по проблемам источников накопления для индустриального развития страны, развернувшейся во второй половине 1920-х гг. Невозможность использования внешних источников накопления (неурегулированность вопросов с долгами царского и Временного правительств, напряженность в отношениях с западными государствами и т. д.) оставляла единственную возможность — получить средства для индустриализации за счет мобилизации внутренних ресурсов. В этой связи встал вопрос о распределении бремени индустриального развития между отдельными секторами экономики и территориями. С точки зрения наиболее решительных сторонников индустриализации (Е. А. Преображенский), единственным реальным источником получения средств являлись «досоциалистические формы хозяйства», к которым, прежде всего, они относили аграрный сектор. Именно эксплуатация этого сектора с помощью неэквивалентного обмена между промышленностью и сельским хозяйством (иными словами, безвозмездного, конфискационного изъятия средств из деревни и перекачки их в промышленность) должна была обеспечить высокие темпы индустриализации. Без этого, по их мнению, невозможно было «поскорей достигнуть момента, когда социалистическая система развернет свои естественные преимущества перед капитализмом», что являлось «вопросом жизни и смерти для социалистического государства». Оспаривая приведенные выше выводы, умеренная группа советских лидеров (Н. И. Бухарин) доказывала возможность сохранения сбалансированности между промышленностью и сельским хозяйством. Их не меньше, чем Преображенского, волновала надвигающаяся война, однако они полагали, что у СССР еще есть относительно большой промежуток времени для стабильного экономического развития (особенно при условии гибкой внешней политики), и это позволяет сделать социалистическое преобразование промышленности более

плавным и менее болезненным для крестьянства. Спор об источниках и темпах накопления был теснейшим образом связан с проблемой плана и его роли в развитии народного хозяйства. Плановость преобразований была давним идеалом большевиков, дающим возможность преодолеть «анархию капиталистического способа производства» и продемонстрировать несомненное «преимущество социализма над капитализмом». К тому же, весьма значительные размеры государственного сектора в промышленности требовали от государства выполнения управленческих функций. Все это сделало настоятельной потребностью для советского руководства выработку новой формы определения стратегических перспектив развития экономики страны, отражением которой и стали пятилетние планы. Особенно активно на немедленном введении жесткого централизованного планирующего начала в экономику настаивали сторонники ускоренных темпов индустриализации, видевшие в плане главное средство их достижения.

2.1. Геоэкономические предпосылки формирования Урало-Кузнецкого комбината

Разработка и реализация идеи Урало-Кузнецкого комбината была для своего времени масштабной, имевшей революционное значение экономико-технологической инновацией, продемонстрировавшей возросшие возможности государства в управлении процессами пространственной организации народного хозяйства. На этом основании проект Урало-Кузбасса рассматривается как одно из крупнейших достижений советского социализма. Тем не менее, в разработке и реализации Урало-Кузбасса нашли отражение не только смелость советской плановой мысли, но и многие общемировые тенденции пространственного развития экономики, особенно рельефно выявившиеся в конце XIX — начале XX вв. С учетом этого, вопрос о предпосылках формирования Урало-Кузбасса необходимо рассматривать в двух аспектах — со стороны соответствия самой идеи этого проекта общемировым тенденциям и со стороны сугубо внутренней — национальной, российской — потребно-

сти в ее реализации с целью совершенствования территориально-экономического организма страны.

Императивы второй промышленной революции

Во многом блестящий для мировой экономики период 1870–1914 гг. был отмечен рядом крупных технологических и организационно-экономических новаций, которые привели к глубоким качественным сдвигам в ведущих экономиках мира. Большинство специалистов по экономической истории обозначают взаимосвязанный, системный характер этих сдвигов как переход стран передового эшелона мировой экономики на новую, более высокую ступень развития — как *вторую промышленную революцию*. Концепт «вторая промышленная революция», по не вполне ясным причинам, остался практически не разработанным в отечественной историографии. На рубеже 1950-х и 1960-х гг. он подвергался в СССР идеологической критике.¹ В настоящее время феномен второй промышленной революции анализируется в нашей стране лишь отдельными экономистами, проявляющими интерес к историко-экономической проблематике.² Благодаря результатам ряда крупных исследований,³ относительно содержания этих изменений в индустриальном базисе экономик у историков сложился определенный консенсус, хотя потребность в разработке комплексного, интегрирующего взгляда на последствия второй промышленной революции по-прежнему велика.

Вторая промышленная революция, прежде всего, произвела переворот в *топливно-энергетическом базисе* индустриальной

¹ См.: Дворкин И. Н. Несостоятельность буржуазной и реформистской теории «второй промышленной революции». М., 1958; Политов В. Н. Современный технический прогресс и критика теории «второй промышленной революции»: автореф. ... канд. филос. наук. 1960.

² См.: Нуреев Р. М. Экономическая компаративистика (сравнительный анализ экономических систем). М., 2012. С. 330–337; Погребинская В. А. Вторая промышленная революция // Экономический журнал. 2005. № 10. С. 126–158; Она же. Социально-экономическая модернизация России и мира в период второй промышленной революции (последняя треть XIX — начало XX в.): учеб. пособие. М., 2012.

³ См.: Cameron R. E. A Concise Economic History of the World: from Paleolithic times to the present. 2nd ed. New York, 1993; Chandler Jr., Alfred D. Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism. London, 1994; Graff M., Kenwood A.G., Loughheed A. L. Growth of the International Economy, 1820–2015. 5th ed. London, 2014; Grübler A. The Rise and Fall of Infrastructures. Dynamics of Evolution and Technological Change in Trans-port. Darmstadt, 1990; O'Rourke K., Williamson J. G. Globalization and History: Evolution of a Nineteenth-Century Atlantic Economy. Cambridge, 1999.

экономики. Усовершенствование конструкций паровых двигателей, многократное повышение их мощности и эффективности, внедрение гидравлических и паровых турбин, гидравлическая и тепловая генерация электричества как принципиально новой формы энергии и его широкое промышленное применение, создание новых конструкций коксовых печей и почти повсеместный переход к использованию коксующихся углей в металлургии, разработка технологий перегонки и крекинга нефти, изобретение двигателя внутреннего сгорания — все эти инновации не только принципиально изменили структуру топливно-энергетического баланса и повысили эффективность производства, но и создали новые, динамично развивающиеся отрасли и виды производства, стимулировали изменения в технологии производственных процессов, в сильнейшей степени подтолкнули «революцию» на транспорте.¹

Не менее важны были — и находились в тесной связи с вышеперечисленными процессами — технико-технологические инновации в *материально-ресурсном базисе промышленности*. Решающими, по общему признанию, были изменения в *черной металлургии*. По мнению Р. Кэмерона, именно технико-технологические усовершенствования в этой отрасли — изобретение и внедрение бессемеровского (конверторного) и мартеновского способов плавки стали, разработка технологии производства металла из фосфористых железных руд (томасовский процесс) — сделали массовое и экономичное производство стали *основой развертывания* второй промышленной революции. Ее мировое производство выросло с 0,5 млн т в 1865 г. до 50 млн т в канун Первой мировой войны, т. е. в 100 раз. В свою очередь, производство дешевой качественной стали оказало воздействие на всю «цепочку» смежных отраслей производства — от добычи угля до машиностроения. Высококачественные рельсы для железных дорог, различные виды локомотивов, стальной лист и броня для судостроения, стальные строительные конструкции, оборудование для электротехнической промышленности, разнообразные инструменты, станки, машины — все эти виды продукции, потреблявшие сталь в больших объемах, в свою очередь, обеспечили выход *всей* индустрии на новый технологический уровень.² Подобный же комплексный эффект сопровождал бурное развитие практически впервые возникшей в этот период крупной химической промышленности, предлагавшей рынку принципиально

¹ См.: Cameron R. E. Op. cit.

² См.: Ibid. P. 202, 203.

новые виды продукции — каучук, пластики (целлулоид, бакелит), удобрения, лекарства. В тесной связи с развитием других отраслей возникли новые виды химического производства — нефтехимия и коксохимия.

Применение более мощной, производительной и сложной машинной техники привело к стандартизации узлов, механизмов, трудовых операций и, как следствие, к изменениям в организации и масштабах производства — его переходу к крупнофабричным формам, поточным методам, горизонтальной и вертикальной интеграции предприятий. Экономия масштаба стала важным источником снижения цен производства и роста прибыли. Вслед за концентрацией производства следовала *концентрация капитала*, образование монополистических объединений в промышленности. Направленный характер и возросшая скорость технологических инноваций были связаны с тем, что теперь они опирались на *системный прогресс научного знания*, а не просто на отдельные удачные изобретения, как это было в период первой промышленной революции.

Еще одной и, возможно, самой глубокой по последствиям составной частью второй промышленной революции стали кардинальные изменения в *средствах транспорта и связи*. Возросшая мощность паровых и дизельных судов, постепенно вытеснявших парусный флот, сделала морские и речные перевозки больших объемов грузов на дальние расстояния более быстрыми и дешевыми. Во второй половине XIX в. стоимость фрахта при осуществлении морских перевозок снижалась в среднем на 1,5 % ежегодно, в то время как в первой половине — лишь на 0,88 %.¹ Однако подлинной революцией на транспорте стало *массовое железнодорожное строительство*, которое в комбинации с продолжающимся развитием естественных (реки) и искусственных (каналы) водных путей сообщения впервые сформировало достаточно густую транспортную сеть, создав условия для более *равномерного территориального размещения промышленности*, миграции населения, обеспечения надежной и быстрой связи между рынками сырья и сбыта, роста специализации индустриального производства в отраслевом и региональном разрезе. Железнодорожный транспорт стал одним из самых быстрорастущих секторов экономики. Представление о темпах его развития в период второй промышленной революции дает табл. 1.

¹ См.: Grübler A. Op. cit. P. 117.

Таблица 1

**Рост протяженности железнодорожной сети по странам
в 1870–1914 гг., км**

Страна	1870	1914
Австро-Венгрия	6 112	22 981 ^a
Франция	15 544	37 400
Германия	18 876	61 749
Италия	6 429	19 125
Россия	10 731	62 300
Великобритания	21 558 ^b	32 623
США	84 675	410 475

Примечание: а – 1913 г., b – 1871 г.

Источник: Cameron R. E. Op. cit. P. 206.

Как видно из таблицы, за указанный период протяженность железнодорожной сети выросла: в Великобритании — в 1,5 раза, Германии — более чем в 4 раза, США — в 4,5 раза, России — в 6 раз. Уже к концу XIX в. железные дороги в развитых индустриальных странах обеспечивали до 90 % всех пассажирских перевозок и около 70 % грузовых при значительно более низких (в 3–4 раза) издержках, чем при гужевых перевозках.¹ Главный эффект роста железнодорожных перевозок выразился в резком снижении транспортных затрат в структуре цен производства, а следовательно, в заметном снижении значения *локационных преимуществ* в развитии промышленности.² На заключительном отрезке второй промышленной революции эстафета ускоренного развития была подхвачена развитием автомобильного транспорта и новых средств коммуникации (телеграф, телефон, радио).

Исключительно важными и крупными были вызванные второй промышленной революцией *социально-институциональные изменения*. Помимо возросшей мобильности трудовых ресурсов и роста урбанизации, концентрированный эффект бурного промышленного развития, по мнению А. Чэндлера, проявился в существенном изменении самой социальной природы капитализма. Возрастающая сложность управления крупными индустриальными системами

¹ См.: Gröbler A. Op. cit. P. 117, 121, 125.

² См.: Ibid. P. 117.

(типичными примерами которых могут служить железные дороги и телеграф), потребность в мобилизации крупных объемов инвестиций на их создание привели к формированию корпоративных (акционерных) форм капитала, широкому заинтересованному участию в развитии промышленности широких масс населения (особенно средних слоев), отделению капитала-функции от капитала-собственности и, как следствие, формированию и росту влияния массового слоя наемных менеджеров и технических специалистов.¹ Переход к массовому производству доступных населению товаров широкого потребления (особенно длительного пользования) сделал потребительский спрос одним из главных источников роста промышленности. Если к этому добавить рост заработной платы в промышленности (особенно в сегменте квалифицированного труда и услуг специалистов), политические успехи тред-юнионизма и социал-реформизма, то вторую промышленную революцию вполне можно считать решающим шагом на пути превращения капитализма в мощный фактор консолидации общества, а потребность в его динамичном развитии — в разнородность общенациональной задачи.

Геоэкономические последствия второй промышленной революции

Все эти технико-технологические, организационно-экономические и социально-институциональные изменения в совокупности вели и к важным *геоэкономическим* последствиям. Бурный рост промышленности, высокие темпы технического прогресса, имевшие следствием массовую фабрикацию все более дешевых и постоянно обновляемых товаров, очень быстро обнаружил узость сложившихся *национальных рынков*. Практически все индустриальные страны (возможно, кроме США, имевших очень емкий внутренний рынок) в рассматриваемый период обращали свой взор за пределы своих границ в поисках новых рынков сбыта для своей избыточной продукции и источников дополнительного снабжения сырьем. На этом фоне резкое снижение транспортной составляющей в структуре цен производства вызвало в качестве мощного конъюнктурного эффекта беспрецедентный рост международной торговли, дополняемый большими масштабами вывоза капитала и прибыли, а также международной миграции рабочей силы.² Это побудило некоторых историков рассматривать вторую промышленную революцию как первую волну глобализации экономики, которая раньше

¹ См.: Chandler Jr., Alfred D. Op. cit. P. 1.

² См.: Graff M., Kenwood A. G., Loughheed A. L. Op. cit. P. 25, 26.

всего проявилась в складывании так называемой «атлантической» экономической зоны. В подтверждение этого приводится тот заслуживающий внимания факт, что объемы международной торговли, зафиксированные к 1914 г., вновь были достигнуты человечеством после двух разрушительных мировых войн только в конце 1960-х гг.¹ Вместе с тем, специалисты отмечают, что эта интернационализация экономики представляла собой, в отличие от современной, лишь поверхностную и легко обратимую форму интеграции, поскольку не сопровождалась сопоставимыми масштабами более глубокого типа интернационализации, а именно — в сфере производства.²

Однако геоэкономические последствия второй промышленной революции были связаны не только с развитием позитивной тенденции к интернационализации экономики, но и с ее противоположностью — резким обострением международной конкуренции, усилением соперничества индустриальных держав в борьбе за новые рынки и источники сырья. На этом фоне происходило обострение борьбы за колонии и сферы влияния. Возник так называемый «новый империализм» — феномен, тесно связанный с гонкой колониальных приобретений, со стремлением ведущих мировых держав к захвату и резервированию за собой емких рынков сбыта и источников сырья, хотя, по мнению Д. Лэндиса, в охватившей европейские страны неразборчивой «жадности» к колониальным захватам часто было весьма мало рационального смысла.³ Разная степень успеха, сопутствовавшая великим державам на поприще колониальных захватов, была одним из источников усиления *неравномерности* в их экономическом развитии.

Вместе с тем, в историко-экономической литературе гораздо меньше внимания уделяется другому источнику неравномерности развития, который заключался в исходной разности *пространственно-экономических потенциалов* конкурирующих индустриальных держав. Дело в том, что вторая промышленная революция привела в действие целый ряд *новых экономических мотиваций и стимулов*, отражавших сдвиги, происходившие в системе условий и факторов индустриального производства. Резко возросшие масштабы промышленного производства порождали во всех

¹См.: O'Rourke K., Williamson J. G. Op. cit.

²См.: Dicken P. A New 'Geo-Economy': Patterns, Processes, Problems // Companion Encyclopaedia of Geography. The Environment and Humankind. London; New York, 1996. P. 428, 429.

³См.: Landes D. S. The Wealth and Poverty of Nations. Why Some Are So Rich and Some So Poor. New York; London, 1998.

странах повышенный спрос на *топливно-сырьевые ресурсы* (уголь, железная руда, руды цветных металлов, химическое сырье и т. п.) — больше того, на их запасы в таких размерах, которые позволяли бы обеспечить работу крупных производств на длительную перспективу. В этой связи объективно повышалась экономическая ценность *больших внутриконтинентальных пространств*, которые раньше, при неразвитости средств сухопутного транспорта и тяготении основной массы торговых обменов к побережьям морей и океанов, были слабо затронуты наиболее передовыми видами производств и потому, с большой вероятностью, могли являться практически неисчерпаемым резервуаром самых разнообразных и почти не освоенных материальных ресурсов. Динамика второй промышленной революции исподволь меняла господствующую *модель размещения промышленности*, создавая потребность в масштабной миграции крупной промышленности к более богатым, еще не затронутым эксплуатацией ресурсным базам. Еще одним весомым фактором, благоприятствовавшим такому пространственному сдвигу промышленности, стало бурное развитие *магистрального железнодорожного транспорта*, который, резко удешевляя перевозки и гигантски увеличивая их масштабы, кардинально решал проблему экономической доставки готовой продукции к приморским центрам мировой торговли — проблему, которая прежде жестко лимитировала всякое движение промышленной активности вглубь континента. Отмечая эту тенденцию, выдающийся русский ученый Д. И. Менделеев писал: «Современную нам эпоху должно считать в этом отношении только продолжением создания основных железнодорожных сообщений <...> И нельзя не видеть, что недостаток свободных сообщений с океанами и железнодорожных путей сообщения находится в теснейшей связи с недостатками промышленного развития».¹

Английскому географу, основателю геополитики Х. Дж. Маккиндеру в 1904 г. эта новая ситуация позволила высказать мысль о том, что именно развитие магистрального железнодорожного транспорта уже к началу 1880-х гг. подвело черту под так называемой «Колумбовой эпохой», связанной с экономическим и силовым доминированием морских держав. По его мнению, наступающая «пост-Колумбова эпоха», вовлекая внутриконтинентальные регионы посредством железных дорог в мировую экономику, в перспективе предопределяет переход экономического и

¹ Менделеев Д. И. С думаю о благе российском: избранные экономические произведения. Новосибирск, 1991. С. 48.

военно-стратегического лидерства от морских держав к сухопутным. Преимуществам мобильности и *коммерческого* обогащения за счет интенсивной морской торговли новая эпоха противопоставила стратегические преимущества, связанные с доступностью богатых топливно-сырьевых ресурсов, необходимых для создания сильной *индустриальной* экономики.¹ Следует заметить, что эта модель Х. Дж. Маккиндера имела далеко не абстрактный характер: ключом к источнику глобальной мощи в XX столетии он считал богатые природными ресурсами регионы *центральной Евразии* — самый доступный его наблюдениям и актуальный в стратегическом отношении пример вышеописанной тенденции. Помимо факта перехода мира на новую ступень индустриального прогресса, анализ Х. Дж. Маккиндера исходил также из предвидения неизбежного в будущем сокращения возможностей использовать для промышленного роста ресурсы колониального фронта.²

Вывод Х. Дж. Маккиндера можно считать отражением *объективной назревшей тенденции* в пространственном распределении экономических сил и осознания ее значения правящими элитами ведущих государств мира, поскольку в подобном же духе истолковывали сущность геэкономических сдвигов рубежа XIX–XX вв. и другие влиятельные стратегически мыслящие умы. Основатель политической географии, немецкий географ и этнолог Ф. Ратцель, считавший государство организмом, постоянно нуждающимся для своего роста и развития в пространственной экспансии, еще в 1890-е гг. высказал идею о том, что высота экономического и культурного развития государства зависит от прогрессирующего расширения его *территориального базиса*. Ф. Ратцель полагал, что у современных ему европейских государств этот базис слишком узок, и потому они, несмотря на интенсивное использование ими имеющегося ограниченного пространства, обречены уступить первенство в развитии государствам, способным реализовать в своем развитии принцип построения «большого пространства» — *Grossraum* (термин, заимствованный Ф. Ратцелем из немецкой политэкономической науки 1860-х гг.). Отсюда, как доказывал Ф. Ратцель, эстафета лидерства в будущем будет переходить к политически единым государствам, базирующимся на континентальной (или субконтинентальной)

¹ См.: Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. April. Vol. 23, № 4. P. 434, 437.

² См.: Dodds K., Sidaway J. D. Halford Mackinder and the 'geographical pivot of history': a centennial retrospective // The geographical Journal. 2004. December. Vol. 170, № 4. P. 294.

основе, — в первую очередь, к Соединенным Штатам Америки, а, кроме них, с большой вероятностью, к большим, непрерывно колонизируемым континентальным государствам (Австралия, Россия, Китай).¹

Похожие взгляды на перспективы развития мировой ситуации разделял шведский государствовед и геополитик Р. Челлен. Выделяя категорию так называемых «великих держав», он считал идеальным воплощением такого типа государства автаркически-замкнутые, хозяйственно независимые *континентальные державы* со сплошным протяжением территории и развитой железнодорожной сетью, способной объединить это пространство в коммуникационном отношении. Еще перед Первой мировой войной Р. Челлен предвидел наступление «эры сверхдержав», когда единственными государствами, полностью удовлетворяющими его критериям идеальной «великой державы», с вероятностью могут остаться только США и Россия. Единственной возможностью для европейских государств соответствовать этой новой тенденции развития, по мнению Р. Челлена, являлось объединение их в экономический и военно-политический союз, руководимый самой мощной и динамичной из держав континента — Германией, и обретение этим блоком необходимой пространственной перспективы — прежде всего, на Балканах и на Ближнем Востоке.²

Несколько позднее, в 1930-е гг., отчетливую связь между технологическими достижениями второй промышленной революции и стратегической ценностью «больших пространств» провел в своих работах американский географ Д. С. Уиттлси. Он доказывал, что крупные государства, обладающие территорией континентального масштаба, в наибольшей степени соответствуют требованиям той индустриально-технологической и коммерческой системы, переход к которой наметила вторая промышленная революция. По мнению Д. С. Уиттлси, только в рамках таких больших государств могут полноценно реализоваться принципы региональной специализации и разделения труда, обеспечивающие единство хозяйственной жизни страны. Особую роль в ней географ отводил магистральному железнодорожному транспорту, который не только связывает между собой регионы разной специализации, но и впервые создает условия

¹ См.: Ratzel F. Politische Geographie, oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs, und des Krieges, München; Berlin, 1923. S. 270.

² Подробнее об этом см.: Holdar S. The Ideal State and the Power of Geography: The Life-Work of Rudolf Kjellén // Political Geography. 1992. May. Vol. 11. № 3. P. 314–316.

для экономического подъема внутриконтинентальных регионов государства тем, что эффективно соединяет их с мировым рынком. На примере США Д. С. Уиттлси показал, как, благодаря железнодорожному транспорту, через ряд «цепных» экономических эффектов происходил рост аграрного производства в американских прериях: железные дороги создали возможность для вывоза из глубины континента сельскохозяйственной продукции в больших товарных объемах и тем самым создали стимул для наращивания его масштабов; рост этих масштабов создал стимулы для внедрения в аграрное производство в больших объемах сельскохозяйственной техники (волокноотделители, плуги со стальным лемехом и саморегулирующиеся отвалом, уборочные и молотильные машины, холодильники и т. п.); поставки техники не только повысили спрос на металл, но и удешевили транспорт за счет его более полной загрузки, создавая, в свою очередь, более выгодные конкурентные условия для американских фермеров. Д. С. Уиттлси вообще отводил транспорту едва ли не главную детерминирующую роль в определении размеров государства. Согласно его концепции, границы большинства европейских государств сложились еще в эпоху дилижансов и каналов, в то время как стабилизация границ таких государств, как Россия, США, Канада, совпала по времени с эпохой развития магистрального железнодорожного транспорта. Как следствие, уже к началу XX в. возросшие масштабы индустриальных систем повсеместно перерастали средние размеры европейских государств, а оптимальные возможности для превращения в глобальные экономические державы будущего получали именно крупные континентальные государства.¹

По существу, вторая промышленная революция кардинально изменила систему приоритетов *промышленной политики*: крупные континентальные государства, располагающие в пределах своей территории богатыми ресурсными базами, получали более надежную и перспективную основу для динамичного индустриального роста, чем относительно небольшие государства-метрополии, чья погоня за новыми источниками сырья на колониальной периферии была отныне сопряжена с повышенными военными рисками и расходами. Однако, первым для реализации своих преимуществ необходимо было последовательно двигаться к созданию более консолидированной и сбалансированной *пространственной структуры*

¹ См.: Whittlesey D. S. The Earth and the State: A Study in Political Geography. New York, 1939. P. 12, 23.

экономики, переориентируя индустриальные мощности главным образом на внутренний спрос и перемещая их к собственным ресурсным базам. Эту рассчитанную на длительную перспективу тенденцию в пространственной ориентации национальных экономик крупнейших государств мы в одной из предыдущих работ обозначили как «континентальный» геополитический тренд.¹ При тесном переплетении интересов капитала со стратегическими интересами государства этот пространственный вектор давал сильнейший импульс идеологии и практике экономического национализма, который на каждом шагу вступал в противоречие с параллельно развивающейся интернационализацией мирового хозяйства.

Вышеописанная тенденция достаточно отчетливо проявила себя в эпоху второй промышленной революции в *неравномерной динамике* экономического развития ведущих государств Европы, Америки и Азии. Эта неравномерность наиболее рельефно видна в показателях изменения удельного веса отдельных государств в мировом промышленном производстве в последней трети XIX — первой трети XX вв. (табл. 2).

Таблица 2

Изменение удельного веса стран в мировом промышленном производстве, 1870–1938 гг., %

Годы	США	Велико-британия	Германия	Франция	Россия	Япония	Остальной мир
1870	23	32	13	10	4	—	17
1881–1885	29	27	14	9	3	—	19
1896–1900	30	20	17	7	5	1	20
1906–1910	35	15	16	6	5	1	21
1913	36	14	16	6	6	1	21
1926–1929	42	9	12	7	4	3	22
1936–1938	32	9	11	5	19	4	21

Источник: Chandler Jr., Alfred D. Op. cit. P. 4.

¹ См.: Зубков К. И. «Континентальный» геополитический тренд в индустриальном развитии России начала XX в. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы Десятой юбилейной всерос. науч. конф.: в 2 т. Екатеринбург, 2011. Т. 2. С. 283–290.

Хотя эти показатели отражают не только различия *ресурсно-пространственного потенциала* указанных государств (в них, например, могут также проявляться различия в технологии индустриального производства между странами «старого» и «молодого» капитализма, численности населения и т. п.), отчетливые тенденции падения удельного веса в промышленной выработке одних стран и, наоборот, роста — других, очень точно соответствуют как раз действию этого фактора. Так, наиболее крупные континентальные державы (США, Россия) до 1913 г. показывают неуклонный рост своей доли в мировом промышленном производстве; империи с обширными заморскими колониальными владениями (Великобритания, Франция) — ее падение; страны «молодого» империализма (Германия, Япония) характеризуются ее медленным и неустойчивым ростом.

Из современных исследователей влияние «континентального» геополитического тренда на структуру мировой экономики плодотворно изучал известный американский историк П. Кеннеди. Он отметил, что еще в 1825 г. Алексис де Токвиль предсказал неизбежный подъем России и США как двух *внеевропейских* держав,¹ способных опираться в своем развитии на масштабное освоение практически неограниченных континентальных баз ресурсов. Однако эта мысль была высказана де Токвилем задолго до того, как она могла получить какие-либо эмпирические подтверждения, и главное — в столь неопределенной форме, что понадобился еще целый век развития для того, чтобы стали ясны предпосылки и факторы такого переворота в распределении мировых экономических сил. Вслед за Х. Дж. Маккиндером, П. Кеннеди отмечает, что железные дороги (по иронии истории, британское изобретение!) привели к крупным сдвигам в пространственно-географической модели индустриального производства, которые обозначили хотя и медленный, но неуклонный упадок Великобритании как прежней «мастерской мира» и приход ей на смену в роли перспективных лидеров, по крайней мере, трех континентальных государств — Германии, США и России. Хотя этот сдвиг в *стратегических преимуществах* развития проявился далеко не сразу и занял целые десятилетия, его конечный смысл, по мнению П. Кеннеди, вполне можно свести к следующей геоэкономической тенденции: «С улучшением сухопутных коммуникаций, нация без значительной морской берего-

¹ См.: Kennedy P. *Strategy and Diplomacy. 1870–1945*. 8th ed. London, 1989. P. 47.

вой линии, но с крупным населением и обширными территориями могла теперь эксплуатировать свои ресурсы, а особенные выгоды небольших, преимущественно морских/коммерческих стран, таких, как Голландия и Британия, постепенно утрачивались». Американский исследователь не просто указывает на экономический подъем трех континентальных государств, но выделяет, в качестве симптома обозначенной континентальной тенденции, формирование трех перспективных, *быстро растущих зон индустриализации* — Центральной Европы, российского «Хартлэнда» и Среднего Запада США.¹ В первом случае, однако, речь идет о перемещении «центра тяжести» европейской экономики вглубь континента, где быстро формировалось «ядро» тяжелой промышленности, включавшее северо-восточные районы Франции, юг Бельгии (Валлония) и — в наибольшей степени — западную часть Германии с ее индустриальным «сердцем» в Рурском бассейне. Дальнейшее развитие этой тенденции было связано с выходом процесса индустриальной экспансии за пределы Германии на базе усиленно продвигавшейся ею геополитической концепции «Срединной Европы» (Mitteleuropa). В США же и в России, континентальный сдвиг должен был выразиться в изменении внутривосточных пропорций экономической силы между отдельными регионами — с направлением основных векторов вглубь каждой из стран (в США — в районы Среднего Запада, в России — на Урал и в Сибирь).

К выделяемым П. Кеннеди перспективным мировым «ядрам» индустриальной мощи мы с полным основанием можем добавить и Японию, которая после русско-японской войны 1904–1905 гг. и особенно активно с начала 1930-х гг. осуществляла мощную — не только военную, но и индустриальную — *экспансию на Азиатский континент*. После оккупации Маньчжурии японской Квантунской армией в 1931 г. здесь, благодаря массивным капиталовложениям, стал ускоренными темпами формироваться новый индустриальный центр черной металлургии, химической промышленности, производства вооружений. Экономике Маньчжурии определяли специально созданные крупные корпорации, действовавшие, фактически, по принципу монополии («одна отрасль — одна корпоративная политика»): «Сёва Сейкоё» (железо, сталь), «Мансю Танко» (угольная промышленность), «Мансю Кодзан» (горнорудная промышленность) и др.; в производство активно внедрялись методы координации и планирования, а к концу 1930-х гг. Японская империя

¹ Ibid. P. 49–51.

взяла экономику региона под полный государственный контроль.¹ По оценке американского исследователя А. Роджерса, к концу Второй мировой войны в Маньчжурии был сформирован крупнейший в Азии центр тяжелой индустрии, сопоставимый по масштабам и скорости развития только с «Кузнецком» (т. е. Урало-Кузбассом).²

Таким образом, вышеописанные тенденции показывают, что вызванная второй промышленной революцией перегруппировка основных «центров силы» в мировой экономике, изменение удельного веса и динамики развития отдельных государств происходили в русле реализации стратегических преимуществ «континентальной» организации индустриального потенциала, а это, в свою очередь, требовало перехода к новым принципам размещения производства, к масштабным внутри- и межстрановым миграциям индустриальных мощностей (прежде всего, базовых отраслей).

Размещение промышленности и новая роль транспортного фактора

Явившаяся важнейшей составной частью нового этапа развития мировой экономики, транспортная «революция» не только кардинально изменила принципы группировки экономических связей между рынками, но и прочно интегрировала магистральный железнодорожный транспорт в технологические схемы организации индустриального производства, приводя к изменениям в существующих моделях размещения производства.

В предшествующий период размещение определяющих базис индустриальной экономики отраслей тяжелой промышленности (прежде всего, предприятий черной металлургии) определяли редко встречающиеся естественные комбинации богатых залежей железных руд и запасов металлургического топлива, сосредоточенных в одном месте.³ Именно с таким благоприятным сочетанием основных факторов металлургического производства — богатых железных руд, запасов водной силы и древесного топлива — была связана лидирующая роль Урала в XVIII в. в мировой выплавке чугуна и производстве железа. Затем мировое лидерство переходит к Англии, впервые широко использовавшей в черной металлургии

¹ См.: Okazaki T. Development and Management of Manchurian Economy under the Japan Empire / CIRJE Discussion Paper, Tokyo University, August 2013. URL: <http://www.cirje.e.u-tokyo.ac.jp/research/dp/2013/2013cf899.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).

² См.: Rodgers A. The Manchurian Iron and Steel Industry and Its Resource Base // Geographical Review. 1948. January. Vol. 38, № 1. P. 41.

³ См.: Татарченко Дм. М. Металлургия чугуна, железа и стали в общедоступном изложении. М.; Л., 1932. С. 279.

комбинацию железной руды с коксующимся каменным углем. На подобной основе — в отдельно взятых, изолированных очагах сосредоточения ресурсов, — развились затем металлургические центры в Германии, Бельгии, США.

Во второй половине XIX в. эти идеальные, редко встречающиеся условия в значительной мере были исчерпаны. Это было связано не только с истощением многих давно разрабатывавшихся месторождений угля и железной руды (что особенно было характерно для регионов Западной Европы) и, вследствие этого, с вынужденным переходом к использованию дальнепривозного сырья. Сыграли свою роль и факторы общеэкономического прогресса. Резкое удешевление транспорта и повышение его мощности открыло перспективу экспансии промышленности за пределы местных баз сосредоточения сырьевых и энергетических ресурсов. Рассматривая эту тенденцию как одно из важнейших завоеваний зрелого капитализма, Ф. Энгельс писал в «Анти-Дюринге»: «Капиталистическая промышленность уже стала относительно независимой от узких рамок местного производства необходимых ей сырых материалов. Текстильная промышленность перерабатывает преимущественно привозное сырье. Испанская железная руда перерабатывается в Англии и Германии, испанская и южноамериканская медная руда — в Англии. Каждый каменноугольный бассейн снабжает промышленность топливом далеко за своими пределами, охватывая все более расширяющуюся с каждым годом область. На всем европейском побережье паровые машины приводятся в движение английским каменным углем, местами — немецким и бельгийским».¹

С переходом к массовому производству усложнилась и сама система факторов, которые требовалось учитывать при размещении предприятий. Американский исследователь Р. Страус-Хюпе, глубоко проанализировавший в своей работе 1945 г. тенденции размещения предприятий тяжелой промышленности (прежде всего, черной металлургии) как основы складывания мировых центров военно-экономической мощи, отмечал, что «доступность» сырья в развитых экономиках уже не является единственным критерием оптимизации в размещении производства. К факторам «доступности» угля и железной руды с начала XX в. в качестве локационных критериев добавляются факторы наличия и стоимости рабочей силы, близости к рынкам потребления продукции. Страус-Хюпе писал в этой связи: «Эти факторы воздействуют друг на друга и, в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 20. С. 308.

свою очередь, модифицируются множеством социальных и политических сил. Проблема размещения предприятия, таким образом, сопоставима с проблемой нахождения равнодействующей этих сил. Редко когда размещение индустриальной отрасли или даже единственного предприятия определяется одним фактором. Некоторые из наиболее значительных концентраций населения и промышленности расположены в районах, которые не являются физически приближенными ни к сельскому хозяйству, ни минеральным ресурсам; они расположены в районах, где сходятся влияния большого разнообразия факторов». В качестве такого примера американский аналитик приводил сталелитейные предприятия в районе Великих Озер (США), которые не размещались непосредственно вблизи угля или железной руды, но были возведены там, где соединение сырьевых материалов с резервами рабочей силы и удобным выходом на рынки потребления достигалось при наименьшей норме совокупных затрат. Страус-Хюпе обозначил определенную линию эволюции принципов размещения предприятий черной металлургии: сначала предприятия отрасли, как правило, тяготели к крупным залежам угля, как наиболее объемного с точки зрения перевозок и наиболее важного ресурса; затем во внимание стала приниматься близость к богатейшим месторождениям железной руды; затем организаторы промышленности стали искать возможности выгодного пространственного сочетания этих двух основных ресурсов металлургии. Сколько-нибудь значимыми исключениями из следования этому правилу могли становиться только факторы наличия и дешевизны труда, близости к потребителю и, что примечательно, необходимость размещать предприятия тяжелой промышленности подальше от «стратегически угрожаемых мест».¹

На рубеже XIX–XX вв. появились комплексные экономико-математические модели размещения промышленности, в которых делались попытки *теоретически* смоделировать оптимальную локализацию промышленных предприятий с точки зрения минимизации издержек и, соответственно, максимизации прибыли. Одну из таких моделей — так называемую теорию «штандорта» (нем. Standort — местоположение) — в 1909 г. предложил немецкий экономист и социолог Альфред Вебер. Его теоретический подход определял размещение предприятия не только с учетом пространственного положения мест добычи сырья, топлива и рынков сбытов (как

¹ Strausz-Hupé R. The Balance of Tomorrow: Power and Foreign Policy in the United States. New York, 1945. P. 156, 157.

это было в предшествующих моделях), но и дополнительных переменных (дифференцированные издержки на оплату рабочей силы, экономия, связанная с эффектом агломерации и др.), сводя оптимизацию, в конечном итоге, к задаче минимизации величины совокупных транспортных издержек при организации производства. Исчисление величины последних, в свою очередь, определялось не только пробегом транспорта, но и показателем индекса материалоемкости (отношения веса исходных материалов к весу готовых продуктов). Так, при высоком индексе материалоемкости размещение, по мысли А. Вебера, должно было тяготеть к местам добычи сырья и материалов, как это имеет место, например, в случае предприятий черной металлургии. Работа А. Вебера приобрела широкую популярность в научных кругах и была издана в СССР в период развертывания индустриализации страны как важное пособие по решению конкретных проблем размещения промышленности.¹

А. Вебер позиционировал свои теоретические выкладки как «чистую» теорию размещения промышленности. На практике же, организаторы промышленности, как правило, руководствовались более простыми соображениями и калькуляциями. Однако, принципиальное значение и для теории, и для практики имело то, что создание такой сложной системы, как индустриальное предприятие, допускало мобильность основных факторов производства и потому критически зависело в новых условиях от развития транспортной составляющей.

Железнодорожный транспорт, преодолевая зависимость сообщений от погодно-климатических факторов (как это наблюдалось, например, при сезонных речных сообщениях или примитивных гужевых перевозках), впервые создал условия для регулярных и массовых перевозок на дальние расстояния — причем не только готовых товаров, традиционно образующих движение торговли, но и грузов, составляющих отдельные слагаемые процесса производства (сырье, топливо, орудия производства и т. п.). Иначе говоря, регулярный, много выигрывающий в смысле надежности сообщений транспорт всё больше начинает играть роль технологического средства *комбинирования* производства в крупных пространственных масштабах, превращается в нечто вроде «транспортной промышленности», а не просто вспомогательного средства обращения. Становясь одним из значимых факторов организации производства, а следовательно, экономической функцией, зависимой от калькуляции

¹См.: Вебер А. Теория размещения промышленности. Л.; М., 1926.

затрат и результатов, транспорт, с одной стороны, подчиняется в своем развитии общему пределу рентабельности данного типа производства, а с другой, — заставляет осуществлять выбор наиболее экономичных, оптимальных пространственных схем соединения производственных факторов. Достижимая этим пространственная мобильность факторов производства, безусловно, усложняет задачу оптимизации затрат, но в то же время создает условия, при которых экономический выигрыш, связанный с расширением ареалов промышленного производства, возможностью организации крупных производств со значительной экономией масштаба, может существенно перекрывать дополнительные затраты на транспорт. При этом значительным фактором их снижения становится эффективность использования транспорта за счет его магистрализации, концентрации грузооборота и максимизации полезной функции. В черной металлургии, в частности, это достигается наилучшим образом при организации «маятниковых», перекрестных перевозок железной руды и угля, что позволяет организовать полный цикл металлургического производства сразу, как минимум, на двух разделенных расстояниями площадках.

Донецко-Криворожский проект

Наиболее крупным известным в истории индустриально-транспортным проектом такого рода, как известно, стал Урало-Кузнецкий проект, реализованный в СССР в годы первых пятилеток. Борьба вокруг этого проекта и, в частности, оппозиция ему со стороны украинских экономистов во главе с Я. Б. Диманштейном, настаивавших на инерционном характере базисных условий формирования «оптимальных» металлургических районов, заслонила собой тот факт, что к «феерическому расцвету промышленности Донбасса»,¹ т. е. формированию Приднепровско-Донецкого угольно-металлургического комплекса, в свое время привели новации, которые так же, как и в случае Урало-Кузнецкого проекта, отводили транспортной составляющей решающую роль. В отечественной исторической литературе, посвященной Урало-Кузбассу, почти не обращалось внимания на то, что первый в истории проект по организации «маятниковых» транспортных перевозок железной руды и каменного угля был реализован на Юге России в 1880-х гг. совместными усилиями российских и французских предпринимателей при поддержке царского правительства. Известный же

¹ Диманштейн Я. Б. О районировании металлургического производства СССР // Плановое хозяйство. 1928. № 11. С. 247, 256, 257.

историк экономики Р. Кэмерон называет реализованный проект железнодорожного соединения богатых железорудных месторождений Кривого Рога с коксующимися углями Донбасса решающим событием в становлении металлургии Юга России и важной вехой в индустриальной истории мира. Он не без оснований считает его прямым прототипом позднейшего Урало-Кузнецкого проекта.¹

У истоков реализации Донецко-Криворожского проекта стояли два неординарных, энергичных человека — российский земско-общественный деятель и предприниматель, археолог-любитель, меценат, состоятельный помещик Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии, статский советник Александр Николаевич Поль (1832–1890) и французский финансист, предприниматель и государственный деятель Полен Франсуа Тялябо (1788–1885). А.Н. Полю, с именем которого связано возникновение и развитие горнодобывающей и горнозаводской промышленности в Екатеринославской губернии, принадлежит главная заслуга если не в открытии криворожских железных руд (сведения о них известны с конца XVIII в.), то в доведении результатов геологических исследований до стадии промышленной эксплуатации.² Обнаружив в 1866 г., во время одной из экскурсий по родному краю, признаки богатых рудных залежей, Поль настойчиво приглашал геологов и специалистов по горному делу к проведению более детального изучения месторождений. Хотя большинство из них (включая известного горного инженера проф. Н. П. Барбот-де-Марни) дали малоблагоприятные отзывы о запасах и качестве руд, Поль, не теряя оптимизма, упорно стремился привлечь внимание правительства и частного капитала к идее разработки рудных залежей Криворожья. Затратив на упорную борьбу за индустриальное будущее своего края большую часть личного состояния и массу труда и энергии, Поль в поисках капитала, необходимого для разработки рудных месторождений и постройки железной дороги к Донбассу, предпринял смелый шаг — обратился в 1880 г. за содействием к французским банкирам.³

Проект А. Н. Поля привлек внимание П. Ф. Тялябо, предприимчивого промышленника и финансиста, который проявлял неподдельный интерес к передовым для своего времени идеям. Выпускник парижской Политехнической школы, инженер-путеец по образованию,

¹ См.: Cameron R. E. *France and the Economic Development of Europe, 1800–1914*. London; New York, 2000. P. 96, 97.

² См.: А. Н. Поль (Некролог) // Горный журнал. 1890. Т. 4. С. 161, 162.

³ См.: Ден В. Э. Каменноугольная и железодобывающая промышленность. СПб., 1907. С. 123, 124.

Тальябо до 1830 г. был занят на государственной службе, а в дальнейшем, являясь большим энтузиастом железнодорожного дела, занимался развитием сети железных дорог на юго-востоке Франции и организацией добычи каменного угля в департаменте Гар. Одной из вершин его карьеры был пост генерального директора компании железной дороги Париж — Лион — Марсель,¹ который принес ему славу железнодорожного «короля». Одновременно Тальябо принял активное участие в создании — при содействии парижских Ротшильдов — банка Сосьете Женераль в 1864 г. и являлся одним из главных акционеров созданного А. Жерменом в 1863 г. банка Креди Лионнэ. Именно под влиянием Тальябо оба финансовых учреждения начинали свою деятельность как инвестиционные банки, хотя, как показали дальнейшие события, все индустриальные проекты, в которых Тальябо использовал финансовые ресурсы банков (позднее преобразованных в коммерческие), окупались с большим трудом и лишь через длительное время.²

П. Ф. Тальябо относился к числу тех, по словам Ф. Энгельса, «все-сторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца».³ Он одним из первых понял необходимость перехода промышленности Франции и других европейских стран на высококачественное привозное сырье и, как следствие, на *новую пространственную организацию производства*, в которой транспорту должна была принадлежать решающая роль. Именно это определило интерес Тальябо к разработкам богатых железных руд Алжира и вопросам организации их доставки во Францию. В 1865 г. он занял пост генерального директора созданной им «Компании магнитной железной руды Мокта-эль-Хадид» и в короткие сроки организовал транспортировку руды (с содержанием железа около 70 %) в Европу. С этой целью Тальябо принял деятельное участие в модернизации грузовых доков в порту Марселя, распорядился проложить 20-мильную железную дорогу от рудника Ализи Мокра до алжирского порта Бона. В замыслы Тальябо входило создание на юге Франции на

¹ См.: Vapereau G. Dictionnaire universel des contemporains, contenant toutes les personnes notables de la France et des pays etrangers. P., 1870. Vol. 2. P. 1722.

² См.: Kleeberg J. M. The Disconto-Gesellschaft and German Industrialization: A Critical Examination of the Career of a German Universal Bank. 1851–1914: PhD Diss. Oxford, 1988. P. 88, 89. URL: <https://books.google.ru/books?id=NQqGANGMdCQC> (дата обращения: 15.03.2018).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 308.

базе подконтрольного ему «Общества металлургических заводов и портовых складов Средиземноморья» нового крупного центра черной металлургии, использующего коксующиеся угли департамента Гар и привозную алжирскую руду. Однако, оппозиция со стороны крупнейших французских металлургических магнатов, владельцев заводов в Ле Крезе Шнейдеров не дала развернуться этому проекту, но Тальябо удалось в результате переговоров достичь компромиссного результата — переключить металлургическую «империю» Шнейдеров на потребление алжирской руды с большой выгодой для обеих договаривающихся сторон.¹ Уже к 1872 г. «Мокта-эль-Хадид» добывала и отправляла во Францию и другие страны Западной Европы более 330 тыс. т железной руды. Тальябо стремился не только создать надежный железнодорожно-морской «мост» для масштабной доставки алжирской железной руды во Францию, но и предпринимал попытки организовать плавку руды на месте добычи. Из-за недостатка на месте древесного топлива такие опыты были начаты с использованием каменного угля, который пароходы в виде балласта доставляли из Марселя.² Уже в этих начинаниях предпринимателя можно было видеть набросок организации «маятниковых» перевозок угля и руды с целью максимизации прибыли.

В предложении А. Н. Поля проницательный П. Ф. Тальябо увидел возможность полноценной реализации схемы перекрестных перевозок железной руды и угля, что при правильной организации дела сулило солидную прибыльность всему проекту. Первыми крупными металлургическими предприятиями в Донбассе стали завод основанного в конце 1860-х гг. англичанином Джоном Юзом «Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производства» (произвел первую успешную плавку чугуна в январе 1872 г.) и возникший примерно в это же время Сулинский завод Д. А. Пастухова. Однако на Юзовском заводе, вынужденном использовать бедную местную руду, поддерживать производство удавалось только благодаря энергии и предприимчивости Дж. Юза, а Сулинский завод, поставленный в похожую ситуацию, вплоть до 1887 г. работал с большими перерывами.³ Отсутствие на месте достаточных запасов железной руды стало основным лимитирующим фактором, сдерживавшим рост южнорусской металлургии, и Талья-

¹ См.: Ernouf A.-A. Paulin Talabot, sa vie et son oeuvre (1799–1885). P., 1885. P. 184, 190.

² См.: Форбс Г. Д. Об успехах железной и стальной промышленности в иностранных государствах // Горный журнал. 1873. Т. 4. С. 281.

³ См.: Ден В. Э. Указ. соч. С. 122, 123.

бо увидел в разработках железных руд Криворожья то решающее звено, включив которое в общую схему производственных связей, можно было радикально изменить эту ситуацию.

В январе 1881 г. в Париже было подписано соглашение о создании «Анонимного общества Криворожских железных рудников» с капиталом в 5 млн франков. В том же году Талябо послал на юг России для обследования будущего поля деятельности своего доверенного сотрудника, опытного горного инженера Жана-Адольфа-Альфонса Паррана (1826–1903), который с 1864 г. являлся главным руководителем горных работ на алжирских рудниках. Парран оценил криворожскую железную руду как достаточно богатую, но одновременно указал на транспортную недоступность месторождений как на главное препятствие для рентабельной работы рудников. Криворожские месторождения находились в 50 км от ближайшей железнодорожной станции (ст. Казанка Николаевской железной дороги), а от Донецкого угольного бассейна их отделяли около 500 км.¹ Используя технико-технологический опыт разработки алжирских рудников, Криворожское общество под руководством Паррана развернуло работы по строительству рудников и добыче железной руды. Деятельность общества тормозилась некоторыми расхождением между акционерами, в частности, нерешенностью вопроса о земельном отводе. Владельческие права А. Н. Поля, составившие его акционерный пай, оказались на поверку юридически не бесспорными и потребовали дополнительных урегулирований. Однако, несмотря на трудности, в 1884–1885 гг. обществом были добыты первые 28 тыс. т руды, из которых 11 500 были отправлены на донецкие заводы (в основном гужевым транспортом).²

Одновременно, с самого начала развертывания горных работ, акционеры стали настойчиво ходатайствовать перед русским правительством о скорейшей постройке железной дороги от Криворожского месторождения в направлении Донбасса. В начале 1881 г. было принято решение о начале строительства Криворожской железной дороги на средства казны под непосредственным руководством министра путей сообщения. Несмотря на многочисленные затруднения с организацией подрядных работ, эта дорога длиной 471 км была открыта для движения уже в мае 1884 г. В 1882 г. Кри-

¹ См.: Aguillon L. C. M. Notice sur M. A. Parran ingenieur en chef des mines // Annales des mines ou recueil de mémoires sur l'exploitation des mines et sur les sciences et les arts qui s'y rattachent. 1904. 10 série, vol. 5. P. 243, 244.

² См.: Ibid. P. 245.

ворожская железная дорога была официально переименована в Екатерининскую — в честь Екатерины II, в правление которой состоялось присоединение к России Новороссийского края. Благодаря стремительному росту грузооборота, Екатерининская магистраль стала одной из самых доходных железных дорог в России: через 5 лет после ее открытия ее годовая доходность превысила 2 млн руб. и в дальнейшем устойчиво росла.¹

Екатерининская железная дорога, обеспечив транспорт криворожской железной руды и донецкого угля в обоих направлениях, произвела настоящий переворот в условиях развития черной металлургии на юге России. После ее открытия для регулярного движения металлургические заводы стали возводиться и наращивать производство необычайно быстрыми темпами. Производство чугуна на криворожской руде и донецком угле увеличилось с 33 тыс. т в 1884 г. до 1,36 млн т в 1899 г., вдвое превысив количество чугуна, производимого на Урале. Производство же криворожской железной руды достигло к 1913 г. 6,5 млн т.² Именно благодаря организации железнодорожного производственного «маятника», закрепилось и стало бесспорным лидерство юга в российской черной металлургии. Эти позитивные тенденции, прежде всего, отразились на деятельности самого «Анонимного общества Криворожских железных рудников». Помимо снабжения рудой многочисленных потребителей, общество приобрело собственные угольные копи в Донбассе, а в 1892 г. построило первую домну основанного вблизи Кривого Рога Гданцевского завода, где переплавлялись более бедные руды (с содержанием железа ниже 50 %), не окупающие стоимости их перевозки в другие места.³ В 1893–1894 гг. на заводе была возведена вторая домна, а в 1897–98 гг. — третья. В 1900 г. собственное производство Криворожского общества составило 473 тыс. т железной руды, 47 тыс. т чугуна и 145 тыс. т каменного угля.⁴ Предпринимательская инициатива Поля и Талябо, однако, не свелась к созданию прибыльного предприятия, обеспечивавшего рост доходов акционеров. Она, по существу, преследуя частные интересы, выполнила и *важнейшую общественную функцию*, создав современную инфраструктуру для быстрого подъема целой ведущей отрасли производства. Это,

¹ См.: Тестов В. Н. Важнейшие проблемы строительства и эксплуатации Екатерининской железной дороги в 80-х–90-х гг. XIX в. // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. 2009. Сер.: История и политические науки. № 1. С. 72, 74, 75.

² См.: Cameron R. E. Op. cit. P. 97.

³ См.: А. Н. Поль (Некролог)... С. 124.

⁴ См.: Aguillon L. Op. cit. P. 246.

действительно, был первый пример создания межрегионального угольно-металлургического комбината, хотя и существенно уступавшего по масштабам позднему Урало-Кузбассу.

В этой связи необходимо отметить, что исторические условия, сделавшие жизненной идеей Урало-Кузнецкого комбината, нельзя связывать только с переходом к такой институциональной новации советской экономической политики, как централизованное государственное планирование. Новые ориентиры развития не обязательно предполагали полный переход управления экономикой в руки государства. Возникшее на рубеже XIX–XX вв. осознание необходимости прогрессивной перестройки металлургического производства на Урале за счет использования ресурсов коксующегося угля Кузбасса и Экибастуза, как и активизация строительства подъездных железных дорог к Транссибу в связи с ростом угледобычи в Кузбассе, свидетельствовали о высокой степени координации экономической деятельности между Уралом и Западной Сибирью даже на уровне долгосрочных интересов крупного корпоративного капитала. Добыча угля в Кузбассе за 1900–1913 гг. выросла в 9,5 раз, составив в 1913 г. 774 тыс. т. С организацией в 1912 г. «Акционерного общества кузнецких каменноугольных копей» («Копикуз») началась прокладка ширококолейной железнодорожной линии от ст. Юрга до Кольчугина (ныне Ленинск-Кузнецкий) для вывоза угля и кокса на трассу Транссиба и дальнейшего их сбыта на заводы Среднего Урала. Примечательно, что отдельные угольные участки в Кузбассе приобретались в этот период крупнейшими уральскими заводоуправлениями (Богословским, Алапаевским, Верх-Исетским). В военном 1916 г. заводами и железными дорогами Урала уже было потреблено почти 87 млн пудов сибирского угля.¹ В этом отношении в решении критических проблем развития металлургического производства на предреволюционном Урале намечались те же тенденции, что и на юге России.

Проблема размещения промышленности в России и Урало-Кузнецкий проект

По своему значению реализация Урало-Кузнецкого проекта выходила за рамки решения технико-экономической проблемы, связывающей модернизацию угольно-металлургического комплекса страны с формированием его новой территориальной базы на востоке страны. Несмотря на далеко не однозначное отношение к проекту в компетентных кругах плановиков и экономистов-металлургов и борьбу регионов за приоритеты в распределении

¹ См.: Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002. С. 38, 39.

капиталовложений, создание Урало-Кузнецкого комбината было в существенной степени подготовлено всем ходом индустриального развития России на рубеже XIX–XX вв. и исторически назревшей необходимостью изменения сложившейся к этому времени модели размещения производственного потенциала страны.

По мнению С. Н. Прокоповича, для развития русской промышленности с самых ранних времен была характерна потребность в выходе за пределы своего первоначального ареала, поскольку для нее «фатальным» было отсутствие рудных месторождений на Восточно-Европейской (Русской) равнине.¹ Конечно, эту оценку нельзя воспринимать в ее абсолютном значении; речь идет об *исторически обусловленном недостатке* крупных железорудных запасов промышленного значения. С одной стороны, первые очаги развития черной металлургии в Европейской части России, достигнув за счет искусственного форсирования известной высоты развития к началу XVIII в., в дальнейшем приходили в неизбежный упадок. Так, в частности, обстояло с Олонецким краем, прославившимся производством пушек в годы Северной войны и поставками чугунного литья для строившегося Петербурга. Хотя совокупные запасы озерных железных руд в крае оценивались как значительные, условия их разработки (добыча небольших порций руды силами местных крестьян с плотов и лодок в летний сезон, в свободное от полевых работ время) были крайне неэкономичны и в сильнейшей степени зависели от использования подневольного труда приписанных к заводам крестьян. Но даже при этом стабильные поставки на заводы руды в сколько-нибудь значительном промышленном масштабе были невозможны. Бездорожье и недостаток населения в Олонецком крае усугубляли эти проблемы, что, в конечном итоге, привело к упадку местной металлургии.² С другой стороны, ставшие известными позднее крупнейшие железорудные месторождения (такие, как запасы Курской магнитной аномалии) еще не были открыты и исследованы, а условия их разработки (нахождение рудных залежей под мощным слоем осадочных отложений) были настолько сложны, что к их промышленному освоению страна смогла приступить только в середине 1930-х гг.³

¹ См.: Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т. 1. С. 316.

² См.: Чиркин Г. Ф. Колонизация Севера и пути сообщения. Пг., 1920. С. 4, 5.

³ См.: Курская магнитная аномалия: История открытия, исследований и промышленного освоения железорудных месторождений: сб. документов и материалов. 1742–1962: в 2 т. Белгород, 1962. Т. 2: 1926–1962. С. 209, 210.

Возможность разрешения этой проблемы, лимитировавшей развитие русской промышленности, была найдена путем *территориального сдвига* центра развития черной металлургии на Урал, где впервые в удачном сочетании были в наличии все критически важные для этой базовой индустриальной отрасли природно-естественные факторы — богатейшие запасы высококачественной железной руды, большие лесные массивы (как источник древесно-угольного топлива), водная энергия рек. За счет этого себестоимость производства полосового железа на Урале была более чем в 2–2,5 раза ниже, чем на олонецких и подмосковных заводах, а производство чугуна и железа здесь могло быть организовано в крупнозаводском масштабе.¹

Однако те уникальные условия, которые в XVIII в. способствовали мощному взлету уральской металлургии, в дальнейшем превратились в факторы отставания ее развития от передовых стран. Это касалось как технологической стороны производства (выплавка чугуна и производство железа исключительно на древесном топливе, затраты на производство которого по мере истощения ближайших к заводам лесов увеличивались; ограниченность мощности заводов пределами имеющейся в их распоряжении водной силы), так и социально-институциональной (особый правовой режим, использование крепостного труда).² Во второй половине XIX в. новая группировка технологических и социально-институциональных факторов (каменноугольная плавка чугуна, использование механических двигателей, предпринимательский динамизм, свободный наемный труд), отражавшая передовой уровень металлургического производства, способствовала перемещению ведущего центра развития русской черной металлургии на Юг России. Лидерство Юга России в период пореформенной капиталистической модернизации страны наглядно отражают показатели роста выплавки чугуна в сравнении с Уралом (табл. 3).

Условия развития крупной капиталистической промышленности в пореформенный период имели своим следствием, среди прочего, коренные изменения *территориальных основ* экономического развития. Если прежде, в структуре «военной империи»³ (каковой Россия еще во многом оставалась к началу XX в.), развитие передового сектора российской экономики — тяжелой промышленности — покоилось на создании максимально выгодных — отчасти есте-

¹ См.: Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С. 105.

² См.: Татарченко Дм. М. Указ. соч. С. 280.

³ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М., 1991. С. 509.

Таблица 3

**Выплавка чугуна по основным горно-металлургическим районам
России (в границах 1914 г.), млн пуд.**

Годы	Общая	Юг	Урал	Прочие
1889	45,2	8,5	24,7	12,0
1894	81,3	27,4	33,1	20,8
1899	165,4	82,6	45,2	37,6
1904	181,5	110,6	39,7	31,2
1909	176,8	123,2	34,5	19,1
1913	283,0	189,7	55,8	37,5

Источник: ГАСО. Ф. 241р. Оп. 1. Д. 684. Л. 6.

ственных, отчасти принудительных, осуществляемых методами государственной регламентации, — комбинаций факторов производства в отдельно взятых, изолированных очагах сосредоточения ресурсов (точнее, в их естественно-природных сочетаниях), то отмена крепостного права поставила процесс модернизации в жесткую зависимость от скорости и эффективности спонтанно развивающихся рыночных взаимодействий *между* отдельными территориями страны. Дальнейший прогресс экономики уже был невозможен без последовательного расширения национальной экономики как *целостного организма*, основанного на бесперебойном, регулярном функционировании механизмов производства и распределения. Постепенно утверждалось представление о том, что источником богатства и силы государства являются не ресурсы сами по себе, не размер территории или численность населения, но и их *разумная пространственная организация*, позволяющая объединять, по определению С. Ю. Витте, «совокупным и координированным действием» три основных фактора производства — природу, капитал и труд. Традиционное понятие «силы», с которым и царские чиновники, и иностранцы привычно ассоциировали Россию, разбилось о бесславную войну с маленькой, только что вставшей на путь преобразования азиатской нацией — Японией. Эта война наглядно показала, по словам С. Ю. Витте, что у гигантской Российской империи «сила-то совсем не велика».¹

Однако и всё большее подчинение всего хода развития российской промышленности динамике рыночных отношений привело на

¹ Там же. С. 510, 511.

рубеже XIX–XX вв. к формированию такой *пространственной модели развития экономики*, которую трудно было считать оптимальной. По оценке С. Н. Прокоповича (в чем с ним согласны и другие российские экономисты — И. Х. Озеров, В. И. Гриневецкий и др.), Россия в пореформенный период демонстрировала в своем экономическом развитии черты страны *колониального типа развития*. Речь в данном случае идет, конечно, не об утрате страной суверенитета, но о *колониальности* в структурно-экономическом смысле — в частности, о структуре формирования национального дохода и месте в системе международного разделения труда (абсолютное преобладание в вывозе зернового хлеба и леса, а в импорте — промышленной, прежде всего, машинно-технической продукции). При этом норма национального накопления была ничтожной для огромной страны, а промышленность и железнодорожный транспорт развивались в основном за счет привлечения иностранных капиталов.¹ Беспощадно-жесткую критику складывавшейся в России *зависимой модели* промышленного капитализма дал И. Х. Озеров, подчеркивавший роль фискальной эксплуатации российской деревни как главного источника оплаты иностранных кредитов. Ученый писал: «Мы на сельскохозяйственной России создали промышленную Россию, живущую на занятые капиталы, поддерживаемую в настоящее время значительно искусственными мерами». Под последними Озеров подразумевал гипертрофированную роль государственного спроса как источника развития крупной промышленности при недостаточном развитии «почвы» для нее в лице мелкого производства и при ограниченности внутреннего спроса со стороны населения. Это наглядно проявлялось и в развитии российской черной металлургии. В 1900 г., например, из 132 млн пудов произведенной в стране металлургической продукции (чугун, железо, сталь и изделия из них) 63 млн пудов, или 48 %, потреблялось государством (главным образом на строительство железных дорог), в то время как на фабрично-заводское потребление приходилось всего 16 %, а на так называемое «народное потребление» — еще 16 %.² Эти структурные проблемы находили и свое *территориальное выражение* — прежде всего, в размещении промышленности, которое С. Н. Прокопович считал «в высшей степени бесхозяйственным».³ Главный его недостаток заключался в *узости* сложившейся к концу XIX в.

¹ См.: Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 317.

² См.: Озеров И. Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. М., 1905. С. 3, 115, 118, 119.

³ Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 317.

территориальной базы промышленного роста. Как отмечал в 1896 г. Д. И. Менделеев, глубоко и заинтересованно изучавший эту проблему, в России главные области «чисто промышленного, т. е. наиболее сложного и развитого быта» исчерпывались немногими центрами (Москва, Петербург, Рига, Варшава), пользовавшимися «выгодами торгового положения» ввиду близости к рынкам Европы, а локализация новых районов динамичного промышленного развития (Южный и Кавказский) в значительной мере определялась тяготением к берегам «теплых морей, занятых Россией сравнительно недавно и составляющих главный путь крупных международных торговых оборотов».¹ Помимо зависимости от финансовых и торговых связей с Европой, в размещении русской промышленности (в том числе тяжелой) отразилось действие и других факторов. По оценке профессора В. И. Гриневецкого, значительный сегмент русской промышленности, расположенной в западных, близких к границе районах Европейской России, выявлял, при ближайшем рассмотрении, свой совершенно *искусственный характер*, объясняемый, с одной стороны, «искусственной концентрацией там казенных заводов и военноморских заказов», а, с другой, — инерцией особых исторических обстоятельств, которые давно перестали оказывать влияние на рост промышленности. Такой искусственный характер имела, в частности, металлообрабатывающая промышленность Петербурга, пользовавшаяся английским, а затем немецким углем, доставлявшимся за 1500–1800 км. Это, по мнению ученого, все больше находилось в противоречии с экономическими и военными соображениями.² Самое существенное, что отмечает Гриневецкий, — это то, что размещение многих крупных предприятий в России не находилось в какой-либо явственной связи с факторами близости сырья и топлива, а также рынков сбыта. «Если в Германии, Англии или Бельгии расстояния доставки сырья и топлива обуславливали часто характер развития промышленных районов, то это должно было бы еще гораздо резче сказаться в России с ее громадными пространствами. Между тем, историческая инерция в развитии промышленности сказалась у нас, в сущности, значительно сильнее, чем в более старых промышленных странах Запада»,³ — подчеркивал ученый. По его мнению, в перспективе в производстве сырого металла соображения близости к потребителю и низкой себестоимости за счет

¹ Менделеев Д. И. Указ. соч. С. 40, 42, 44.

² См.: Гриневецкий В. И. Послевоенные перспективы русской промышленности. Харьков, 1919. С. 141.

³ Там же.

близости к источникам сырья и топлива будут сообщать больше смысла развитию русской черной металлургии на Юге, на Урале и в Кузнецком бассейне, чем ее сохранению в Центре.¹

Фактически, сохранение сложившейся модели размещения индустриального производства лишило Россию возможности воспользоваться теми стратегическими преимуществами промышленного роста, которые «вторая промышленная революция» объективно обеспечивала государствам с громадной территорией и находящимися на ней еще неразработанными запасами сырья и топлива. Движение российской промышленности вглубь континента — на восточные окраины страны с их земельным простором и громадными «запасами природных материалов» — согласно Д. И. Менделееву, не сводилось к простому ее рассеянию по территории страны: исключительно удачное сочетание в новых районах всех основных ресурсных факторов производства при соответствующей низкой себестоимости их разработки способно было сделать их промышленное развитие «наиболее плодородным и выгодным для всей страны», придать индустриальному прогрессу новые масштабы и новое технологическое качество роста.²

Необходимость сдвига на восток не сводилась только к чисто экономической аргументации. Решительно ратовал за расширение баз сосредоточения населения и промышленности в направлении географического центра России и за выравнивание культурно-экономических потенциалов ее европейской и азиатской частей известный географ В. П. Семенов-Тянь-Шанский. По его мнению, это в сильнейшей степени должно было укрепить общую геополитическую устойчивость Российской империи. Урал с его громадными естественными богатствами, по мнению географа, самой природой предназначен к превращению в «один из богатейших промышленных центров, имеющих первостепенное значение для всей Российской Империи», и это его предстоящее развитие должно было стать «естественным и мужественным перемещением части центра тяжести нашей экономической и культурной жизни вслед за нашей колонизацией на восток».³ Это движение должно было служить начальным звеном построения *новой пространственной структуры* российской экономики, опирающейся на четыре новые коло-

¹ См.: Там же. С. 177.

² Менделеев Д. И. Указ. соч. С. 44.

³ Семенов-Тянь-Шанский В. Предисловие к пятому тому // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. 5: Урал и Приуралье. С. IV.

низационные культурно-экономические базы — на Урале, Алтае, в горном Туркестане и Кругобайкальской области.¹ Критическое усиление «срединных баз» экономики могло, по мнению Семенова-Тян-Шанского, быть наилучшей гарантией сохранения позиций России как великой державы в условиях нарастающих международных угроз на ее западных и восточных границах. Однако, это движение не могло запаздывать действием стихийных рыночных сил, но, скорее, требовало *осознанного планомерного поворота* всей государственной работы в восточном направлении.

Русско-японская война 1904–1905 гг. служила для современников ясным указанием на то, что начатое Александром III строительство Великой Сибирской железной дороги, связавшей коренную Россию с берегами Тихого океана «только одной парой рельсов», есть лишь начальная фаза необходимого в связи с *обострившейся мировой борьбой* заселения и промышленного обустройства пустынных восточных окраин.² Уроки войны с Японией объективно подталкивали русскую общественную мысль к осознанию того, что новые раунды борьбы за Тихий океан и за расширение русского присутствия в Азии потребуют еще более активного и энергичного, чем прежде, промышленного и железнодорожного строительства на востоке страны. По оценке М. К. Бандмана, характер многих экономических начинаний, предпринятых Россией к началу XX в. (строительство Транссиба, организованные аграрные переселения на юг Сибири и Дальнего Востока, создание на востоке очагов горнодобывающей промышленности), сколь бы разрозненными они ни казались, ясно говорит о формировании уже в это время парадигмы «сдвига производительных сил на восток», включения Сибири в хозяйственную систему страны.³ У большевиков эта тенденция нашла самое ясное и радикальное программное выражение: противопоставление индустриально развитой западной полосы Европейской России (Украина, Центрально-промышленный район, Ленинград) остальной территории страны, располагающей колоссальными природными ресурсами для промышленной экспансии, связывалось уже не просто с необходимостью поощрения

¹ Об этом подробнее см.: Гловели Г. Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. — первая треть XX в.), СПб., 2009. С. 170–175.

² См.: Менделеев Д. И. Заветные мысли. М., 1995. С. 200.

³ См.: Бандман М. К. Государственная региональная экономическая политика: веки, задачи и пути ее реализации в Сибири // Регион: экономика и социология. 1996. № 2. С. 36.

естественного «расселения» промышленности, но в с идеей «планомерного передвижения» центра промышленного производства на восток.¹

Идеология «восточного сдвига», несомненно, находилась под мощным влиянием крепнущего «оборонного сознания», переплетающегося с экономическим национализмом. Популярными в предреволюционный период сетования по поводу засилья иностранных капиталов в русской промышленности напрямую увязывались со стратегическими изъянами размещения ее основных мощностей в узкой пограничной полосе между Балтикой и Черным морем — очень часто в роли придатков западноевропейской экономики. Характерно, что госплановские разработки начала 1930-х гг., клеймя нерациональное размещение промышленности как историческую вину «монополистически загнивающего капитализма», подхватывали эту тему, охотно оперируя материалами дореволюционной статистики, которая доказывала, что, например, в 1908 г. в полосе до 100 км от западной границы России, в зоне возможного обстрела с моря, были расположены 1/3 довоенной обрабатывающей фабрично-заводской промышленности (в том числе более 2/5 металлообрабатывающей и 2/3 — химической), в то время как на Уральский и Западно-Сибирский районы, где в значительной части размещались природные богатства страны, приходилось лишь 3,6 и 1,1 % всей суммы производства обрабатывающей промышленности, соответственно.² При этом опыт Первой мировой войны, во время которой отдельные отрасли промышленности (химическая, металлообрабатывающая) — ввиду прекращения импорта — стихийно обратились за сырьем на восток России, служил самым сильным аргументом в пользу того, каким будет характер наступающей эпохи и какая территориальная организация промышленности должна ей соответствовать.³ Позднее большевики, в силу самих условий своего прихода к власти, не могли не сделать упора, прежде всего, на милитарную составляющую геополитической «программы» русского буржуазного патриотизма, придав ей — ввиду резко обострившейся конфронтации с капиталистическим Западом — силу безусловного императива.

¹ См.: Из материалов Уральского облплана о перспективном плане уральской части Урало-Кузнецкого комбината на 1932–1937 гг. [6 июля 1931 г.] // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации: сб. статей и документов. Екатеринбург, 2010. С. 347, 348.

² ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 803. Л. 38–39.

³ Там же. Л. 40.

Геополитическая мотивация подспудно присутствовала во всех разработках, касающихся Урало-Кузнецкого проекта, — даже в тот период, когда они упирались в чисто экономическую проблему выбора региональных приоритетов капиталовложений, отвечавших оптимальным темпам и результативности политики индустриализации. В возобновившемся споре между украинским Югом и Уралом за приоритеты развития на стороне последнего была масса аргументов, но все они, как убеждали «украинцы» во главе с проф. Я. Б. Диманштейном, относились не к реальным практическим предпосылкам, а к области «промышленного мифотворчества». В 1925 г. оппонент Диманштейна, уральский экономист Н. Березов мог убедительно доказывать лишь то, что развитие коксовой металлургии на Урале на привозном угле Кузбасса, если еще не состоялось практически, то вполне созрело с точки зрения умственного настроения, отразившись уже в дореволюционный период в десятках докладных записок, инженерных предложений, постановлений Съездов советов торговли и промышленности и т. п.¹ В этой ситуации обеспечить решительный перевес в пользу реализации Урало-Кузнецкого проекта мог, прежде всего, учет геополитических соображений. По-видимому, этот принципиальный поворот советского руководства в сторону геополитики состоялся за три-четыре года до XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.) и XVI партконференции (апрель 1929 г.), где еще шла бурная полемика между сторонниками «украинского» и «уральского» вариантов индустриализации. Еще в июле 1925 г. И. В. Сталин в письме В. М. Молотову, подчеркивая стратегическую роль удаленных от границ регионов, писал: «Я думаю, что при разработке строительной программы новых заводов следовало бы учесть, кроме принципа приближения заводов к сырью и топливу, еще два соображения: смычку с деревней и географически-стратегическое положение новых заводов. Наш основной тыл Урал, Поволжье, Черноземный юг... именно эти районы представляют наиболее удобный тыл для нас в случае военных осложнений. Поэтому именно в этих районах надо развить промышленное строительство».²

Исторически, это не первый случай, когда укрепление обороноспособности страны выдвигалось в качестве важнейшего аргумента политики размещения промышленности. Однако, в отличие от дореволюционных уральских примеров, где ссылки на

¹ См.: Березов Н. К вопросу о перспективах развития уральской металлургии на кузнецком топливе // Хозяйство Урала. 1925. № 12. С. 74–80.

² Письма И. В. Сталина — В. М. Молотову. 1925–1936 гг.: сб. документов. М., 1995. С. 30, 31.

интересы обороноспособности страны обычно маскировали стремление местных деловых кругов привлечь внимание правительства к тяжелому положению региональной промышленности, советские подходы связывали с геополитической мотивацией более широкий горизонт и глубину преобразований. Как доказывает американский экономист И. Коропецкий, в советском случае геополитические мотивации нельзя сводить исключительно к мероприятиям, которые отвечают текущим целям укрепления обороноспособности страны. Анализируя советский опыт региональной экономический политики, Коропецкий отмечал, что в специфически советском понимании геополитические соображения сводились не столько к попыткам построить территориальную систему экономики, которая была бы неуязвима для концентрированных ударов потенциального военного противника, сколько к стремлению создать на ее основе такую композицию регионов, которая бы через соответствующее распределение экономического и человеческого потенциала была способна усилить *общую обороноспособность* страны против *любого* потенциального противника.¹ Очевидно, что эти установки предполагают существенно разные целевые ориентиры: в первом случае задача сводится к достаточно простому *запрету на размещение* в приграничных районах стратегически важных промышленных объектов, во втором — к размещению их в таком территориальном порядке, который бы учитывал убывающий с расстоянием эффект военной угрозы. Неразделимость экономических и геополитических аргументов при планировании Урало-Кузнецкого проекта ярко отразилась в позиции одного из его главных разработчиков Н. Н. Колосовского. В его представлении, ускоренное освоение восточных районов СССР должно было, прежде всего, устранить фатальный, лимитировавший промышленный рост страны пространственный разрыв между сосредоточением основных промышленных мощностей в ее Европейской части и наличием основных запасов сырья и топлива на востоке. В силу этого, как доказывал ученый, «наше устремление на восток — железная необходимость, зависящая не от нашей воли, но от распределения природных богатств по необъятной территории нашей страны».²

С этой грандиозной задачей им связывалась реализация доктринальной установки большевиков на обеспечиваемое индустри-

¹ См.: Koropeckiy I. S. Industrial Location Policy in the U.S.S.R. During the Postwar Period // Economic Performance and the Military Burden in the Soviet Union. Washington, 1970. P. 267.

² Колосовский Н. Н. Великая Сибирская сверхмагистраль. М., 1930. С. 10.

ализацией «хозяйственное равноправие» всех частей государства и проживающих в них народов. Усиление политического влияния советского примера на народы Востока сочеталось с расчетами на экономическое доминирование СССР в соседних странах Азии. Наконец, согласно Колосовскому, Урало-Кузнецкий проект должен был решительно усилить присутствие СССР на проблемных территориях Дальнего Востока через создание его опорной промышленной базы.¹ Представления о форсировании территориального сдвига крупной индустрии, прежде всего, производства угля и стали (а на их основе и создания развитого машиностроения) как основе формирования новой структуры геополитического могущества государства и усиления его влияния на мировые дела становилось характерной чертой стратегического мышления эпохи, последовавшей за Первой мировой войной. На рубеже 1920-х — 1930-х гг. эти соображения носили не только характер теоретических предпосылок, но реально управляли мировой политикой. Небезынтересно, что начавшаяся реализация Урало-Кузнецкого проекта, направленная на создание опорной базы влияния СССР на обширные территории Азии, послужила для военных кругов Японии одним из сильнейших аргументов в пользу оккупации в 1931 г. Маньчжурии,² а возникший в связи с этим риск военного столкновения с Японией в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, в свою очередь, еще больше убеждал советское руководство в правильности выбранного курса. Такая многоаспектная аргументация, безусловно, усиливала позиции сторонников Урало-Кузнецкого проекта в спорах с оппонентами и, фактически, обеспечила в его пользу стратегический выбор руководства страны.

¹ Там же. С. 9, 10, 11–13.

² Shin'ichi Y. *Manchuria Under Japanese Dominion*. Philadelphia, 2006. P. 26.

2.2. Исходные концепты планирования

Формирование индустриального комплекса на Урале в соответствии с прогнозируемой моделью регионального развития осуществлялось на основе специализации, кооперирования и комбинирования промышленного производства. Создание индустриальной базы и соответствующей ей новой отраслевой структуры началось в 1920-е гг. С этой целью проводился отбор наиболее жизнеспособных и крупных предприятий с учетом их кооперации и первоначальной специализации. В постановлении Пленума ЦК РКП(б) (август 1924 г.) отмечалось, что одним из условий подъема производительности труда является сокращение ассортимента изделий массового потребления и целесообразность распределения заказов по отдельным предприятиям с учетом их специализации.¹ XIV партийная конференция в апреле 1925 г., мотивируя необходимость повышения экономической эффективности в металлопромышленности, потребовала неуклонного проведения в жизнь специализации и кооперирования предприятий.²

Непосредственно формирование структуры отраслей тяжелой промышленности начинается во второй половине 1920-х гг. в период реконструкции экономики страны. Основной рычаг ее — машиностроение начинает превращаться в систему многочисленных отраслей, становление которых в первое время проходило на старой производственной базе. В этих условиях мероприятия по специализации и кооперированию приобретали принципиальное значение, что и отразилось в ряде партийно-государственных решений. В постановлении ЦК ВКП(б) (март 1926 г.) о рационализации производства, в частности, отмечалось, что условием рационализации производства непременно должна быть специализация заводов. IV съезд Советов СССР (апрель 1927 г.) по докладу «О состоянии и перспекти-

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 3. С. 217.

² См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 471.

вах развития промышленности Союза ССР» потребовал расширить работу по специализации предприятий, массовому серийному производству и стандартизации изделий. ЦК ВКП(б) на Пленуме в июле 1928 г. поставил главной задачей для всех отраслей промышленности переход от универсального производства к серийному и массовому. Пленум особое внимание уделил проблемам взаимосвязи производств, для чего предложил установить план их кооперирования, обратив при этом внимание на выделение подсобных обслуживающих подразделений, заготовительных цехов и концентрацию производства вспомогательных материалов и инструментов.

Вопросы специализации и кооперирования рассматривались также по отраслям, о чем свидетельствуют решения ЦК ВКП(б) 1929–1930 гг.: «О состоянии и перспективах текстильной промышленности», «Об итогах и перспективах Ленмаштреста», «О деятельности Северного химического треста», «О работе треста Гомзы», «О работе ГЭТ». В них дана оценка состояния специализации и кооперирования, проанализированы причины недостатков, намечены конкретные мероприятия по их устранению. Среди негативных моментов было отмечено многообразие номенклатуры продукции, слабое кооперирование заготовительных цехов, отсутствие заводов специализированного машиностроения и программ стандартизации и типизации изделий. Главными причинами этих недостатков были отсутствие планов, неразработанность проектов рационализации и реконструкции на заводах и в трестах, что вело к частой смене специализации. В постановлениях выдвигалось требование «последовательного и творческого проведения специализации заводов»; обеспечения их полной загрузкой с производственными заданиями на длительный срок и с твердыми, устойчивыми заказами; проведения специализации в сочетании с планом развития отрасли во всем Союзе; расширения кооперирования заводов не только в пределах треста, но и в межотраслевом масштабе.

Вопросы специализации и кооперирования промышленного производства обсуждались на XVI съезде ВКП(б) (июнь–июль 1930 г.). Председатель Госплана СССР В. В. Куйбышев отметил, что в области специализации предприятий наметился некоторый перелом, специализация и кооперирование содействуют рационализации, улучшению качества и снижению себестоимости продукции. В качестве важнейшего направления рационализации съезд признал специализацию предприятий при сокращении ассортиментов продукции, кооперирование специализированных заводов и организацию на них массового производства.

В дальнейшем эта проблема получила разработку на Первой конференции работников промышленности в феврале 1931 г. В выступлениях делегатов отмечалось, что на специализацию заводов нужно обратить особое внимание, потому что существующая громоздкая номенклатура изделий для тяжелой промышленности становится тормозом, сдерживающим ее развитие. Подчеркивалось, что специализацию необходимо проводить не только в машиностроении, но и в металлургии, прокатном производстве, что требовало прикрепления машиностроительных заводов к определенным поставщикам металла. В резолюции по докладу председателя ВСНХ Г. К. Орджоникидзе конференция потребовала, чтобы уже в 1931 г. на действующих заводах была ограничена номенклатура изделий, а специализация и кооперирование машиностроительных предприятий проводились как по линии отраслевой, так и территориальной.¹

В 1931 г. Госплан СССР активизировал работу по планированию в промышленности. В секторе капитальных работ и районного планирования 23 марта 1931 г. состоялось совещание по вопросу о порядке составления плана кооперирования и специализации предприятий на 1932 г. Была подготовлена рабочая программа по планированию специализации предприятий отдельных отраслей народного хозяйства. В октябре 1931 г. прошло совещание бригады Госплана СССР и Института техники и технической политики по специализации и кооперированию в промышленности.²

Вопросы специализации, кооперирования и комбинирования в промышленности широко обсуждались в печати. Свидетельство тому — дискуссия, развернувшаяся после публикации на страницах журнала «Большевик», статьи по данной проблеме и дальнейшее ее обсуждение. Авторы рассматривали специализацию и кооперирование применительно лишь к машиностроению, противопоставляя их комбинированию, а специализированный завод комбинату, смешивая понятия универсальный завод и комбинат. Это говорило о том, что среди специалистов не было четкого определения дефиниций «специализация», «кооперирование», «комбинирование» в социалистической промышленности.

Учитывая актуальность проблемы комбинирования в промышленности, Институт промышленно-экономических исследований ВСНХ СССР при активном участии слушателей Института красной

¹ См.: Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности: стеногр. отчет. М., 1931. С. 202.

² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 29. Д. 310. Л. 36, 92, 103, 106.

профессуры организовал дискуссию, по итогам которой издал сборник материалов. Отмечая изменения в структуре промышленности страны, участники дискуссии обращали внимание на процесс формирования единого народнохозяйственного комплекса СССР, который складывался на основе «районных комплексов, специализации и кооперирования».¹ Эти и другие публикации создавали основу для дальнейшего обсуждения и решения поставленных в них вопросов.

Дискуссионность названных проблем отразилась на оформлении общей модели Урало-Кузнецкого комбината (УКК). Формирование крупнейшего межрайонного комплекса было сложным не только с технической стороны, но и, что особенно важно, для планирования. Новые формы планирования на основе комбинирования и кооперирования в условиях «командной экономики» требовали особого методологического подхода. Необходимо было глубокое изучение природно-географических условий регионов, проведение геологоразведочных работ, отработка вопросов технологической связи и взаимодействия ведущих отраслей промышленности и на этой основе создания промышленных комплексов внутри УКК. По мнению экономистов, начало формирования территориально-производственных комплексов выходило за рамки промышленности в узком смысле этого слова, оформляясь в систему комбинатов на основе органического слияния всей экономики районов. При комбинировании происходила углубленная специализация внутри района и максимальное укрепление связей между различными регионами на почве кооперирования. Наряду с этим Урало-Кузнецкий комбинат рассматривался не как замкнутая территориально-производственная система, а как органическая часть экономики страны. Поэтому перспективное планирование УКК тесно увязывалось с вопросами развития всего хозяйственного комплекса СССР.

Реализация планов первой пятилетки по строительству заводов-комбинатов позволяет установить три стадии в развитии комбинирования: на основе сочетания последовательных этапов обработки сырья, его комплексного использования, утилизации побочных продуктов основного производства. Наиболее развитой формой комбинирования на базе комплексного использования сырья становились комбинаты, осуществляющие глубокую переработку сырьевых

¹ Большевик. 1932. № 2. С. 91–106; Плановое хозяйство. 1932. № 3. С. 101–134; Экономическая жизнь. 1932. 8 апр.; Комбинирование в условиях капитализма и в СССР: стеногр. докладов и прений в ИПЭИ. М.; Л., 1937. С. 94.

и топливных ресурсов определенного района страны.¹ Концепция УКК строилась на принципе «энергпромышленных комбинатов». По мнению специалистов, энергетика должна была играть роль ядра, вокруг которого должны концентрироваться промышленные и агроиндустриальные комбинаты, имеющие высокую энерговооруженность, перерабатывающие разнообразное промышленное сырье при помощи сравнительно небольшого количества рабочих кадров.

При построении комбината важную роль играло наличие рационального энергетического баланса, что требовало комбинированного электротеплоснабжения при оптимальном использовании промышленного сырья. Урало-Кузбасс предполагалось разбить на несколько вторичных энергпромышленных комбинатов на Северном, Среднем и Южном Урале, Новосибирском, Кемеровском и Кузнецком районах Западной Сибири, Северном Казахстане. Каждый из этих районов должен был иметь свою специализацию: Северный Урал и Кемерово представляли энергохимический комплекс, Средний Урал и Новосибирский район — энергомашиностроительный, а Южный Урал, Северный Казахстан и Кузбасс — энергометаллургический. Основными энергпромышленными объектами были Кузнецкий и Магнитогорский металлургические комбинаты.

Комбинированный характер уральской промышленности основывался на энергетическом единстве, многообразии сырьевых ресурсов и определенном их сочетании, комплексном использовании уральского сырья. Эти три момента определяли пути развития уральской промышленности. При составлении пятилетнего плана хозяйства Уральской области на 1925/1926–1929/1930 гг. отмечалось, что на основе громадных и разнообразных сырьевых ресурсов, в первую очередь железных и медных руд, химического сырья и древесины предусматривалась возможность рентабельного комбинирования производства горно-лесометаллургической и металлообрабатывающей промышленности; лесопромышленного хозяйства; углежжения и целлюлозно-бумажного производства; цветной металлургии, химизации сельского хозяйства.² В дальнейшем эти идеи получили развитие при составлении пятилетнего плана для Урала. При этом всегда учитывалось разнообразие, характер использования и территориальное распределение основных сырьевых ресурсов края, которые позволяли осуществить идею промышленного комплекса полнее и последовательнее, чем в любом другом промышленном районе.

¹ См.: Техническая реконструкция в первой пятилетке. М.; Л., 1934. С. 283.

² См.: Пути развития и основные задачи хозяйства Урала. Свердловск, 1927. С. 4.

Базовые отрасли индустрии края — черная и цветная металлургия, химическая, горная и лесная промышленность — представляют собой единый, последовательно замкнутый производственный цикл, который, укрепляя каждое из входящих в него звеньев, усиливает экономическую позицию района в целом, позволяет в наиболее полной и интенсивной форме использовать его производительные силы и капитальные вложения.¹

В условиях сырьевого многообразия, при комбинировании и кооперировании процесса производства предполагалось создать особый тип технологических связей химии с ведущими отраслями промышленности. Это должно было определить структуру хозяйства края, превращая его в химико-металлургический комплекс в составе Нижне-Тагильского металлургического, коксохимического, амофосного; Алапаевского металлургического, коксохимического, глиноземного; Калатинского медеплавильного, сернокислотного, фосфорно-тукового. По мнению ведущего экономиста М. Булова, данная структура реализовывала принципы рациональной организации промышленности при ведущей роли химического производства.²

При составлении плана второй пятилетки бюро Уралобкома в постановлении от 7 марта 1932 г. требовало «особое внимание обратить на комбинирование и кооперирование внутри промышленности... в результате чего должен быть построен комплексный план развития Уральского хозяйства». Кроме того, обращалось внимание на то, что комбинированное производство снижает капитальные затраты.³

Ведущим звеном формирующегося уральского индустриального комплекса была черная металлургия. Металлургический завод становился сложным промышленным комбинатом. Черная металлургия, работавшая на древесноугольном топливе, была тесно связана с лесной промышленностью и лесохимией, а получавшая минеральное топливо — с коксовой, коксобензольной, аммиачно-туковой промышленностью и сернокислотным производством. Промышленность и сельское хозяйство нуждались не только в металле, но и в продуктах химии. Тем самым в регионе обеспечивался сбыт основных продуктов химического производства. Рациональность комбинирования металлургии с коксохимией обуславливалась всесторонним развитием Урала, требующим строительства не только металлургических заводов, но и целых комбинатов, способных удовлетворить потребности как сельского хозяйства, так и целого ряда

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 18. Л. 124об.

² См.: Хозяйство Урала. 1931. № 5–6. С. 24–27.

³ ЦДООСО. Оп. 10. Д. 30. Л. 20; Д. 197. Л. 41.

вновь развивающихся отраслей промышленности. Именно потому, что строительство Магнитогорского комбината увязывалось с модернизацией промышленности региона, наиболее оптимальным представлялось создание коксохимических установок на Урале в сочетании с металлургическим производством. Предварительные подсчеты показали, что годовая экономия комбината при сочетании металлургии с коксохимией составит 22,5 млн руб.¹ Комбинирование металлургии с коксохимией открывало новые возможности комплексного использования сырья, утилизации отходов, рационального построения энергетического хозяйства.

Низкий уровень концентрации металлургического производства на Урале и его техническая отсталость консервировали существовавшие формы комбинирования. Так, на ряде прокатных заводов кровельные станы приводились в движение водяными колесами. Такой источник энергии мог питать лишь «карликовые» прокатные цехи и, предполагая ничтожный уровень концентрации производства, ни в коей мере не мог связывать прокатный цех с другими звеньями технологической цепочки.

Отсутствие единообразия в производственной структуре старых уральских заводов и непоследовательность технологических процессов обусловили необходимость своеобразного пространственного кооперирования предприятий между собой как средства восполнения пробелов в производственных связях. Один из принципов кооперирования — во взаимном обслуживании заводов чугуном, слитками и прокатным полуфабрикатом (сутункой). Специфика уральских заводов (в отличие от предприятий Юга СССР) заключалась в дорогостоящих перебросках металла с одного завода на другой. Нижнесергинский завод с замкнутым металлургическим процессом, выплавляющий качественный чугун, снабжал им Верх-Исетский и Первоуральский заводы, производящие трансформаторное и динамное железо, стальные трубы. И одновременно как производитель грубых сортов проката получал чугун коксовой плавки с Нижне-Тагильского и Нижне-Салдинского заводов. Нижний Тагил, в свою очередь, снабжал передельным чугуном Ашинский, Верх-Исетский, Нижнесергинский, Уфалейский и Лысьвенский заводы и одновременно получал литейный чугун из Кушвы и Верхней Туры. Алапаевск получал из Нижней Салды чугун и отдавал ей стальные слитки.

¹ См.: Сухаревский Б. Проблемы комбинирования в черной металлургии. М.: Л., 1934. С. 40.

Проблема кооперирования была рассмотрена на совещании правления «Востокостали» совместно с директорами заводов 11–13 октября 1932 г.¹ Особое внимание уделялось внутриведомственному снабжению, так как на многих заводах существовал неполный цикл производства. Лысьва зависела от 6–8 заводов, Нижняя Салда от Кушвы и Надеждинска, Нытва от Алапаевска и т. д. Подобные связи были результатом не только своеобразного комбинирования и территориальной разобщенности уральской металлургии, но и в значительной мере количественных диспропорций отдельных стадий металлургического цикла. Мартеновское производство не соответствовало прокатному, размеры выпуска чугуна не полностью покрывали сталелитейное. Межотраслевое кооперирование в условиях реконструкций уральской промышленности могло способствовать установлению оптимальных связей между поставщиками и потребителями. В период завершения восстановления промышленности Уральской области отраслевое планирование и распределение продукции металлургических заводов «Уралмета», входящего в ВСМ (Всесоюзный металлосиндикат), не всегда учитывало интересы предприятий уральского машиностроения и металлообработки, о чем свидетельствует обращение облсовнархоза в ВСНХ СССР в начале 1927 г.² Затруднения были вызваны главным образом тем, что заводы «Уралмета» в целях уменьшения себестоимости сократили номенклатуру профилей сортового железа, а ежемесячные программы проката составлялись вне зависимости от заказов, поступающих от потребителей к ВСМ.

В связи с развернувшимся индустриальным освоением территории Уральского региона в годы первой пятилетки практически вся металлургия края стала его сырьевой базой. 17 апреля 1931 г. на заседании бюро Уралобкома были подвергнуты критике Нижне-Тагильский и Нижне-Туринский заводы, руководство которых обязали в срок выполнять заказы для магнитогорского строительства.³ К Челябинскому тракторному заводу (ЧТЗ) были прикреплены Надеждинский, Чусовской, Лысьвенский, Златоустовский заводы. Поставщиком для них был определен Миньярский завод, на котором планировалось построить болтозаклепочный цех. В сентябре 1931 г. представители ЧТЗ предприняли первое обследование основных заводов-поставщиков. Оно показало, что реконструкция

¹ ГАСО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 62. Л. 129–130.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 325. Л. 7.

³ Там же. Оп. 9. Д. 28. Л. 4.

не сдвинулась с места, заводы не выполняли технологические требования, предъявляемые к тракторным сталям. Темпы реконструкции заводов-поставщиков Челябинского тракторного обсуждались на страницах «Уральского рабочего». Уралобком ВКП(б) обязал их выполнить предъявленные требования.¹

На протяжении первой и второй пятилеток на уральских заводах размещались заказы на запасные части, стальное литье, ковкий чугун для ремонта прицепного тракторного и конного сельхозинвентаря.² Руководящие органы Урала контролировали процессы реконструкции на заводах-поставщиках. VI пленум Уралобкома (июль 1931 г.) по докладу председателя треста «Востоксталь» Я. П. Иванченко о работе черной металлургии обратил особое внимание на реконструкцию ее заводов, которая становилась первоочередной в связи со строительством Магнитки и Кузнецка.³

На рубеже первой пятилетки остро встал вопрос о реорганизации управления металлопромышленностью по принципу специализации технологических процессов. Препятствием для этого служила структура заводов, которая в силу особенностей существовавшей до революции конкуренции носила на себе отпечаток не только стремления обеспечить независимость их друг от друга путем создания своих заготовительных цехов, но и желания захватить выгодные заказы. Последнее обстоятельство приводило к тому, что на многих заводах существовала громоздкая номенклатура изделий. Например, металлургическая продукция треста «Уралмет» составляла 55,8 %, сельскохозяйственного машиностроения — 1,4 %, металлообработки — 14 % и прочих — 25,8 %.⁴

В годы первой пятилетки под влиянием технической реконструкции наблюдался процесс производственной и организационной специализации отдельных отраслей промышленности. В то же время был совершенно заново создан либо коренным образом реконструирован и организационно оформлен ряд новых отраслей. Промышленность, осваивая достижения мировой и отечественной науки, решала задачу комплексного использования природных ресурсов, утилизации побочных продуктов производства. Открывались широкие возможности создания комбинированных предприятий. Становилось невозможным ограничиваться «эксплуатацией» смежных и обслуживающих металлургию предприятий на прежнем техниче-

¹ Там же. Оп. 10. Д. 713. Л. 81, 118, 145, 146.

² Там же. Оп. 11. Д. 31. Л. 147; Оп. 13. Д. 21. Л. 4.

³ См.: Уральский рабочий. 1931. 11 июля.

⁴ См.: Пути индустриализации. 1928. № 9. С. 7–20.

ском уровне. Они требовали такого же внимания, энергии, затрат времени и средств, как и основное металлургическое производство.

В постановлении ЦК ВКП(б) по «Уралмету» от 15 мая 1930 г. отмечалось явно неудовлетворительное состояние рудного и лесного хозяйств. Комбинирование в средних и низших звеньях не обеспечивало разрешения задач, вставших перед смежными отраслями промышленности. Вставала задача перестройки межотраслевых связей, выделения рудного, лесного хозяйства и металлообработки.¹ Крайне неудовлетворительное лесоснабжение уральских заводов обусловило необходимость вернуть леспромхозы с углещением (из Наркомлеса) в ведение «Востокостали», что имело исключительное значение для уральской металлургии. Недостаточность древеснотопливной базы, являющаяся одной из причин слабости и отсталости металлургии Урала, должна была стать основным ключом реконструкции для обеспечения производства рядом заводов высококачественной стали.

При планировании комплекса уральской промышленности, особенно по вертикали (сырье — готовый продукт), одно из ведущих мест отводилось транспортной системе. Основной вид транспорта на Урале — железные дороги. Они обслуживали не только нужды хозяйства региона, но и имели общесоюзное значение, обеспечивая выход грузовых потоков из Сибири. Довоенные размеры грузооборота были достигнуты уже в 1924/25 г., а в 1926/27 г. превысили их на 69 %.

Дальнейшее развитие промышленности Урала и формирование индустриального комплекса ограничивалось транспортными возможностями. Вопрос о нуждах транспорта 20 декабря 1928 г. был заслушан на коллегии НКПС.² Были предусмотрены, в частности, необходимые капитальные затраты на развитие Свердловского железнодорожного узла. В связи с этим на новом месте была запроектирована сортировочная станция. Коллегия НКПС признала необходимым изыскать дополнительные средства на расширение Тагильского подхода, признавая на Урале целесообразность постройки ремонтных мастерских. На рубеже 1920–1930-х гг. основная доля перевозок приходилась на железнодорожный транспорт. В местном сообщении преобладали перевозки руды, каменного и древесного угля, флюсов, металлургических полуфабрикатов. Часть их потреблялась на месте, другая уходила за пределы Уральской области.

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4. С. 403.

² См.: Уральский рабочий. 1931. 11 июля.

Горнозаводская промышленность Урала (с частью Башкирии) обслуживалась Пермской железной дорогой, от Надеждинского завода на севере до Орска на юге. Со станции Вязовая от нее отходила Самаро-Златоустовская, на восток от Челябинска — Омская. Общее протяжение железнодорожных путей (без станционных) — 6 тыс. км.¹ Значение каждой линии и участка определялось заводами и рудниками, расположенными в непосредственной близости, а также связью с отдаленными горно-металлургическими центрами.

Наиболее интенсивное движение было на линии Пермь — Чусовая — Свердловск, Челябинск — Уфа (по ней перемещалась основная масса металлопродукции с северной половины горнозаводского Урала). Основную мощность перевозок составляли грузы сибирского хлеба и угля для Урала. Продукция металлургических предприятий имела подчиненное значение в перевозках по основной линии Пермской дороги. Их масса была значительной лишь на участке Кузино — Свердловск и к западу от Перми (вывозимая продукция, собирающаяся в Пермском узле с ряда линий). На Горнозаводской линии, наоборот, преобладающее значение занимали металлургические грузы и кизеловский уголь, большая часть которого, однако, служила в качестве топлива. На участке Пермь — Чусовая основную массу грузов составлял кизеловский уголь, двигавшийся к Перми и от нее на запад и восток. Второе место принадлежало металлам. На участке Чусовая — Гороблагодатская преобладала металлопродукция. Руда (благодатская и тагильская) двигались к Чусовой медленно убывающим потоком. Поток металлов в том же направлении нарастал. На участке Гороблагодатская — Нижний Тагил металлургические грузы были значительными из-за притока металла с Богословской линии. На участке Нижний Тагил — Свердловск металлургические грузы уступали место каменному углю (кизеловскому), хлебу (с востока) и лесу (с Тавдинской линии). Резкое преобладание металлургических грузов наблюдалось также на Алапаевской линии, в сущности, лишь на отрезке Сан-Дonato — Нижняя Салда (руда от Тагила и металл в обратном направлении). На остальных линиях Пермской дороги заметную часть металлургические грузы занимали только на участке Богданович — Шарташ. Перечисленные дороги и их участки, связывавшие преимущественно заводы, во многих случаях уже не могли удовлетворять требованиям, предъявляемым к ним темпами сверхиндустриализации и нуждались в значительном усилении. Это относилось прежде всего к горнозаводской линии и особенно к участкам

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 599. Л. 119об6.

Кизел — Чусовая и Гороблагодатская — Нижний Тагил, пропускная способность которых не справлялась с нарастающим грузопотоком.

Обслуживание металлургических объектов железнодорожным транспортом не ограничивалось магистральными линиями многоцелевого назначения. Заводы, рудники в большинстве случаев были связаны с железнодорожными магистралями подъездными путями широкой и узкой колеи. К Горнозаводской линии примыкали Чусовской, Пашийский, Теплогорский и Нижне-Тагильский заводы; к Богословской — Надеждинский, Верхне-Туринский, Кушвинский; к Алапаевской — Нижне-Салдинский, Алапаевский и Верхне-Синячихинский. На участке Свердловск — Челябинск находились Нижнесергинский, Сысертский, Уфалейский заводы, Челябинск — Уфа — Златоустовский. Ряд предприятий — Надеждинский, Нижне-Тагильский, Алапаевский и Белорецкая группа заводов имели собственную узко- и ширококолейную сеть, связывавшую их с рудниками и топливными базами. Заводы Камской группы (Майковский, Чермозский и Добрянский) сообщались со своими базами в навигационный период по воде, а в зимний — гужом. Для Майковской доменной печи руда завозилась из Тагило-Кушвинского района в летнее время на весь зимний период. Староуткинский и Билимбаевский заводы не имели подъездных путей. В навигационное время руда для Староуткинского завода поступала по железной дороге в тупик у заводского пруда, перегружалась на баржи, доставлялась к плотине и гужом отправлялась на завод. Нижне-Уфалейский завод, находящийся в 25 км от железнодорожной линии, получал чугуны для мартеновского передела с Верхне-Уфалейского — гужом. В системе уральских заводов шесть металлургических объектов были полностью оторваны от железной дороги.

Создание угольно-металлургической базы на востоке резко изменило экономику Урала и Сибири, а вместе с тем и направление перевозок. Потоки внутренних грузов в пределах Урала нарастали, особенно между его основными частями: Магнитогорском и Новокузнецком (руда, уголь), Кузбассом и Северным Уралом (уголь, кокс), Карагандой и Уралом (уголь, лес). Резко возросли местные перевозки в связи с созданием в регионе промышленных узлов (Березники, Нижний Тагил, Челябинск, Кизел и др.). Увеличился также грузопоток между Средней Азией и Сибирью по таким продуктам, как хлеб и лес. Необходимость направления всех грузов в Среднюю Азию из районов Урала и Караганды через магистрали Сибири и Турксиба включали в сеть Урала дополнительный мощный поток с востока и запада. Увеличение всех грузопотоков дорог Урала превышали в конце первой

пятилетки общесоюзные показатели. При росте грузооборота в стране в 1930 г. по отношению к 1913 г. на 189,1 % Пермская дорога увеличила его на 367,8 %, Омская и Томская — на 254,9 %. В 1932 г. рост грузооборота в стране к 1930 г. составил 139,7 %, а дорог УКК — 163,7; в том числе по Пермской — 168,1, Омской — 165,2, Томской — 154,3 %. В апреле 1934 г. из Пермской железной дороги выделяется Южно-Уральская протяженностью 2 360 км, а к марту 1935 г. к Пермской дороге присоединяется Богословская ветка.

За годы двух пятилеток на Урале были построены новые линии: Магнитогорск — Карталы, Курган — Свердловск, Челябинск — Еманжелинск. Если ранее дороги Южного Урала перевозили сельскохозяйственные продукты, то к концу второй пятилетки свыше 4/5 грузов приходилось на долю промышленности.

Основная магистраль Южного Урала: Челябинск — Уфа — Куйбышев. Связь с Сибирью, Казахстаном и Дальним Востоком обеспечивала линия Омск — Новосибирск. А север и юг Урала соединяла линия Свердловск — Челябинск — Оренбург. По ней Челябинск связывался со Средней Азией, Поволжьем и Украиной. Большое значение имела дорога Магнитогорск — Карталы, соединяющая центр черной металлургии с общей железнодорожной сетью. Линия Свердловск — Курган разгружала направление Курган — Челябинск — Свердловск. Наибольшая грузонапряженность была на участке Макушино — Курган, принимающем со стороны Омска кузнецкий уголь, составлявший 80 % грузооборота участка, и другие грузы, идущие на Челябинск и Свердловск. По линии Курган — Свердловск отправлялась часть угля, идущего на Средний Урал. Поток по направлению к Челябинску пополнялся хлебными грузами, которые поступали из прилегающих районов области. Основная масса кузнецкого угля отправлялась дальше по Троицкому направлению в Магнитогорск и лишь 40 % его распределялось между Челябинским, Уфимским и Свердловским направлениями. Навстречу углю из Магнитогорска двигалась руда и металл. Руда почти целиком поступала на Омское направление для дальнейшего следования в Кузбасс, а металл шел, главным образом, на Свердловск и Уфу. С Уфимского направления через Челябинск переправлялись нефтепродукты, часть их оставалась на Урале, 85 % уходило в Западную Сибирь. По тому же Уфимскому направлению двигался качественный металл и металлоизделия. Основным грузом направления Свердловск — Троицк были лесоматериалы со Среднего Урала, отправляемые на юго-восток. Большое напряжение испытывала линия Челябинск — Златоуст — Уфа, связывавшая Южное Зауралье с Центром. Среди других направлений

Южно-Уральской железной дороги следует выделить участок Челябинск — Еманжелинск, спрямлявший направление Курган — Челябинск — Магнитогорск, и ветку Вязовая — Катав-Ивановск, соединявшую с сетью железных дорог узкоколейку для вывода продукции Тирлянского, Белорецкого и других заводов Башкирии. Бердяуш — Бакал и Троицк — Кустанай соединяли по два промышленных центра. Таким образом, железнодорожный транспорт связывал между собой разнообразные в природном и экономическом отношении районы Урала и тем самым обеспечивал возможность для их специализации и кооперирования. Железные дороги связывали также формирующийся экономический район с сопредельными территориями, поставлявшими необходимое сырье и полуфабрикаты и, в свою очередь, потребляющими продукцию промышленности и сельского хозяйства региона.

Для характеристики специализации и комплексности промышленного развития исключительно важны межрайонные и внутрирайонные экономические связи. Продукция тяжелой индустрии Свердловской области обеспечивала нужды многих регионов. С другой стороны, богатейшие минерально-сырьевые ресурсы области представляли разнообразную сырьевую базу для обеспечения потребностей промышленности. Естественно было бы в этих условиях достигнуть преимущественно вывозного направления в грузообороте области, между тем во втором пятилетии размеры отправления и прибытия грузов области были почти одинаковыми.¹ По вывозу кирпича Свердловская область корреспондировала более чем с 50 областями СССР при одновременном завозе кирпича из 11 (осуществлялся в значительной мере во встречном направлении). Строительный камень не только вывозился из области, но и поступал в нее. При этом около 90 % всего завозимого камня шло во встречном направлении. Цемент прибывал из Поволжья и Украины, Центрально-Промышленного района (ЦПР) и вывозился туда же. Из Свердловской области круглый и пиленый лес поступал в 75 областей и краев страны, а завозился из 35. Большое количество леса шло во встречном направлении. Весьма значительны грузопотоки руды. Вывоз ее производился в области региона, Сибирь, Центральный промышленный район и на Украину. В то же время в Свердловскую область завозилось свыше полумиллиона тонн руды не только из областей Урала, но и из Украины и из Сибири. Чугун, сталь, прокат поступали в подавляющее большинство областей СССР и в

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 187. Л. 13.

то же время эти виды продукции прибывали на Средний Урал из 27–44 областей, что говорило о необходимости более правильного районирования сбыта металла и проведения мероприятий по более полному покрытию потребностей Свердловской области за счет внутрирайонного производства.

Значительная часть нерациональных грузопотоков была обусловлена недостатками в специализации и кооперировании заводов. Чрезмерно узкая специализация, большая территориальная разобщенность кооперированных заводов, отраслевой, а не районный принцип связей при кооперировании и другие недостатки неизбежно влекли за собой увеличение транспортных перевозок. Все эти издержки даже для таких крупных заводов, как Уралмаш, ставили их в постоянную зависимость от привозного сырья, топлива, материалов и полуфабрикатов. Работа УЗТМ строилась на заводе из других областей продукции смежных отраслей по следующей номенклатуре: чугун передельный и литейный, железо сортовое и листовое, заготовка кузнечная, мартеповские слитки, сталь конструкционная, разнообразные легирующие элементы, цепи Галля и технические цепи, кирпич шамотный, диасовый и магнезитовый, плавиковый шпат, кварц дробленый, марганец, глина огнеупорная, цемент и др. Кроме того, Уралмаш испытывал острый дефицит в таких видах метизов, как болты, гайки и шурупы, именно в силу неудовлетворительного кооперирования по обслуживанию его производственных нужд.

Известная часть нерациональных перевозок являлась следствием неувязки планов ведомств с областными планами и балансами и вытекала из сугубо отраслевого, ведомственного подхода к использованию транспорта. Сюда же можно отнести нерациональные перевозки, обусловленные недостаточной разработанностью оптимальных экономических связей областей.

Специализация, кооперирование и комбинирование в промышленности как формы организации индустриальной экономики получили развитие в разработках первого и второго пятилетних планов страны и регионов. Их реализация на практике происходила в условиях формирования отраслевого подхода к управлению народным хозяйством, централизованного распределения ресурсов из-за острейшего их дефицита и директивно-приказных методов работы.

2.3. Горизонты «Генерального плана» освоения ресурсов

В конце восстановительного периода VII Уральская партийная конференция (декабрь 1925 г.), анализируя экономическое положение области, отметила несоответствие в уровне развития отдельных отраслей промышленности, что создавало серьезные трудности для нормальной работы. Учитывая это, партийная конференция рекомендовала хозяйственным и планирующим органам увязать между собой рост основных звеньев индустрии.¹ В марте 1926 г. прошел всесоюзный съезд планирующих органов, который заслушал доклад Уралплана о состоянии хозяйства области и его перспективах. Было отмечено, что для большинства предприятий характерна техническая отсталость.² V сессия Уральского областного исполнительного комитета пятого созыва в ноябре 1926 г. указала на необходимость превращения Урала в одну из основных баз сырья для промышленности. Это обуславливало возможность первоочередного развития таких отраслей промышленности как горнорудная, металлургическая и химическая. Была выдвинута задача строительства широкой сети машиностроительных и металлообрабатывающих заводов.³

С началом индустриализации, в которой Уралу отводилась ведущая роль, начинается новый этап в развитии планирования региона. В январе 1927 г. Уралоблисполком отчитывался правительству республики о развитии народного хозяйства. В ходе обсуждения было отмечено, что «если через три года районирования Урал осознал себя, как административное целое, обнаружив свое областное лицо, то сейчас Урал осознает себя как интересный хозяйственный комбинат».⁴ В постановлении, принятом по обсуждаемому вопросу, обозначались перспективы роста «организационного влияния

¹ См.: Стенографический отчет VII Уральской областной конференции ВКП(б). 5–10 декабря 1925 г. Свердловск, 1925. С. 297, 298.

² См.: Уральский рабочий. 1926. 20 марта; 25 марта; 26 марта.

³ См.: Там же. 19 нояб.

⁴ Там же. 1927. 19 янв.

Урала в связи с развитием его металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности».¹

При проведении индустриализации пришлось преодолевать трудности, которые порождались главным образом технико-экономической отсталостью страны, сложностью накопления средств для капиталовложений. На Урале эти трудности носили еще более острый характер из-за износа основного промышленного оборудования, который составлял в среднем 50 %, в том числе по металлопромышленности — 51,5 %, горной — 47,1 %, угольной — 35,3 % и остальным — 41,1 %.² В мае 1927 г. на основании постановления Президиума ВСНХ СССР была образована комиссия под руководством зампреда ВСНХ СССР С. Лобова для определения состояния уральской промышленности.³ После обследования основных производственных фондов комиссия доложила о результатах работы на заседании бюро Уралобкома 31 мая 1927 г.⁴ Было установлено, что Урал находится в наихудшем положении по сравнению с другими районами страны. Это выдвинуло новые повышенные требования к составлению планов комплексного развития уральской промышленности. Началась разработка «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.», который составлялся как часть плана для всей страны.

Генеральный план перспектив развития народного хозяйства СССР на 10–15 лет, призван был уточнить и дополнить план ГОЭЛРО. В связи с этим Госплан СССР издал и разослал местным плановым органам методические указания с порайонными гипотезами. Одна из основных линий, которой руководствовались уральцы в работах по генеральному плану, была сформулирована как «Урал — единый хозяйственный комплекс». При этом обращалось внимание на общегосударственное значение края, являющегося районом «широко разомкнутым», так как 75 % промышленной продукции Урала шло за пределы региона.⁵ Поэтому при составлении Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. разрабатывалось направление, которое бы коррелировало развитие основных элементов хозяйства региона и сочеталось с общей стратегией развития экономики СССР.⁶

¹ Хозяйство Урала. 1927. № 1. С. 11.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 12. Л. 137об.

³ Там же. Д. 306. Л. 334.

⁴ Там же. Д. 12. Л. 451.

⁵ См.: Уральский рабочий. 1927. 3 авг.

⁶ См.: Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия. Свердловск, 1927. С. 71, 79.

Разработка основных перспектив хозяйства Урала включала развитие ведущих отраслей промышленности, реконструкцию старой производственно-технической базы, всесоюзное разделение труда с целесообразным территориальным размещением производства, строительство заводов на основе комбинированного использования сырья и полуфабрикатов.

В Генеральном плане прорабатывались идеи о вертикальных и горизонтальных производственно-технологических связях в промышленности региона. Многообразие природных ресурсов Урала открывало для него перспективы высокорентабельного комбинированного производства. Авторы Генерального плана отмечали, что на Урале открыты возможности как комплексного параллельного развития различных отраслей, так и создания высокорентабельных комбинированных предприятий с широкой номенклатурой продуктов глубокой переработки. Так, лесопереработка теснейшим образом комбинировалась с металлургической и химической отраслями. Последняя, объединяя различные подотрасли, технологически связана с черной и цветной металлургией. Поэтому «промышленный Урал, — отмечалось в Генеральном плане, — должен получить развитие в качестве индустриального центра крупнейшего общесоюзного значения с законченным циклом производства — от добычи сырья до выпуска готовых, часто высококвалифицированных изделий». ¹ Наряду с вертикальными (от исходного сырья до готового продукта) в нем получают всестороннее развитие горизонтальные производственно-технические связи. Он формировался как многоотраслевой промышленный «комбинат», роль которого в масштабе страны резко возрастает.

В Генеральном плане отчетливо прослеживались перспективы военной промышленности, реконструкции транспорта, преобразования в сельском хозяйстве. «Через массовое производство химических удобрений и сельскохозяйственных машин уральская промышленность втягивает в свою орбиту сельское хозяйство; это последнее, со своей стороны, находит в промышленности емкий рынок для сбыта продукции и для применения своей избыточности рабочей энергии». ²

Генеральный план хозяйства Урала в определенной степени послужил основой для планов первой и второй пятилеток. Разработка концепции комплексного развития регионов страны продолжил

¹ Там же. С. 78.

² Там же. С. 79.

XV съезд партии (декабрь 1927 г.), который рассмотрел директивы к составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1928/29–1932/33 гг. На съезде проблеме Урала было уделено значительное внимание. Председатель Уралоблсовнархоза В. Н. Андроников в своем выступлении обратил внимание на отсутствие в первых вариантах пятилетнего плана «районного разреза», что затрудняло «правильно и комплексно» спланировать капитальные вложения в промышленность.¹ На съезде проблема регионального планирования вышла за рамки теоретической дискуссии. Председатель ВСНХ В. В. Куйбышев отметил: «Идет спор относительно Урала. Я считаю, что можно определенно сказать одно: при построении нашего пятилетнего плана и при установлении взаимоотношений между районами средства, вкладываемые в промышленность и в народное хозяйство, должны получить некоторый сдвиг на Восток».² Урал являлся не только кладовой природных богатств, но и занимал выгодное геостратегическое положение в контексте существовавших средств доставки оружия и живой силы противника.

По директивам Госплана СССР, уральская промышленность должна была стать первым опытом территориального размещения предприятий различных отраслей промышленности при их тесном технологическом кооперировании. Ставилась задача продумать весь «комбинат» (промышленный комплекс) как по вертикали: сырье — готовый продукт (или полупродукт), так и по горизонтали. Например, технологическое использование побочных продуктов основного производства, объединение энергетики (электрификация, теплоиспользование), реконструкция транспорта как составной части индустриального комплекса. Пристальное внимание, по мнению одного из ведущих экономико-географов Н. Н. Колосовского, следовало уделить вопросам комплексного развития цветной металлургии, химии и энергостроительства, что отсутствовало в тогдашних проектах.³

Заметной вехой в разработке идеи многоотраслевого развития уральской промышленности, размещения предприятий тяжелой индустрии на территории Уральской области стало заседание Президиума центральной комиссии перспективного планирования Госплана СССР, где 18 декабря 1928 г. был заслушан доклад

¹ XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1962. Т. 2. С. 1004–1007.

² Там же. С. 954.

³ См.: Плановое хозяйство. 1928. № 12. С. 236.

«Урал как промышленный комбинат». В докладе была предложена организация новых форм территориально-производственной специализации в рамках складывающегося экономического района в полном соответствии с природными и экономическими особенностями «уральской географии».¹ Внутри формировавшегося индустриального комплекса выделялось три «подрайона»: северо-западный, северо-восточный и юго-восточный. В этих «подрайонах» планировалось расположить промышленное производство с транспортной, сырьевой и топливной ориентацией и с рынками сбыта, соответственно, на западе, востоке и юге от уральского экономического района. В докладе обращалось внимание на необходимость создания единой производственной инфраструктуры: сеть электропередач, внутренний транспорт, обеспечивающий взаимный обмен сырьем, топливом и полуфабрикатами между экономическими «подрайонами».²

По представленному докладу уральцев Президиум Госплана СССР в январе 1929 г. принял развернутое постановление, в котором отмечалось: «Признать правильными намеченные в докладе пути организации комбинированного промышленного хозяйства Урала... с более полным, разносторонним и рациональным использованием природных богатств Урала».³ Председатель Госплана Г. М. Кржижановский отметил, что Уральская область — это целостный «хозяйственно-промышленный комбинат».

Это нашло подтверждение на IX областной партийной конференции (апрель 1929 г.). Отраслевая структура индустриальных объектов, представленных IX конференции, подтверждало стремление уральцев создать в регионе крупный промышленный комплекс.⁴

В связи с дальнейшей разработкой концепции хозяйственного освоения восточных районов страны актуализировалась проблема индустриализации Урала на XVI конференции ВКП(б) (апрель 1929 г.). Одной из основных причин столь пристального внимания к региону стал фактор обороноспособности страны. Г. М. Кржижановский в своем выступлении подчеркнул: «...нет никакого сомнения, что мы не можем рассчитывать на бесконечную мирную перспективу, она — вредная. Мы должны будем многократно возвращаться к оценке нашего плана с точки зрения нужд обороны. И всякий раз

¹ ГАСО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 272. Л. 27.

² Там же. Л. 28.

³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 27. Д. 173. Л. 77.

⁴ См.: Пятилетний план хозяйства Урала на 1928/29–32/33 гг. Свердловск, 1929. С. 64.

перед нами встанет вопрос о развитии уральской промышленности, о возможности построить могучее химическое гнездо, могучие органы металлообработки, всякий раз Урал, его положение будут при этом в центре внимания».¹

Все это придавало Уралу «характер наиболее сложного, наиболее правильного сочетания промышленного хозяйственного комбината, которому вне всяких сомнений, будет обеспечено быстрое развитие, как нигде».²

В отраслевом и региональном разделах пятилетнего плана по развитию черной и металлургии Уральской области и Сибирского края предлагался уточненный вариант Урало-Кузнецкого проекта. На Урале намечалось построить три металлургических завода с выплавкой чугуна по 660 тыс. т, в Западной Сибири — один завод мощностью 330 тыс. т с последующим доведением его до 660 тыс. т. «На осях угля Кузбасса и железной руды Урала, — отмечалось в пятилетнем плане, — мы создаем два новых центра основной промышленности Союза на Востоке, достаточно мощные и многосторонние, чтобы служить опорными базами, удобно расположенными для последовательного продвижения на Восток к его огромным ресурсам».³

Госплан СССР рассматривал народное хозяйство страны, отрасли промышленности Урала, Западной Сибири и прилегающих к ним районов в едином комплексе, проектируя в широких масштабах общехозяйственное и технологическое комбинирование различных предприятий. Таким образом, продолжая традиции межотраслевого и регионального программного планирования, заложенного в плане ГОЭЛРО, Госплан СССР вместо отраслевых, односторонних рекомендаций прежних проектов обосновал идею создания Урало-Кузнецкого комплекса.

Упор в планах на районную специализацию в тот период вовсе не означал, что не придавалось значение комплексному развитию экономических районов. В первом пятилетнем плане уже прямо говорилось о районе как экономическом комплексе (впервые этот термин появился в работах И. Г. Александрова и Г. М. Кржижановского в середине 1920-х гг.). Почти во всех районных записках были представлены разделы об «экономическом комплексе». Подчеркивалось, что «...возможность территориально ограниченной

¹XVI конференция ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1962. С. 49.

²Там же. С. 94.

³Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Районный разрез плана. М., 1930. Т. 3. С. 191.

концентрации взаимно связанных производств представляется могучим рычагом технического, хозяйственного и социального прогресса...», что «взаимное сочетание производств с их далеко идущей специализацией» является крупным фактором эффективности общественного производства.¹ К понятию районного комплекса ученые шли от понятия производственного комбината, но постепенно вместо термина «районное комбинирование» все больше входит в обиход «комплексное развитие районов».

Урал являлся одним из оптимальных районов в смысле наличия возможностей по комбинированию отдельных отраслей промышленности, по созданию единого индустриального комплекса. Достаточно указать на возможности технологических связей коксования с химическим производством, черной металлургии с цветной путем использования огарков, объединения металлургической, лесной, целлюлозно-бумажной и лесохимической промышленности в одном комплексе, использование колчеданов для различных производств, создание отраслей химической промышленности при наличии необходимых ресурсов в одном месте и т. п. Эти обстоятельства способствовали созданию на Урале одного из первых и самого крупного по масштабам промышленного комплекса.

Другим значительным преимуществом Урала является его географическое положение как области, расположенной на стыке азиатской и европейской частей СССР. Это стимулировало его межрайонные связи с западными, восточными и южными районами по обеспечению их продукцией металлургической и химической промышленности, освобождая от решения этой задачи старопромышленные центры европейской части страны.

В первом пятилетнем плане «для целей экономических исследований» были представлены семь подрайонов экономико-географического Урала. Три из них с центрами в Перми, Свердловске и Челябинске имели ярко выраженную промышленную специализацию с интенсивными темпами развития в годы первой пятилетки. Параграф четвертый «Промышленный комплекс Урала и задачи его реконструкции» в первом пятилетнем плане, обозначая контуры географического членения, ставил задачу экономического развития территориально-производственного комплекса Урала.²

Комплексному развитию промышленности на Урале планировалось «придать всесторонний, универсальный характер, предусматривая возможность производственного сочетания как по вертикали,

¹ Там же. С. 120.

² См.: Там же. С. 175–177.

так и по горизонтали и распределяя пространственно отдельные части Уральского комбината на территории Урала так, чтобы привести их в полное соответствие с природными, географическими и экономическими особенностями Урала».¹ Подчеркивалось, что мощными средствами для действительной производственной связи Урала в пространстве являются электрификация и внутренний железнодорожный транспорт (с учетом сокращения перевозок).²

План первой пятилетки обозначил ориентиры развития отраслевой структуры уральского региона. Основной специализацией хозяйства Урала по-прежнему оставалась металлопромышленность, включая черную металлургию и машиностроение. Получали развитие цветная металлургия, химическая промышленность, требовала реконструкции и дальнейшего развития горнорудная индустрия, производство строительных материалов. Планировались опережающие темпы развития промышленности региона по сравнению со средним развитием всей индустрии страны. Уральская промышленность должна была получить 12 % всех капитальных вложений, причем средства для нового строительства возрастали по своему удельному весу до 14 %.³ Доля основных фондов уральской промышленности в индустриальном потенциале стране поднималась в 1933 г. до 10,36 % вместо 4,27 % в 1928 г.,⁴ что свидетельствовало о передвижении промышленности на Восток страны.

Существенные коррективы в формировании уральского промышленного комплекса после принятия плана первой пятилетки, вносили резолюция ЦК ВКП(б) от 29 августа 1929 г. «О деятельности Северного химического треста»⁵ и постановление ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 г. «О работе Уралмета».⁶ Выполнение этих постановлений означало значительное расширение всего пятилетнего плана Урала и практическое создание второго металлургического центра на Востоке страны. Наибольшее развитие получали черная и цветная металлургия, общесоюзные и местные горнорудные и угольные базы, лесная и химическая отрасли, производство минеральных удобрений. На Урале создавалось мощное машиностроение, которое бы обеспечило оборудованием новые металлургические СССР. Все эти

¹ Там же. С. 181.

² См.: Там же.

³ См.: Пути индустриализации. 1930. № 7–8. С. 66.

⁴ См.: Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. С. 40.

⁵ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Т. 4. С. 541–554.

⁶ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т. 5. С. 112–117.

отрасли настолько тесно согласовывались друг с другом, настолько обуславливали одна другую, что промышленный Урал можно было представить как единый «медный горно-металлургический, химический и лесной комбинат».¹

В июле 1930 г. XVI съезд ВКП(б) утвердил постановление ЦК ВКП(б) от 15 мая и принял решение о создании УКК. В политическом отчете ЦК подчеркивалось, что задачи индустриализации, стоящие перед страной, требуют «немедленно начать создавать вторую угольно-металлургическую базу. Этой базой должен быть Урало-Кузнецкий комбинат».²

После принятия первого пятилетнего плана начался пересмотр планов развития отдельных отраслей промышленности в сторону их увеличения. При ВСНХ СССР был образован ряд комиссий под председательством В. В. Куйбышева по пересмотру перспектив роста промышленности на Урале, в Сибири, в Средне-Волжской области, в Центрально-Черноземной области и в Средней Азии. При этом за Уралом закреплялись наиболее крупные масштабы и значительное повышение удельного веса промышленности в формирувавшемся народнохозяйственном комплексе Союза.

Новый вариант плана развития уральской промышленности увеличивал капитальные вложения более чем в три раза по сравнению с ранее принятой пятилеткой и рост валовой продукции за пятилетие в 11–12 раз против 3,7 раза по прежнему варианту пятилетнего плана.³ Планировались изменения в размещении заводов и отраслей промышленности.

Создание второй основной угольно-металлургической базы превращало Урал в один из центров всей тяжелой индустрии Советского Союза. На базе уральской металлургии форсированным темпом должно было развиваться машиностроение, химическая промышленность страны. Это в свою очередь требовало значительного расширения строительной индустрии. Из общей суммы инвестиций, вкладываемых в промышленное развитие Урала, почти 94 % шло на развитие тяжелой индустрии, что должно было привести к «скачку» в росте ее валовой продукции, увеличивающейся за пятилетие в 12–12,5 раз.⁴

Организация планирования Урало-Кузбасса относится к 1930 г. 30 июня председатель Госплана СССР Г. М. Кржижановский

¹ Уральский рабочий. 1930. 2 июня.

² XVI съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1935. С. 85.

³ См.: Большевик. 1930. № 12. С. 19.

⁴ См.: Там же.

издал приказ, согласно которому в контрольные цифры на 1930–1931 г. входил отдельный раздел по созданию второй угольно-металлургической базы. При Госплане была создана специальная комиссия, которой поручалось подготовить доклад Президиуму Госплана о создании УКК, обеспечив активное участие в работе плановых органов Урала и Сибири и заинтересованных центральных ведомств и организаций. С начала 1931 г. новый председатель Госплана СССР В. В. Куйбышев для руководства работами по созданию второй угольно-металлургической базы СССР организовал под своим председательством постоянную комиссию, в которую вошли заместитель председателя Госплана Г. М. Кржижановский, члены президиума К. Я. Розенталь, Г. И. Смирнов, академики А. Е. Ферсман и А. Н. Бах, профессор И. Г. Александров и др. Ответственным секретарем Комиссии назначался В. Ф. Васютин. Межотраслевой и комплексный характер работ требовали объединения и тесного взаимодействия всех сил ведомств, местных органов, научных учреждений. С этой целью для проработки отдельных проблем перспективного плана УКК создавались сквозные бригады по вопросам энергетики, черной и цветной металлургии, машиностроения, стройматериалов, химии, транспорта, труда, быта и культуры, сельского хозяйства и снабжения с привлечением в них представителей ведомств и крупных учреждений. Деятельность бригад развертывалась на основе представленных рабочей группой УКК ориентировочных наметок перспективного плана.¹

Уралпланом были подготовлены «Контрольные цифры хозяйства и социально-культурного строительства Урала на 1931 год». Данная разработка была полностью подчинена задаче сооружения УКК, при этом четко выделялось значение Урала как «нового единого и целостного производственного комбината замкнутого в своем цикле».² Формирование уральской части УКК базировалось на природных ресурсах, обеспечивающих уральскую промышленность местным сырьем, на наличии собственного энергетического топлива в сочетании с Кузнецким и Карагандинским углем, на единстве плана электрификации Урала, подчеркивалась связь тяжелой индустрии с сельскохозяйственным производством.

¹ См.: Планирование размещения производительных сил (Осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства). М., 1984. Т. 1. С. 130, 131.

² Контрольные цифры хозяйства и социально-культурного строительства Урала на 1931 год. Свердловск, 1931. С. 12.

Урало-Кузнецкий комбинат формировался на обширной территории Советского Союза. В его состав входили Уральская область, Башкирия и Оренбуржье, Западная Сибирь, Северный Казахстан. Ведущее звено в развитии всего комбината принадлежало Уралу, так как он являлся районом наиболее развитым в промышленном отношении.¹

Создание Урало-Кузбасса предполагало разработку нового метода планирования. В. В. Куйбышев обращал внимание на то, чтобы не связывать проблему УКК только со строительством Магнитки и Кузнецка. Учитывал разнообразие сырьевых ресурсов, он выдвигал задачу «развертывания вокруг Кузнецка и Магнитки целого ряда других строителей».² Примером пристального внимания к дальнейшей разработке концепции комплексного размещения производительных сил страны явился доклад В. В. Куйбышева на Пленуме Госплана СССР 11 мая 1931 г. Говоря о значении комплексного развития хозяйства страны, он заострил внимание на необходимости основательной проработки региональных комплексных перспектив, а затем и всей экономики страны.³

Весной 1931 г. в Москве состоялась конференция научно-исследовательских институтов, ведущих разработку УКК. В одной из резолюций конференции было записано, что изучение УКК должно быть поставлено как изучение социалистического комбината в системе народного хозяйства, закономерностей его развития, производственных связей как в отраслевом, так и в территориальном разрезе. Это было вызвано тем, что, несмотря на постановку вопроса о комплексном подходе к заданию, проектирование УКК проходило прежде всего по отраслевому признаку. Выступая на конференции по проблемам проектирования УКК, представитель Урала т. В. Мудрик обратил внимание на то, что суть проблемы — в какой последовательности должно развиваться строительство.⁴

Определенный вклад в разработку принципов территориального размещения тяжелой промышленности внесли тезисы Института промышленно-экономических исследований к первой конференции по размещению производительных сил.⁵ Данный труд намечал

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 598. Л. 139.

² Куйбышев В. В. Избранные произведения. 1929–1934 гг. М., 1988. Т. 2. С. 172.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Уральский рабочий. 1931. 22 апр.

⁵ См.: Принципы географического размещения тяжелой промышленности во второй пятилетке: сб. тез. к 1-й конф. по размещению производительных сил. М., 1932.

разработку территориально-отраслевых промышленных комплексов. Работа носила прикладной характер, преследуя цель «...ознакомить хозяйственные и проектирующие организации с первыми результатами своей работы и тем оказать практическую помощь в составлении пятилетних планов хозобъединений и всей системы Наркомтяжпрома в целом».¹

Как и ранее, предлагалось за основу размещения производительных сил брать районные комплексы, но, вместе с тем, вести решительную борьбу с установками на превращение районов в «замкнутые» или «относительно замкнутые» хозяйства с «плановым творчеством», которое приводило к разрыву хозяйственного плана. Предлагалось на основе определения ведущей отрасли районного комплекса наметить перспективы связанных с ней других отраслей, запроектировав соответствующие комбинаты и их кооперирование внутри комплекса с предприятиями других районов. Отраслевой и территориальный разрезы плана должны были взаимно дополнять и корректировать друг друга.

Подводя итоги планирования в первой пятилетке, необходимо остановиться на вопросе о темпах роста индустрии. Пересмотр плановыми органами темпов развития промышленности в сторону их резкого увеличения был осуществлен на основе решений XVI съезда ВКП(б) и заявления на нем И. В. Сталина. В докладе на съезде, восхваляя «бешеные темпы», своеобразный «скачок» в развитии индустрии, он доказывал возможность выполнения пятилетнего плана «по целому ряду отраслей промышленности в три и даже в два с половиной года».² Исходя из чисто волевого подхода, без расчетного обоснования, Сталин потребовал пересмотра пятилетнего плана развития черной металлургии в сторону его резкого увеличения. «Нам нужно к концу пятилетки не 10 миллионов тонн чугуна, как требует это пятилетка, а 15–17 миллионов тонн».³ Из них 6 млн т должен был дать Урало-Кузбасс. При этом Сталин заявил, что «люди, болтающие о необходимости снижения темпа развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших классовых врагов».⁴ Безусловно, жесткий идеологический императив «осажденной крепости» требовал сжатых темпов построения тяжелой, в том числе оборонной промышленности.

¹ Там же. С. 3.

² Сталин И. В. Сочинения. М., 1946–1952. Т. 12. С. 270.

³ Там же. С. 331.

⁴ Там же. С. 274.

Позиция Сталина была поддержана на съезде, она отражала в определенном смысле черты социальной психологии масс, мечтавших о стремительной победе социализма.

Однако пафос созидания и первые успехи в промышленном строительстве не учитывали действительные возможности стартовых позиций в индустриализации страны. Новые запланированные задания не были выполнены. Около 15 млн т чугуна страна дала только в 1940 г.¹ Решения съезда о доведении выплавки чугуна в 1932–1933 г. не менее, чем до 15–17 млн т впоследствии было пересмотрено как совершенно нереальное. Сталин на январском объединенном Пленуме ЦК и ЦКК (1933 г.) признал ошибочность и опасность разрушительного действия «скачка», заявив: «Стоит ли после этого подхлестывать и подгонять страну? Ясно, что теперь нет в этом необходимости».² Это позволило Госплану СССР и Уралплану внести соответствующие изменения во второй пятилетний план на 1933–1937 гг. Состоявшийся в январе–феврале 1934 г. XVII съезд партии поставил более реальные задачи на вторую пятилетку, которые были успешно выполнены.

Новый шаг в территориально-отраслевом планировании экономики Урала был сделан в период подготовки к составлению второго пятилетнего плана. Особенно важное значение имела конференция по УКК, созванная Госпланом СССР (апрель 1932 г.). На конференции, материалы которой были использованы для предварительного наброска плана второй пятилетки, подробно рассматривались общие, отраслевые и региональные вопросы развития УКК. На конференции с докладом «Урало-Кузнецкий комбинат во втором пятилетии» выступил В. Ф. Васютин, который обосновал основные элементы, превращающие промышленные районы в целостные комбинированные комплексы. Это: технологическая связь между отдельными предприятиями, позволяющая использовать отходы и кооперировать эти предприятия между собой; единая система вспомогательных цехов по обслуживанию промышленных предприятий; общее энергетическое хозяйство, снабжающее предприятия электроэнергией, газом, паром и т. д.; организация и использование водных ресурсов района; единое транспортное хозяйство, обеспечивающее не только потребителей промышленной продукции, но и нужды населения района; создание социально-культурных и бытовых учреждений.³

¹ См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 164.

² Сталин И. В. Указ. соч. Т. 13. С. 185.

³ См.: Васютин В. Ф. Урало-Кузбасс во втором пятилетии. М., 1932. С. 59.

В годы второй пятилетки северо-западная часть Урала развивалась на основе развертывания химико-лесного комплекса, черной металлургии, обработки металлов. На Среднем Урале сконцентрировались черная и цветная металлургия (на базе химии), горнорудная промышленность, обработка цветных металлов, металлоемкое и транспортное машиностроение. Южный Урал формировался как энерго-металлурго-машиностроительно-химический комплекс. Ведущими должны были стать металлургический, химико-лесной и машиностроительный комплексы.¹ На Урале предусматривалось строительство комбинатов-гигантов, которые должны были стать основой создания крупных промышленных районов и непосредственно сочетаться с проектировкой территории Уральской области.²

Определяющую роль в этом сыграли решения партийных органов. Уральский обком ВКП(б) 7 марта 1932 г. принял постановление о составлении плана второй пятилетки. Предлагалось рассмотреть возможность создания «районных производственных комбинатов», выдвигалось требование разработки комплексных заданий по районам.³ Для подготовки плана второй пятилетки при Уралплане была создана специальная комиссия. Особенностью ее работы стало широкое привлечение научно-технической общественности, рабочих и колхозников. К концу 1933 г. комплексные планы создавались в 113 районах, в 84 районах работа была завершена.⁴

По второму пятилетнему плану удельный вес Урала в выработке электроэнергии по Союзу предполагалось поднять с 7,9 % в 1932 г. до 13,2 % в 1937 г., по каменному углю — с 4,9 до 8,7 %, по чугуну — с 19 до 24,4 %, по меди — с 42 до 54,8 %, по бумаге — с 4,9 до 14 % и т. п. К концу второй пятилетки Урал должен был выйти на первое место по производству меди, на второе — по черной металлургии, производству алюминия, вывозу древесины, на третье — по добыче каменного угля, на четвертое — по машиностроению и т. д.⁵

В состав Уральского экономического района входила Башкирия. В автономной республике предусматривалось создание территориально-промышленных районов. Уфимский промышленный узел специализировался на моторостроении и котлотурбинном

¹ См.: Там же. С. 59.

² См.: Куйбышев В. В. Избранные произведения. М., 1958. С. 259.

³ См.: История индустриализации Урала. 1933–1937. Документы и материалы. Свердловск, 1984. С. 20, 21; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 23. Л. 20–21.

⁴ См.: Бакунин А. В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.). Свердловск, 1968. С. 56.

⁵ См.: Куйбышев В. В. Избранные произведения. С. 359.

производстве. Комарово-Зигазино-Белорецкий район развивался как центр металлургического производства при тесной кооперации с расположенными здесь заготовительными заводами металлоемких деталей для автостроения, а также моторо-котлотурбинным производством в Уфе. Перспективы Баймакского района связывались с развитием цветной металлургии. Республика становилась одним из металлопромышленных центров (Белорецкая группа заводов), районом нефтедобычи и лесоразработок. Связи с Уралом устанавливались главным образом путем поставок нефтепродуктов, марганца для металлургии региона и ввоза в Башкирию металла для машиностроения, промышленного оборудования, а также на основе строительства линий электропередач.¹

В уральский комплекс закономерно вошла и Оренбургская область. Н. Н. Колосовский отмечал, что Орско-Халиловский район только «по административной случайности входил в состав Средней Волги, так как по своей природной характеристике это настоящий горнопромышленный Урал».² Будущее Орско-Халиловского района определялось металлургическим производством черных металлов и никеля, а также развитием химии, стройматериалов и пищевой индустрии.

В целом второй пятилетний план для Урала по сравнению с первой пятилеткой был наиболее реальным, предусматривал комплексное развитие промышленности как отдельных районов, так и всего края в масштабе Урало-Кузбасса, обеспечивал специализацию и кооперирование, комбинирование производства, создание крупного индустриального центра на базе передовой техники и технологии:

— планирование хозяйства Уральского экономического района началось с первых месяцев Советской власти на основе методологии «рационального размещения производительных сил республики»;

— в перспективном планировании региона в 1920–30-е гг. можно выделить два этапа: первый связан с определением отраслевой структуры хозяйства Урала и подготовкой плана ГОЭЛРО, в котором специальный раздел посвящен Уралу, и второй — с переходом к индустриализации и составлением планов первой и второй пятилеток по стране, «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.»;

¹ См.: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. 1933–1937. М., 1934. Т. 1. С. 146, 147.

² Плановое хозяйство. 1930. № 12. С. 280.

— в плане ГОЭЛРО были заложены сдвиги в развитии производительных сил на Восток, комплексное развитие Урала и объединение его с хозяйственной жизнью Сибири;

— в годы первой пятилетки получило развитие территориально-отраслевое планирование, а резко возросшие капиталовложения позволили запроектировать строительство уральской части УКК;

— второй пятилетний план завершил создание структуры нового размещения промышленности на Урале, заложил основы его комплексного развития;

— в период индустриализации формирование региональных планов становится важнейшей задачей местных органов, широкое развитие на Урале получает низовое планирование — непосредственное участие трудящихся в составлении планов предприятий, районов и областей;

— уже в ранних работах Уралплана при размещении предприятий учитывалась совокупность влияющих факторов (горизонтальных и вертикальных связей, специализации и кооперирования и т. д.), а экономический район рассматривался в качестве единого хозяйственного комплекса;

— определенный интерес представляет опыт «комбинатского» планирования во второй пятилетке как формы организации не только отраслевой, но и территориальной комплексности.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. разработка размещения отраслей тяжелой промышленности позволила Госплану СССР выработать наиболее приемлемые решения для создания в короткие сроки уральской индустриальной базы, заводов-гигантов металлургии, машиностроения, химии, формирования крупнейшего межотраслевого Урало-Кузнецкого комплекса.

2.4. Структурирование уральской промышленности

В годы первых пятилеток на Урале в ходе индустриального освоения происходил бурный рост промышленных узлов. Промышленный узел формировался как группа взаимосвязанных предприятий с использованием трудовых, сырьевых ресурсов, транспортных сооружений, инженерных коммуникаций, строительной базы одного или ряда городов с окружающими их заводами и рабочими поселками. Промышленные узлы, связанные между собой хозяйственными отношениями, служили основой единого территориально-производственного комплекса. Объединение разрозненных мелких индустриальных поселений приводило к созданию укрупненных узлов и городских промышленных агломераций. Изучение истории формирования промышленных узлов в рамках Уральского индустриального района позволяет определить их роль и место в территориально-отраслевой специализации, кооперировании и комбинировании при организации промышленного производства.

В 1930-е гг. был провозглашен курс на то, чтобы города представляли собой рациональную, комплексную организацию производственных зон, жилых районов, сети общественных и культурных учреждений, бытовых предприятий, транспорта, инженерного оборудования и энергетики, обеспечивающих наилучшие условия для труда, быта и отдыха людей. Проблемы оптимизации развития хозяйства растущих городов были обсуждены на Пленуме ЦК ВКП(б) в июне 1931 г., который, рассмотрев вопрос «О Московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства в СССР», принял решение об ограничении дальнейшего промышленного строительства в крупных центрах.¹

Изменения в индустриальном облике Урала зафиксировала X областная партконференция (3–13 июня 1930 г.), обратившая внимание на формирование целого ряда новых промышленных

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 5. С. 119.

узлов. В 1930 г. на развитие Верхнекамского округа, в недавнем прошлом отсталого в промышленном отношении, отпускалось 92 млн руб. Развертывалось строительство Березниковского завода, где сооружались коксовая установка, шахты, районная электростанция. В Челябинском округе началось строительство тракторного завода, ферросплавного, цинкового, электростанции и ряда других предприятий. Формировались Троицкий, Пермский, Тагильский, Златоустовский и Свердловский промышленные центры. Секретарь Уралобкома И. Д. Кабаков отмечал, что в годы первой пятилетки на Урале «создавались узлы, где началось широкое развертывание строительных работ по созданию гигантов-заводов и электростанций. Районы отсталые превращаются в передовые центры с предприятиями, построенными по последнему слову техники».¹

Основным фактором, определяющим формирование промышленных центров Урала, была широкая возможность комбинирования базовых отраслей в сырьевых и энергонасыщенных районах. Свердловск должен был развиваться как узловой пункт заводов черной металлургии (Нижний Тагил, Челябинск, Синара, Алапаевск), на собственной базе электротехнического железа (ВИЗ), вблизи заводов цветной металлургии (Ревда, Калата, Красноуральск, Карабаш, Челябинск, Уфалей), химических (Калата, Ревда, Нижний Тагил, Красноуральск, Полевской, Челябинск), наконец, как крупный железнодорожный узел. Предприятия металлообработки создавали единую базу заготовок, деталей машин и оборудования для машиностроения региона. Заводы Свердловска стали организующим центром технической реконструкции Урало-Кузбасса по ведущим направлениям: Уралмаш — металлургическое оборудование, Химмаш — химизация хозяйства, электромашиностроительный — по электрификации, станкостроительный — по новым станкам. Подобное объединение технических возможностей сулило экономические выгоды.

Челябинск определился в качестве главной энергетической базы Урала (наряду с Кизелом), что обуславливалось близостью бакальских руд, а также тем, что город находился на пути перевозок кузнецкого угля в Магнитогорск. Здесь создались предпосылки для формирования промышленного узла по качественной металлургии (Бакальский завод), энергоемким производством (ферросплавы, электро-сталь), машиностроению (тракторо-, сельхозмашиностроение) и

¹ Кабаков И. Д. В борьбе за генеральную линию партии. Свердловск; М., 1930. С. 16.

углекислоты. Одновременно в Челябинске развивалось производство цветных металлов (цинка), химическое (краски, кислород), предприятия стройматериалов и пищевой промышленности.

Объективными условиями для концентрации в Перми большой индустриальной базы явились близость к источникам химического сырья (Березники, Кизел), камские фосфориты, наличие водной артерии, магистральных водных и железнодорожных путей, в перспективе — строительство мощной ГЭС. Развивалось также имеющееся в городе крупное машиностроение (Мотовилиха), судостроение и др.

Березниковско-Соликамский химический комплекс создавался на базе использования обширных ресурсов химического сырья Березниковского и Кизеловского районов, главным образом — соликамских калийных солей и кизеловского угля. Запланированное производство синтетического аммиака предполагало стопроцентное использование кизеловского угля. Комплексное освоение карналитов обеспечивало производство магнезии, калийных солей, хлора, брома и многих других продуктов.

Крупнейшим металлургическим центром Южного Урала должен был стать Магнитогорск, что обусловило отказ от детальной проектировки здесь других отраслей. В городе формировался комбинат из ряда заводов, связанных с металлургическим производством.

В результате строительства промузлов в крае должны были функционировать 70 районов с ярко выраженным индустриальным профилем. Их промышленное значение и специализация определялись разнообразием отраслей уральской индустрии и децентрализацией их размещения. Старые металлургические заводы, частично реконструируемые и специализирующиеся на производстве качественных сталей, в значительной степени были сориентированы на обслуживание определенных отраслей промышленности или приняли на себя некоторые функции металлообработки и машиностроения. Располагались они почти в 30 районах. Машиностроительные и металлообрабатывающие заводы по предварительным расчетам планировалось разместить в 40 районах.

Положительное влияние на индустриализацию края оказывала территориальная разобщенность минерально-сырьевой базы, лесной и пищевой промышленности. Добывающие отрасли развивались в Асбестовском, Баженовском, Алапаевском и Режевском (асбест), Саткинском (магнезит), Чусовском, Первоуральском (хромиты), Свердловском и Миасском (тальк), Челябинском, Уфалейском (мрамор), Шадринском (графит), Кыштымском (корунд) районах. Перспективы лесопромышленного комплекса были связаны

со строительством лесопильных, деревообрабатывающих, бумажных и лесохимических комбинатов главным образом в северных районах Урала (Чердынский, Ныробский, Тавдинский, Тобольский, Коми-Пермяцкий округ). Легкая и пищевая индустрия края была ориентирована как на крупные потребительские центры, так и на основные сельскохозяйственные районы.

Предполагаемая модель размещения промышленных объектов в ходе их строительства в течение первого пятилетия не учитывала производственные возможности многих районов. Поэтому ее корректировка во втором пятилетии пошла по пути учета местных условий производства, перераспределения объектов промышленности в перспективные районы, а не по пути их возведения во всех районах Урала.¹ При Уралплане в феврале 1932 г. была создана специальная комиссия, которая должна была тщательно выявить материально-производственные ресурсы края, определить пути правильного их использования, максимального расширения межотраслевых связей и на этой основе разработать комплексные планы развития экономики Урала. В качестве метода работы по составлению комплексных планов развития районов на первых порах была предпринята посылка бригад специалистов из области. Таким образом, была организована работа в 91 районе. В конце 1933 г. из 133 районов области ею было охвачено 116. Особенностью низового планирования явилось участие в нем огромной массы трудящихся. Только по 57 районам области в составлении плана приняли участие свыше 21 тыс. человек.

Одним из положительных моментов при составлении комплексных планов районов явилось то, что они привлекли внимание районных активов к серьезному изучению состояния местного хозяйства во всех его звеньях, а также производительных сил и путей их развития. Углубленная проработка материалов районных комплексных планов в Уралплане с участием представителей районов и привлечением областных советских и хозяйственных организаций дала возможность почти по каждому из рассматриваемых районов выделить узловые проблемы и наметить конкретные пути их решения.

В конце первой и во второй пятилетке Промстройпроектом, Гипрогором и другими органами были выполнены проекты для целого ряда производств крупных промышленных районов УСК

¹ См.: История индустриализации Урала. 1933–1937. Документы и материалы. 1984. С. 21, 22.

(Березниковский и Нижнетагильский на Западном и Среднем Урале, Черниковский в Башкирии, Кемеровский и Сталинский в Кузбассе, Орско-Халиловский в Оренбуржье). Каждая из работ различалась по объему и характеру поставленных задач. В то время как, например, в Черниковском районе была намечена система увязки отдельных предприятий, расположенных на компактной территории, и решалась проблема инженерных коммуникаций, Кемеровский район показал пример инфективного размещения отдельных групп предприятий, связанных не только общностью инфраструктуры, но и единством расселения. Орско-Халиловский район должен был стать образцом комплексного планирования и освоения природных ресурсов. По плановым разработкам в комплекс входили Блявинский меднотуковый комбинат и Халиловский никелевый. Основу комплекса должен был составлять металлургический завод. Предусматривалось производство строительных материалов, водоснабжение и энергоснабжение комплекса. Прилагалась схема размещения Орско-Халиловского индустриального комплекса.¹ Существенным недостатком предложенного проекта было отсутствие разработок по развитию социальной инфраструктуры, без которой формирование промышленного узла оказывалось неполным.

К январю 1934 г. в основном был закончен проект Нижнетагильского промышленного района. Объектом планирования стало не отдельное предприятие, а целый промышленный узел. В первой пятилетке в нем получили развитие отрасли промышленности, находящиеся в ведении Наркомтяжпрома: черная металлургия, вагоностроение и др. Однако общего плана размещения и решения общерайонных технических и специальных проблем (жилье, водоснабжение, транспорт, энергетика, пригородное хозяйство) на тот момент не существовало. Выбор площадок для предприятий, по мнению специалистов, был обусловлен по большей части не технико-экономической целесообразностью, а учетом только отдельных проблем: жилищной, энергетической и др. Местные организации при отсутствии районного проекта не в силах были четко организовать работу в данном направлении.

Исходными положениями для проектов явились плановые задания правительства, определяющие направление развития производственных мощностей ведущих промышленных предприятий, определяющих индустриальный профиль того или иного района. На этой основе проводились исследовательские и изыскательные

¹См.: Орско-Халиловский индустриальный комплекс. Самара, 1934.

работы, уточняющие характеристику физико-географических, демографических, сырьевых и других показателей, составлявших содержание части проекта, носящей название «Районообразующие факторы». Сводный проект делился на две части: «Экономика района» и «Организация района». В первой анализировались комплексобразующие факторы, уточняющие индустриальный профиль узла и перспективы его развития. Вторая включала планы размещения всех его составляющих (промышленных объектов, жилья и пр.), а также проект организации территории как промышленного узла. Самостоятельной частью проекта, которую предполагалось рассматривать как приложение, служила схема технического оборудования территории промузла. К общетехническим проблемам относили жилищную, водоснабжение и канализацию, рельсовый, безрельсовый и воздушный транспорт, энергоснабжение, сельское и лесное хозяйство, строительство. Несмотря на то, что формирование промузла увязывалось со строительством крупных предприятий, вопросы территориальной комплексности не замыкались на комбинатах. Предпринималась попытка взглянуть на районные комплексы гораздо шире — с точки зрения пропорционального и коррелируемого развития всего хозяйства экономического района.

Первые итоги формирования промышленных узлов на Урале были подведены на XII областной партконференции (18–22 января 1934 г.). За четыре года первой пятилетки в Березниках был построен химический комбинат, вступил в строй первый рудник калийных шахт, разрабатывался второй, на площадке которого начал строиться магниевый завод. За Чердыню силами ГУЛАГа был построен Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат. В начале пятилетки в Березниках было 20 тыс. населения, а к концу пятилетки — 78 тыс., в Соликамске, соответственно, — 3 тыс. и 29 тыс. На Вишере за годы пятилетки был построен город на 23 тыс. чел. В Кизеловском районе строилось и расширялось 20 угольных шахт, Губахинский коксохимический комбинат, возводилась электростанция. Население Кизела за этот период выросло с 14 тыс. до 55 тыс., Губахи — с 6 тыс. до 20 тыс. В Пермском районе была построена группа заводов, которые ранее отсутствовали в отраслевой структуре народного хозяйства страны. В начале пятилетки в Перми проживало около 90 тыс. чел., а в конце — более 200 тыс. Таким образом, на Западном Урале уже в годы первой пятилетки сформировалось два крупных промышленных узла — Березниковско-Соликамский и Пермский, которые получили развитие в последующем.

Резко изменился Надеждинский район. Модернизировались рудники черных и цветных металлов. Реконструировались и расширялись металлургический завод и Богословские копи. Начиная с 1929 г. последние отделились от завода и превратились в крупную ремонтную базу. Сам завод в результате реконструкции перешел на производство высококачественного проката, выплавив в 1931 г. 46 марок углеродистых и полуплегированных сталей. В 1932 г. завод стал поставлять на Челябинский тракторный новый сорт профилей легированного металла для изготовления тракторных гусениц на ЧТЗ. Рост металлургического завода и других предприятий резко увеличил число жителей города и в целом промышленного узла. В 1928 г. население Надеждинска составляло 33 тыс. чел., а в 1933 г. — 62 тыс.

Индустриальное развитие Свердловска как городской агломерации и промышленного узла диктовалось определенными территориально-экономическими предпосылками: расположением в сердце горнопромышленного Урала, на пересечении широтных железнодорожных магистралей Советского Союза и основных путей региона; обеспеченностью города водными ресурсами и удобными площадками для строительства; наконец, возможностью развития в Свердловске энергетического хозяйства на местной базе (торфяные болота). Тенденция промышленного развития, сфокусированная на производство средств производства для технической реконструкции экономики страны и региона, предопределила Свердловску индустриальное лицо. Город уже в первой пятилетке становится центром тяжелого машиностроения (УЗТМ, заводы им. Воеводина, им. Воровского и др.), качественной металлургии (ВИЗ), электролиза меди (Пышминский завод). Объем валовой продукции промышленности Свердловска в 1933 г. составил 180 млн руб. Доля продукции тяжелой промышленности (Наркомтяжпрома) поднялась с 38 % в 1929 г. до 48 % в 1932 г. и имела тенденцию дальнейшего роста по мере освоения мощностей построенных предприятий.¹ Это обусловило рост населения Свердловска со 140 тыс. в 1928 г. до 425 тыс. в 1932 г.

К 1933 г. был заложен новый промышленный узел — Каменск-Синарский. В этом районе было построено два завода: трубный и фаснолитейный, началось строительство алюминиевого комбината, что позволило развить не только черную, но и цветную металлургию.

¹ См.: Уральский коммунист. 1933. № 4–5. С. 73.

На Южном Урале крупным промышленным центром стал Челябинск. В годы первой пятилетки были построены тракторный, ферросплавный, абразивный заводы, во второй пятилетке — тяжелого станкостроения, цинковый, электродный, вторая очередь ферросплавного. Естественен в этой связи рост городского населения с 60 тыс. в 1928 г. до 273 тыс. в 1932 г.

За три с половиной года первой пятилетки в Уральской области было построено и реконструировано около 200 предприятий, в 1933–1937 гг. число их удвоилось. Всего в уральское хозяйство — промышленность, транспорт, связь, коммунальное строительство, здравоохранение — за годы первой пятилетки было вложено 5 млрд 136 млн руб., во второй пятилетке — около 7 млрд руб.¹

Общее представление об уровне развития, а точнее — насыщенности индустриальными объектами в промышленных узлах Свердловской области к концу 1930-х гг. дают материалы областной плановой комиссии.² Основными районами и промышленными узлами союзного значения стали Свердловский, Тагильский, Надеждинский, Каменск-Уральский, Первоуральский, Ревдинский, Кировградский, Висимский, Салдинский, Кушвинский, Красноуральский, Исовский, Новолялинский, Березовский, Асбестовский, Сухоложский, Егоршинский, Алапаевский, Верхнетавдинский, Нижнесергинский.

Свердловск как ведущий промышленный центр Урала производил продукции на сумму около 500 млн руб. Основные отрасли, определяющие лицо города, это — машиностроение, металлургия, пищевая и легкая промышленность. Машиностроение и металлообработка играли приоритетную роль в промышленности Свердловска. В нем насчитывалось одиннадцать крупных машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий. Уралмаш производил оборудование для черной и цветной металлургии, горной промышленности и других отраслей народного хозяйства. Строительство Уралэлектромашин еще не было закончено. Первым был пущен аппаратный завод, выпускающий высоко- и низковольтную аппаратуру для электросетей, электростанций и электропечей цветной и черной металлургии. Завод агрегатных станков в годы третьей пятилетки должен был стать крупным предприятием национального значения. Заводы «Металлист» и им. Воровского выпускали оборудование для горнорудной промышленности: буровые

¹ См.: Уральский рабочий. 1934. 20 янв.

² См.: Районы Свердловской области: Краткая характеристика. Свердловск, 1939; ГАСО. Ф. 241. Оп. 3. Д. 200; Оп. 5. Д. 19.

станки, насосы и т. д. «Спартак» производил ремонт экскаваторов и изготовлял запасные части к ним. «Сталькан» выпускал стальные канаты и, кроме того, зубные протезы, машинки для стрижки волос, чайные и столовые ложки, ножницы. Шарикоподшипниковый завод производил ремонт шарикоподшипников. Металлургия была представлена ВИЗом, который до начала первой пятилетки выпускал главным образом кровельное железо. За годы первой и второй пятилеток в результате коренной реконструкции он стал основной базой производства электротехнической стали в СССР, снабжавшей металлом УЗТМ и другие предприятия города. Пышминский меддеэлектrolитный завод, введенный в эксплуатацию в годы второй пятилетки, был самым крупным предприятием данного профиля в СССР. В Свердловском промузле он обеспечивал медью Уралэлектромаш и другие заводы машиностроения.

Примером образования промышленного узла на базе ряда городов стал Тагило-Кушвинский район. Основной специализации Нижнетагильского промышленного узла стали металлургия и стройиндустрия. Формирование индустриального центра было связано с именем М. М. Царевского, который зарекомендовал себя на строительстве Горьковского автомобильного завода. По воспоминаниям современников, это был «отменный организатор, энергичный строитель и по характеру очень мобильный человек».¹ После возведения первой очереди автозавода он возглавил строительство Нижнетагильского промышленного комплекса, в который входили три огромных комбината. В декабре 1932 г. был создан Тагилкомбинатстрой, куда вошли 3-й и 13-й стройтресты и Тагилстрой. Кроме строительных, на него были возложены задачи, ранее сосредоточенные в дирекциях строящихся заводов, а именно: техническое проектирование, размещение и реализация заказов на оборудование, кадровый потенциал и подготовка заводов к пуску. Но уже через полгода, когда стало ясно, что программа работ на Уралвагонстрой из месяца в месяц не выполняется, пришлось выделить Уралвагонстрой из системы Тагилкомбинатстроя в самостоятельное управление. В дальнейшем и Тагилкомбинатстрой пришлось перевести на подряд.

Строительство мощного индустриального центра требовало создания сети подсобных предприятий. В радиусе 3–5 км от площадки металлургического комбината были оборудованы механизированные песчаные, гравийные и каменные карьеры. Построены

¹Цит. по: Гинзбург С. З. О прошлом — для будущего. М., 1983. С. 157.

кирпичный завод производительностью 53 млн штук кирпича в год и деревообделочный, которые были оборудованы отечественными и импортными агрегатами, толевая фабрика, выпускающая 300 рулонов в день, налажено производство финской стружки. Приказом Наркомтяжпрома была определена индустриальная база Тагилстроя, включавшая ряд заводов. Так, Верхнесалдинский «Стальмост» обеспечивал потребность строительства в арматурном железе, балках, швеллерах, заготовках для металлоконструкций, Нижнетагильский металлургический — в металле и прокате, Невьянский — в цементе. До 75 % всех материалов и конструкций Тагилстрой получал на территории промузла. Все это создавало благоприятные условия для максимальной индустриализации работ и быстрых темпов строительства. В Нижнем Тагиле сформировался промышленный комплекс, включавший мощную стройиндустрию. К началу 40-х гг. Нижнетагильский металлурго-машиностроительный узел стал одним из наиболее крупных индустриальных комплексов на Урале. Он объединял НТМК и металлургический завод им. Куйбышева, два металлургических и завод металлоконструкций в Верхней и Нижней Салде, Кушвинский, Алапаевский и Верхне-Синячихинский металлургические, Уралвагонзавод и Баранчинский электромеханический, электростанции, рудники, предприятия стройиндустрии, легкой и пищевой промышленности.

В годы индустриализации интенсивно шло формирование промышленных узлов в Челябинской области, которая располагала богатыми полезными ископаемыми. Наличие угольного бассейна создавало базу для электроэнергетического производства, а на его основе — для тяжелой, особо энергоемкой, промышленности.

Выгодные географические условия и богатые местные ресурсы строительных материалов способствовали формированию в областном центре — Челябинске крупного промышленного узла. Если к концу 1920-х гг. 62,8 % удельного веса всей промышленности Челябинска составляла пищевая,¹ то за годы первой пятилетки из 357 млн руб. капитальных вложений в промышленность Челябинска 98,7 % пошло на развитие тяжелой индустрии, что коренным образом меняло специализацию промузла. При общем росте продукции в 3,2 раза тяжелая индустрия в нем увеличилась в 10,8 раза, производство электроэнергии — в 33,5 раза. Определяющую роль в специализации индустриального центра стала играть тяжелая промышленность: уже в 1932 г. она составила 60 % от выпуска всей

¹ ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 12. Д. 377. Л. 8.

продукции, а доля пищевой промышленности снизилась до 25,1 %. Объем промышленного производства Челябинска в масштабе Урало-Кузбасса вырос с 5,1 % в 1928 г. до 8,4 % в 1932 г., а удельный вес машиностроения соответственно с 7,2 % до 19,3 %.¹ За годы второй пятилетки в промышленность Челябинска было вложено около 500 млн руб., что привело к росту продукции в 7 раз.²

В ноябре 1927 г. была заложена Челябинская электростанция (ЧГРЭС), осенью 1930 г. давшая первый ток заводам и стройкам области. В том же году началось строительство целого ряда новых предприятий и прежде всего самого крупного в стране — Челябинского тракторного. Быстрое развитие машиностроения обусловило растущий спрос на высококачественный металл. В Челябинске закладывается первый в стране завод ферросплавов, рядом с ним — абразивный, затем — электродный, которые вошли в единый электрометаллургический комбинат. Были построены станкостроительный, цинковый и кислородный заводы. Получили развитие тракторо- и сельхозмашиностроение. В 1933 г. ЧТЗ выпускает первую тысячу тракторов, а в 1936 г. — уже 29 тыс. В 1937 г. ЧТЗ переходит на производство дизельных машин.³ Плужный завод им. Коллющенко был реконструирован и стал выпускать четырехкорпусные тракторные плуги с дерноснимом, сцепки универсальные, культиваторы и прочий сельскохозяйственный инвентарь. К концу 1930-х гг. Челябинск становится одним из крупнейших индустриальных центров страны с широкой специализацией предприятий общегосударственного значения при ведущей роли машиностроения.

Особое место среди промышленных узлов занимал Магнитогорск. Город начинался с палаток. Наряду со строительством промышленных объектов возводились жилые кварталы. Серьезным минусом оказалось отсутствие опыта в проектировании подобных заданий. Естественно, это обусловило и ошибки. В частности, нецелесообразным было строительство временного жилья и т. д.

Специфика Магнитостроя состояла в том, что необходимо было вести одновременно промышленное и социально-бытовое строительство на протяжении длительного времени. В годы первой пятилетки сказалось отсутствие опыта в проектировании комплекса предприятий производственного и социального назначения. Вместо того, чтобы на основе изучения особенностей природных условий и богатств района (его недр, водных ресурсов, лесов, земельных

¹ Там же. Л. 25об.

² Там же. Оп. 11. Д. 85. Л. 61.

³ Там же. Л. 62.

угодий и т. д.) составить схему и начать строительство, в основном занимались частичными планировками отдельных объектов и возведением временного жилья. После длительных споров было решено строить город на правом берегу реки Урал. В ходе формирования промышленного узла наиболее ярко проявились отрицательные стороны командно-административной системы управления, пренебрежение к решению социальных проблем. Примечательно, что с начала строительства комбината ряд руководителей и проектировщиков предлагали одновременно с новыми фабриками и заводами возводить и город, обеспечивающий максимум удобств и комфорта. Однако на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности в 1931 г. Г. К. Орджоникидзе подверг критике затраты на социальную инфраструктуру Магнитогорска: «Давайте условимся твердо на этот счет: прежде завод и одновременно с заводом самое необходимое количество жилищ и культурно-бытовых учреждений с таким расчетом, чтобы через годика 3–4, когда будут у нас большие возможности, воздвигать на самом деле большие дворцы-клубы. С жилищным строительством то же самое. Давайте построим небольшие, недорогие, но удобные, теплые жилища».¹ Так закладывался остаточный принцип в развитии социальной инфраструктуры промышленных центров. Магнитогорский промузел был построен с широким привлечением подневольного труда ссыльных крестьян, рабочих и ИТР сталинского ГУЛАГа. Став мощным металлургическим центром, Магнитогорск давал 91,5 % производства чугуна по области, 83,5 % стали, 89 % проката, 100 % кокса и 92 % железной руды. Наряду с ММК здесь возникли предприятия по обслуживанию нужд горожан.

Одним из ведущих промышленных центров Челябинской области был Златоуст. Промышленное лицо Златоустовского района определяли горнорудная промышленность, черная металлургия и металлообработка, предприятия которых за годы первых пятилеток были реконструированы. На долю тяжелой промышленности в конце второй пятилетки приходилось 94 % всей промышленной продукции района, а удельный вес в ее области составлял 16,8 %.² Черная металлургия была представлена Златоустовским металлургическим заводом, расположенным в северо-западной части города на левом берегу реки Ай. Завод не имел законченного цикла производства. Существовавшие до 1936 г. две древесноугольные домы

¹ Г. К. Орджоникидзе (Серго): биография. М., 1962. С. 308.

² ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 11. Д. 85. Л. 24.

были остановлены. Используя руду Бакала, чугуны Сатки и Магнитогорска, ферросплавы Челябинска и Донбасса, реконструированный завод выпускал хромоникелевую, хромованадиевую, шарикоподшипниковую и другие сорта спецсталей. Они использовались на машиностроительном заводе города и направлялись на другие предприятия Урала и страны.

Заметное место в экономике Челябинской области занимал Саткинский промышленный узел, дающий заводам края сырьевой материал в виде высококачественного древесноугольного чугуна. Саткинский промышленный узел включал в себя город Сатку с заводом «Магнезит» и металлургическим предприятием, а также рабочий поселок Бакал с прилегающими рудниками. Ведущими предприятиями района являлись Бакальское рудоуправление, завод «Магнезит» и Саткинский металлургический.

В 1931 г. по инициативе уральцев Совнарком СССР вынес постановление о строительстве на Урале трубного завода. Местом для него была выбрана станция Синарская. Закладка завода составила основу нового промышленного центра — города Каменска-Уральского. В 1937 г. вступил в строй Уральский алюминиевый комбинат, базирующийся на уральских бокситах и электроэнергии ЧГРЭС. В городе получили развитие машиностроительные и другие предприятия.

Кыштым, Карабаш и Уфалей стали центрами производства цветных металлов. Первые два специализировались на выплавке меди, их заводы были реконструированы. В Уфалее в 1933 г. был пущен первый на Урале никелевый завод. Вместе с возведением Уфалейского металлургического, Каслинского механического заводов здесь сформировался крупный промышленный узел с преимущественным развитием цветной металлургии.

Размещение промышленных объектов на Южном Урале было неравномерным. В силу исторических и природных условий подавляющее большинство крупных предприятий расположилось в западных горных районах и в полосе предгорий, в то время как восточные районы в промышленном отношении были освоены слабо. Это явилось следствием того, что основная база промышленных предприятий — полезные ископаемые — были сосредоточены в западной части области. Вместе с тем за годы первых пятилеток в размещении промышленности произошли значительные сдвиги, расширившие границы промышленных районов. Такие промышленные узлы, как Челябинск, Каменск-Уральский, Магнитогорск, Копейск, Коркинский угольный район, были созданы именно в 1930-е гг. Большинство промышленных предприятий Южного

Урала было расположено в горнозаводских системах: Миньярском, Катавском, Саткинском, Златоустовском, Уфалейском, Кыштымском и Миасском, а также в городах Челябинске, Магнитогорске, Каменске-Уральском. Из остальных районов области выделялись главным образом специализирующиеся на пищевой промышленности: Шадринский, Курганский, Троицкий, Шучанский. Наиболее же крупным промышленным центром Южного Урала был Челябинск, выпускавший около 40 % всей промышленной продукции области.¹

В Башкирии за годы предвоенных пятилеток выросли Уфа, Белорецк и Стерлитамак. К началу первой пятилетки продукция промышленности Уфы (паровозоремонтный, государственный завод № 1, судоремонтные мастерские) составляла менее 20 % от республиканского производства. В годы первых пятилеток решающее значение для города имело строительство Уфимского промышленного комбината (электростанция, лесопильный завод, дубильно-экстрактный, фанерная фабрика), особенно предприятий союзного значения — моторного и нефтеперерабатывающего заводов, которые вошли в строй в 1937 и 1939 гг. Это обеспечило превращение Уфы в крупный индустриальный узел по производству моторов для комбайнов и топлива (бензина), а также товаров легкой и пищевой промышленности. Выпуск продукции промышленных предприятий Уфы возрос с 10,9 млн руб. в 1927/1928 хоз. году до 169,5 млн руб. в 1940 г.²

В предвоенные годы в Оренбургской области началось формирование нового промышленного узла. С 1935 г. развернулось строительство никелевого завода, а в 1940 г. — Орско-Халиловского металлургического комбината. В 1939 г. была получена первая плавка чистого никеля, а в районе Новотроицка начались подготовительные работы к строительству доменных печей, мартеновского и прокатного производства, коксохимического и шамотного заводов. Формирование крупного Орско-Халиловского комплекса завершилось в послевоенные годы.

Таким образом, консолидация индустриальной мощи в городах и районах заложила основы для создания в регионе промышленных узлов. Свердловск, Пермь, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Уфа, Ижевск, Березники, Надеждинск, Златоуст, Каменск-Уральский и другие стали форпостами индустриализации. В одних

¹ Там же. Оп. 15. Д. 7. Л. 65.

² См.: История Уфы. Уфа, 1984. С. 323.

получили развитие несколько отраслей промышленности, в других одна или две. В Нижнем Тагиле, Златоусте и Ижевске преобладало металлурго-машиностроительное направление, в Магнитогорске, Надеждинске, Каменске-Уральском — металлургическое, в Березниках — химическое и т. д. При этом необходимо отметить, что по-прежнему социальная инфраструктура агломераций и промузлов не получила должного развития.

2.5. Урало-Кузбасс в проектировках генерального хозяйственного плана

В 1930-е гг. была «выкована» методология перспективного планирования. В конце 1930-х гг. наряду с проектировками третьего пятилетнего плана председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский в речи на XVIII съезде партии (март 1939 г.) предложил «заглянуть за горизонт» и разработать генеральный хозяйственный план, рассчитанный на несколько пятилетий. Экономическим результатом его реализации должен стать уровень, за которым будет достигнуто технико-экономическое превосходство по сравнению с ведущими капиталистическими странами в производстве на душу населения чугуна стали, топлива, электроэнергии, машин и основных потребительских товаров. «Горизонты планирования» поддержали в ЦК ВКП(б) и СНК СССР: «Опубликовать в „Правде“ (22 февраля 1941 г.) сообщение о том, что Госплан СССР по поручению ЦК ВКП(б) и СНК СССР приступил к составлению генерального хозяйственного плана СССР на 15 лет».¹

В Госплане были созданы группы по определенным разделам предстоящего проекта, в ходе работы которых составили «документ», состоящий из одиннадцати разделов.² На предварительной стадии были подготовлены материалы, среди которых представлены «тезисы»: «Развитие народного хозяйства уральских и западно-сибирских районов РСФСР».³ Следует подчеркнуть, что прямого упоминания об Урало-Кузбассе в них нет. Это было связано с новой сеткой экономических районов страны. В третьем пятилетнем плане территория РСФСР подразделялась на девять основных экономических районов.⁴ Среди них отдельной строкой выделялись «районы Урала и Западной Сибири». Данное положение было закреплено в

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1034. Л. 9.

² См.: Залкинд А. И., Мирошниченко Б. П. Очерки развития народнохозяйственного планирования. М., 1980. С. 173; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 1996. Л. 2.

³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 185. Л. 124–143.

⁴ См.: Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938–1942 гг.). М., 1939. С. 206.

постановлении СНК СССР «Об организации в Госплане СССР территориальных отделов» и утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 10 октября 1940 г.¹ Эту же группировку предложили для территориально-экономического деления в генеральном хозяйственном плане.

Идеология долгосрочного планирования базировалась на объективном учете достигнутых результатов. В первом разделе «перспектив» урало-сибирских районов на 1943–1957 гг. подводились итоги их развития за годы первых пятилеток. Промышленная продукция Урало-Кузбасса в 1939 г. составила около 9 % общего производства СССР. Черная металлургия Урала и Западной Сибири выпустила в 1940 г. 4,2 млн т чугуна, 5,8 млн т стали и 4,2 млн т проката, что составило в общесоюзном масштабе: 28,5 % по чугуну, 31,5 % по стали и 32 % по прокату; из них уральская металлургия дала 18 % по чугуну, 21 % по стали и 21,5 % по прокату.²

Урало-Кузбасс имел приоритет в строительстве объектов топливно-энергетического комплекса. Уральская энергетическая система по своей мощности уступала только Московской области и Украине. В 1940 г. добыча угля в Кузбассе достигла 22,5 млн т, на Урале — 11,9 млн т, что составило около 21 % общесоюзных показателей (второе место после Донбасса). На базе Кузнецкого и Кизеловского бассейнов в 1939 г. было произведено около 23 % кокса от общесоюзных показателей.³ Урал и Западная Сибирь занимали первое место в стране по производству меди, цинка, никеля, магния. Создавалась нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность, являющаяся частью «Второго Баку». В 1940 г. добыча нефти в районах Урала достигла 5,3 % общесоюзной добычи.

Заложены основы металлообработки и машиностроения, продукция которой составила в 1939 г. более 8 % общесоюзного производства. На Урале заново создано тракторостроение, вагоностроение, производство металлургического и горного оборудования, электротехническое машиностроение. Урал в 1939 г. дал 100 % калийных, 11 % фосфатных удобрений, 16,5 % кальцинированной соды, основную массу всего потребляемого в Союзе серного сырья.

В районах Урала и Западной Сибири созданы зерновые и животноводческие хозяйства. В 1940 г. производство зерновых составило 16 % общесоюзного сбора, а по яровой пшенице — 29 %. В общем поголовье продуктивного животноводства по Союзу удельный вес

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1028. Л. 34.

² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 185. Л. 125; Д. 1996. Л. 312.

³ Там же. Д. 185. Л. 125; Д. 1996. Л. 312.

районов Урала и Западной Сибири составлял на 1 января 1940 г. по крупному рогатому скоту — 17,2 %, поголовью свиней — 13 %, овец и коз — 18 %.¹

Индустриализация восточных районов стала локомотивом урбанизации. Число городов с населением свыше 50 тыс. человек на Урале и в Западной Сибири увеличилось с 11 в 1936 г. до 26 в 1939 г. Удельный вес городского населения вырос с 14,8 % до 32,8 %, достигнув в Челябинской области 42,2 %, в Новосибирской — 41,1 % и в Свердловской — 60 % ко всему населению.²

В 1930-е гг. основные предприятия Урала-Кузбасса строились главным образом в местах концентрации сырьевых и топливных ресурсов. Об этом свидетельствует баланс производства и потребления промышленных и сельскохозяйственных продуктов. В 1939 г. из районов Урала и Западной Сибири вывезли более 4 млн т угля, около 1,7 млн т проката, более 516 тыс. т удобрений, свыше 1,6 млн т круглого леса и 1,3 млн т пиломатериалов, 3 млн т зерновых, 1 млн т муки и 170 тыс. т продуктов животноводства (мясо, сало, масло). Основной объем вывоза черных и цветных металлов, удобрений, машин, рудного сырья и больше половины общего вывоза лесоматериалов приходилось на Урал. Главная же масса угля, продуктов животноводства, большие количества лесоматериалов и зерна — на Западную Сибирь.³

Несмотря на положительный баланс в производстве и потреблении ряда важнейших промышленных продуктов, районы Урала и Западной Сибири давали только от 71 % до 73 % общесоюзной выработки валовой продукции промышленности на душу населения.⁴

На Урале и особенно в Западной Сибири недостаточно были развиты машиностроение и металлообработка. В районы завозилось большое количество станков (на Урал в 1938 г. было завезено свыше 1 000 шт.), насосов, компрессоров и других машин. Несмотря на высокий удельный вес районов в капитальном строительстве, производство цемента было на 50 % ниже союзного уровня; по известии — на 66 %, по кирпичу — на 80 %.

Медленно развивались отрасли текстильной и пищевой промышленности. Объем производства на душу населения в районах Урала по текстилю и обуви отставал от общесоюзного уровня в 5–8 раз.

¹ Там же. Д. 185. Л. 126; Д. 1996. Л. 313.

² Там же. Д. 185. Л. 127; Д. 1996. Л. 314.

³ Там же. Д. 185. Л. 128; Д. 1996. Л. 314.

⁴ Там же. Д. 1996. Л. 314.

По пищевым продуктам душевое потребление в стоимостном выражении за 1938 г. составило 64 % от общесоюзного уровня.

Структура производства на душу населения свидетельствовала о недостаточном развитии ряда отраслей промышленности в целом по районам и по отдельным областям, что привело к дальним перевозкам. В связи с гигантским ростом народного хозяйства общий грузооборот районов в 1939 г. составил свыше 180 млн т (14,5 % общего грузооборота по СССР). При значительном росте грузооборота в районах Урала и Западной Сибири крайне недостаточно использовались водные пути для перевозок угля, леса, металла, нефти и др. При грузообороте на душу населения 8,05 т в 1939 г. грузооборот железных дорог составлял 7,2 т, а водного транспорта только 0,85 т. Железнодорожные перевозки в целом по районам в 1939 г. составили 90 %, а речные только 10 %, в то время как эти районы располагали возможностями для развития речного транспорта. Имели место и дальние перевозки. Так, в 1939 г. в районы Урала и Западной Сибири завезли с Поволжья, Закавказья и районов Юга 1,4 млн т нефтепродуктов, около 364 тыс. т цемента, 169 тыс. т соли, свыше 90 тыс. т рыбы, большое количество продуктов легкой и пищевой промышленности из районов Центра, а также ряд видов сельскохозяйственных продуктов (крупа, ячмень, овощи, картофель и др.).¹

Установка на дальнейшее развитие урало-сибирских районов получила отражение в тезисах генерального плана на 1943–1957 гг. Если в конце 1930-х гг. мощными, комплексными районами были по существу только Центр и Юг, то в планах третьей пятилетки и генеральной перспективе на 15 лет наряду с Поволжьем «экономическими очагами» (по методологии Госплана СССР) становились Урал и восточные районы.

Удельный вес районов Урала и Западной Сибири в валовой продукции промышленности СССР планировалось увеличить с 9 % в 1939 г. до 16 % в 1957 г., в том числе Урал повышал свой удельный вес с 6,5 % до 11 %, Западная Сибирь — с 2,5 % до 5 %.² Наиболее высокие темпы роста закладывались для топливной промышленности, машиностроения, промышленности строительных материалов, текстильного производства (Западная Сибирь), легкой и пищевой промышленности, а также зернового хозяйства, производства технических культур, особенно сахарной свеклы, картофеля и овощей.³

¹ Там же. Л. 317.

² Там же. Л. 328.

³ Там же. Д. 185. Л. 226.

В генеральном плане выдвигались задачи по обеспечению районной комплексности. Плановики предлагали создавать в районах собственные топливно-энергетические базы, предприятия по производству металла, ряду производств машиностроения, химии, деревообработки и др. При этом обращалось внимание, что хозяйственные связи между районами страны «производятся по строго необходимому минимуму продукции и сырья...».¹ Включение данного предложения в проектировки генерального плана можно связать с пристальным вниманием, которое работники Госплана СССР в конце 1930-х гг. уделяли все увеличивающемуся «валу» средней дальности перевозок грузов по железным дорогам.

Как и в первых пятилетних планах Госплан СССР связывал магистральное развитие Урала и Западной Сибири с металлургией. За 15 лет выплавку чугуна планировалось довести в 1957 г. до 20–21 млн т, стали — 25–26 млн т, в т. ч. по районам Урала 14–15 млн т чугуна, Западной Сибири — 6 млн т. Увеличение производства черных металлов рассчитывали получить за счет пуска на полную мощность заводов: Магнитогорского, Ново-Тагильского, Орско-Халиловского, Бакальского (Челябинского), второго металлургического завода в Сталинске (ныне Новокузнецке), а также строительства новых заводов на базе руд Алапаевского района, Комарово-Зигазинского месторождения, железных руд районов Ивделя и Красновишерска на Урале и третьего металлургического завода в Западной Сибири с использованием абаканских руд. Углублялась специализация Урала по выпуску высококачественного металла (природно-легированного). В целях ликвидации дальних и встречных грузопотоков на Урале разворачивалось производство всех массовых видов проката, в том числе листовой стали, рельсов, швеллеров всех профилей и т. д.

В районах Урала и Западной Сибири создавался машиностроительный комплекс в масштабах, обеспечивающих не только внутренние потребности, но и снабжение районов, тяготеющих к Уралу и Западной Сибири (Поволжье, Казахстан, Средняя Азия и части Восточной Сибири). Ведущими отраслями комплекса должны были стать тяжелое машиностроение (металлургическое и горное оборудование, нефтяное, энергетическое, подъемно-транспортное и кузнечно-прессовое), станкостроение, химическое машиностроение, вагоностроение, тракторостроение, сельскохозяйственное машиностроение. Предполагалась организовать новые производства:

¹ Планирование размещения производительных сил СССР: в 2-х ч. М., 1985. Ч. I. С. 164; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 185. Л. 4–5.

паровозо- и автомобилестроение, текстильное и пищевое машиностроение.

Недостатки в специализации машиностроительных заводов и особенно в их кооперировании заставили Госплан СССР обратить особое внимание на необходимость использования производственных мощностей крупных машиностроительных заводов Урала и Западной Сибири для создания ряда смежных производств по изготовлению полуфабрикатов, деталей, инструментов и приспособлений, обеспечивающих широкое кооперирование предприятий внутри района.

Наращивание минерально-сырьевой базы Урала и Западной Сибири предусматривалось за счет форсирования добычи кузнецких и уральских углей. Перестройка топливного баланса Урала намечалась в сторону повышения удельного веса местных видов топлива, широкого внедрения их газификации и использования водных ресурсов — за счет среднего и мелкого гидростроительства. Добыча угля в Кузбассе в 1957 г. должна была увеличиться по сравнению с 1939 г. более чем в 5 раз и составить около 100 млн т, причем около $\frac{3}{4}$ добычи предполагалось потреблять на месте. Это позволяло разместить в Кузбассе такие энергоемкие мощности как производство алюминия, ферросплавов и др. На Урале добыча угля доводится до 85–90 млн т, т. е. увеличивалась почти в 9 раз по сравнению с 1939 г. Завоз угля на Урал планировали ограничить только коксующимися углями из Кузбасса и Караганды для металлургических заводов.

Широко разворачивается подземная газификация углей, в частности богословских и челябинских, и начинается строительство единой газовой системы Урала, с охватом всех источников газа (промышленных и природных). Предусматривалось строительство газотранспортной магистрали Ижма — Северный Урал, а также сеть газопроводов на Южном Урале.

В генеральном плане добыча нефти на Урале увеличивалась с 1 640 тыс. т в 1940 г. до 20–22 млн т в 1957 г. В Западной Сибири предполагалось производство искусственного газифицированного топлива на углях Ленинского и других районов Кузбасса.

Одной из основных хозяйственных задач, сформулированных в генеральном плане, была дальнейшая электрификация страны.¹ Строительство электростанций на Урале и в Западной Сибири предусматривало обеспечение электроэнергией промышленности, отдельных трудоемких процессов сельского хозяйства (производство

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 185. Л. 135.

кормов, водоснабжение) и для бытовых нужд населения. Выработку электроэнергии за пятнадцать лет планировалась довести до 45–50 млрд кВтч в год; с учетом резерва мощностей в 10–15 %.¹ Развитие энергосистемы на Урале намечалось осуществить за счет строительства ГЭС и ТЭЦ. Крупными объектами в энергобалансе Урала должны были стать Соликамская, Воткинская и Молотовская ГЭС (строительство Камской ГЭС началось в 1949 г. закончилось в 1958 г.).

Сооружение Омской ГЭС на Иртыше позволяло электрифицировать железную дорогу Кузбасс — Урал.² На базе Байкальской ГЭС на р. Ангаре и Култукской ГЭС на р. Иркуте планировался комплекс электрохимических и электрометаллургических производств. Разработчики генерального плана считали, что сооружение ряда мощных и средних ТЭЦ в городах Кузбасса позволило бы обеспечить создание новых промышленных «очагов» между Кузбассом и Уралом.

После завершения строительства Куйбышевского гидроузла излишки электроэнергии, особенно в многоводный период, должны были поступать на Южный Урал, а в Западную Сибирь — электроэнергия с ГЭС на Оби. По заданию Госплана СССР в 1930-е гг. ленинградскими специалистами была разработана первая схема использования водных запасов, высказано предложение о сооружении на Оби Каменской ГЭС мощностью 600 тыс. кВт и Новосибирской ГЭС мощностью 440 тыс. кВт.

По гипотезе генерального плана основным типом новых предприятий должны были быть средние и небольшие заводы, обеспечивающие при равномерном размещении их внутри экономических районов решение задачи максимального приближения промышленности к источникам сырья и районам потребления. В соответствии с этим положением предусматривались во всех экономических районах, в том числе на Урале и в Западной Сибири, обеспечить «широкий фронт» строительства ГЭС и ТЭЦ средней и малой мощности без указания конкретной привязки.³ Очередность строительства электростанций небольшой мощности определялась потребностью в энергии обслуживаемого района.

Урал и Западная Сибирь в 15-летнем плане развития народного хозяйства СССР оставались одной из основных баз снабжения страны продукцией цветной металлургии (меди, цинка, алюминия, магния). В течение 15 лет планировался пуск заводов алюминиевой промышленности на Урале и в Западной Сибири на базе

¹ Там же.

² Там же. Д. 1996. Л. 38–59.

³ Там же. Л. 52–53; Д. 185. Л. 6.

Соликамской и Обской ГЭС, магниевой промышленности на Урале и свинцово-цинковой в Западной Сибири. При переработке руд цветных металлов повышалось комплексное использование всех компонентов.

Планирование развития химической промышленности Урала и Западной Сибири рассматривало эти районы как крупнейший комплекс производств химических продуктов на базе использования природных ресурсов и отходов коксохимии, цветной металлургии, нефтепереработки, углечения и деревообработки. Получали развитие и производство сложных минеральных удобрений, синтетического каучука, пластмасс, соды минеральных солей, красителей и т. д. На базе Уральского завода неорганических химических реактивов и химических продуктов технологического назначения производство расширялось до размеров, обеспечивающих потребности Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Лесозаготовки на Урале и в Западной Сибири к 1957 г. планировались до 140–150 млн т в год.¹ В целях ликвидации нерациональных перевозок круглого леса организуется деревообработка в местах заготовки древесины. На базе роста лесозаготовок увеличивается производство целлюлозы, бумаги, картона, фанеры и отраслей, производящих предметы широкого потребления. Повышается удельный вес заготовок древесины в верховьях рек Камы, Тавды и на севере Урала и Западной Сибири.

В Западной Сибири новые текстильные предприятия использовали не только хлопок республик Средней Азии и Казахской ССР, но и местное сырье. На Урале, помимо существовавших текстильных мощностей по производству шерстяных и льняных тканей, планировалось производство технических хлопчатобумажных изделий для машиностроения и химии, а также небольшие фабрики по производству пряжи для трикотажных предприятий. Мощности таких отраслей легкой и пищевой промышленности как обувная, швейная, галантерейная, трикотажная, мясомолочная, пивоваренная, макаронная и др., относящиеся к предметами массового потребления, должны были полностью обеспечить спрос населения урало-сибирских районов.

В сфере сельскохозяйственного производства обращалось внимание на необходимость увеличения посевных площадей в этих районах в 1957 г. до 35–36 млн га. Для этого необходимо было освоить новые земельные площади в размере 12–13 млн га, из них 4–5 млн га на Урале и 8–9 млн га в Западной Сибири. Урожайность

¹ Там же. Д. 185. Л. 137.

зерновых должна была вырасти до 22–24 центнеров с гектара. Развитие технических культур (лен, конопля, подсолнечник) доводилось до уровня, обеспечивающего потребности районов в продуктах переработки данных культур. Производство сахарной свеклы в Западной Сибири возрастало до объемов, обеспечивающих потребности населения района и кондитерской промышленности в сахаре. Создавалась собственная сырьевая база сахарной промышленности в Башкирской АССР и Чкаловской (ныне Оренбургской) области. При успешном развитии кормовой базы поголовье скота увеличилось в 3,5–4 раза.¹

Освоение в Западной Сибири Барабинской степи – огромной заболоченной области площадью свыше 260 кв. км – должно было в первую очередь привести к расширению кормовой базы и развитию животноводства, осушению торфяных болот и развитию добычи торфа, рациональному использованию лесных массивов, созданию водоемов для рыбного хозяйства. Разработчики плана предлагали для сельскохозяйственного освоения земель Урала и Западной Сибири ежегодное переселение около 50 тыс. крестьянских семей.²

При подготовке генерального плана хозяйственного развития Урала и Западной Сибири отдельной «строкой» выделялась экономика автономных республик. В Башкирской АССР дальнейшее развитие получают добыча нефти и нефтепереработка за счет разработки Ишимбайского, Бугурусланского, Туймазинского месторождений. Следует отметить, что в 1939 г. около 95 % нефтедобычи на Урале давала Башкирская АССР.³

Железнодорожное строительство намечалось по следующим направлениям: Магнитная – Уфа, Ишимбай – Чкалов (ныне Оренбург) и Баймак – Орск. Предполагалась «реконструкция» реки Белой. Реализация планов, по мнению специалистов, значительно расширяло транспортные пути республики. Это, в свою очередь, позволяло развернуть угледобычу в Куюргазинском районе, увеличить выплавку меди, создать в Башкирии основную марганцево-рудную базу Южного Урала. Удобное транспортное положение и наличие металлургии создавали предпосылки для развития машиностроения – нефтяного, горного, целлюлозно-бумажного, электротехнического и др.

На базе использования побочных продуктов нефтяной промышленности, углежжения, производства меди просматривались

¹ Там же. Д. 1996. Л. 324.

² Там же. Л. 325.

³ Там же.

перспективы производства серной кислоты, лесохимической промышленности и др. Аграрный сектор развивался за счет животноводства и зернового хозяйства, а также культивирования свекловодства.

В Удмуртской АССР значительное развитие в 15-летней перспективе получало машиностроение (станкостроение, производство нефтяного оборудования, инструментальное производство и др.), деревообрабатывающая и лесохимическая промышленность, торфодобыча. Заново создавалась нефтяная промышленность и текстильная. Расширились посевы зерновых, льна и картофеля, значительно выросло продуктивное животноводство.

В Ойротской АО¹ получало развитие промышленности по добыче цветных, редких металлов и мрамора; лесная и лесохимическая промышленность, маслодельно-сыроваренная и другие отрасли, связанные с переработкой продукции лесного, сельского хозяйства и охоты. Промышленное развитие Ойротской АО должно было быть обеспечено электроэнергией путем использования горных рек. Учитывая природно-географические условия, предусматривалось развитие горно-пастбищного животноводства. Транспортная инфраструктура развивалась за счет речного судоходства и сети автодорог.

Отдельный раздел в гипотезе 15-летнего генерального плана посвящался «сдвигам» в территориальном размещении производительных сил. В результате бурного роста хозяйства районов Урала и Западной Сибири и дальнейшего развития ряда новых отраслей промышленности в этих районах создаются новые промышленные «очаги». Не сбрасывалась со счетов древесноугольная металлургия. В районах Ивделя и Красновишерска на Северном Урале на базе железных и марганцевых руд в сочетании с печорскими коксующимися углями и крупными запасами древесины допускалась возможность создания металлургических производств. На Южном Урале после пуска Бакальского (Челябинского) и Орско-Халиловского металлургических заводов расширялась база высококачественной металлургии страны. В Башкирской АССР планировался новый металлургический «очаг» на базе разработок Комарово-Зигазинского месторождения и новые машиностроительные центры на железнодорожной линии Уфа — Магнитная.

Создаются новые центры цветной металлургии на базе использования уральских бокситов, на Северном Урале и в Западной

¹ В январе 1948 г. переименована в Горно-Алтайскую АО, ныне Республика Алтай.

Сибири, медной промышленности на рудах Таналык-Баймакских месторождений и медистых песчаников в Башкирской АССР и в Чкаловской (ныне Оренбургской) области, свинцово-цинковой промышленности в Алтайском крае. Возникают новые нефтяные районы в Молотовской области (ныне Пермский край), Тавдинском районе (Свердловская область), в Удмуртской АССР.

В генеральном хозяйственном плане на 15 лет были «прописаны» межрайонные связи Урала и Западной Сибири. Кузбасскими углями планировалось снабжать Урал, юго-восточную часть Казахской ССР; уральской нефтью — Западную и Восточную Сибирь; металлом Урала и Западной Сибири — районы Поволжья, Казахской ССР, республик Средней Азии, Восточную Сибирь и частично — Центр; продукцией машиностроения — районы Поволжья, часть Восточной Сибири и Средней Азии; уральским лесом — районы Поволжья, Северного Кавказа, Закавказья и частично — Центр. Западно-сибирским лесом — Казахскую ССР и республики Средней Азии. Зерном должны были обеспечить районы Центра, Дальнего Востока и частично — Среднюю Азию.

По отдельным видам промышленной продукции и горнорудного сырья (вагоны, трактора, калийные удобрения, бокситы, серное сырье, асбест, цветные металлы и др.), а также по качественному металлу, ареал распространения продукции Урала и Западной Сибири не привязывался к конкретным районам.

В районы Урала и Западной Сибири планировалось ввозить: карагандинский уголь на Южный Урал для черной металлургии, среднеазиатский хлопок в Западную Сибирь и частично на Урал для текстильной промышленности, продукцию машиностроения — из центральных районов; отдельные виды продуктов легкой и пищевой промышленности (ткани, сахар на Урал и другие из районов Центра и Юга); отдельные виды продуктов сельского хозяйства (чай, цитрусовые) с Кавказа.¹

Удельный вес районов Урала и Западной Сибири в промышленной продукции СССР по наметкам генерального плана возрастал до следующих параметров. В 1957 г. районы Урало-Кузбасса должны были дать 30 % общесоюзной выплавки чугуна, около 30 % стали, 24 % угля, 20–25 % нефти, 18 % электроэнергии, 16 % продукции металлообрабатывающей промышленности, значительное количество химических продуктов, лесоматериалов, цветных и редких металлов.²

¹РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 185. Л. 142; Д. 1996. Л. 327.

²См.: Залкинд А. И., Мирошниченко Б. П. Указ. соч. С. 182.

Для своего времени проект генерального плана был исключительно ценной работой. В ней Госплан впервые поставил многие важные проблемы развития экономики СССР в долгосрочной перспективе. Работа над генеральным планом стала новым «этажом», построенном Госпланом СССР в здании Урало-Кузбасса на 15-летнюю перспективу. Великая Отечественная война не позволила довести эту работу до логического конца. В дальнейшем к долгосрочному перспективному планированию вернулись во второй половине 1940-х гг.

* * *

Вытеснение из народного хозяйства негосударственных укладов привело к фиксации в нем одного собственника — государства. Это превратило народное хозяйство в «единую фабрику», а управление производством на ней стало одной из главных функций государства. Региональная политика неизбежно замкнулась на проблемах «размещения производительных сил».

В период социалистического строительства действия правительства и колоссальные усилия народа были направлены на преодоление разрыва в развитии между СССР и развитыми странами мира. Результатом региональной политики Советского государства в предвоенный период стало создание мощного производственного потенциала Уральского региона. Гипертрофированное развитие черной металлургии способствовало росту обрабатывающих отраслей, особенно машиностроения и металлообработки. В 1941–1945 гг. роль Урала как «опорного края державы» в полном объеме осуществляется в Великой Отечественной войне:

— реализуется индустриальный и военно-промышленный потенциал Урала в победе над гитлеровской коалицией и в переделе большого пространства Евразии в пользу антигитлеровской коалиции во главе с СССР;

— региональные интересы Урала отождествляются с государственно-стратегическими интересами СССР, Урал становится значимым инструментом СССР в поддержании мирового баланса сил;

— у населения, политической, промышленной и культурной элит формируются военно-патриотический менталитет и убеждение в экономической незыблемости Урала.

Специализация, кооперирование и комбинирование в промышленности как форма организации индустриального региона получили развитие в «Генеральном плане развития Большого Урала», первом и втором пятилетних планах. Их реализация происходила в условиях формирования отраслевого подхода к управлению

народным хозяйством, централизованного распределения ресурсов из-за их острейшего дефицита и директивно-приказных методов работы. Однако эти методы уже не могли быть эффективными при достижении большой степени сложности структуры народного хозяйства, и уже на XVIII съезде ВКП(б) встал вопрос о переходе к модели комплексного развития территориальных социально-экономических систем.

2.6. Значение проекта «Урало-Кузбасс» для индустриальной модернизации СССР

Исторические проблемы, связанные с разработкой и реализацией Урало-Кузнецкого проекта, на первый взгляд, кажутся достаточно изученными. Ведь на этот счет имеются десятки монографий и научных статей. Мы же в своем исследовании обращаем внимание главным образом на последствия реализации программы Урало-Кузнецкого комбината (УКК), на проблемы его влияния на процессы индустриальной модернизации экономики не только масштабного Урало-Сибирского региона, но и других территорий СССР. Это несколько иной подход в историографии. В этом, на наш взгляд, заключается новизна проделанной работы.

Известно, что попытки реализовать Урало-Кузнецкий проект предпринимались еще в имперский период. Особенно активно деятельность в данном направлении стала развиваться с началом Первой мировой войны. Однако что-то конкретное сделать не удавалось. Главная причина, по нашему мнению, состояла в том, что предпринимателей было трудно организовать в условиях существования частной собственности на предприятия и средства производства. Кроме того, в России отсутствовал единый государственный центр управления экономикой. На нескольких съездах промышленников проблема соединения ресурсов Урала и Кузбасса дискутировалась, но дальше обсуждения она не продвигалась.

Вместе с тем, в промышленной сфере обсуждались вопросы необходимости создания на Урале и в Кузбассе второго после Донбасса крупного угольно-металлургического центра, который по планам и после войны мог бы стать основой индустриального развития значительной территории, находящейся в самом центре Евразии. Об этом говорилось в докладе Совета Съездов представителей торговли и промышленности «О мерах по развитию производительных сил России», представленном в 1915 г. российскому правительству. В нем подчеркивалось, что в условиях войны и послевоенного восстановления крайне необходимо ускоренное развитие новых

металлургических и машиностроительных центров, вначале на Урале, а затем и в Сибири.

С точки зрения конкретных действий в годы Первой мировой войны удалось увеличить добычу угля в Кузбассе с 47 до 72 млн пудов. С Кольчугинских копей на Урал в 1914–1916 гг. ежемесячно отправлялось до 1 млн пудов коксующегося угля, что увеличивало производительность уральской металлургии. В Сибири в годы войны удалось возобновить производство черных металлов на небольших металлургических заводах: Гурьевском, Абаканском, Николаевском, Петровском, ранее работавших в период строительства Транссиба. Из них наиболее активно в годы войны работал Гурьевский металлургический завод в Кузбассе, выкупленный в мае 1913 г. акционерным обществом «Копикуз» у Императорского Кабинета. Кроме того, Кабинет передал Обществу всё имеющееся у него в Кузбассе горное хозяйство: Кольчугинскую и Кемеровскую копи, Салаирские и Тельбесские рудники.¹

Революционные события 1917 г. коренным образом изменили не только политическую ситуацию в стране, но и направили в иное русло социально-экономические процессы. С установлением большевистским правительством монополии на власть было объявлено о внедрении в стране экономического планирования в интересах развития экономики на базе индустриализации.

Урало-Кузнецкий проект в общих чертах был обозначен в разработках Госплана СССР уже в 1924 г. Стержнем его обозначалось создание металлургических заводов на Урале и в Кузнецком бассейне. Необходимыми условиями в этой связи считались организация добычи каменного угля и железной руды, выжиг кокса и решение проблем транспортного обеспечения всего производственного комплекса, который, предполагалось, будет соответствовать высшим мировым техническим и технологическим стандартам того времени.

Технический проект, подготовленный к 1924 г., намечал строительство на Урале трех крупных металлургических заводов по американскому типу с годовой производительностью до 50 млн пудов каждый. Первый из них планировался на Алапатыевском руднике со специализацией по прокату рельс, второй — близ знаменитой горы Магнитной с выпуском крупных видов металлоизделий — балок, швеллеров, третий — на Бакальском руднике, отличавшемся

¹ См.: Тимошенко А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX веке. Концепции и решения. Новосибирск, 2007. С. 54, 55.

высоким качеством железной руды, для производства листового железа. В Кузбассе намечалось построить Кузнецкий завод на рудах Тельбесса. Если уральские заводы в этом проекте должны были поставлять свою продукцию в Европейскую часть страны, то производство Кузнецкого металлургического завода ориентировалось исключительно на сибирский рынок. Поэтому для него планировался расширенный ассортимент металлоизделий. Добычу угля в Кузбассе в перспективе планировалось довести до 470–800 млн пудов, что требовало открытия 13 новых рудников производительностью от 20 до 40 млн пудов каждый.¹

Положительное значение для дальнейшего продвижения идеи реализации Урало-Кузнецкого проекта имело введение в 1924 г. льготного тарифа на перевозку кузнецкого угля и кокса до станций Пермской и Самаро-Златоустовской железных дорог. Это сразу же увеличило их вывоз и потребление на уральских заводах. В 1924–1925 гг. целый ряд доменных печей Урала был переведен на минеральное топливо из Кузнецкого бассейна. В результате этих решений проблема создания Урало-Кузнецкого комбината постепенно стала занимать в общесоюзном планировании одно из центральных мест. Как важная государственная задача она обсуждалась в марте 1926 г. на первом Всесоюзном съезде президиумов Госплана СССР и Госпланов союзных республик, представителей областных плановых комиссий. В резолюции съезда по докладу Уральской плановой комиссии говорилось, что объединение уральских железных руд с углями Кузнецкого бассейна очень актуально, необходимо принять все меры для разработки и практической постановки Урало-Кузнецкой проблемы в качестве одной из крупнейших задач капитального строительства в СССР.²

Впоследствии оказалось исторически обоснованным то обстоятельство, что проблема наращивания производства металла в принципе ставилась во главу угла всех перспективных планов развития экономики СССР. В директивах по первой пятилетке, принятых XV съездом партии (декабрь 1927 г.), указывалось, что наиболее быстрый темп развития должен быть придан тем отраслям тяжелой индустрии, которые в кратчайший срок поднимают экономическую мощь и обороноспособность страны. Такими отраслями однозначно признавались энергетика, черная и цветная металлургия, химическая, топливная промышленность, машиностроение, судостроение и пр.

¹ См.: Там же. С. 131.

² См.: Там же. С. 134, 135.

По мнению проектантов, создание УКК позволяло высокими темпами осуществить индустриальную модернизацию восточных регионов СССР на базе угледобычи, черной и цветной металлургии, машиностроения всех видов, химической промышленности, развития энергетики и транспорта. Единое стратегическое планирование в условиях национализированного хозяйства и централизованного управления экономикой и социумом давало возможность просчитать положительные и отрицательные моменты в решении Урало-Кузнецкой проблемы, по возможности учесть последствия для развития, как экономики регионов, так и всего народно-хозяйственного комплекса страны.

На производственной базе УКК планировалось формирование различных отраслей машиностроения. Особенно для коллективизированного сельского хозяйства требовалось большое количество сельскохозяйственной техники. В Новокузнецком филиале Государственного архива Кемеровской области нам удалось обнаружить проект строительства заводов сельскохозяйственного машиностроения в Сибирском крае, разработанный согласно постановлению Сибревкома от 24 апреля 1925.¹ Результаты исследования документа доказали, что план строительства заводов сельскохозяйственного машиностроения в Сибири разрабатывался примерно в 1926 г. специалистами промышленной секции Сибплана с привлечением работников Сибпромбюро ВСНХ. В процессе подготовки плана проводился целый ряд консультаций с томскими учеными, например, с геологом М. А. Усовым, ученым-металлургом В. Н. Гутовским. Разработчики планировали построить целые комплексы предприятий, необходимые для производства сельскохозяйственной техники, в которые должны были входить горнодобывающие предприятия, металлургические и машиностроительные заводы, транспортные организации. Например, на базе металлургического завода в Кузбассе, предполагалось построить заводы сельскохозяйственной техники в Омске, Новосибирске, Красноярске, Барнауле и других сибирских городах.

Для реализации вышеупомянутого проекта в крае Сибревкомом был организован Комитет по созданию в период 1925–1935 гг. металлургических и машиностроительных предприятий. В состав Комитета вошли представители ключевых сибирских организаций, связанных с управлением экономикой: Сибпромбюро ВСНХ, Сибплан, Наркомзем, Наркомат путей сообщения, Госбанк, Промбанк

¹ НФ ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–6.

и др. Комитету было поручено «досконально проработать вопрос о создании металлургических и машиностроительных заводов в Сибирском крае и внести свои предложения в Президиум ВСНХ и Госплан РСФСР».¹

Надо отметить, что данный проект был в значительной степени реализован. В рамках обозначенного в документе хронологического периода были построены предприятия сельскохозяйственного машиностроения в Омске, Новосибирске, Барнауле. Правда, в 1925–1926 гг. проектантам трудно было представить, что в 1930-е гг. заводы придется перепрофилировать на производство военно-оборонной продукции. Так, знаменитый «Сибкомбайн» в Новосибирске стал комбинатом № 179 и вместо плугов и сеялок стал производить боеприпасы. Другие сибирские предприятия сельскохозяйственного машиностроения раньше или позже также были переориентированы на производство военно-оборонной продукции.

Урало-Кузнецкий проект имел большое значение для комплексного развития многих отраслей экономики Уральского и Сибирского регионов. Концептуальные подходы, заложенные в проекте, послужили фундаментом и одновременно началом дальнейшей углубленной проработки вопросов соединения природных ресурсов и производственных потенциалов Урала и Сибири. При этом ученые и специалисты, поддержавшие проект, считали, что его идеи и установки не догматичны, а будут изменяться и дополняться в процессе изменений в экономическом развитии СССР и его регионов. Практика подтвердила обоснованность такого подхода.

К детальной проработке каждой составной части проекта были привлечены известные научные организации в стране. Например, геологи занимались поиском и уточнением угольных и рудных запасов, оценкой сырьевых ресурсов будущего комплекса. Металлурги изучали свойства углей и руды разных месторождений, их пригодность для коксования и металлургической плавки. При этом разрабатывались новые типы заводов, изучались проблемы размещения производительных сил в СССР. Углубленные исследования в своих областях вели энергетики и транспортники. В целом Урало-Кузнецкий проект превратился в глобальную программу индустриального преобразования восточных районов страны. В процессе его реализации кардинально изменился облик огромного Урало-Сибирского региона, который из преимущественно

¹ Там же. Л. 4.

аграрного превратился в высокоразвитый индустриальный с высокой степенью урбанизации.

В процессе социально-экономического обоснования Урало-Кузнецкого проекта были выявлены и доказаны взаимовыгодные интересы Урала и Сибири. Регионы являлись географически близкими, связанными в экономическом и транспортном отношении. С конца XIX в., считалось, что Урал и Сибирь вполне могут обмениваться ресурсами и поддерживать друг друга в направлении индустриального роста. Уральская промышленность еще в имперский период проявляла интерес к поставкам кузнецкого угля и кокса для своей металлургии. Кузбасс с его крупнейшими в стране угольными запасами потенциально мог обеспечить мощную базу для развития энергетики и металлургии Урала. При разработке экономической части УКК в советский период было доказано, что низкая себестоимость добычи магнитогорской железной руды и кузнецких углей дает возможность производить на предприятиях Урала и Кузбасса самый дешевый в стране металл. Совпадение интересов Урала и Сибири обнаружилось также при формировании так называемой сверхмагистральной Новосибирск — Свердловск — Москва. Сверхмагистрализация Западносибирской железной дороги явилась предпосылкой ускорения экономического развития как Сибирского, так и Уральского регионов. Кроме того, она позволяла решить проблему перевозки хлебных грузов из восточных в центральные районы страны.

В итоге идея создания УКК в результате всестороннего научного обоснования представлялась в качестве комплексной программы развития не только Урала и Сибири, но и сопредельных регионов. Впервые в истории отечественной индустрии предстояло сформировать крупный комбинат, включающий в себя основные отрасли металлургии, машиностроения, угледобычи, углепереработки, лесохимической промышленности. Кроме того, планировалось обеспечить весь этот хозяйственный организм надежной энергетической базой и транспортными связями. Н. Н. Колосовский — активный участник разработки проекта Урало-Кузнецкого комбината — писал: «Урало-Кузнецкая тема — не узко местного значения, это не тема даже о металле и топливе и их перераспределении по районам СССР. Это есть узел вопросов, связанных с генеральным перераспределением народнохозяйственных ролей отдельных районов в общей экономике СССР и задачами индустриализации не отдельных районов, а всего СССР. Все пространство Союза от Москвы до Владивостока, включая и Среднюю Азию, должно будет иначе идти

по пути индустриализации при осуществлении Урало-Кузнецкого проекта, чем без него».¹

Изначально определялась значимая роль Урало-Кузнецкого комбината в модернизации экономики СССР и создании целого ряда новых отраслей промышленности. Во всесоюзном журнале «Смена» за 1931 г. об этом говорилось с большим энтузиазмом: «Из Кузнецка через 2 300 километров железнодорожного пути будет идти в Магнитогорск уголь. Магнитогорский завод будет самым крупным и самым усовершенствованным заводом в мире. К 1937 г. он полностью развернет производство металла, и тогда его восемь домен ежегодно будут выплескивать до 4 млн тонн чугуна. 450 коксовых печей и 42 мартена выварят из чугуна сталь, 3 блюминга подхватят десятитонные болванки и полосы стали по трем линиям прокатных станов.

Металлургический гигант обрастет плеядой химических производств. Помимо того, что газ доменной печи будет отапливать батарею коксовых печей и нагревать котлы электростанции, а коксовый газ — мартеновские печи. Из этого газа химические заводы будут вырабатывать ценные фабрикаты: аммиачные соли для удобрений, нафталин, различные смолы и прочее. Главную массу 400 миллиардов тонн кузнецкого угля составляет уголь с высоким содержанием летучих частей, из которых получается водород, азот, туковые удобрения и множество других химических элементов. Этим содержанием уголь Донбасса не отличается. Он тощий, из 69 миллиардов тонн только 12–15 миллиардов жирных.

Вагоны, привозящие из Кузнецка уголь, уйдут обратно с магнитогорской рудой. Она пройдет свои километры, отгрохочет на стыках рельсов и в свою очередь пройдет доменный процесс на родине угля. Донбасс в шесть раз беднее углем. Пласты Кузбасса неисчерпаемы. Одна шахта Коксовая № 1 ежеминутно будет выдавать на-гора 16 тонн угля. В конце второй пятилетки Кузбасс выдаст на поверхность 115 млн тонн угля. Это будет высокосортный уголь, на котором можно вести выплавку чугуна без коксования. В Кузбассе есть и железо. Его пока еще немного, это и заставляет возить руду из Магнитогорска, где добыча легче и откуда обратно идут поездные составы, привозившие уголь Кузнецка. Но по исследованиям и разведкам, которые только теперь начинаются в соответствующем масштабе вестись, можно предположить, что

¹ Колосовский Н. Н. Урало-Кузнецкая проблема // Проблемы сибирской сверхмагистрали. М., 1929. С. 81.

в районе Кузнецка будут найдены огромные запасы руды, и тогда Кузбасс станет первейшим в мире металлургическим центром, дающим очень дешевый чугун.

После первого Кузнецкого завода задымит второй, базирующийся на собственной руде, третий — вблизи Кузнецка при рудном месторождении Темир-Тау и четвертый металлургический великан будет рассчитан на магнитогорскую руду.

Характерным отличием Урало-Кузбасса от первой металлургической базы является производство цветных металлов. В Донбассе нет цинка, меди, алюминия, свинца. Урал и Кузбасс богаты рудами цветных металлов. Из всех известных в Союзе месторождений цинка 77 % приходится на долю Зауралья. В Кемерово будет построен электролитный завод цинка, а рядом с ним свинцовый завод. Главные запасы меди тоже находятся в пределах комбината. Окутанные зеленым пламенем медноплавильных печей, заводы комбината к концу второй пятилетки дадут стране миллион тонн меди. Электрический ток, пройдя через электролитные ванны, даст 250 тысяч тонн алюминия, разлагая алапаевские бокситы.

Вторым отличием является широкое развитие в Урало-Сибирском регионе химической промышленности. Огромный химический комбинат строится в Березняках. Калийное месторождение в Соликамске, нефть в Чусовских городках, сера, фосфор и целый ряд других ценных ископаемых, перечисление которых заняло бы целую страницу, послужат сырьевой базой для многих Урало-Кузнецких химических производств».¹

Надо отметить, что эти планы, обозначенные на страницах молодежного журнала, не оказались только фантазией журналистов. В большей степени они были реализованы в ближайшее же десятилетие. В результате создания УКК была создана не только новая угольно-металлургическая база СССР, но и развились новые производства цветных металлов, химической промышленности, машиностроения, станкостроения, лесохимии и лесопереработки.

Строительство предприятий УКК развернулось в 1929 г. и одновременно начался новый этап разработки Урало-Кузнецкой проблемы. Новые сведения о сырьевых запасах Урала и Сибири требовали научных и технико-экономических расчетов и обоснований. В свою очередь, научно-технический поиск способствовал новым открытиям. Например, углубленные поиски в уральских

¹ Смена. Всесоюзный молодежный журнал. 1931. Октябрь. № 204–205. С. 29, 30.

рудоносных районах значительно увеличили сырьевые запасы для металлургической отрасли Урало-Кузнецкого комбината. Особенно привлекало Магнитогорское месторождение, высококачественные руды которого не нуждались в обогащении. Специалисты к началу 1930-х гг. подсчитали, что два первоочередных завода-гиганта: Магнитогорский и Кузнецкий производительностью в 655 тыс. т. чугуна в год не смогут выработать огромные рудные богатства Магнитогорского месторождения и за 100 лет. Кроме того, согласно проекту УКК предполагалось построить еще шесть новых крупных металлургических предприятий: Бакальский, Новотагильский, Синарский и Среднеуральский на Урале, Халиловский на Южном Урале, Комарово-Зигаинский в Башкирии.

Первыми строились Магнитогорский и Кузнецкий заводы. По плану каждый из них должен был использовать только самые современные технологии в металлургии. К детальной разработке проектов основных производственных цехов и некоторых общезаводских сооружений привлекались ученые и авторитетные научно-технические организации страны. Например, в проектировании каменноугольных копей на Осиново-Воробьевском месторождении принимал участие профессор Ленинградского горного института Б. И. Бокий, вопросами технического оборудования новых шахт Кузбасса занимался профессор того же института А. А. Скочинский. Проекты железных рудников в Тельбессе и Темиртау разрабатывались ленинградским профессором Н. И. Прутковым. Коксовые печи в Кузбассе строились по проектам профессора Екатеринбургского горного института П. Г. Рубина. Строительный отдел Гипромеца руководил проектированием гражданских и технических сооружений. В этих работах также принимал активное участие известный сибирский архитектор А. Д. Крячков. Иногда прибегали к консультациям иностранных фирм и специалистов, однако основные разработки осуществлялись в СССР. За рубежом закупали преимущественно технологии и оборудование.

В реализации проекта Урало-Кузнецкого комбината большую роль сыграло Постановление ЦК ВКП (б) «О работе Уралмета», принятое 15 мая 1930 г. В нем центральный партийный орган в категоричной форме давал распоряжение Госплану и ВСНХ СССР в кратчайшие сроки разработать и представить на рассмотрение правительства план развития металлургии, рудной, угольной и коксохимической отраслей промышленности в восточных районах страны. При этом указывалось, что необходимо строить более мощные,

чем предусматривалось ранее, предприятия: металлургические заводы, шахты, коксовые установки и т. д.¹

Позднее курс на форсирование темпов промышленного развития был закреплён решениями XVI съезда ВКП(б), на котором И. В. Сталин в своём докладе съезду откровенно требовал увеличения темпов индустриализации. Он говорил, что без роста отраслей тяжёлой промышленности невозможно решить задачи индустриальной модернизации СССР и сохранить независимость государства.²

По поводу создания Урало-Кузнецкого комбината И. В. Сталин в докладе съезду отметил, что необходимо немедленно создавать вторую угольно-металлургическую базу. Этой базой должен быть Урало-Кузнецкий комбинат, соединяющий кузнецкий коксующийся уголь с уральской рудой. Создание УКК позволит на Урале и в Сибири построить тракторные и другие машиностроительные заводы, развить другие отрасли промышленности не только в Урало-Сибирском регионе, но и в Поволжье, Казахстане и республиках Средней Азии.³

Кроме того, большую роль в создании УКК сыграли решения XVI съезда ВКП(б) по поводу внедрения новых методов и форм в управлении экономикой СССР, среди которых были внедрение принципов единоначалия на производстве, централизованного планирования и руководства промышленностью по отраслевому признаку. Директивы XVI съезда устанавливали для экономики страны жёсткую управленческую вертикаль, устранявшую промежуточные элементы.⁴ Это вызывало ассоциацию с военным командованием. С точки зрения рыночной экономики, такая система управления могла оказаться нежизнеспособной, но в условиях использования мобилизационных методов и приемов она оказалась эффективнее чисто экономических рычагов и механизмов.

Решение Урало-Кузнецкой проблемы в рамках выполнения партийных директив стало развиваться гораздо быстрее. В течение нескольких месяцев была завершена сводная программа УКК, которая состояла из 16-ти разделов, где наряду с вопросами развития тяжёлой индустрии прорабатывались некоторые аспекты

¹ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М., 1967. Т. 2. 1929–1932. С. 202–207.

² См.: Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е. М., 1935. С. 365–369.

³ См.: Там же. С. 399, 400.

⁴ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е. М., 1953. Ч. 2. С. 587.

становления социальной инфраструктуры УКК. Формирование крупнейшего межрайонного комплекса было сложным не только с технической стороны, но и в области планирования. Новые формы производственного комбинирования и кооперирования требовали особого подхода и научно-технического обеспечения. Многие планы разрабатывались непосредственно в процессе строительства промышленных предприятий. Одновременно изучались природно-географические условия территорий строительства, отрабатывались вопросы технологических связей строящихся предприятий, взаимодействия ведущих отраслей промышленности УКК и на этой основе планировалась кооперация предприятий уже внутри УКК.

При создании сибирской части УКК основная часть капиталовложений намечалась в формирование индустриальных отраслей: промышленность, энергетику, транспорт. Например, в 1930–1933 гг. в промышленное строительство в зоне УКК было затрачено около 3 млрд руб. в ценах 1930 г. Из них в тяжелую промышленность (группа «А») было вложено 2,5 млрд, а в формирующую фонд народного потребления (группа «Б») — около 285 млн руб. Примерно в том же направлении развивалось создание УКК и в 1934–1937 гг. Причем капитальные вложения с каждым годом планировались и реализовывались со значительным ежегодным увеличением. Так, если в 1930 г. в промышленное строительство в сибирской зоне УКК было вложено около 127 млн руб., то в 1935 г. — почти 1 550 млн руб. Всего в 1930–1937 гг. (период активного формирования УКК) в сибирскую индустриальную его часть было вложено более 22 млрд руб., или 85 % от всех затрат, в то время как на социально-культурное строительство в регионе формирования УКК было потрачено чуть более 1,5 млрд руб. (15 %).¹ Историки отмечают тот факт, что индустриальная модернизация в СССР в столь короткие сроки могла быть осуществлена только мобилизационными методами, предполагающими приоритетный рост производства и слабое на этом фоне развитие социальной сферы. За это приходилось платить крайне низким уровнем жизни населения СССР.²

Первые металлургические заводы в рамках УКК представляли собой сложные комбинированные предприятия, органично включающие доменные и мартеновские цеха, участки прокатки и пудингования, литейное производство, коксовые печи, центральные

¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 798. Л. 97–98.

² См.: Сибирский тыл в исторической динамике XX столетия: теория и практика реализации идеи / Тимошенко А. И. [и др.]. Новосибирск, 2016. С. 44.

электрические станции, механические и кузнечные мастерские, строительные подразделения, сеть железнодорожных подъездных путей, транспортное хозяйство. Столь масштабных строек на территории России прежде никогда не было. Строительство Кузнецкого и Магнитогорского заводов на основе тесной увязки целого ряда отраслей промышленности (черной металлургии, угледобычи и переработки, цветной металлургии, химии и электроэнергетики) в единое хозяйство, по оценкам специалистов, представляло выдающееся явление даже в мировой практике.

Концепция развития металлургической промышленности в рамках УКК предусматривала увеличить в несколько раз выплавку чугуна на востоке страны, причем в основном за счет строительства новых заводов. Кроме того, намечалось осуществить реконструкцию 6-ти действующих заводов Урала: Надеждинского, Златоустовского, Чусовского, Нижнее-Салдинского, Ашинского и Белорецкого. Они полностью переводились на производство древесноугольного металла. Основная их продукция — высококачественные сорта стали, прокат для мосто- и вагоностроения, стальная проволока и инструментальная сталь. Главными потребителями их продукции должны были стать Челябинский тракторный завод, Златоустовский механический, Миасский напилочный, уральский «Шарикоподшипник» и др. Все эти предприятия должны были составить единый производственный комплекс, скрепленный экономическими и технологическими связями.

Стратегическая роль Урало-Кузнецкой программы состояла в том, чтобы превратить огромный Урало-Сибирский регион в индустриально развитый, в достаточном количестве обеспеченный новейшей промышленной и аграрной техникой. Расчет делался и на то, что осуществление проекта изменит экономическую ситуацию, демографическую структуру и социально-бытовые условия жизни населения. Модель Урало-Кузнецкого комбината вполне вписывалась в общую концепцию хозяйственного развития СССР, основанную на идее социалистического обобществления и создания в основном крупной промышленности в процессе индустриализации страны. По своим масштабам и замыслу она вполне соответствовала политическим амбициям советского руководства по социально-экономическому переустройству общества. В ней отражалось стремление государственного управления доказать преимущества социалистического строя, в первую очередь, в экономическом развитии.

В 1932 г. Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты-первенцы УКК дали свой первый металл. В результате стали активно разрабатывать-

ся новые технико-экономические проекты. Большинство из них ориентировалось на развитие машиностроения, особенно производства сельскохозяйственных машин. В этот период в Сибири формировалось два центра сельскохозяйственного машиностроения — в Омске и Новосибирске. Переход к обобществленным хозяйствам придавал проблеме новый ракурс. Экономисты и плановики высказывали идеи создания агрокомбинатов на базе механизации основных производственных процессов. Поэтому нужно было большое количество высокопроизводительных сельскохозяйственных машин.

Изучение угольных месторождений в процессе создания УКК обнаружило в Урало-Сибирском регионе значительные запасы разнообразных по качеству углей, что породило множество новых проектов, в том числе создания новых отраслей промышленности. Проектанты предложили использовать каменный уголь не только в качестве топлива, но и для получения жидкого топлива и других химических продуктов. Причем ориентация была на новейшие мировые достижения науки и техники, передовые технологии. Планировалось также создание целого ряда отраслей с использованием отходов одной из них в качестве сырья для другой, что делало производственные комплексы УКК высокорентабельными и практически безотходными.

Ученые и специалисты предлагали конкретные проекты перегонки и использования кузнецких и черемховских углей. В их рамках планировалась широкая сеть заводов не только непосредственно в угольных бассейнах, но и в некотором отдалении от них, что подчеркивало значение транспортной сети, от которой во многом зависела экономичность задуманных проектов. Весьма распространенными были идеи производства из угля моторного топлива, использования отходов от перегонки газа и полукокса в качестве топлива для районных электростанций и др. В целом Сибирь имела колоссальные возможности для развития химической промышленности. В Кемерово и Кузнецке намечалось создать крупные промышленные комбинаты, включавшие заводы по производству серной кислоты, аммиака, азотных туков. В Белово планировалось построить предприятия по изготовлению серной кислоты, сульфатов, суперфосфата.

В рамках УКК планировалось развитие не только черной, но и цветной металлургии. В 1930-е гг. рассматривалось несколько вариантов размещения цинковой промышленности в восточных районах страны: на Урале, в Экибастузе, в Кузбассе. Самым приемлемым

вариантом было признано строительство цинкового завода в Кузбассе, в городе Белово. На этот счет было принято решение СТО, которое определило строительство цинкового завода производительностью 12 тыс. т в год на цинковых концентратах Салаирского и Риддеровского месторождений. Последующие поиски обеспечили строящийся завод исключительно местным сырьем из Салаирского района, что значительно удешевляло производство металла. От других вариантов пришлось отказаться как более дорогостоящих.

Все вышесказанное подтверждает наше заявление о выдающейся роли УКК в модернизации экономики СССР. Планы второй пятилетки не только завершили то, что было начато в рамках создания УКК в предыдущие годы, но и внесли много нового в его содержание. В. В. Куйбышев, выступая в 1932 г. на Первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил СССР, говорил, что Урало-Кузнецкий комбинат должен превратиться в одну из основных баз снабжения страны качественной сталью и чугуном, цветными металлами, продуктами химии, оборудованием и машинами. Он «станет вторым центром нашей индустрии и нашего хозяйства».¹

Идея ускоренных темпов индустриализации восточных районов страны получила свое научное обоснование весной 1932 г., когда она в качестве основной обсуждалась на Первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил в Москве. На ней в процессе научно-теоретического осмысления были определены функциональные роли различных регионов СССР, на которые будет распространяться влияние крупнейшего в стране индустриального комбината. На конференции было подтверждено, что в основе создания УКК по-прежнему лежит замысел комбинирования железорудных месторождений на Урале и в Сибири с кузнецкими и карагандинскими запасами коксующегося угля. Кроме того, необходимо максимально решить задачу комплексного развития главных промышленных отраслей на территории Урала, Западной Сибири, Башкирии, Северного Казахстана, Орско-Халиловского района. Общее в стране перспективное планирование развития экономики позволяло связать между собой сразу несколько индустриальных комплексов и отраслей. В итоге УКК задумывался как база снабжения страны не только качественной сталью и чугуном, но и цветными металлами, продукцией металлоемкого машиностроения и химической промышленности.

¹Труды Первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил Союза ССР. М., 1933. Т. 4. Урало-Кузнецкий комбинат. С. 7, 8.

В новом пятилетнем плане расширялись и географические рамки второй угольно-металлургической базы СССР. В комплекс Урало-Кузнецкого комбината включались предприятия прилегающих районов. Он вбирал в себя не только Урал и Западную Сибирь, а также Поволжье, Северный Казахстан, и таким образом превращался в крупнейший межрайонный комбинат, призванный наиболее эффективно сочетать развитие добывающих и обрабатывающих отраслей народного хозяйства, расположенных на огромной площади.

Большинство докладчиков на Первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил говорили о большой роли УКК в модернизации экономики страны на базе индустриализации. В Сибири, кроме Кузбасса, крупными промышленными центрами намечались Новосибирск, Омск, Томск, Барнаул, Красноярск и другие города. Кроме промышленного развития, уже в годы второй пятилетки планировался значительный рост обобществленного сельского хозяйства на базе внедрения новой техники.¹

С высоты прошедшего времени создание Урало-Кузнецкого комбината можно назвать стратегически важным и дальновидным решением советского правительства. Конечно, следует признать, что строительство промышленных предприятий на Урале и в Сибири осуществлялось с огромными социальными и экономическими затратами, но оно позволило СССР к началу Великой Отечественной войны иметь крупный промышленный потенциал, расположенный в тыловых районах.² В результате наличия индустриальной базы, созданной в годы довоенных пятилеток, удалось в 1941 г. в кратчайшие сроки организовать на Урале и в Сибири масштабный оборонно-промышленный комплекс. На базе уральских и сибирских предприятий разместились сотни эвакуированных производств из оккупированных врагом регионов страны и на этой общей основе были созданы практически заново предприятия, нацеленные на производство продукции для фронта. В итоге наличие индустриального комплекса, созданного по программе УКК, не только позволило СССР победить в Великой Отечественной войне, но и сохранить независимость страны в послевоенные годы.

В процессе эксплуатации предприятий УКК Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский районы в 1938 г. произвели 37 млн т угля, тогда как в 1929 г. только 7,3 млн т. В 1940 г.

¹ См.: Там же. С. 41–43.

² См.: Сибирский тыл в исторической динамике XX столетия... С. 103–108.

в этих районах добывалось уже свыше 50 млн т угля. В Кузбассе и Черембассе добывалось примерно 2/3 всей угледобычи в восточных районах СССР. Значительно повысилось производство железной и марганцевой руды. В Сибири в 1938 г. добывалось железной руды в 154 раза больше, чем в 1913 г. Выплавка чугуна увеличилась с 255,5 тыс. т в 1932 г. до 1 471,3 тыс. т в 1937 г. Выплавка стали увеличилась в 30 раз — с 53,6 тыс. т до 1 631,6 тыс. т.¹

В результате накануне Великой Отечественной войны на востоке страны был создан огромный промышленный потенциал. Жизненная практика доказала целесообразность этого грандиозного строительства. Уже к концу второй пятилетки Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты производили самый дешевый металл в стране. Это достигалось благодаря экономичности добычи магнитогорской железной руды и кузнецкого угля, сокращению транспортных расходов в связи с реконструкцией Урало-Сибирской железнодорожной магистрали. Если учесть то, что отпала необходимость завоза металла в Сибирь из южных районов страны, которая связана с большими транспортными затратами, то экономическая эффективность и народнохозяйственное значение УКК еще больше возрастают.

Предвоенные годы явились временем некоторой стагнации, снижения темпов производства и строительства, что определялось, прежде всего, сокращением финансирования объектов УКК. Начало войны в Европе требовало укрепления отраслей оборонной индустрии, приведения их в состояние мобилизационной готовности. Поэтому капитальные вложения были переориентированы на развитие военно-оборонной промышленности. В результате в восточных регионах СССР на индустриальной базе УКК были созданы военно-промышленные отрасли, доказавшие свою эффективность и значимость в годы Великой Отечественной войны. Например, значительно выросла роль Кузбасса. Общий объем промышленного производства здесь за военный период увеличился в 3 раза, металлургии — в 8 раз, химической промышленности — в 7, а добыча угля — в 2 раза. Война значительно ускорила индустриальное развитие региона, усложнила его хозяйственную структуру. Размещение эвакуированных предприятий и реализация оборонных программ в Кузбассе привели к возникновению новых отраслей: ферросплавной, алюминиевой, анилиноокрасочной, химикофармацевтической,

¹ См.: Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): стат. сборник. М.; Л., 1939. С. 47–57.

горного машиностроения, электро- и радиотехнической, которые ранее даже не планировались в рамках программы УКК.¹

В послевоенные годы продолжилось развитие Урало-Кузнецкого комплекса. Объем капитальных вложений в промышленное развитие восточных районов страны стал расти в связи с новым этапом государственной политики освоения их природных ресурсов. В 1950–1970-е гг. возникли новые производственные формирования как внутри УКК, так и за его пределами. В Сибири начала формироваться третья металлургическая база на основе кооперирования кузнецкого угля с открытыми уже в послевоенные десятилетия сибирскими железными рудами. В Кузбассе решено было строить более крупный металлургический комбинат. Новую металлургическую базу планировалось создать в Казахстане.

В связи с разработкой сибирских железорудных месторождений постепенно уменьшалась завозка уральской руды к кузнецким домнам. Одновременно увеличивался привоз кузнецкого угля на Урал. Возникали новые комплексы внутри Уральского, Кузбасского, Карагандинского экономических районов, расширялись связи с другими промышленными центрами страны. Все эти изменения, накапливавшиеся постепенно, привели к тому, что в послевоенные годы утратили свое былое значение и вышли из употребления словосочетания «Урало-Кузнецкий комбинат», «Урало-Кузбасс», отражавшие производственные и хозяйственные связи 1920–1940-х гг. Но эти перемены не изменили самой сущности Урало-Кузнецкой проблемы, которая заключалась в создании гигантского промышленного комплекса, основанного на использовании природных богатств восточных районов страны.

В результате исследования роли реализации Урало-Кузнецкой программы мы можем сказать, что Урало-Кузнецкий комбинат имел определяющее значение для индустриальной модернизации не только Урала и Сибири, но всей советской экономики. Урало-Сибирский комбинат заложил основу индустриализации многих направлений народного хозяйства СССР, в том числе на его базе сформировались новые отрасли промышленности, получили развитие энергетика, транспорт, строительство. Урало-Сибирская индустриальная программа стала первым этапом продвижения производительных сил на восток Советского государства.

¹ См.: Историческая энциклопедия Кузбасса. Кемерово, 1996. Т. 1. С. 337.

2.7. Прогноз комиссии Академии наук по мобилизации экономики Урала на нужды обороны и реальное развитие народного хозяйства региона в условиях войны

После начала Великой Отечественной войны, с конца августа 1941 г. на Урале начала действовать комиссия Академии наук СССР. Главная задача, которая была поставлена перед комиссией, — изучение возможностей использования уральской экономики на нужды обороны. По итогам работы к ноябрю 1941 г. был подготовлен доклад, включивший в себя исследование индустриального положения региона и перспективы дальнейшего развития следующих отраслей экономики: черная и цветная металлургия, производство огнеупоров, флюсов и стройматериалов, лесохимия, топливоснабжение, электроэнергетика, водное хозяйство, железнодорожный транспорт, сельское хозяйство. К сожалению, в доклад не вошли такие отрасли, как машиностроение, металлообработка, химическая промышленность в целом и резинотехническая в частности, автотранспорт и сеть автомобильных дорог.

Но даже в таком виде материалы позволяют получить достаточное представление о ресурсных и производственных возможностях Урала в рамках последующего превращения края в основной центр военной промышленности СССР после потери западных промышленных центров. Нужно учитывать, что будущий выпуск вооружений тесно связан с большим количеством других отраслей экономики как региона, так и страны. Без детального анализа развития регионального народного хозяйства, и особенно смежных с военным производством отраслей, трудно будет понять те проблемы, которые встанут перед совершенно новой для региона задачей в условиях военного времени.

Черная металлургия. Комиссия, исходя из тех задач, которые были поставлены перед отраслью в первые месяцы войны, рассчитывала возможность примерно полуторакратного и двукратного роста производства чугуна, стали и проката в регионе в 1942 и 1943 гг. соответственно.

Эти цели были вполне осуществимы при условии соответствующего роста добычи железной руды до 15,6 млн т в 1942 г. и

17,4 млн т в 1943 г. Причем больше половины роста производства должно было быть обеспечено развитием Магнитогорского рудника, который мог бы дать уже в 1942 г. до 8,5 млн т различных видов рудного материала.¹ Но в реальности Магнитогорский металлургический комбинат (ММК) смог добыть в 1942 г. даже меньше железной руды, чем в 1941 г.: 5,1 млн и 6,0 млн т соответственно. В следующем, 1943 г. было добыто примерно то же количество, и только в 1944 г. наметился небольшой реальный рост, который продолжился в 1945-м: 5,1 млн, 5,9 млн и 6,1 млн т соответственно. А добыча руды по Уралу в целом даже снизилась с 9,6 млн т в 1941 г. до 8,4 млн т в 1943 г. С 1944 г. начался слабый рост добычи железной руды до 9,7 млн т, а в 1945 г. — уже 10,6 млн т.² Реального прогнозируемого роста не произошло даже к концу войны.

Следовательно, планируемые объемы производства черной металлургии тоже оказались невозможны. В действительности Уральский регион в 1942 г. пусть не значительно, но все же снизил выпуск металла, а в следующем году только вернулся к показателям 1941 г. Двукратный рост оказался недостижим даже в победном 1945 г. (табл. 1, рис. 1).

В связи с ростом производства черного металла ожидалось увеличение потребности в марганце до 700 тыс. т в 1942 г. и 1 000 тыс. т в 1943 г. Основным источником получения марганцевых руд были месторождения Северного Урала — Полуночное и Марсятское (содержание марганца до 25–28 %). Осенью 1941 г. эти месторождения еще находились в стадии освоения: велись горные работы, строились железнодорожные пути; что очень важно — шло строительство обогатительной фабрики, позволявшей снизить содержание в руде

Таблица 1

Динамика производства черных металлов на Урале в 1940–1945 гг., тыс. т

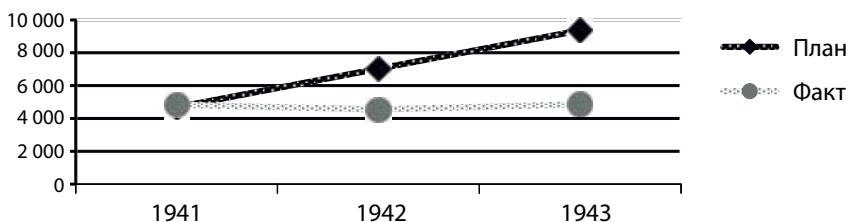
Продукция	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Чугун	2 714,3	3 500,2	3 127,6	3 686,8	4 568,7	5 113,3
Сталь	3 924,3	4 824,5	4 530,0	4 857,5	5 857,9	6 493,9
Прокат	2 827,9	3 488,5	3 152,6	3 265,7	3 835,1	4 381,6

Источник: Антуфьев А. А. Промышленность Урала накануне и годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992., С. 140.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 4–9.

² См.: Антуфьев А. А. Промышленность Урала накануне и годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 127, 142.

Рис. 1. Расхождение планируемого* и фактического объема выпуска стали на Урале в 1941–1943 гг.

* По данным Комиссии АН СССР.

Составлено по: Антуфьев А. А. Промышленность Урала накануне и годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992., С. 29, 140; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 4.

фосфора. Но ограниченность запасов (по оценкам специалистов — до 4,9 млн т) и отдаленность месторождений требовали развития использования марганцевых руд Среднего и Южного Урала.

Наиболее трудной задачей было обеспечение производства ферромарганца, для которого необходимо содержание марганца минимум 40 %. Обогащение не могло полностью снять эту проблему, поэтому требовалось создание селективной добычи и сортировки руды на многочисленных мелких месторождениях в районах Нижнего Тагила, Сысерти и Магнитогорского месторождения. Комиссия призвала развивать казахстанские месторождения.

Специфической проблемой советской черной металлургии (в том числе и уральской) был повышенный расход марганца по сравнению с американскими нормами в 2–2,5 раза. Это, в свою очередь, подталкивало к необходимости увеличения добычи руды, с одной стороны, а с другой — сокращать расход марганца.¹

В условиях резкого роста производства металла перед черной металлургией региона остро вставала задача обеспечения предприятий коксом, поскольку четко обозначился дефицит этого материала уже на этапе работы комиссии. На существующих коксохимических заводах (Магнитогорский, Нижнетагильский и Губахинский), по мнению членов комиссии, требовалось пустить по две дополнительных коксовых батареи и по одной батарее на Кемеровском заводе № 1 и Кузнецком металлургическом комбинате (КМК). В этом случае Магнитогорский коксохимический завод смог бы выжечь в 1942 г. 2,6 млн т кокса, Нижнетагильский — 1,25 млн т, Губахинский — 0,72 млн т (всего 4,59 млн т).

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 10–12.

Но и эти мероприятия оставят баланс кокса на Урале в напряженном состоянии. Поэтому комиссия в качестве дополнительной меры предлагала строительство в регионе малых коксохимических заводов, которые позволили бы локально решать проблему дефицита кокса.

Для производства нужного количества кокса (4,59 млн т) требовалось в общей сложности почти 6,7 млн т углей со следующих месторождений: Кузнецкое — 3,95 млн т, Карагандинское — 1,3 млн т, Кизеловское — 1,42 млн т. При условии пуска малых коксохимических заводов для них потребуется еще 0,5 млн т угля. По заводам угли должны распределяться следующим образом: на Магнитогорском металлургическом комбинате коксуются кузнецкие и карагандинские угли, на Новотагильском металлургическом заводе (НТМЗ) — кузнецкие с незначительным добавлением кизеловских углей, на Губахинском — кизеловские с незначительным добавлением кузнецких.¹

Но к необходимым показателям (по мнению комиссии) обжига кокса уральская промышленность подошла только к 1943 г., выдав 4,4 млн. т и достигнув в 1945 г. уровня 6,8 млн т. В течение 1942 г. удалось выжечь всего 3,5 млн т кокса.²

Основные задачи, которые ставились перед уральской черной металлургией в начале военного периода, — это увеличение общей массы выплавляемого металла и организация производств, отсутствующих или недостаточно развитых для нужд обороны. До войны Урал производил примерно 1/5 долю советского чугуна, стали и проката. Но с учетом потери западных производственных регионов ожидалось, что его доля повысится до 60 %.

Этот прогноз комиссии практически полностью оправдался, Урал производил около 50–60 % этой продукции все годы войны.³ Правда, в основном за счет резкого сокращения производства в западных регионах.

Основные строительные работы были намечены на ММК, НТМЗ, Златоустовском, Синарском, Новотрубном, Чусовском и Бакальском заводах. Кроме Урала, крупное строительство шло на КМК. Все строительство концентрировалось на площадках действующих заводов, за исключением Бакальского. Он был единственным новым строительным объектом.

¹ Там же. Л. 12–14.

² См.: Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 133.

³ См.: Там же. С. 140.

ММК должен был в 1942 г. запустить в производство две доменные печи по 1 300 куб. м и четыре мартеновские печи; в 1943 г. еще две доменные печи того же объема, четыре мартена и два бес-семеровских конвектора; НТМЗ в 1942 г. — одну доменную печь на 1 300 куб. м и пять мартеновских печей; в 1943 г. — такую же доменную печь и семь мартенов; КМК в 1942 г. — две электропечи по 30 т; в 1943 г. — одну доменную печь на 1 000 куб. м, две электропечи и два мартена; Чусовской завод в 1942 г. — одну домну на 600 куб. м и один конвектор; в 1943 г. — один конвектор и две мартеновские печи. Здесь сразу необходимо указать, что данные планы оказались слишком оптимистичными. Всего за годы войны магнитогорцы сумели ввести в строй 2 домны и 5 мартенов, а Новотагильский завод — 1 домну и 5 мартенов.¹ Причем новотагильская доменная печь была запущена только в первой половине 1944 г.²

Главным фактором развития региональной металлургии в условиях войны комиссия считала оборудование эвакуированных заводов (в основном восточно-украинских). Именно оно должно было позволить достигнуть необходимых результатов: планировалось, что количество доменных и мартеновских печей к концу 1943 г. возрастет с 31 до 41 и с 69 до 113 соответственно, а мощность увеличится почти в 2 раза. Однако было указано, что «не все оборудование оказалось возможным эвакуировать». Следующим сдерживающим фактором назывался дефицит огнеупоров. Следовательно, уже изначально эта амбициозная программа была поставлена под сомнение.

Кроме того, указывалось, что уже в 1941 г. мощности сталеплавильного производства отставали от мощности прокатных цехов: дефицит слитков по всем заводам Урала составлял около 2 млн т. В то же время нужды обороны заставляли создавать в регионе новые прокатные станы (прокат брони). Следовательно, изначально закладывалась ситуация, когда значительная часть прокатных мощностей не сможет быть загружена. Поэтому программа развития требовала увеличения, прежде всего, именно мощности сталеплавильных цехов.³

Из главнейших видов ферросплавов сырьевая база Урала позволяла производить ферромарганец, ферросилиций, силиколь, феррохром, феррованадий и ферротитан. Сплавы молибдена, вольфрама и кобальта в существенных размерах могли изготавливаться только на привозном сырье.

¹ См.: Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 126, 130; Устьянцев С. В. 75 славных лет ЕВРАЗ НТМК. Екатеринбург, 2015. С. 25.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 623. Л. 128.

³ Там же. Д. 159. Л. 24, 29.

Комиссия прогнозировала (что вполне ожидаемо) максимальное использование металла на нужды обороны. Следовательно, другие потребители будут неизбежно испытывать серьезные проблемы с получением металлургической продукции. Особенно остро это проблема должна была возникнуть у такого потребителя металла, как железная дорога. Потребность в металле будет неизбежно нарастать, но удовлетворить этот спрос не будет возможным.

Цветная металлургия. Цветной металлургии Урала отводилось очень важное место, поскольку регион был богат полезными ископаемыми для этой отрасли. Уральская медная промышленность давала 2/3 выплавляемой меди и 100 % рафинированной меди. После потери западных алюминиевых заводов и месторождений только здесь появлялась возможность добывать и перерабатывать бокситы. Уральский алюминиевый завод (УАЗ) превращался в главный центр страны по производству этого металла.

Годовая мощность СССР по производству алюминия составляла около 100 тыс. т в год. При этом на долю УАЗа приходилось 42 тыс. т. Уже на 1942 г. планировалось увеличить его производство до 84 тыс. т и ввести в строй Сталинский и Богословский заводы общим выпуском до 6 тыс. т. Мощность Богословского завода при его полной постройке оценивалась в 50 тыс. т в год. Работа алюминиевых предприятий обеспечивалась достаточно богатыми месторождениями бокситов Северо-Уральской группы, а также Каменской и Южно-Уральской группами.

Реальность и здесь оказалась не такой радужной, как планировала комиссия. Производство алюминия действительно росло все военные годы, увеличившись в 1945 г. более чем в 2 раза. Но УАЗ смог увеличить выпуск алюминия до 72,4 тыс. т в 1944 г., а Богословский завод был пущен в строй уже в самом конце войны (9 мая 1945 г. предприятие выдало первый металл).¹

Огнеупоры. На фоне развития черной и цветной металлургии состояние огнеупорной промышленности находилось в гораздо более худшем положении. До войны в регионе выпускалось 22 % динасовых изделий и 12 % шамотных от общесоюзного производства. Но Урал был единственным поставщиком магнетитовых изделий. После потери западных промышленных регионов металлургическая промышленность неизбежно должна была столкнуться с острым дефицитом огнеупоров.

¹ См.: Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 150, 161.

Главная проблема заключалась в слабой развитости этого вида промышленности, хотя в регионе было достаточно необходимого сырья (огнеупорные глины, кварциты, тальк, магнезиты). Запасы, по предварительной оценке, составляли миллионы тонн, но были слабо изучены. До начала войны вся база динасового производства была сосредоточена вокруг горы Караульная (г. Первоуральск).

В 1941 г. шамотный кирпич произвели Сухоложский и Нижнетагильский заводы шамотных огнеупоров, Богдановичский завод в общей сложности на 154,3 тыс. т; динасовый кирпич выпускал Первоуральский завод — 110,3 тыс. т; завод «Магнезит» — 140 тыс. т магнезитового кирпича и 250 тыс. т металлургического порошка (все эти данные несколько выше тех, что были в распоряжении Наркомата черной металлургии — см. таблицу 2). Кроме того, в огнеупорных цехах «Уралмета» при заводах Нижесалдинском, Белорецком, Алапаевском, Чусовском, Новотагильском и цехах при ММК, Златоустовском и Серовском металлургических заводах огнеупорная продукция изготавливалась для собственных нужд. Общий выпуск огнеупоров в 1941 г. на Урале составил 207,7 тыс. т шамотного кирпича, 163,3 тыс. т динасового кирпича, 29,3 тыс. т сифонных изделий.

С учетом дополнительных мероприятий и расширения производства за счет размещения эвакуированных мощностей, по мнению комиссии, в 1942–1943 гг. выпуск шамотных изделий можно было увеличить почти в 2 раза, динасовых изделий — более чем в 1,5 раза. Производство магнезитового кирпича и металлургического порошка увеличивать не предполагалось, поскольку его уже выпускали больше потребностей. Но даже такое увеличение не покрывало потребностей металлургической промышленности. Поэтому предлагалось переводить на этот вид продукции ряд смежных производств и использовать магнезиты и естественные огнеупоры (тальк, хромиты).¹

Нужно сразу оговориться, что такая потребность в огнеупорах была рассчитана, исходя из планов развития металлургической промышленности, то есть массового строительства дополнительных доменных и мартеновских печей, электропечей. Налицо был острый дефицит огнеупорных материалов, преодолеть который без привлечения дополнительных ресурсов будет очень сложно. Это проблема серьезно обозначится к концу 1942 г., когда металлургические печи и прочее оборудование начнут выходить из строя в

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 53–58.

силу естественного производственного износа. Уже в 1943 г. проблемы с огнеупорами стали нарастать лавинообразно. В течение 1942 г. стойкость свода мартеновской печи № 1 Уральского завода тяжелого машиностроения (УЗТМ или Уралмаш) составляла в среднем 100 плавов, печи № 2 — 107 плавов, печи № 3 — 133 плавки (в нормальных условиях свод из динасового кирпича выдерживал до 400 плавов). К концу марта 1943 г. стойкость свода сократилась примерно в три-четыре раза.¹

В отчете военной приемки на Уралмаше особо подчеркивался тот факт, что именно в 1943 г. наблюдалась «неравномерная работа [мартеновского] цеха [УЗТМ]», который «испытывал исключительные трудности в получении различных материалов, особенно огнеупоров, топлива, ферросплавов (импортных), электроэнергии и ряда других». Работа мартеновских печей в годы войны во многом осложнялась тем, что качество огнеупоров и других материалов было предельно низким. По свидетельству военпредов на Уралмаше, своды печей имели стойкость в 2–3 раза ниже, чем в нормальных условиях.² Ценой невероятных усилий в течение июля — августа 1943 г. Уралмаш и Теплострой совместно отремонтировали две мартеновские печи (600 куб. м кладки), а в сентябре начали восстанавливать третью.³

Два из трех основных танковых заводов страны — Уральский танковый завод № 183 (УТЗ) и Уралмаш все военные годы не могли достроить свои мартены (на заводе № 183 — № 7 и 8, на Уралмаше — № 5): огнеупоров не хватало даже для текущего ремонта. Но НТМЗ с августа 1941 г. по март 1945 г. смог построить пять мартенов и одну домну. Причем нужно учитывать, что мощности мартенов Новотатгильского завода и танковых предприятий несоизмеримы: объем печей первого в разы больше, чем вторых. Следовательно, потребность в огнеупорном кирпиче для НТМЗ была во много раз больше: как для строительства, так и для текущего ремонта.

Эту потребность предприятие смогло реализовать в основном за счет собственного огнеупорного производства, которое к тому же было значительно расширено в течение военных лет. До конца 1942 г. были пущены в эксплуатацию гофманская печь № 3 мощностью 45 тыс. т и периодическая печь № 11 на 5 тыс. т огнеупоров,

¹ Там же. Д. 419. Л. 230–231.

² Военная приемка управления управления самоходной артиллерии ГБТУ КА на Уралмашзаводе. Отчет о работе за период Великой Отечественной войны. Рукопись. Свердловск, 1945. Л. 63–64 // Материалы музея УТЗМ.

³ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 420. Л. 262.

а в следующем году — гофманская печь № 4 и периодическая печь № 12. Одновременно были завершены работы по строительству цеха доменных припасов и брикетного отделения на 80 тыс. т огнеупорного сырца в год.¹ Размер этих мощностей позволил НТМЗ практически исключить проблему катастрофической нехватки огнеупорного материала для нового строительства. Подобным образом развивалась ситуация на ММК. Действовавший на ММК динасошамотный завод выпускал 65–70 тыс. т продукции в год. Правда, это не покрывало всех эксплуатационных нужд комбината.²

Следовательно, и Магнитогорский комбинат, и Новотагильский завод также испытывали дефицит огнеупорного кирпича, пусть и не в таких объемах, как танковые заводы. В военные годы Первоуральский динасовый завод долгое время оставался единственным профильным предприятием в системе Главогнеупора НКЧМ по производству динаса, которое снабжало этим материалом металлургические мощности машиностроительных и других заводов региона.³ Только после освобождения Украины положение должно было начать радикально меняться, когда начали восстанавливаться довоенные мощности.

В середине 1942 г. ситуация на Первоуральском динасовом заводе оставалась очень тяжелой. Завод выпускал около 12 тыс. т динаса в месяц.⁴ При условии, что он один обеспечивал этим видом огнеупоров все металлургические производства страны, дефицит динаса был неизбежным делом. Следовательно, как минимум до конца 1943 г. предприятия, имеющие металлургическое производство (за исключением ММК и НТМЗ), могли рассчитывать только на первоуральский динас, которого выпускалось катастрофически мало. Дефицит огнеупоров был неизбежным делом, хотя его острота, безусловно, значительно снизилась к концу 1943 г.

Динамика производства шамотного и динасового кирпича на заводах страны (см. таблицы 2 и 3) показывает, что центр производства огнеупоров в 1942 г. сместился в Свердловскую область, где находились 3 шамотных завода (давших 2/3 всей продукции в стране) и единственный динасовый завод. Эти данные не позволяют судить о производстве во второй половине войны, но дают нам возможность оценить тот факт, что в отличие от стройматериалов, производство огнеупоров продолжало расти все военные годы.

¹ См.: Там же. С. 25.

² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 99. Л. 35.

³ Там же. Д. 75. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 3.

Таблица 2

Выпуск шамотного кирпича и магнезита на заводах «Главогнеупора» НКЧМ СССР в 1941–1942 гг., тыс. т*

Завод	Факт 1941 г.	План 1942 г.	Факт 1942 г.	Выполнение плана в 1942 г.
Шамот				
Сухоложский	64,9	77	68,8	89,4 %
Богдановичский	26,8	85	70,5	82,9 %
Нижнетагильский	60,2	89	74,1	83,2 %
Боровичский	199,3	46	32,6	70,8 %
Подольский	42,1	36	27,2	75,5 %
Щёкинский	95,6	79	82,2	104,1 %
Сталиногорский	63,8	36,1	27,5	76,1 %
Кудиновский	16,1	10	10,3	102,7 %
Итого	482,7	387	319	82,4 %
Магнезит				
«Магнезит» (кирпич)	132,7	127	113,7	89,5 %
«Магнезит» (метал-й порошок)	231,0	158	129,8	82,2 %

*РГАЭ. Ф. 8884. Оп. 2. Д. 454. Л. 31.

Таблица 3

Выпуск динасовых материалов на Первоуральском динасовом заводе НКЧМ СССР в 1941–1943 гг., тыс. т*

Факт 1941 г.	План 1942 г.	Факт 1942 г.	Выполнение плана в 1942 г.	Факт 1943 г.	1944	1945
109,9	135	123,5	91,5 %	153,8	4 568,7	5 113,3

* Составлено по: РГАЭ. Ф. 8884. Оп. 1. Д. 10. Л. 99; Оп. 2. Д. 454. Л. 31.

В 1942 г. первоуральский завод начал строительство 28 новых печей, которые должны были обеспечить рост производства примерно в 2 раза. К середине года были готовы 4 печи, еще 4 строились. Для остальных только проводились земляные работы. Такое состояние объектов не позволяло надеяться на завершение строительной программы в срок, а, значит, и выполнение плана

на следующий год было под большим вопросом.¹ Кроме того, нужно учитывать традиционный дефицит рабочей силы, материалов, топлива и энергии, который неизбежно должен был даже не просто возникнуть (эта ситуация давно стала нормой), а резко увеличиться при условии запуска всех запланированных печей. Поэтому реальное увеличение производства зависело слишком от многих факторов, чтобы ограничиваться только успехами или провалами печного строительства.

В 1942 г. новые печи не были запущены. В отчете завода по основной деятельности за этот год нет данных о работающих новых мощностях. Напротив, есть прямое свидетельство, что ни один пусковой объект не введен в эксплуатацию.² Ввод в действие строящихся печей начался только в 1943 году. В мае были запущены печи № 9 и 10, в конце июля — № 5, 6, 7 и 8, в конце декабря — № 11 и 12. Мощность каждой печи — 3 700 т.³

Начало работы новых первоуральских печей в мае как нельзя лучше иллюстрирует «появление» динаса на Уралмаше летом 1943 г. Однако мы должны учитывать мнение уралмашевских военпредов, которые утверждали, что стойкость динаса была в 2–3 раза ниже нормальной. Поэтому реальный дефицит огнеупоров был значительно больше той статистики, которая есть в таблицах 2 и 3. Меньшая стойкость сводов и других элементов печей требовала более частого их ремонта или замены, что означало резкое возрастание (по отношению к нормальному состоянию) потребности в огнеупорах. Это означает, что прогноз комиссии АН в отношении огнеупоров (как минимум динаса) сбился только в номинальном исчислении. В реальности дефицит огнеупоров сохранялся все военные годы.

Строительные материалы. В 1941 г. на Урале действовали 3 цементных завода: Невьянский и Катав-Ивановский (шлакопортландцемент), Сухоложский (портландцемент). Вводился в строй Пашийский завод глиноземистого цемента. Кроме того, действовали помольные установки на Нижнесалдинском и Магнитогорском заводах. Общее производство этих мощностей в 1941 г. оценивалась в 500 тыс. т по обжигу и 815 тыс. т по помолу цемента. Комиссия утверждала, что увеличение мощности на существующих заводах и запуск новых производств позволит увеличить выпуск готового цемента в 1942 г. примерно в 1,5 раза. И указывала, что при резком

¹ Там же. Д. 75. Л. 4.

² Там же. Ф. 8884. Оп. 2. Д. 423. Л. 100.

³ Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 106.

росте потребности в цементе необходимо будет построить два-три новых завода в районах Челябинска, Губахи и Карпинска. Основой этого строительства должны стать эвакуированные производства.

Важным ресурсом для строительных материалов были гранулированные доменные шлаки, которые производили, как правило, металлургические заводы. Помольные установки были на ММК, Серовском, Нижнетагильском им. Куйбышева, Нижнесалдинском, Чусовском и Ашинском. Общее производство составило в 1941 г. 342 тыс. т гранулированных шлаков в год. В то же время потребность цементных заводов в этом материале составляла 460 тыс. т. Следовательно, существовал дефицит шлаков для цементной промышленности региона в 108 тыс. т.

Но потребность в гранулированных шлаках была гораздо шире одного производства цемента. Шлаки широко использовали для различных строительных целей — стеновые материалы изготавливались, в том числе, из шлакобетонных блоков. По ориентировочным подсчетам комиссии, эта потребность выражалась в 1 200 тыс. т. Соответственно, мощность уральских помольных гранустановок покрывала потребность региона не более чем на 30 %. Пути увеличения выпуска комиссия предлагала искать в форсированном строительстве гранустановок на Новотагильском, Магнитогорском и Серовском заводах.¹

Развитие уральской цементной индустрии уже в 1942 г. пошло совершенно в ином направлении. Сухоложский цементный завод весь 1942 г. и как минимум первую половину 1943 г. проработал крайне неудовлетворительно. При условии нормального снабжения предприятия ресурсами цементный завод мог выпускать до 210 тыс. т цемента в год, но в течение этого периода он «больше стоял, чем работал» в основном из-за отсутствия электроэнергии.²

Цементные заводы Свердловской области в середине 1943 г. фактически остановились из-за недостатка гранулированного шлака.³ К этому нужно добавить проблему железнодорожных перевозок: в течение I квартала 1943 г. железная дорога «совсем не возила строительных материалов».⁴ Следовательно, производство стройматериалов в регионе находилось в таком плачевном состоянии, что промышленность Урала была обречена на постоянный дефицит этой продукции.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 61–64.

² Там же. Д. 414. Л. 50–51.

³ Там же. Д. 385. Л. 11.

⁴ Там же. Д. 414. Л. 46.

Следующий строительный материал, который рассматривала комиссия, — кирпичи. Основной проблемой, которую выявил доклад, была высокая степень распыленности кирпичных заводов между различными ведомствами и высокая дифференциация мощности предприятий. Наряду с крупными механизированными предприятиями, выпускавшими кирпичи десятками миллионов штук, существовало множество мелких, полукустарных заводов, работавших преимущественно сезонно и дававшими не более 1–2 млн штук.

Еще одна проблема — это диспропорции внутри самих предприятий между прессовым, сушильным и печным хозяйством. Например, на Ирбитском диатомитовом комбинате (ИДК) производственные мощности прессового хозяйства, по мнению комиссии, позволяли выпускать до 78,6 млн штук кирпича, сушильного — до 60,0 млн, а печного — 71,4 млн. Примерно такой же разрыв был на свердловском заводе «Новострой» — 75,1 млн, 61,2 млн и 85,7 млн штук соответственно. Основной проблемой стал процесс сушки кирпича.¹

В докладе комбинат назывался «Ирбитским кирпичным заводом». Но в действительности по состоянию на осень 1941 г. в Ирбите существовало два предприятия, выпускавших эту продукцию: диатомитовый комбинат Наркомата стройматериалов и кирпичный завод НКПС. Завод был в своих производственных возможностях гораздо скромнее комбината: в самом результативном 1941 г. он выпустил почти 10 млн штук. Поэтому, когда комиссия говорит о «Ирбитском кирпичном заводе», необходимо понимать, что в действительности это ИДК.

Производственные возможности диатомитового комбината были, мягко говоря, сильно преувеличены комиссией. Указанного уровня производства предприятие смогло достигнуть только в 1936 г.² Комбинат был пущен в строй в 1931–1932 гг. и состоял из диатомитового карьера, завода № 1 и завода № 2, спроектированных по одной технологической схеме. Однако из-за большого количества ошибок, допущенных при строительстве, оборудование и здания комбината стали в буквальном смысле разваливаться. В октябре 1938 г. завод № 1 был полностью законсервирован. Уже летом 1941 г. на основе его площадей и перемещенных мощностей Ленинградского фарфорового завода им. М. В. Ломоносова стало формироваться автоизоляторное производство.

¹ Там же. Д. 159. Л. 64–65.

² Демин Ф. П. Ирбитский стекольный завод (рукопись) // ГА в г. Ирбите. Ф. Р-985. Оп. 1. Д. 57. Л. 60.

Завод № 2 еще продолжал свою работу, но и его состояние было достаточно тяжелым: большинство фундаментов зданий и оборудования было выложено из трепельного кирпича. Уже к осени 1941 г. они были частично разрушены, а некоторое оборудование или было частично разрушено, или требовало капитального ремонта.¹

Поэтому реальные возможности диатомитового комбината (или Ирбитского кирпичного завода — по мнению авторов доклада комиссии АН) были в два раза ниже. План на 1941 г. составлял для предприятия только 30 млн штук кирпича, который комбинат успешно выполнял в течение всего года.² Осенью 1941 г. ИДК начал принимать на площадку завода № 2 эвакуированный Константиновский завод «Автостекло» (Донбасс).³ С этого момента стал полностью меняться профиль предприятия. С начала 1942 г. комбинат получил новое название: Ирбитский стекольный завод, основной продукцией которого стали броневое стекло для бронетехники и самолетов, стекла для прожекторов, жидкое стекло для изготовления электродов, керамические изоляторы свечей для двигателей, фарфоровая посуда и другое. Соответственно, выпуск кирпичей, в основном термоизоляционных, находился все годы войны на уровне 4–6 млн штук в год.⁴ Примерно в таком же количестве выпускал свою продукцию в военные годы Ирбитский кирпичный завод НКПС.

Потребность в кирпиче во всем уральском регионе на 1941 г. оценивалась в 1 100 млн штук, а производилось, по очень оптимистичным подсчетам комиссии, только около 800 млн (реально гораздо меньше). По оценке авторов доклада, потребность в кирпиче в следующем году должна была возрасти до 1 500 млн штук. Тем самым разрыв между производством и потребностями увеличивался более чем в 2 раза!

Покрывать этот разрыв предлагалось тремя путями. Во-первых, устранение дисбаланса между прессовым, сушильным и печным хозяйством, что позволит дать дополнительно около 200 млн штук. Во-вторых, использованием заменителей кирпича для стеновых панелей (гипсовые и шлаковые блоки), что, по расчетам, даст экономии в 250 млн кирпичей (но шлаковые блоки и так были в дефиците). В-третьих, построить 5–6 новых кирпичных заводов общим

¹ ГА в г. Ирбите. Ф. Р-691. Оп. 1. Д. 79. Л. 1, 8–10.

² Там же. Л. 2.

³ Демин Ф. П. Ирбитский стекольный завод. (Рукопись) // ГА в г. Ирбите. Ф. Р-985. Оп. 1. Д. 57. Л. 79–80.

⁴ Материалы Ирбитского историко-этнографического музея.

производством в 250 млн штук в районах Серова, Челябинска, Нижнего Тагила, Магнитогорска и Молотова.¹ Реальность стала развираться с точностью до наоборот. Кирпичная промышленность региона не только не смогла увеличить свое производство, но резко его сократила.

В Свердловской области четко обозначился спад производства одного из основных строительных материалов — кирпича. Всего в области насчитывалось 110 заводов, выпускавших кирпичи. На середину 1943 г. их мощность оценивалась в 290–356 млн кирпичей в год. Даже приблизиться к такому уровню выпуска не удалось ни разу за все военные годы. В 1941 г. (с учетом довоенного полугодия) кирпичные заводы области смогли выпустить самое большое количество этого стенового стройматериала — 187 млн штук кирпича, в 1942 г. — 92,5 млн штук при плане в 263,7 млн.² Всего за 1943 г. область смогла выпустить 74,8 млн штук кирпича (менее 50 % от плана — подсчитано автором).³ Фактически это производственные мощности одного только завода «Новострой» в довоенный период. Небольшой рост выпуска кирпичей в Свердловской области обозначился только в 1944 г., когда все кирпичные заводы области смогли суммарно изготовить 83 млн штук. Правда, и в этом случае план оказался выполнен лишь наполовину. Всего ожидалось производство 160–165,5 млн штук.⁴

При соотношении запланированного и фактически выпущенного кирпича нужно всегда понимать, что эти цифры будут далеки от реальной потребности региона в стеновых материалах. При планировании и составлении баланса уровня выпуска красного кирпича в конце 1944 г. на предстоящий год уполномоченный Госплана И. Крутиков исходил из потребности всего строительного комплекса Свердловской области в 302 млн штук кирпича. Будучи большим оптимистом, он подсчитал, что кирпичные заводы региона смогут выпустить в 1945 г. 183 млн штук. Но в то же время представитель Госплана, насколько это было возможно, где-то глубоко в душе остался реалистом. Опыт предыдущих лет какого-либо оптимизма не внушал: в предыдущий военный период валовый объем производства находился на уровне 70–90 млн штук в год. И. Крутиков предлагал образовавшийся дефицит (а он ни много ни мало составлял почти 40 % — подсчитано авто-

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 65–66.

² Там же. Д. 414. Л. 122–123.

³ Там же. Л. 83об.

⁴ Там же. Л. 84, 194.

ром) покрывать за счет масштабного расширения производства кирпичных заменителей — шлакоблоков.¹

И. Крутиков утверждал, что основная проблема всей кирпичной промышленности — недостаток кадров. К этому добавлялись нехватка запасных частей и как следствие плохой ремонт оборудования. «Новострой» был самым передовым предприятием Урала в данной сфере: он имел современное техническое оснащение в отличие от большого количества мелких полукустарных предприятий промкооперации и местной промышленности. В период войны завод резко снизил выпуск кирпичей с 56 млн штук в 1941 г. до 13,3 млн в 1943 г. К первой половине 1944 г. из двух производственных очередей реально работала только одна и только в одну смену (вместо двух). Но даже для этого объема работ кадры оставались большим дефицитом. Из необходимых 550 человек формально на заводе числилось 307, а реально работало — 225 человек. Поэтому даже для запуска только второй смены требовалось еще как минимум 250 человек. Но и это еще не всё. Большинство работников были временными, которых предприятия-потребители присылали на кирпичный завод для выполнения своей программы.²

В еще более сложном состоянии находился все военные годы Ирбитский завод. При общей годовой потребности 5 404 т условного угля (около 9 тыс. т в натуральном выражении — завод мог рассчитывать только на поставку местного низкокалорийного топлива) предприятие в течение 1942–1944 гг. получило менее 19 %. Важным источником поставок топлива в 1943 и 1944 гг. стали потребители завода, которые предоставили большую часть угля. Они же давали (как и «Новострою») временных работников. Именно за счет этого на Ирбитском заводе в итоге топливная обеспеченность находилась на уровне 30 % от плана. Но уже в ноябре 1944 г. поставки угля практически полностью прекратились, и до начала декабря завод вынужденно простаивал. Соответственно, все военные годы Ирбитский завод мог обеспечить лишь низкий уровень производства основной продукции. Если в 1941 г. было выпущено почти 10 млн штук кирпича, в 1942 г. — менее 5 млн, в 1943 г. — менее 6 млн, а за 1944 г. — менее 3 млн штук.³

Несмотря на отдельные положительные моменты развития, тем не менее, все кирпичные заводы как Свердловской области, так и

¹ Там же. Л. 193–200.

² Там же. Л. 84.

³ Там же. Д. 619. Л. 358–359, 362.

всего Уральского региона страдали общими проблемами вплоть до конца войны: некомплект рабочей силы и дефицит топлива. Это приводило к резкому падению производства, чаще всего в два-три раза, а иногда и более.¹

Стекольная промышленность на Урале в довоенный период практически отсутствовала. Существовало только 4 полукустарных производства по изготовлению стеклянной тары. В первые месяцы войны началось строительство первого на Урале механизированного завода по изготовлению листового стекла. К сожалению, источник ограничивается только этой информацией и не дает ни названия, ни характеристики хода строительства этого предприятия (видимо, это будущий Ирбитский стекольный завод). В качестве пожелания комиссия говорила о целесообразности строительства трех стекольных заводов в районах Нижнего Тагила, Магнитогорска и Златоуста на 4–6 т стекла в год.²

Листовое оконное стекло — это тот материал, который еще в довоенный период оставался крайне дефицитным. При плане производства 53,7 млн кв. м стекла в 1940 г. по всем заводам «Главстекло» Наркомата стройматериалов СССР фактически было изготовлено всего 38,8 млн кв. м или немногим более 72 %.³ Поэтому, в условиях войны следовало ожидать только обострения его дефицита.

Данные таблицы 4 демонстрируют, что заводы стекольного Главка Наркомата стройматериалов с началом войны резко сократили свое производство. Среди главных причин такого падения выпуска, безусловно, можно назвать временную потерю западных промышленных регионов страны, где находилось значительное количество этих заводов. Но так можно объяснить только часть проблем. Зная, в каких условиях работали другие заводы, выпускающие стройматериалы, мы должны полностью перенести эти условия и на стекольную промышленность. Тотальный дефицит всех производственных ресурсов — сырья, транспорта, электроэнергии, топлива, рабочих рук и прочее — не мог не распространиться на заводы стекла и не обвалить их производство.

Кроме «Главстекла» этот материал мог выпускаться в рамках других ведомств. Ирбитский диатомитовый комбинат в результате всех перипетий лета–осени 1941 г. был преобразован в Ирбитский

¹ ГА в г. Ирбите. Ф. Р-306. Оп. 1. Д. 32. Л. 2, 24; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 623. Л. 195.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 66–68.

³ РГАЭ. Ф. 8736. Оп. 1. Д. 29. Л. 12.

Таблица 4

**Выпуск оконного стекла на заводах «Главстекло» Наркомата
стройматериалов СССР в 1940 – первой половине 1944 г., млн кв. м***

Год	План	Факт
1940 г.	53,7	38,8
1941 г.	55,0	32,8
1942 г.	17,9	5,0
1943 г.	10,0	5,9
в том числе первая половина 1943 г.	5,7	1,67
Первая половина 1944 г.	7,6	4,11

* РГАЭ. Ф. 8736. Оп. 1. Д. 49. Л. 12.

стекольный завод. В качестве основной продукции он все военные годы выпускал специальные стеклянные изделия, преимущественно для военной промышленности. В том числе завод делал оконное стекло. Для него это была не основная продукция, годовой объем которой в масштабах не только страны (см. таблицу 4), но даже Свердловской области был крайне незначительным: в 1942 г. было выпущено 1,4 тыс. кв. м стекла, в 1943 г. — 31,7 тыс., 1944 г. — 12,2 тыс., в 1945 г. — 46,5 тыс.¹

Уральский регион не имел достаточно мощного стекольного производства, поэтому вынужден был его импортировать из других регионов. А поскольку транспортировка грузов в условиях войны (особенно невоенного значения) была крайне затруднительна, промышленное и жилищное строительство региона было обречено на тотальный дефицит стекла для окон.

Производство строительных материалов — это одна из самых проблемных сфер советской экономики. При исследовании баланса строительных материалов по СССР на 1941 г. (составлен Госпланом) бросается в глаза полное несоответствие потребностей развивающейся промышленности и возможностей индустрии стройматериалов. Практически по всем позициям видна колоссальная отрицательная разница между выделенными Госпланом фондами и заявками потребителей. Для примера автор привел баланс цемента по отдельным потребителям (см. таблицу 5). Но по всем

¹ «Выпуск продукции Ирбитским стекольным заводом». Фонд Ирбитского историко-этнографического музея.

остальным позициям (гвозди, кровельные материалы, асфальт, доски и прочее) для всех потребителей ситуация была ровно такой же. Здесь необходимо уточнить, что по старой советской традиции «выделенные фонды» — это не фактический объем полученных товаров, а только право организации получить его. Зачастую потребители не могли выкупить весь положенный (обещанный) объем материалов, поскольку он полностью или частично отсутствовал у поставщиков.

Дальнейшее обострение дефицита стройматериалов оказалось неизбежным даже для военного строительства. Особая строительно-монтажная часть (ОСМЧ) «Уралмашстрой», которая осуществляла строительные работы на многих основных промышленных площадках Свердловской области, постоянно испытывала острую нехватку стройматериалов. На работы по заводу № 50 НКТП за первую половину 1944 г. ОСМЧ получила только 150 т цемента из необходимых 400, но совершенно не имела кровельных материалов (необходимо было 420 рулонов толя) и стекла (2,5 тыс. кв. м). И точно так же отсутствовали стройматериалы по другому свердловскому объекту. «Уралмашстрой» не могла продолжать работы на ГПЗ-6 из-за отсутствия 700 т цемента, 16 тыс. кв. м кровельных материалов, 4,8 тыс. кв. м оконного стекла и прочих материалов.¹

Кроме того, у ОСМЧ «Уралмашстрой» существовала другая программа, которая была гораздо шире свердловских объектов. Предполагалось значительное расширение Уральского танкового завода № 183 и некоторые работы по другим площадкам области (Алапаевская ГЭС и Алапаевский металлургический завод, завод № 767 НКХП, строительство шоссейной дороги УВЗ — Нижний Тагил и др.). Для выполнения этой программы соотношение необходимого объема стройматериалов и имеющегося в наличии было катастрофическим. Не хватало практически всего (см. таб. 6).

План работ включал в себя решения различных инстанций (постановления ГКО, СНК, приказы Наркомстроя и т. п.). Все необходимые наряды были выписаны. Но в своем обращении в обком руководство «Уралмашстроя» утверждало, что обеспечение нарядов даже по постановлениям ГКО не производилось. ОСМЧ изначально была поставлена в ситуацию, когда выполнить весь объем работ было невозможно из-за недостатка материалов.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 623. Л. 108.

Таблица 5

Баланс распределения цемента между отдельными наркоматами и потребителями на 1939–1941 гг., тыс. т*

Потребитель	1939 г. Факт	1940 г. Фонд	1940 г. Ожидае- мое по- лучение	1941 г. Заявлено потреби- телями	1941 г. Проект фонда
НКУголь	405,8	340	248,2	620	280
НКЧМ	171	150	135,8	322,7	190
НКСтрой	237,5	978	645,5	11 370	840
НКПС	262,2	560	436,2	н.д.	520
РСФСР (местная промышленность, промкооперация, НКАвтотранспорта и др.)	133,8	145,3	68,9	192,3	78

* Составлено по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 2019. Л. 59–61.

Следовательно, строительные организации и предприятия были обречены на постоянно существующий дефицит строительных материалов практически всех видов. Именно в силу недостатка стеновых материалов единственным доступным материалом для строительства (прежде всего жилищного) был лес-кругляк, который обязательно должен быть заготовлен где-то неподалеку от стройки (иначе возникали проблемы с его транспортировкой). Например, ОСМЧ «Свердловскпромстрой» для нужд строительства на УЗТМ и заводе № 76 зимой 1942–1943 гг. настояла на выделении лесосеки

Таблица 6

Баланс стройматериалов ОСМЧ «Уралмашстрой» (июль 1944 г.)

Материалы	Требуется	В наличии
Гвозди	147 т	0,4 т
Проволока	38,6 т	0,6 т
Лес круглый	58 000 куб. м	274 куб. м
Лес пиленный	41 000 куб. м	58 куб. м
Кирпич красный	2 555 тыс. шт.	25 тыс. шт
Стекло	18 000 кв. м	нет

именно в Верхнепышминском районе, иначе у нее неизбежно возникали проблемы с его доставкой на стройплощадки.¹

Пытаясь найти выход из сложившегося положения, местные и центральные власти всю вторую половину военного периода пытались возложить изготовление всех возможных материалов на сами промышленные предприятия и строительные организации. ОСМЧ «Свердловскпромстрой» должна была еще в конце 1942 г. построить собственный кирпичный завод на 17 млн кирпичей в год. Однако вплоть до конца войны этого сделать не удалось.² У «Свердловскпромстроя» для подобного строительства отсутствовали производственные и кадровые возможности.

В конце июля 1944 г. управляющий Свердловской областной конторой Промбанка М. Андриевский в своем докладе руководству Промбанка прямо указывал: красный кирпич, пиломатериалы и бутовый кирпич начали массово изготавливать подсобные производства заводов. В качестве примера он отмечал, что на УАЗе стали делать кровельные материалы из пустой жестяной тары из-под каустика; «Уралмашстрой» сам изготавливал все стеновые материалы, металлические, железобетонные и деревянные конструкции. В качестве контрпримера приводился УКС завода № 183, где все подсобные предприятия уже более года находились в стадии проектирования. Он же указывал, что все стройки области испытывают недостаток стекла, изготовить которое промышленные предприятия были не в состоянии.³

Казалось бы, самообеспечение предприятий — это тот выход, который позволить решить или значительно снизить проблему снабжения промышленности строительными материалами и огнеупорами. Но в условиях войны подобная практика приводила к еще большому распылению одного из главных дефицитных ресурсов — кадрового. Более того, предприятия, которые строились и специализировались на выпуске определенного вида узкой продукции (огнеупоров, красного кирпича, скобяных изделий и т. п.), в таких условиях оказывались не у дел. Их оборудование не могло эффективно использоваться, а вместо него приходилось создавать новые подобные мощности на крупных заводах, а, следовательно, распылять и без того скудные производственные ресурсы.

¹ Там же. Д. 414. Л. 6, 7.

² Там же. Д. 623. Л. 195.

³ Там же. Л. 139.

Железнодорожный транспорт. На 1941 г. протяженность железнодорожной сети Урала (без Куйбышевской и Чкаловской железных дорог) составляла 6 344 км. Из этого количества на Пермскую железную дорогу приходилось 1 587 км, на дорогу им. Кагановича (Свердловскую) — 2 395 км, на Южно-Уральскую железную дорогу — 2 362 км. В силу исторических причин уральские линии развивались сначала как тупиковые и маломощные, а уже потом они стали магистралями транзитного значения. Это привело к крайней пестроте технических условий, в частности, к различиям руководящих уклонов и пропускных способностей, к общим различиям технической вооруженности дорог.

Из общего количества 6 344 км к магистральным линиям относились 5 368 км, к ширококолейным ветвям — 913 км, к узкой колее общего пользования — 68 км (на дороге им. Кагановича). В то же время из общего количества дорог только 1/5 приходилась на двухпутные дороги, остальное — однопутные. По способам тяги они делились следующим образом: электровозная — 483 км, паровозы типа ФД — 1 487 км, типа Э — 3 560 км, остальные (Ы, О) — 138 км.

Что очень важно, грузооборот с 1913 по 1937 гг. на Урале возрос в 6,5 раз, тогда как в по СССР в целом — только в 4 раза. При этом грузооборот в течение третьей пятилетки (т. е. к 1942 г.) должен был возрасти почти в 2 раза — с 65 т до 116 т на километр. Из этого объема примерно половина приходилась на внутриуральские перевозки, по 20 % приходилось на ввоз и вывоз грузов, немногим более 10 % — транзит. Внутриуральские перевозки складывались в основном за счет массовых грузов: уголь, руда и металлы, стройматериалы и лесоматериалы.

Существовавшая сеть железных дорог региона имела ряд существенных недостатков, решить которые предполагалось в ходе третьей пятилетки, но решены они не были. Среди важнейших можно выделить следующие.

1. Недостаточная пропускная способность ряда важных направлений: Кизел — Чусовая — Молотов, Богословск — Серов — Гороблагодатская, Свердловск — Молотов — Киров, Вагай — Тюмень — Свердловск и другие.

2. Наличие значительного количества переломов весовых норм (Кизел, Чусовая, Молотов, Гороблагодатская, Бердяуш и др.), которые были вызваны различием руководящих уклонов и локомотивов.

3. Недостаточная мощность сортировочных устройств по уральской сети в целом и непригодность станций в важнейших

узлах в частности (Свердловск, Челябинск, Молотов. Смычка, Дружинино, Бердяш и др.).

4. Наличие 62 примыканий на перегонах, уменьшающих пропускную способность железнодорожных линий (на Пермской дороге их было 13, на им. Кагановича — 27, на Южно-Уральской — 22).

Эти и другие проблемы удавалось смягчать в 1940–1941 гг., но в связи с ростом грузооборота комиссия ожидала (совершенно оправданно) резкого изменения характера и масштабов перевозок. Необходимо было проводить крупные работы по развитию железнодорожной сети Урала. Авторы доклада указывали, что основными направлениями, которые вызовут наибольшее количество проблем, станут следующие: Вагай — Тюмень — Свердловск и Курган — Свердловск (грузопотоки с восточного направления); Свердловск — Дружинино (на Казань); Свердловск — Пермь — Киров (и далее на запад); Чусовская — Пермь, Смычка — Гороблагодатская — Серов. Именно здесь нужно будет максимально увеличить затраты на капитальный ремонт и развитие железнодорожной сети.¹

Резко увеличить объем внутрирегиональных, внешних и транзитных перевозок немедленно было невозможно, поскольку это требовало длительной реконструкции железнодорожной сети. По этим же причинам невозможно было быстро нарастить объем перемещений хотя бы только внутри региона. К этому нужно добавить проблему обеспечения железных дорог новым подвижным составом. Все предприятия, задействованные в изготовлении или ремонте вагонов и паровозов, были полностью переориентированы на другое производство либо резко сократили объем своей основной довоенной продукции. Достаточно сказать, что Харьковский паровозостроительный завод был эвакуирован на нижнетагильский Уралвагонзавод, который в итоге стал называться Уральский танковый завод, выпускавший все военные годы танки Т-34. Так страна одновременно лишилась двух своих крупнейших предприятий по изготовлению и паровозов, и вагонов. Только один этот факт предопределил, с одной стороны, дефицит подвижного состава, а с другой — невозможность своевременного обновления железнодорожного транспорта на фоне постоянной эксплуатации все военные годы.

Причем в данном случае необходимо учитывать еще один момент. Постоянная эксплуатация железнодорожных путей неизбежно приводила к их повышенному износу. Своевременной замены

¹ Там же. Д. 159. Л. 171–183.

негодных рельсов также не ожидалось, поскольку все основные мощности металлургических заводов были направлены на производство танковой брони. В ситуации тотального дефицита подвижного состава и железнодорожных рельсов регион вполне ожидаемо должен был столкнуться с их постепенным разрушением в силу износа уже в скором времени. Однако этого в целом удалось избежать за счет поставок материалов и оборудования в рамках программы ленд-лиза. Именно американские рельсы, паровозы и вагоны позволили предотвратить паралич железнодорожного движения. По ленд-лизу СССР получил 622,1 тыс. метрических тонн рельсов, что, по разным подсчетам, составляло от 56,5 % до почти 97,2 % всего отечественного производства. Поставки американских локомотивов и вагонов существенно превысили их изготовление в СССР. Однако даже с учетом суммы собственного производства и американского вклада советская железнодорожная система все военные годы испытывала жесткий дефицит рельсов, вагонов и локомотивов.¹ Поэтому говорить о своевременной замене и ремонте железнодорожного полотна и подвижного состава, а тем более о реконструкции железнодорожной инфраструктуры уральского региона в условиях войны практически не приходится.

Топливоснабжение и электроэнергетика. Комиссия АН характеризовала положение со снабжением топливом как неблагоприятное. В регионе был только бурый уголь, используемый преимущественно в качестве топлива. В силу отсутствия собственных месторождений коксующегося угля, регион вынужден был импортировать сырье с кузнецких и карагандинских месторождений. В 1940 г. на Урал было завезено 8,0 млн т этого угля при фактической добыче 11,7 млн т местных углей. Из завезенных углей около трети было израсходовано на коксование, остальное в основном пошло на удовлетворение потребностей электростанций. Проблема топливного дефицита возникла изначально, еще на этапе первых сталинских пятилеток, поскольку в регионе просто отсутствовал качественный каменный уголь.

Дальнейшее развитие уральского топливоснабжения комиссия видела в радикальном изменении сложившегося баланса. Предполагаемое развитие металлургии региона требовало безусловного увеличения потребления завозных углей, но общее расходование

¹ См.: Соколов Б. Роль ленд-лиза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Загадки ленд-лиза: Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. М., 2000. С. 312, 313.

кузнецкого и карагандинского сырья на нужды уральской экономики необходимо было сокращать. После потери Донецкого угольного бассейна осенью 1941 г. необходимо было резко увеличить транспортировку угля в западные регионы страны — Поволжье и Центральный район, в том числе угля Кизеловского месторождения. Следовательно, необходимо было максимально увеличить добычу топлива на всех уральских месторождениях.

По плану, предложенному комиссией, общая добыча угля на Кизеловском, Челябинском, Богословском и других месторождениях должна была увеличиться в 1942 г. более чем в 2 раза — до 26,4 млн т (реально к этому показателю добыча угля в регионе приблизилась только в 1945 г. — 25,7 млн т, а в 1942 г. регион смог добыть только 16,4 млн т¹). В пересчете на условное топливо прогнозный показатель составлял 16,9 млн т, тогда как потребность Урала была около 24,5 млн т. Соответственно, полностью отказаться от привозного угля регион не мог. Значит, все привозные качественные угли необходимо было направить на нужды металлургии (коксование), а все остальные отрасли (и прежде всего электроэнергетику) перевести на максимальное использование местных углей. В цифрах это должно было иметь следующее значение: из 8–9 млн т топлива Кузнецкого и Карагандинского угольных бассейнов пойдет на коксование около 5–6 млн т, а из 24,5 млн т местных углей — около 6 млн т. В итоге коксование в 1942 г. должно было дойти до уровня 8 млн т.

Таким образом, члены комиссии в целом правильно спрогнозировали условия использования топлива на Урале. Весь качественный привозной уголь в военные годы использовался для нужд коксования. Все энергогенерирующие мощности работали исключительно на местном сырье. Но авторы доклада ошиблись в объемах добытого угля. Его оказалось произведено гораздо меньше. Но важно добавить еще одну особенность. Значительная часть местного топлива, добытого в военные годы, обладала еще более низкой калорийностью. Следовательно, показанный уровень добычи в пересчете на условное топливо давал значительно меньший объем угля.

По состоянию на 1941 г. уральская электроэнергетическая система «Уралэнерго» (Молотовская, Свердловская и Челябинская области) располагала мощностью в 860 МВт, из которой около 300 МВт приходилось на электростанции промышленных предприятий. Кроме того, свыше 100 МВт вырабатывали промышленные электростанции, не связанные с системой «Уралэнерго». К этому необходимо

¹ См.: Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 100.

добавить недостаточность электрических связей между отдельными узлами региона, что не позволяло восполнить недостаток мощности на этих участках за счет других источников электроэнергии.

В октябре 1941 г. электрическая нагрузка промышленности, транспорта и коммунально-бытового хозяйства Урала, отнесенная к шинам «Уралэнерго» (с учетом силовой нагрузки и потерь в сетях) составила около 800 МВт. Особенностью энергосистемы региона стала «высокая полнота графика нагрузок» в течение всего года. Следовательно, к этому периоду располагаемая мощность была полностью исчерпана при отсутствии аварийных резервов. Обычно было принято выводить значительную часть оборудования на профилактический ремонт в летний период, когда общее потребление электроэнергии значительно снижалось. Нарушение планов ремонта основного оборудования электростанций заставляло энергосистему Урала работать в крайне напряженном состоянии, что влияло на надежность и качество электроснабжения. С учетом плохого развития энергосвязей даже в условиях балансирования на каждый данный период электрических мощностей (т. е. в целом система «Уралэнерго» в данный момент обеспечивала регион достаточным объемом мощностей), в ряде отдельных узлов возникал дефицит электроэнергии и падение напряжения сверх допустимого предела, чреватого остановкой производства. Наиболее неблагоприятными были Молотовский, Тагильский и Кировградский узлы.

Нехватка рабочей мощности заставляла идти по пути жесткого лимитирования электропотребления. Была резко ограничена осветительная и бытовая нагрузка населенных пунктов Урала — на 30 МВт, но даже в этих условиях промышленности не хватало, по самым осторожным оценкам, около 40 МВт. С другой стороны, наращивание производства на военные нужды требовало увеличения потребления электроэнергии, что означало возрастание ее дефицита.

По плану развития энергетики края комиссия предлагала удвоение энергетических нагрузок к началу 1943 г. Основную нагрузку должны будут принять на себя предприятия цветной и черной металлургии, машиностроения — в сумме $3/4$ нагрузки. Ожидалось, что цветная металлургия к концу 1942 г. повысит нагрузку с 230 МВт до 470, черная металлургия — с 210 до 410 МВт, машиностроительные и оборонные заводы примерно с 200 до 400–450.

Приведенные данные показывают, что совмещенный электрический максимум потребителей составит порядка 1 500 МВт. В сумме с учетом силовой нагрузки и потерь в сетях и минимум 100 МВт для ремонтного резерва давало бы рост до 1 865 МВт. Следовательно, за

1942 г. необходимо ввести в эксплуатацию 1 000 МВт новой электрической мощности. Эта цифра не учитывала автономного Серовско-Богословского района, на который должно прийти еще 100 МВт.

Эту программу можно было реализовать, по мнению комиссии, через две важнейшие предпосылки: максимальный темп ввода в эксплуатацию новых мощностей и обеспечение максимальной надежности электроснабжения. Развитие энергетики должно было идти по следующим направлениям.

Во-первых, необходимо сделать ставку на существующие и заканчиваемые станции, поскольку именно они позволят получить энергию быстро и дешево. Это даст в сумме примерно 600 МВт. Во-вторых, ограничить строительство новых станций четырьмя-пятью объектами, что даст возможность не расплывать строительные мощности на многих площадках. В-третьих, вести строительство по максимально упрощенной схеме, ориентируясь на завозимое (эвакуированное) готовое оборудование крупных агрегатов. Это направление вызывало у комиссии наибольшие опасения, поскольку к моменту составления доклада в регион поступила лишь небольшая часть из запланированного западного оборудования. Именно этот факт, по мнению авторов доклада, может поставить под угрозу программу расширения энергетической базы региона в 1942 г.¹

Строительство новых электростанций и реконструкция существовавших мощностей позволили уже в течение 1942 г. увеличить выработку электроэнергии в Свердловской и Челябинской областях на 22,3 % и 15,5 % соответственно.² Этот рост был значительно ниже тех планов, которые предрекал Уральскому региону доклад комиссии АН СССР. Мощность энергосистемы Урала должна была вырасти более чем в 2 раза. Но даже такой «скромный» реальный прирост обеспечил со стороны энергосистемы региона резкое увеличение военного производства в течение года.

Таким образом, с момента организации массового военного производства на Урале в конце 1941 г. регион неизбежно столкнулся с проблемой дефицита электроэнергии. Трудно сказать, насколько эта проблема была понятна руководству страны в момент принятия решения об эвакуации на Урал промышленных предприятий, в том числе ведущих военно-производственных центров страны. Налицо только один факт — существующие возможности уральской энер-

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 159. Л. 117–130.

² См.: Антуфьев А. А. С. 115.

госистемы не могли полностью удовлетворить потребности металлургических и военных заводов даже в первой половине 1942 г., когда они только начинали развивать выпуск военной продукции. Дальнейшая возможность увеличения промышленных мощностей постоянно находилась под угрозой срыва, в том числе в результате дефицита электроэнергии. Только постоянный рост ее производства и жесткое лимитирование снабжения предприятий других отраслей позволили снизить остроту проблемы.

В течение 1942 — начала 1943 г. в энергетике развивались процессы, по своей природе предельно схожие со всей промышленностью. К осени 1942 г. здесь четко обозначились кризисные явления, связанные с эксплуатационным износом оборудования. В период максимального роста мощностей и ежедневной напряженной работы энергосистемы на пределе возможностей резко сократилось количество капитальных ремонтов. Особенно остро эта проблема стала сказываться именно в 1942 г. — через почти год такой эксплуатации уральских энергосистем. В 1942 г. в системе «Свердловэнерго» из запланированных капитальных ремонтов котлов общим объемом 1 940 т/ч было проведено только 1 135 т/ч (58,5 %); из 342,5 МВт плановых капремонтов турбин было выполнено только 274,5 МВт (80,1 %). Уже в следующем году все запланированные капитальные ремонты котлов и турбин были полностью выполнены, но что важно — их объем резко возрос: до 2 418 т/ч и 430 МВт соответственно.¹ Это означало рост реального количества работ более чем в два раза в первом случае и более чем полуторакратное увеличение во втором.

Практика эксплуатации энергогенерирующих мощностей на износ, когда в течение 1941–1942 гг. фактически отсутствовали вывод мощностей в резерв и должный объем текущих и капитальных ремонтов, оказалась совершенно невозможной на этапе 1943 г. Как в случае с мартенами и другим печным оборудованием уральской металлургии, энергосистема Урала грозила полным выходом из строя. Единственная разница — вынужденный вывод мощностей в ремонт в электроэнергетике начался несколько раньше, чем на металлургическом оборудовании, — на рубеже 1942–1943 гг. Ввод новых генерирующих установок, с одной стороны, и тяжелое состояние оборудования, с другой, сделали возможным и необходимым

¹ Итоги развития системы Свердловэнерго в 1943 г. (рукопись.) Л. 21 // Материалы Музея энергетики Урала.

вывод в ремонт постоянно работающих турбин, котлов, трансформаторов и сетей.

Соответственно, с ростом капитальных ремонтов в целом нормализовалась работа электростанций, и резко сократилась аварийность. В этой ситуации начинает приходить в норму частота электрического тока. В течение 1942 г. были периоды, когда система работала только 0,3–0,7 % всего рабочего времени на нормальной частоте (50 Гц), а чаще всего — на низкой или сниженной частоте (от 49,8 Гц до 45 Гц и даже ниже). Такой режим работы энергосистемы области начался в октябре 1941 г. и закончился только в марте 1943 г. Уже в течение декабря 1943 г. «Свердловэнерго» смогла постоянно поддерживать необходимый уровень частоты.¹ Снижение частоты вырабатываемого тока стало неизбежным следствием требования руководства страны выдать необходимую энергетическую мощность для промышленности региона. В ситуации, когда энергогенерирующие установки не могли дать необходимый объем мощности, его искусственно завышали через снижение частоты. В условиях реального производства это означало, что промышленное оборудование не могло работать в нормальных режимах.

Однако и в конце 1943 г. ситуация в системе «Свердловэнерго» оставалась далеко не радужной. Энергосистема продолжала развиваться в предельно напряженном состоянии. Постановлением правительства среднесуточная мощность всех электростанций Свердловской области в 1943 г. была определена в 523,6 МВт, а лимит электроэнергии для всех потребителей и для собственных нужд, включая потери в сетях (это неизбежный элемент работы любой энергосистемы, сегодня нормальными считаются потери 4–10 %, их рост свидетельствует о накапливающихся проблемах — *Н. М.*), установлен в 524 МВт. Следовательно, система «Свердловэнерго» продолжала работать без свободных мощностей и не имела возможности выводить оборудование для всех видов необходимых ремонтных работ. Безусловно, ремонтов стало гораздо больше по сравнению с предыдущим годом, но их все еще было недостаточно.

Линии электропередачи находились в крайне тяжелом состоянии. С 1941 г. по 1943 г. энергетические системы региона вынуждены были постоянно ремонтировать ЛЭП. Если объем ремонта оборудования электростанций или резко отставал от плана, или в лучшем случае выполнялся в соответствии с программой (в 1943 г.), то электрические сети постоянно ремонтировались с перевыполне-

¹ Подсчитано по: Там же. Л. 8–9, 30.

нием плана. Причем процент перевыполнения рос от года к году. В 1941 г. ремонтные работы на ЛЭП системы «Свердловэнерго» превысили запланированный объем в человеко-часах на 6,4 %, в 1942 г. — на 24,8 %, а в 1943 г. — уже на 29,3 %.¹

В 1943 г. начался большой объем капитальных ремонтов по всем элементам системы «Свердловэнерго», которые в целом были закончены к октябрю 1943 г. Значительно увеличился объем испытательных и ремонтных работ ЛЭП. В том числе были восстановлены две передвижные высоковольтные лаборатории, которые бездействовали с 1941 г.² Это и позволило в итоге резко снизить аварийность оборудования и дать дополнительные мощности, но не решило проблему полностью.

Неудовлетворительное состояние сетей, соединяющих Молотовскую и Свердловскую области, имело серьезные негативные последствия. По данным на ноябрь 1943 г., управление «Главурал-энерго» ежедневно переводило из системы «Свердловэнерго» в «Молотовэнерго» от 20 до 40 МВт. Это имело достаточно серьезные последствия для предприятий Свердловской области. Система «Свердловэнерго» на этих перетоках теряла гораздо больше, поскольку потери в электросетях, дополнительно к запланированным, составляли 40 % (величина запредельная). Следовательно, в Молотовскую область приходилось направлять не требуемые мощности, а увеличенные до 40–60 МВт, что ежедневно вынуждало ограничивать местные промышленные предприятия.³ Поэтому распоряжение правительства о запрете ограничения снабжения электроэнергией военных и связанных с ними предприятий на практике было абсолютно невыполнимо. Уральские электростанции не могли генерировать тот уровень энергии, какой был необходим для промышленности. Региональные энергосистемы либо полностью отключали, либо резко ограничивали всех возможных потребителей — население, городскую инфраструктуру, невоенное производство. Но электроэнергии все равно не хватало.

Параллельно с ростом ремонтных работ в энергосистемах в 1943 г. появилась новая проблема. Резко упало качество угля, поставляемого на электростанции. Отмечалось особенно низкое качество топлива с Челябинского угольного бассейна. В течение 1943 г. резко увеличилась среднемесячная зольность угля — с

¹ Подсчитано по: Там же. Л. 22.

² Подсчитано по: Там же. Л. 35–36.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 385. Л. 214.

плановых 26,5 % до 36,6–38,6 %. Но это среднемесячные показатели, а в отдельных случаях зольность была гораздо более высокой — до 40 % и более с содержанием пустой породы. Тем самым теплотворная способность угля резко снизилась — с 4 000 калорий в начале 1942 г. до 3 350 калорий к осени 1943 г. К этому нужно добавить высокую влажность приходившего в период дождей угля — до 25 %.¹ Сформировалась дально тяжелая тенденция, которая просуществовала в том или ином виде все военные годы во всех энергосистемах Урала: зольность в целом была выше нормы, а калорийность — ниже.²

Такое тяжелое положение, вызванное низким качеством челябинского топлива, приводило к необходимости резкого увеличения поставок угля на электростанции. Если падает калорийность, то необходимо сжигать больше топлива для получения нужного объема пара. И это без учета износа оборудования, поскольку повышенная зольность и сжигание большего количества топлива изнашивали оборудование сверх нормативов. Но как раз этот фактор не учитывался. Лимиты для электростанций системы «Свердловэнерго» (как и других систем) распределялись, исходя из «нормальной» калорийности. Это само по себе обеспечивало дефицит топлива. А железная дорога и угольные тресты уже работали в перенапряженном состоянии и не могли вовремя обеспечить даже запланированные объемы поставок. В этой ситуации электростанции Урала продолжали постоянно расходовать уголь со склада. Только в системе «Свердловэнерго» в ноябре 1943 г. все потребители ежедневно ограничивались на 55 МВт.³ Если к этому добавить вынужденные поставки в Молотовскую область и потери при перетоках, то только на этих двух факторах осенью 1943 г. система «Свердловэнерго» каждый день не могла выдать потребителям более 100 МВт установленной мощности.

По данным историка С. А. Баканова, комбинат «Челябинскуголь» за годы войны выполнил годовой план только 1 раз — в 1944 г., в остальное время добыча держалась на уровне от 81,5 % (в 1941 г.) до 99,6 % (в 1945 г.). По отдельным же трестам комбината перевыполнение программы отмечалось лишь в Коркинском шахтоуправлении (102,9 % в 1941 г.) и тресте «Коркинуголь» (105–106 % в 1943–1945 гг.). «Егоршинуголь» сумел перевыполнить план только в 1942 г. (317,6 тыс. т) и в 1943 г. (485,5 тыс. т) — 101 % плана. «Молотовуголь»

¹ Там же. Л. 221–226.

² Итоги развития системы Свердловэнерго в 1943 г. Л. 51.

³ Там же.

вышел на уровень заданий в 1943 г., а в 1945 г. уже выполнил его на 106,4 %, причем 28 из 37 шахт комбината справились с плановыми заданиями досрочно. Общий рост добычи угля на Урале составил за годы войны 178 %, причем наибольший рывок был сделан в Свердловской области, где за счет ввода новых месторождений добыча увеличилась более чем в 3 раза. Наименьший прирост отмечался в Кизеловском бассейне (133 %), где к этому времени оставалось все меньше неосвоенных перспективных участков.¹

Все военные годы постоянно росла выработка электроэнергии на Урале. По уточненным данным М. Михеева, к 1945 г. годовой объем произведенной энергии на территории Молотовской, Свердловской и Челябинской областей увеличился более чем в два раза по сравнению с уровнем 1940 г.: с 5 470 до 11 150 тыс. МВт/ч. По данным А. А. Антуфьева, за этот же период увеличение произошло с 5 555,5 до 11 008,6 тыс. МВт/ч. Аналогичным образом произошло увеличение установленной мощности: с 1 056,8 до 2 023 МВт у М. Михеева и с 1 095,6 до 2 073,3 МВт у А. А. Антуфьева.² Данные этих авторов дают двукратный рост установленной мощности и производства электроэнергии за военные годы, что само по себе является крайне важным положительным результатом. Однако нам необходимо вспомнить, что такое удвоение комиссия Академии наук СССР прогнозировала буквально в течение одного 1942 г.

Распределение потребителей уральской энергетики возможно проследить по данным Свердловской области. В структуре потребителей электроэнергии первое место принадлежало, вполне естественно, предприятиям алюминиевой промышленности. На их долю в системе «Свердловэнерго» в 1943 г. приходилось более 43 %. На долю танковой промышленности, следующего по объему потребителя в Свердловской области, пришлось 19 % или 577,2 тыс. МВт/ч. То есть более чем в 2 раза меньше. Далее следовали черная металлургия и цветная металлургия (без алюминиевой промышленности).³

Энергетическая система Урала развивалась в крайне напряженном состоянии. До 1943 г. главным образом росли установленные мощности генерирующих установок Уральского региона. В то же

¹ См.: Баканов С. А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012. С. 185.

² См.: Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 18, 155; Просвет. История становления и развития уральской энергосистемы в 1920–1950-е гг. Екатеринбург, 2017. С. 138, 140.

³ Итоги развития системы «Свердловэнерго» в 1943 г. Л. 13.

время на этом этапе сохранялся дефицит электроэнергии для предприятий, обусловленный, с одной стороны, ростом потребления за счет вводимого оборудования, а с другой стороны — крайне неэкономным использованием этого оборудования, что в свою очередь порождало перерасход энергии.

Крупнейшие машиностроительные и металлургические предприятия региона (ММК и НТМЗ, Кировский завод, УТЗ и Уралмаш) имели собственные ТЭЦ и ЦЭС, которые во многом снижали остроту проблемы дефицита энергии для этих заводов. Но трудность заключалась в том, что первоочередное обеспечение металлургических и военных производств энергомощностями приводило к необходимости ограничения прочих промышленных объектов, поскольку вся генерация, преобразование и распределение были завязаны в единую систему. Следовательно, перерасход у одних потребителей неизбежно влиял на ограничения для других. Ярким примером стало положение на Сухоложском цементном заводе, когда он фактически остался без нормального снабжения электроэнергией и вынужден был останавливать свое производство. Этот случай не являлся единичным, в таком положении находились практически все невоенные предприятия.

Таким образом, Комиссия АН СССР представила доклад, содержащий обширные сведения по развитию промышленности региона. Но предсказала ему слишком оптимистичные перспективы. Практически по всем обозначенным отраслям реальность оказалась гораздо хуже предполагаемых результатов. Тем не менее, этот доклад дал достаточно трезвую оценку уровня развития экономики Урала по состоянию на конец лета — начало осени 1941 г. и обозначил проблемы, которые неизбежно должны были возникнуть в перспективе. Другой вопрос, что реальные объемы промышленного производства региона стали развиваться совершенно не в том направлении, как прогнозировали материалы комиссии. По ряду отраслей, например, производство строительных материалов и огнеупоров, вместо радикального роста развивалось падение объемов производства. В других случаях (производство электроэнергии, добыча угля, грузоперевозки и прочее) рост показателей был осуществлен, однако его уровень оказался ниже прогнозов комиссии не только в 1942 г., но даже к концу войны.

Раздел III. Альтернатива послевоенного экономического роста

Основные направления социально-экономического развития страны в последние годы сталинского режима определялись, с одной стороны, необходимостью решения невероятно трудных задач восстановления экономики, с другой стороны, рассматривались в контексте определенных представлений о долговременных перспективах развития, связанных с «коммунистической перспективой». Если текущие задачи нашли отражение в четвертом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства, то определение долговременных целей призвана была способствовать разработка новой редакции Программы партии, которая велась комиссией Политбюро под руководством А. А. Жданова с 1946 г., и Генерального хозяйственного плана. Работа над последним начата еще до войны, возобновилась с августа 1947 г. под руководством Н. А. Вознесенского. При этом разрабатывались основные показатели экономического развития вначале на период 1946–1965 гг., а затем — на 1951–1970 гг.

Все эти разработки исходили из незыблемости сложившейся административно-командной системы, возможности относительно быстрого создания основ коммунистического производства и распределения посредством форсированного развития экономики, прежде всего тяжелой индустрии, дальнейшей централизации управления, ускоренного слияния колхозно-кооперативной формы собственности с государственной. Наиболее концентрированным выражением этих концептуальных представлений о перспективах и путях развития нашего общества стала работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952 г.).

В то же время в рассматриваемый период на неофициальном уровне происходило движение живой социальной мысли, высказывались нестандартные, оригинальные предложения о путях и перспективах развития страны. Характерно в этом отношении письмо И. В. Сталину известных экономистов В. Г. Венжера и А. В. Саниной, где выдвигались предложения о крупных экономических

преобразованиях, в том числе о передаче основных средств производства, сосредоточенных в МТС, колхозам.

Примечательно, что в руководящие инстанции поступали письма, содержащие размышления и предложения рядовых людей о перспективах и путях развития страны. Значительный интерес в этом отношении представляет рукопись беспартийного бухгалтера С. Д. Александра «Послевоенная отечественная экономика», в которой содержались радикальные предложения о преобразовании экономической системы в СССР. Однако все эти новаторские предложения оставались «гласом вопиющего в пустыне», отвергались властвующей элитой.

3.1. Выбор курса развития

Экономика в начале 1950-х гг. развивалась на основе сложившихся в предшествующий период тенденций. Созванный 5 октября 1952 г. XIX съезд ВКП(б) проходил в обстановке, когда промышленная продукция СССР составила 223 % от уровня довоенного 1940 г., а сельское хозяйство было лишь выведено на довоенный уровень. Теоретическим обоснованием принципов дальнейшей экономической политики стала работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», опубликованная незадолго до съезда. Утвержденные съездом партии директивы по пятому пятилетнему плану на 1950–1955 гг. намечали повысить промышленное производство на 70 %, примерно вдвое увеличить продукцию машиностроения, металлообработки и мощность электростанций, на 65 % — производство предметов потребления. В области сельского хозяйства ставились задачи увеличить за пятилетие валовый урожай зерна на 40–50 %, молока — на 45–50 %, мяса и сала — на 80–90 %.

Однако при выполнении плана новой пятилетки, как и прежде, первостепенное внимание уделялось тяжелой и особенно оборонной индустрии. Выпуск предметов народного потребления (хлопчатобумажные ткани, обувь и др.) значительно отставал от плановых заданий и нужд населения, со времен войны мечтавшего о лучшей

жизни. Сельское хозяйство, как и раньше, не удовлетворяло потребностей легкой и пищевой промышленности в сырье. Обострявшаяся международная обстановка, согласно действующим стереотипам политики, также сдерживала принятие мер по улучшению условий жизни населения.

Сосредоточение усилий на развитии промышленности и нового строительства позволило уже в 1953 г. довести выпуск валовой продукции промышленности до объемов, в 2,5 раза превышавших уровень 1940 г. На площадках гигантских новостроек (Куйбышевская, Сталинградская, Каховская ГЭС; Волго-Донской судоходный канал; Цимлянский гидроузел) появилась самая мощная по тем временам техника. 27 июля 1952 г. Волго-Дон был открыт для движения судов.

В результате массовой эвакуации промышленности на восток и разрушения во время оккупации и боевых действий в европейской части 32 тыс. промышленных предприятий сильно изменилась экономическая география страны. Сразу после войны началась соответствующая реорганизация системы управления — в него наряду с отраслевым стали вводить территориальный принцип. Смысл был в приближении органов управления к предприятиям, ради чего происходило разукрупнение министерств: во время войны их было 25, а в 1947 г. стало 34. Например, угледобычей стали теперь управлять Министерство угольной промышленности западных районов и Министерство угольной промышленности восточных районов. Аналогично было разделено Министерство нефтяной промышленности.

На этой волне среди хозяйственных руководителей, экономистов стали появляться стремления к реорганизации системы управления экономикой, к смягчению тех ее сторон, которые сдерживали инициативу и самостоятельность предприятий, и в частности, к ослаблению пут сверхцентрализации.

Анализируя сложившуюся экономическую систему, отдельные ученые и промышленники предлагали осуществить преобразования в духе НЭПа: при преобладающем господстве государственного сектора официально допустить частный сектор, охватывающий в первую очередь сферу обслуживания, мелкое производство. Смешанная экономика, естественно, использовала рыночные отношения.

Объяснение подобных настроений можно искать в той обстановке, которая сложилась во время войны. Экономика страны во время войны, быт населения, организация работы местных органов власти приобрели своеобразные черты. С переводом работы

основных отраслей промышленности для обеспечения нужд фронта, резко сократился выпуск мирной продукции обеспечения жизни населения, снабжением его самыми необходимыми товарами и услугами стали заниматься преимущественно местные власти, организуя мелкое производство, привлекая к выпуску необходимых товаров кустарей и ремесленников. В результате получила развитие кустарная промышленность, оживилась частная торговля и не только продуктами питания, но промышленными товарами. Централизованным же снабжением была охвачена лишь часть населения.

Война приучила к определенной самостоятельности и инициативе многих руководителей всех уровней. После войны местные власти предпринимают попытки развернуть производство товаров для населения уже не только на мелких кустарных мастерских, но и на крупных заводах, подчиненных непосредственно центральным министерствам. Совет Министров Российской Федерации вместе с руководством Ленинградской области в 1947 г. организовали в городе ярмарку, на которой предприятия не только России, но и Украины, Белоруссии, Казахстана и других республик, продавали не нужные им материалы. Ярмарка открыла возможности установления самостоятельных экономических связей между промышленными предприятиями, минуя центр. Она в известной мере содействовала расширению сферы действий рыночных отношений (несколько лет спустя организаторы этой ярмарки заплатились жизнью за проявленную инициативу).

Надежды на преобразования в области управления экономикой оказались несбыточными. С конца 1940-х гг. был взят курс на усиление прежних административно-командных методов руководства, на дальнейшее развитие существовавшей модели экономики.

Для понимания причин такого решения надо иметь в виду двойное предназначение промышленности России. Ее высокие мобилизационные возможности в годы войны объяснялись во многом тем, что экономика с самого начала была ориентирована на работу в военных условиях. Все заводы, которые создавались в предвоенные годы, имели одновременно гражданский профиль и военный. Таким образом, вопрос о модели экономики должен был обязательно затрагивать и этот ключевой аспект. Предстояло решить, будет ли экономика действительно гражданской или, как прежде, остается двуликим Янусом: мирной на словах и военной по существу.

Решающей стала позиция Сталина — все попытки перемен в этой области наталкивались на его имперские амбиции. В результа-

те советская экономика возвращалась к милитаристической модели со всеми присущими ей недостатками.

Также в этот период встал вопрос: что такое советская система хозяйства (она называлась социализм, но это — чисто условное понятие, не отвечающее на вопрос). До окончания войны жизнь ставила столь четкие и срочные задачи, что большой потребности в теории не было. Теперь надо было понять смысл плана, товара, денег и рынка в экономике СССР.

Чувствуя, что вопрос сложен и готового ответа в марксизме нет, Сталин, сколько мог, оттягивал издание учебника по политэкономии социализма. В 1952 г. он опубликовал важную работу «Экономические проблемы социализма в СССР», где осторожно, не вступая в полемику с марксизмом, дал понимание советской экономики как нерыночного хозяйства отличной от Запада («капитализма») цивилизации. Иное толкование было невозможно.

К восстановлению хозяйства страна приступила еще в год войны, когда в 1943 г. было принято специальное партийно-правительственное постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Колоссальными усилиями советских людей к концу войны в этих районах удалось восстановить промышленное производство на треть от уровня 1940 г. Освобожденные районы в 1944 г. дали свыше половины общегосударственных заготовок зерна, четверть скота и птицы, около трети молочных продуктов.

Однако, как центральная задача восстановления встала перед страной лишь после окончания войны. В конце мая 1945 г. Государственный Комитет Оборона постановил перевести часть оборонных предприятий на выпуск товаров для населения. Несколько позднее был принят закон о демобилизации тринадцати возрастов личного состава армии. Эти постановления ознаменовали начавшийся переход Советского Союза к мирному строительству. В сентябре 1945 г. был упразднен ГКО. Все функции по управлению страной сосредоточились в руках Совета Народных Комиссаров (в марте 1946 г. преобразован в Совет министров СССР).

Были осуществлены меры, направленные на возобновление нормального труда на предприятиях и в учреждениях. Отменялись обязательные сверхурочные работы, восстанавливался 8-часовой рабочий день и ежегодные оплачиваемые отпуска. Был рассмотрен бюджет на III и IV кварталы 1945 г. и на 1946 год. Сокращались ассигнования на военные нужды и увеличивались расходы на

развитие гражданских отраслей экономики. Перестройка народного хозяйства и общественной жизни применительно к условиям мирного времени завершилась в основном в 1946 г. В марте 1946 г. Верховный совет СССР утвердил план восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. Основная задача пятилетнего плана заключалась в том, чтобы восстановить районы страны, подвергавшиеся оккупации, достичь довоенного уровня развития промышленности и сельского хозяйства, а затем превзойти их. План предусматривал первоочередное развитие отраслей тяжелой и оборонной промышленности. Сюда направлялись значительные финансовые средства, материальные и трудовые ресурсы. Намечались освоение новых угольных районов, расширение металлургической базы на востоке страны. Одним из условий выполнения плановых заданий выдвигалось максимальное использование научно-технического прогресса.

1946 год явился наиболее трудным в послевоенном развитии промышленности. Особенно большое внимание уделялось развитию металлургии, машиностроения, топливно-энергетического и военно-промышленного комплексов. Были заложены основы атомной энергетики и радиоэлектронной промышленности. Новые гиганты индустрии возникли на Урале, в Сибири, Предприятия оснащались новой технологией. Увеличилась механизация трудоемких процессов в черной металлургии и угольной промышленности. Продолжилась электрификация производства. Электровооруженность труда в промышленности к концу пятилетки в полтора раза превзошла уровень 1940 г.

Однако приоритетное развитие тяжелой индустрии, перераспределение в ее пользу средств из легкой и пищевой отраслей привели к дальнейшей деформации структуры промышленности в сторону увеличения производства продукции группы «А».

После войны страна находилась в разрухе, и остро встал вопрос выбора пути хозяйственного развития. Альтернативой могли бы стать рыночные реформы, но существующая политическая система не была готова к этому шагу. Директивная экономика все еще сохраняла тот мобилизационный характер, который был присущ ей в годы первых пятилеток и в годы войны. Развитие экономики СССР упиралось в ее чрезмерную централизацию. Все экономические вопросы, большие и малые, решались только в центре, а местные хозяйственные органы были строго ограничены в решении любых дел. Основные материальные и денежные ресурсы, необходимые для выполнения плановых заданий, распределялись через большое

количество бюрократических инстанций. Ведомственная разобщенность, бесхозяйственность и неразбериха приводили к постоянным простоям на производстве, штурмовщине, огромным материальным издержкам, абсурдным транспортным перевозкам из края в край необъятной страны.

Размежевание мира на два враждебных лагеря имело негативные последствия для экономики страны. С 1945 по 1950 г. на 35 % сократился внешнеторговый оборот с западными странами, что заметно сказывалось на советской экономике, лишенной новой техники и передовых технологий. Вот почему в середине 1950-х гг. Советский Союз оказался перед необходимостью глубоких социально-экономических и политических перемен. Поскольку путь прогрессивных изменений политического характера был заблокирован, сузившись до возможных (и то не очень серьезных) поправок на либерализацию, наиболее конструктивные идеи, появившиеся в первые послевоенные годы, касались не политики, а сферы экономики. Центральный Комитет ВКП (б) рассматривал различные предложения экономистов на этот счет. Среди них — рукопись «Послевоенная отечественная экономика», принадлежащая С. Д. Александру. Суть его предложений сводилась к следующему:

- преобразование государственных предприятий в акционерные или паевые товарищества, в которых держателями акций выступают сами рабочие и служащие, а управляет полномочный выборный совет акционеров;

- децентрализация снабжения предприятий сырьем и материалами путем создания районных и областных промснабов вместо снабсбытов при наркоматах и главках;

- отмена системы государственных заготовок сельскохозяйственной продукции, предоставление колхозам и совхозам права свободной продажи на рынке;

- реформа денежной системы с учетом золотого паритета;

- ликвидация государственной торговли и передача ее функций торговым кооперативам и паевым товариществам.

Эти идеи можно рассматривать в качестве основ новой экономической модели, построенной на принципах рынка и частичного разгосударствления экономики, — весьма смелой и прогрессивной для того времени. Правда, идеям С. Д. Александра пришлось разделить участь других радикальных проектов, они были отнесены к категории «вредных» и списаны в «архив».

Центр, несмотря на известные колебания, в принципиальных вопросах, касающихся основ построения экономической

и политической моделей развития, сохранял стойкую приверженность прежнему курсу. Поэтому центр был восприимчив лишь к тем идеям, которые не затрагивали основ несущей конструкции, то есть не покушались на исключительную роль государства в вопросах управления, финансового обеспечения, контроля и не противоречили главным постулатам идеологии.

Но этого, как показала история развития страны, не произошло. После войны несколько раз проводились различные административные реформы, но они не вносили коренных изменений в сущность планово-административной системы. В середине 1950-х гг. были предприняты попытки отказа от применения мобилизационных мер при решении хозяйственных проблем. Через несколько лет стало ясно, что эта задача является неразрешимой для советской экономики, поскольку экономические стимулы развития были несовместимы с командной системой. По-прежнему нужно было организовывать массы людей для выполнения различных проектов. В качестве примеров можно привести призывы к молодежи участвовать в освоении целины, в возведении грандиозных «строек коммунизма» в Сибири и на Дальнем Востоке.

Ученые экономисты и практические работники пытались разрабатывать новые подходы к экономическому развитию страны, особенно в области долгосрочного планирования и прогнозирования, определения стратегических макроэкономических целей. Но эти разработки не были рассчитаны на быструю отдачу, поэтому им не уделялось достаточного внимания. Руководству страны нужны были реальные результаты в настоящее время, а посему все силы направлялись на бесконечные корректировки текущих планов. Например, так и не был составлен детальный план на пятую пятилетку (1951–1955), а в качестве отправного документа, направлявшего работу всей экономики в течение пяти лет, стали Директивы XIX съезда партии. Это были всего лишь контуры пятилетки, но конкретного плана не существовало. Такая же ситуация сложилась и с шестым пятилетним планом (1956–1960).

Традиционно слабым было так называемое низовое планирование, т.е. составление планов на уровне предприятий. Низовые плановые задания часто корректировались, поэтому план превращался в чисто номинальный документ, имеющий непосредственное отношение лишь к процессу начисления заработной платы и премиальных выплат, которые зависели от процента выполнения и перевыполнения плана.

Поскольку, как отмечалось выше, планы постоянно корректировались, то выполнялись (или точнее не выполнялись) совсем не те планы, которые принимались в начале планового периода (года, пятилетки). Госплан «торговался» с министерствами, министерства — с предприятиями насчет того, какой план они могли бы выполнить при имеющихся ресурсах. Но поставки ресурсов под такой план все равно срывались, и снова начинались «торги» по цифрам плана, по величине поставок и т. д.

В основном, при определении приоритетов послевоенного экономического развития, при разработке четвертого пятилетнего плана — плана восстановления — руководство страны фактически вернулось к довоенной модели развития экономики и довоенным методам проведения экономической политики. Это значит, что развитие промышленности, в первую очередь тяжелой, должно было осуществляться не только в ущерб интересам аграрной экономики и сферы потребления (т. е. в результате соответствующего распределения бюджетных средств), но и во многом за их счет, т. к. продолжалась предвоенная политика «перекачки» средств из аграрного сектора в промышленный (отсюда, например, беспрецедентное повышение налогов на крестьянство в послевоенный период).

Впервые за долгие годы после войны наметилась тенденция к более широкому использованию научно-технических разработок на производстве, однако она проявилась в основном лишь на предприятиях военно-промышленного комплекса (ВПК), где в условиях начавшейся «холодной войны» шел процесс разработки ядерного и термоядерного оружия, новых ракетных систем, новых образцов танковой и авиационной техники.

Наряду с приоритетным развитием ВПК преимущество отдавалось также машиностроению, металлургии, топливной, энергетической промышленности, на развитие которых уходило 88 % капиталовложений в промышленность. Легкая же и пищевая промышленности, как и прежде, финансировались по остаточному принципу (12 %) и, естественно, не удовлетворяли даже минимальных потребностей населения.

Прежняя модель управления экономикой осуществлялась даже с большей жесткостью, чем это имело место в годы предвоенных пятилеток. По сталинскому плану окончательно оформлялось общество с ликвидацией рыночных отношений и полным подчинением человека политико-административной власти. Эта целостная модель охватывала все народное хозяйство.

В условиях административно-командного управления экономика имела распределительный характер, государство брало на себя все права и обязанности по производству и распределению товаров и услуг. То есть управление народным хозяйством характеризовалось строгой централизацией и распределением. Однако такая система на деле показала свою неэффективность.

Система управления советским народным хозяйством неоднократно реформировалась. Например, управление промышленностью к концу 1920-х — началу 1930-х гг. была 4-звенной. По результатам реформы 1934 г. в нашей стране возникла 3-х и 2-звенная система управления. Изменения в схеме управления сводились к изменению подчинения. Предприятия подчинялись то через трест производственно-территориальным управлениям, то непосредственно центру. Вместо Главков, создавались Производственно-территориальные Управления. То ликвидировалась функциональная система управления, то возрождалась. Так, с 1936 г. усилился процесс дробления Наркоматов. В целом на этой базе продолжалась эволюция системы управления советской промышленностью до конца 1950-х гг., во всяком случае до реформы 1957 г., когда была предпринята попытка перехода на отраслевую систему управления по региональному признаку.

Но независимо от реформ управленческих структур развитие промышленности шло за счет экстенсивных факторов. Как и прежде, строились тысячи новых предприятий, но административно-командные методы управления народным хозяйством не способствовали повышению эффективности имеющихся мощностей. Постепенно из-за несовершенства планирования усиливались структурные диспропорции.

Попытки реформирования системы управления в 1950-х гг. более походили на поспешные «шараханья» и чаще всего не давали быстрых положительных результатов, поэтому государственные руководители возвращались к прежним, привычным для них методам управления. Советская директивная экономика, в силу ее сверхцентрализованности, отсутствия инициативы и предприимчивости в различных хозяйственных структурах, оказалась неспособной к широкому внедрению научно-технических разработок в производство (кроме военно-промышленного комплекса) и стала стремительно отставать от стран с рыночной экономикой. При этом никто не хотел признаться, что все провалы советской экономики зависят не от конкретных исполнителей, а заложены внутри самой командной

системы. В результате чего в экономике и возникла макроэкономическая несбалансированность:

— неравномерность в развитии отдельных секторов и отраслей народного хозяйства. Это проявлялось, прежде всего, в гипертрофированном развитии определенных отраслей (ВПК, тяжелое машиностроение), доля которого в совокупном общественном продукте на конец 1980-х гг. составляла 68 % — эти отрасли поглощали львиную долю инвестиций, сырья, материалов, квалифицированной рабочей силы, тем самым еще более «обездоливая» другие отрасли. Создание невиданного по своим масштабам ВПК, поглощавшего ежегодно не менее 2/3 экономического потенциала страны, на содержание которого ежегодно тратилось 18–20 % национального дохода. Это и обусловило отставание отраслей, не работавших в ВПК, что привело к замедлению темпов экономического роста, к дефициту, к импорту;

— неравномерность в технико-технологической основе различных секторов и отраслей. Это выражалось в плохом материальном оснащении многих отраслей, в крайне запущенном состоянии инфраструктуры (транспортное, складское хозяйство, энергетическая отрасль, информационная, коммунальная, социальная – отставали в плане технического оснащения и развития).

Глубоко деформированной оказалась структура аграрно-промышленного комплекса, отражавшая общую несбалансированность национальной экономики.

Все это привело к негативным тенденциям экономического развития России и неуклонному снижению темпов экономического развития.

Господство административно-командных методов управления народным хозяйством в нашей стране привело, в конце концов, к закономерному итогу — кризису всей системы. В рамках прежней системы, назревшие макроэкономические проблемы уже невозможно было решить, понадобились глубокие структурные реформы не только в экономике, но и в социально-политической жизни страны. Реформы стали жизненной необходимостью, т. к. необходимо было решить проблему структурно-инвестиционной перестройки на современной технико-технологической основе.

Все это подтверждает вывод о том, что советская экономика зависела в большей степени не от грамотных экономических разработок, а от политических решений, постоянно меняющихся в прямо противоположных направлениях и заводящих чаще всего в тупик. В стране осуществлялись бесплодные попытки улучшить

структуру государственного аппарата, наделить министров, начальников главков, директоров предприятий новыми правами или, наоборот, ограничить их полномочия, разделить существующие плановые органы и создать новые и т. п. Таких «реформ» в 1950–1960-х гг. было немало, но ни одна из них не принесла реального улучшения в работу командной системы.

Уйти от такой логики развития событий не удавалось ни в 1950-е гг., ни в последующие десятилетия. В этот период развитие академических исследований было существенно скорректировано чрезвычайными обстоятельствами. Внешние для Академии наук факторы еще более смещали акценты на развитие в ней прикладных исследований. Применительно к работам по изучению производительных сил в периферийных районах страны это выразилось в доминирующей ориентации филиалов преимущественно на ресурсную составляющую. Примером этого стали неудачи с замыслами организации в составе Уральского и Западно-Сибирского филиалов АН СССР институтов общественно-гуманитарного профиля. В результате, созданный в 1944 г. Западно-Сибирский филиал, в полной мере сохранил характерную и для других периферийных структур прикладную ориентацию исследований. Важнейшими направлениями деятельности филиала были определены следующие проблемы:

- изучение ископаемых богатств Западной Сибири с целью подготовки и расширения сырьевой базы черной и цветной металлургии;
- создание эффективных способов добычи полезных ископаемых и разработка новых технологических процессов извлечения металлов;
- разработка научных основ некоторых отраслей химической промышленности (углехимического синтеза);
- изыскание путей и способов наиболее целесообразного использования громадных энергетических ресурсов и развития транспортных связей;
- изучение растительных богатств Западной Сибири и ее животного мира».¹

Академик А. А. Скочинский резюмировал: «Филиал должен не только оказать мощное научное содействие освоению природных богатств Западной Сибири и подъему культурного уровня ее насе-

¹ Савкин М. М., Иванов Б. В. История организации и развития Западно-Сибирского филиала АН СССР // Наука в Сибири. 2004. № 11. Март. С. 6.

ления, но и способствовать правильному разрешению чрезвычайно важных для этого края проблем транспорта и энергетики».¹

Соответственно научным направлениям, в структуре филиала было образовано четыре научно-исследовательских института — Горно-геологический, Химико-металлургический, Транспортно-энергетический и Медико-биологический. Эти направления исследований оставались доминирующими вплоть до вхождения филиала в состав созданного в 1957 г. Сибирского отделения Академии наук (СО АН СССР, ныне СО РАН).

Формирование стационарных академических структур на востоке страны продолжалось и во второй половине 1940-х — 1950-е гг., когда возникли Якутский (1947 г.) и Восточно-Сибирский (1949 г.) филиалы АН СССР и была восстановлена работа Дальневосточного филиала, а также созданы Сахалинский (1955 г.), Бурятский (1958 г.) и Северо-Восточный (1960 г.) комплексные научно-исследовательские институты, позднее вошедшие в состав СО АН СССР. Однако на протяжении еще нескольких десятилетий параллельно с их деятельностью в восточных и северо-восточных регионах страны продолжалась работа академических экспедиций, курируемых СОПС АН СССР. Большая часть таких экспедиций в 1940-е — 1950-е гг. носила уже естественно-научный характер.

Ситуация стала изменяться лишь в 1960-е гг. После завершения процессов организационного становления СО АН СССР восточные территории страны стали основным регионом, на котором замыкались научные интересы институтов нового академического центра. Масштабы экспедиционных исследований из центра страны на востоке и северо-востоке России стали постепенно уменьшаться. Необходимо подчеркнуть, что точкой отсчета при формировании нового комплексного научного центра в Сибири, не имевшего к тому времени аналогов в стране и мире, были отнюдь не интересы восточных регионов страны. Сибирское отделение создавалось в «целях усиления научных исследований в области физико-математических, естественных и экономических наук и быстрейшего развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока»,² но при принятии этого решения явно доминировали принципы общегосударственной целесообразности и общегосударственные, а не региональные

¹ Скочинский А. А. Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР // Вестн. Академии наук СССР. 1944. № 4–5. С. 55.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 4. С. 347–349.

интересы. Впрочем, ускоренное развитие производительных сил в восточных регионах страны в этот период времени вполне соответствовало такой стратегии. Несмотря на то, что институты, профилированные на исследования в области наук о земле и наук о жизни, составляли приблизительно четверть от общего количества научных учреждений Новосибирского научного центра — ядра СО АН СССР, это направление на протяжении ряда лет оставалось доминирующим в периферийных филиалах Сибирского отделения в других городах региона. В территориальном аспекте отныне оно координировалось в рамках всего Зауралья.

Некоторое время на востоке и северо-востоке России продолжалась работа и ряда специализированных академических учреждений «центрального подчинения», занимающихся «северной» проблематикой, таких как, например, как система мерзлотных станций в высокоширотных регионах. Часть из них стала основой для формирования впоследствии специализированных научно-исследовательских институтов, таких как Институт мерзлотоведения, с 1960 г. действующий в составе Сибирского отделения. Позднее в структуре СО АН СССР были созданы и другие специализированные научно-исследовательские институты по проблемам Севера — например, организованный в 1970 г. Институт физико-технических проблем Севера Якутского филиала СО АН СССР.¹

Вместе с тем, создание Сибирского отделения как многопрофильного научного центра сформировало основы для утверждения междисциплинарного подхода к исследованию проблемы развития производительных сил на востоке страны. В известном смысле, формирование СО АН СССР создало условия для возвращения к принципу комплексности при изучении развития производительных сил периферийных регионов, который был декларирован В. И. Вернадским еще в начале XX в., но от которого Академия наук в условиях возраставшей специализации научных исследований и профиля научно-исследовательских учреждений стала отходить уже в 1930-е гг. В восточной части России отныне пересекались интересы разнопрофильных научных институтов. Соответственно, в Сибирском отделении формировались структуры, координирующие научные изыскания по изучению производительных сил и природных ресурсов. Подобного рода

¹ См.: Академия наук СССР. Сибирское отделение. Хроника. 1957–1982 гг. Новосибирск, 1982. С. 301.

междисциплинарная координация осуществлялась в рамках созданных при Президиуме СО АН СССР многочисленных научных советов и комиссий, часть из которых носила межведомственный характер.¹

Дальнейшее развитие этот принцип получил уже в рамках программы «Сибирь». В 1970–1980-е гг. в Сибирском отделении, как и в других научных учреждениях страны, стал утверждаться программно-целевой метод организации научных исследований. Для реализации программы «Сибирь» в СО АН СССР в 1979 г. был создан Научный совет по проблеме комплексного развития природных ресурсов и развития производительных сил региона, председателем которого стал первый заместитель председателя СО АН СССР акад. А. А. Трофимук. В состав совета входило шесть секций — секция минеральных ресурсов, секция биологических ресурсов, секция регионально-экономических программ, секция программ особой сложности и масштаба, секция технических и технологических программ и секция «Энергетика Сибири».² Представляется, что опыт формирования и реализации программы «Сибирь», к настоящему времени уже основательно подзабытой, может иметь большое значение для отработки подходов к организации научно-исследовательских работ по «северной» проблематике, и заслуживает специального исследования. Равным образом стоит вернуться и к опыту осуществления некоторых специализированных исследовательских программ, инициированным в СО АН СССР и направленным на изучение восточных и северных территорий страны, в том числе и гуманитарного характера — таких как «Исторический опыт изучения Сибири» и программа изучения малочисленных народов Севера. Принципы организации исследований, положенные в основу разработки таких программ, а также накопленные в их рамках материалы, способны существенно обогатить перспективные исследования, направленные на анализ развития производительных сил в периферийных регионах страны.

Что же касается непосредственно «северной» проблематики, то в 1985 г. в структуре СО АН СССР было создано первое научное междисциплинарное учреждение, объектом исследования которого стал комплекс вопросов развития Сибирского севера — Институт проблем освоения Севера СО АН СССР в Тюмени.

¹ См.: Там же. С. 281–287.

² См.: Там же. С. 287–291.

В настоящее время основным научным направлением ИПОС СО РАН являются проблемы взаимодействия человека, общества и природы и формирование стратегии устойчивого развития северных территорий. В Институте сделана попытка предметно объединить естественно-научную, социально-экономическую и гуманитарную проблематику. Структура Института формируется тремя отделами — кибернетики, ориентированным главным образом на проблемы экономического развития нефтехимического и строительного комплексов в условиях Севера; биологических наук, включающим в себя лабораторию геоинформационных технологий; и гуманитарных наук, профилированным в области археологии, антропологии, этнографии и истории. Очевидно, что характер научных интересов и структура научных подразделений Института оставляют многочисленные лакуны в проблемном поле «североведения», а сам ИПОС СО РАН не может претендовать на роль финальной инстанции в организации научных исследований по «северной» проблематике.

Таким образом, деятельность Академии наук по изучению производительных сил периферийных территорий страны в XX в. осуществлялась в различных формах и различными методами. Наиболее традиционной из них являлась организация академических экспедиций — эта традиция восходит к первым экспедиционным работам в восточные и северо-восточные регионы Российской империи, датируемым еще XVII в. Экспедиционная деятельность существенно расширилась на рубеже XIX–XX вв. Академические экспедиции этого времени, в отличие от более ранних, стали приобретать специализированный характер.

Параллельно формировалась инфраструктура и механизмы координации исследований в области развития производительных сил. Этапным моментом в этой работе стало создание Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС), деятельность которой в несколько видоизмененном виде продолжалась в рамках Академии наук на протяжении долгих лет. Именно в рамках КЕПС сформировались предпосылки для утверждения в практике организации и управления исследованиями наиболее эффективных подходов. Методология работы Комиссии, сформулированная ее главным идеологом акад. В. И. Вернадским, включала в себя такие принципы как междисциплинарность и комплексность в организации научных исследований, разнопрофильность и разноаспектность научных работ, объединенных общим объектом исследования. Как отмечалось ранее, принци-

пиально важным представляется то обстоятельство, что в понятие производительных сил В. И. Вернадский включал не только природные компоненты, но и социокультурные явления. Такая методология в течение определенного времени проявлялась и в принципах деятельности КЕПС, и в характере координируемых им исследований. Значимыми были и такие аспекты организации научных исследований развития производительных сил, курируемые КЕПС, как гибкость формируемых им научных учреждений, возможность оперативной организации и реорганизации научных структур, представленных, в основном, комитетами и комиссиями, в зависимости от актуальности и изменения проблемного поля, а также принцип их территориальной распределенности. Большое значение придавалось и обеспечению общественного звучания работ по изучению производительных сил в периферийных регионах страны, для чего закладывались соответствующие издательские возможности.

Далеко не все принципы этой методологии получили развитие в практической деятельности КЕПС и затем СОПС. Во второй половине 1930-х гг. акценты в изучении производительных сил стали все больше смещаться в сторону естественно-научной компоненты этой категории. Это объяснялось политикой мобилизации ресурсов для нужд развивающейся экономики и окончательно утвердившейся «колониальной» парадигмой развития окраинных территорий страны на востоке и северо-востоке России. Характер и научная специализация формируемых в 1930–1950-е гг. в АН СССР стационарных научных учреждений в восточных регионах страны, в том числе и в форме академических филиалов, стали отражением данного процесса.

Наука фактически рассматривалась как одна из отраслей народного хозяйства, выполнявшая обеспечивавшую функцию в отношении их экономического развития, прежде всего индустриального роста. Это определяло как формы организации научной деятельности в регионе, так и задачи научно-исследовательских учреждений и направленность исследовательской работы. Научное освоение восточных территорий носило, в основном, ситуационный характер, исходя из сложившегося профиля экономической деятельности. Инициативы, направленные на повышение уровня фундаментальности в деятельности академических учреждений в восточной части страны, долгое время не встречали понимания в Центре. Создание Сибирского отделения АН СССР лишь подтвердило сформировавшуюся тенденцию — несмотря на поставленную перед ним

задачу обеспечить ускорение экономического развития восточных регионов, во многих аспектах своей практической деятельности новый научный комплекс существовал как бы во внерегиональном пространстве.

Ситуация вновь стала изменяться лишь в 1970–1980-е гг., когда в полной мере обнаружилось ограничения исключительно «ресурсного» подхода к изучению производительных сил периферийных территорий страны, а характер экономических процессов объективно требовал акцентирование принципа комплексности в качестве условия эффективного развития регионов интенсивного хозяйственного освоения. В Академии наук и за ее пределами стали активно осуществляться поиски механизмов объектной координации научно-исследовательских работ с целью объединения потенциала разнопрофильных учреждений и использоваться программно-целевые методы и подходы к организации научных изысканий, что нашло свое отражение в появлении соответствующих программ, прежде всего — программы «Сибирь». Следующим шагом логично стала попытка формирования комплексных объектно интегрированных учреждений, примером чего стал Институт проблем освоения Севера СО РАН.

Кризисные явления в стране в 1990-е гг. существенно затормозили процесс поиска эффективных научно-организационных методологий исследований производительных сил в регионах страны. Наряду с этим, последние десятилетия XX в. поставили под вопрос не только эффективность, но и целесообразность «колониальной» парадигмы освоения и развития периферийных территорий страны, прежде всего в ее азиатской части. Несмотря на то, что уже к середине 1950-х гг. выявилась системная неспособность прежней модернизационной программы обеспечить стране перспективу в рамках постиндустриального вектора развития, серьезных изменений в экономической стратегии не произошло. Возможность заменить «колониальный вектор» развития восточной части России политикой сбалансированного и комплексного роста, базирующейся на принципах как общегосударственной, так и региональной целесообразности, была упущена. Ресурсы восточных территорий оказались широко включенными в экономические стратегии СССР, однако программа сдвига производительных сил на восток оказалась полностью подчинена концепции «регион для страны». Восточные регионы, главным образом — Сибирь, стали ресурсным ядром СССР, важнейшим аргументом, определявшим место страны на геополитической арене.

Нет достаточных оснований говорить о том, что в постсоветское время отношение Центра к восточным территориям страны радикально изменилось. Несмотря на начавшийся в России несколько лет назад экономический подъем, который практически полностью базируется на топливно-энергетических и сырьевых ресурсах из Сибири, социально-экономическое развитие восточных территорий, за некоторыми исключениями, продолжает отставать по темпам роста от развития территорий в северо-западной и центральной частях страны. Такая ситуация, достаточно логичная в контексте «имперского» сценария развития страны до 1991 г., входит в явное противоречие с декларируемыми ныне экономическими и политическими ценностями.

К тому же, в 1990-е гг. положение дел в восточных регионах России значительно обострилось вследствие осуществления структурных реформ, начавшихся после распада СССР. Интегрированным показателем этого является ускоряющийся отток населения с востока на запад. С одной стороны, нарастание экономических проблем несет в себе угрозу политической и социальной нестабильности во многих регионах востока России, становится платформой для дискуссий о преимуществах регионализма. С другой, эти процессы — основа для рассуждений о «неперспективности» России как евразийской страны, становящихся популярными в кругах определенной части «интеллектуальной элиты».

Представляется, что ближайшие несколько десятилетий могут стать временем выбора. Либо будет продолжена прежняя стратегия полукOLONиального развития «восточных окраин» России, географически занимающих большую часть страны, и это приведет к дальнейшим социально-экономическим, а затем, возможно, и политическим и геополитическим осложнениям, либо удастся разработать новую стратегию, позволяющую найти компромисс между формулами «регион для страны» и «регион для региона». Как показывает опыт анализа ранее осуществленных проектов и программ, это потребует принципиальных корректировок социокультурных, методологических оснований реализуемой в России модернизационной модели. При этом главным должен стать переход от индустриальной к постиндустриальной парадигме модернизации.

Соответствующим образом должны быть скорректированы и принципы организации исследований производительных сил периферийных территорий России, которые не должны замыкаться лишь на «ресурсоориентированном» подходе. Исторический опыт свидетельствует, что в научно-организационной практике

Академии наук существует немало позитивных решений в сфере изучения производительных сил, которые, с учетом необходимой адаптации и корректировки, могут оказаться полезными и в новых условиях.

3.2. Территориально-производственное планирование и управление

Установление жесткой ведомственной иерархии в управлении народным хозяйством предопределило цели регионального развития на длительный исторический период. Они носили исключительно производственно-технологический характер, т. е. состояли в решении проблем развития производства в рамках единого организма. На первый план в связи с увеличением масштабов экономики выдвинулось расширение источников поступления ресурсов в народнохозяйственный комплекс путем освоения новых территорий. Население регионов рассматривалось как один из видов ресурсов, необходимых для реализации программ. Соответственно социальные цели региональной политики имели сугубо подчиненное значение. Для оптимизации структуры отношений государство предпринимало попытки совершенствования управления народнохозяйственным комплексом, активизации региональных интересов через расширение материальных стимулов в производстве и распределении. В означенный период использовались разные комбинации сочетания государственных и региональных интересов, однако, при общественной собственности на средства производства очень трудным делом оказалась попытка активизировать региональные интересы.

Укрепление материально-технической базы уральской экономики в годы Великой Отечественной войны и первой послевоенной пятилетки закрепило роль региона как ведущего центра тяжелой индустрии. В связи с этим не могло не состояться возвращение к идее *комплексного развития экономики регионов*, провозглашенной на XVIII съезде ВКП(б).

Уральский экономический район в 1950-е гг. занимал одно из ведущих мест среди крупных экономических районов страны, уступая по объему промышленного производства лишь Центральному и Северо-Западному районам. Его основные производственные фонды и численность промышленных рабочих составляли почти десятую часть общесоюзных показателей.

Уральской экономике отводилось важное место в народнохозяйственных планах пятой и шестой пятилеток, ориентированных на комплексное развитие территорий. Прежде всего, упор делался на наращивание выпуска черных и цветных металлов, проката, улучшение качества сталей и сплавов. В машиностроении реализовывалась задача разработки и освоения производства машин, агрегатов и оборудования большой мощности на уровне лучших отечественных и мировых образцов. Быстрыми темпами росло производство металлургического и энергетического оборудования, тяжелых кузнечно-прессовых машин и металлорежущих станков.¹ В целях развития топливно-энергетического комплекса увеличивались мощности электростанций. Рационализация топливно-энергетического баланса региона шла по пути широкого применения электроэнергии и природного газа. Значительно увеличились пропорции развития химической промышленности. В 1950-е гг. сохранялся курс на преимущественное развитие отраслей, производящих средства производства. В эти годы рост экономики Уральского региона отвечал задачам:

- обеспечения материальной базы для осуществления научно-технической революции;
- создания условий промышленного подъема стран социалистического блока;
- тиражирования индустриальных технологий внутри страны в процессе реализации политики «рационального размещения производительных сил».

Изменение статуса и места СССР в мировом сообществе привело к необходимости внесения корректировок в региональную политику. Значительное увеличение пропорций народного хозяйства для материального обеспечения геополитических целей и интересов страны требовало оптимизации процессов регионального развития.

В региональной политике в 1950-е гг. происходит переориентация на *модель территориально-производственных комплексов*. Эта модель обеспечивала сокращение издержек производства, рационализировала загрузку транспорта, активизировала интересы местных сообществ в достижении народнохозяйственных результатов. Планы пятой и шестой пятилеток составлялись с использованием методологии комплексного развития производства в рамках территориальных образований.

¹ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1953–1961: сб. документов. М., 1968. Т. 2. С. 343–347

Переход на новую модель региональной политики (осуществление специализации и кооперации, решение проблем комбинирования и концентрации производства в пределах территориальных образований) повлек за собой реформу управления народным хозяйством, смыслом которой стало сочетание отраслевых и территориальных принципов с частичным воспроизведением опыта 1920-х гг. В мае 1957 г. Верховный Совет СССР принял закон о реорганизации управления промышленностью и строительством по территориальному признаку через советы народного хозяйства.¹ В области государственного устройства попытка радикальной «десталинизации» свелась к резкой децентрализации и разделению всей системы управления. Из союзного в республиканское ведение в 1954–1955 гг. было передано более 11 тыс. предприятий, затем был совершен радикальный шаг: законом от 10 мая 1957 г. отраслевая система управления была заменена на территориальную. ВС республик создали 107 экономических районов (70 в РСФСР), в которых были учреждены коллегиальные органы управления — Совнархозы (СНХ). Было ликвидировано 141 союзное и республиканское министерство. Возникло 107 маленьких правительств с отраслевыми и функциональными отделами. Над ними пришлось надстроить республиканские Совнархозы — параллельно сохранившимся Совминам.² Разделение управления хозяйством влекло и разделение органов власти. В 1962 г. в большинстве краев и областей было создано по два Совета депутатов трудящихся — промышленный и сельский, что нарушало один из основных принципов Советов — единство их системы. Одновременно была разделена и «тень» Советов — партия (созданы городские и сельские обкомы).³ Это было, видимо, не столько отрицанием самого типа партии и власти, сколько непониманием, представлением о государстве как «машине», которую можно произвольно перестраивать.

В 1962 г. совнархозы были укрупнены (вместо 105 осталось 43) и был учрежден общесоюзный Совнархоз СССР, а в 1963 г. — Высший совет народного хозяйства СССР, которому были подчинены Госплан, Госстрой, другие хозяйственные госкомитеты. Некоторое оживление производства,⁴ вызванное децентрализацией и всплеском местной инициативы, имело обратную сторону — снижение технического уровня производства. Ликвидация министерств лишила советскую

¹РГАЭ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 439. Л. 1–4.

²Там же.

³Там же.

⁴См.: СП СССР. 1957. № 12. С. 121.

систему важнейшего преимущества — способности государства концентрировать средства для развития науки и техники, проводить единую по всей стране технологическую политику и распространять по каналам министерства лучшие достижения на все производство.¹

На Урале были образованы Свердловский, Челябинский, Пермский, Оренбургский, Курганский и Удмуртский экономические административные районы. Ослабление централизованного управления народным хозяйством в этот период не сопровождалось оптимизацией административно-территориального деления, т. е. не предполагалось воспроизвести в новых условиях соединение политического и хозяйственного руководства региональным развитием.²

Опыт организации управления промышленным производством в рамках территориальных образований в рассматриваемый период заслуживает самого пристального внимания. Практическая потребность налаживания внутри современной системы государственного управления промышленностью межотраслевых взаимосвязей как при решении крупных комплексных народнохозяйственных проблем, так и при создании рациональной и сбалансированной территориально-производственной инфраструктуры требует изменения сложившейся точки зрения на реформу 1957 г., тем более что задача сочетания отраслевого и территориального принципов в управлении народным хозяйством остается ключевой теоретико-организационной и практической проблемой и на современном этапе.

В отношении к опыту управления промышленностью через советы народного хозяйства наблюдается существенный сдвиг от радикального отрицания (неприятия) к пониманию проделанной в период 1957–1964 гг. работы. Негативные оценки имели место особенно на начальном этапе организационного строительства системы ведомственно-отраслевого управления.³ Подобное восприятие итогов реформы 1957 г. в определяющей степени было продиктовано, с одной стороны, конъюнктурными политическими соображениями, а с другой — весьма завышенными ожиданиями от предстоящих отраслевых преобразований в системе управления промышленностью. Вместе с тем имело место и обратное —

¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 9. С. 70.

² См.: СП СССР. 1963. № 1. С. 4.

³ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1986. Т. 10. С. 291.

переоценка организационного потенциала системы управления промышленностью, основанной на территориальном принципе, как это реализовывалось в 1920-е гг. В основе данного понимания лежало представление, согласно которому реформа 1957 г. не была завершена и как следствие — не раскрыла своих внутренних, изначально заложенных в ней возможностей. Это представление имеет под собой известные основания, однако было бы не вполне корректно списывать все на историческую ситуацию, обстоятельства, лежащие вне содержания исходных условий и структурной логики развития системы советов народного хозяйства. Обе позиции не верны по существу. Реформа управления 1957 г. с самого начала носила ограниченный характер. Она была сугубо административной, не вносила качественных изменений в экономические условия хозяйствования, планирования, управления производственной деятельностью промышленных предприятий. Более того, вопрос изменения их роли и положения в системе планового руководства промышленностью по существу и не стоял в повестке дня. Это далеко не случайно. Весь предшествующий опыт хозяйствования и исходная, официально принятая идеология организации управления народным хозяйством исключали в тот период постановку проблемы сочетания централизованного планового руководства и экономической самостоятельности промышленных предприятий. Хозяйственный механизм реформы 1957 г. не только воспроизвел сложившийся и ранее отработанный административный механизм, но и усилил все его качественные параметры — адресное директивное планирование, фондирование материально-технических ресурсов и их централизованное распределение, административное (внедоговорное) прикрепление производителей и потребителей, административное ценообразование, бюджетное финансирование как текущей деятельности промышленных предприятий, так и процесса воспроизводства их основных фондов.

Фактически имела место не реформа системы государственного управления промышленностью в целом и ее основных институтов, а формальная, организационно-структурная перестройка аппарата государственного управления.¹ Очевидно, что это далеко не одно и то же.

Основные организационные элементы реформы управления народным хозяйством были заложены в решениях февральского

¹ См.: СП СССР. 1963. № 4. С. 48.

(1957 г.) Пленума ЦК КПСС.¹ Концепция совершенствования управления промышленностью и строительством базировалась на идее сочетания централизованного планового руководства народнохозяйственным комплексом и оперативного управления промышленными предприятиями в границах экономических районов через советы народного хозяйства. В отличие от системы управления предшествующего периода, основу которой составляли отраслевые хозяйственные комплексы, формируемая система управления промышленностью и строительством должна была строиться на базе территориально-экономических комплексов.

Принципиальное отличие идеологии административной реформы 1957 г. от идеологии последовавшей хозяйственной реформы 1965 г. состояло не в том, что в рамках первой была обоснована модель территориального управления, а в рамках второй — модель отраслевого управления. И в том и в другом варианте исходный, организующий стержень в механизме управления занимало *централизованное плановое руководство народнохозяйственным комплексом страны*. В этом смысле обе модели были однородны, относились к одному директивно-централизованному типу. Все дело в специфике подходов к решению организационно-хозяйственных проблем. Реформа 1965 г. была построена на идее *экономической централизации* — сочетания централизованного планирования и хозяйственной самостоятельности промышленных предприятий. В свою очередь, в реформу 1957 г. была заложена другая, прямо противоположная идея *административной децентрализации* — перемещение функций оперативного руководства на уровень специально образуемой для их реализации управленческой надстройки в лице советов народного хозяйства. Именно это обстоятельство и позволило квалифицировать данную реформу как преимущественно административную. На практике она свелась к серии формально-структурных реорганизаций, движимых логикой собственного, внутриаппаратного развития.

Переход к организационным формам управления по территориальному принципу, разумеется, не снимал проблему пропорционального и сбалансированного развития как народнохозяйственного комплекса страны в целом, так и составляющих его отдельных отраслевых комплексов. Отраслевой разрез в развитии экономики должен был обеспечиваться через механизм централизованного планирования. Необходимость единой экономической политики в

¹РГАЭ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 439. Л. 1–69.

общегосударственном масштабе как в территориальном, так и в отраслевом разрезе народнохозяйственного комплекса существенным образом отразилась на положении Госплана СССР. Фактически Госплан СССР превратился в центральный элемент системы управления. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 мая 1958 г. «О мерах по улучшению планирования народного хозяйства» организационный механизм планирования был перестроен в соответствии с генеральной линией развития системы управления промышленностью и строительством.¹

Структура Госплана СССР должна была включать организационные элементы трех видов — сводные экономические отделы, отраслевые плановые отделы и главные управления по межреспубликанским поставкам. Таким образом, было сохранено отраслевое построение внутреннего аппарата Госплана. Сводное и отраслевое планирование, осуществляемое Госпланом СССР и Госпланами союзных республик, призвано было сохранить и обеспечить единство управления внутри народнохозяйственного комплекса, органично совместить территориальную и отраслевую организацию промышленности. Основным моментом в предпринятой реорганизации центрального планового аппарата было появление в нем главных управлений по межреспубликанским поставкам. Основными задачами данных органов были планирование и регулирование поставок наиболее важных видов сырья и продукции, размещения заказов и контроль за выполнением планов материально-технического снабжения и межреспубликанских поставок. Они должны были также организовывать наиболее рациональные связи по поставкам продукции между промышленными предприятиями, совнархозами и союзными республиками.

Реформа с самого начала столкнулась с проблемой, решение которой по существу предопределило содержание всех организационных процессов, связанных с ее практической реализацией. Проблема заключалась в совмещении территориальной организации управления промышленностью и развития отраслевых промышленных комплексов. Закон от 10 мая 1957 г. «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» уже содержал определенную двойственность решений, несмотря на их известный радикализм. Переход от управления через отраслевые министерства и ведомства к формам руководства по территориальному принципу предполагал сохранение

¹См.: СП СССР. 1963. № 5. С. 48.

управленческой специализации по отраслям внутри сложившихся экономических районов.¹ Основной организационной единицей системы управления народнохозяйственным комплексом стали советы народного хозяйства.

Образование системы совнархозов повлекло ликвидацию министерской структуры управления. Предприятия и организации, находившиеся в ведении упраздняемых министерств, были переданы в непосредственное подчинение советам народного хозяйства экономических административных районов. Однако на начальном этапе реформы было решено сохранить ряд общесоюзных министерств. Несмотря на существенное ограничение сферы их управленческой деятельности, выразившееся в сохранении за данными министерствами только функций отраслевого планирования и технического руководства промышленностью, по существу в отношении группы отраслей народного хозяйства организационная структура управления включала в свой состав два типа организационных единиц — министерства и совнархозы и имела два уровня — уровень отраслевого планирования и технического руководства через соответствующие министерства и уровень оперативного управления через соответствующие советы народного хозяйства. Предполагалось, что осуществление отдельных функций министерствами через совнархозы экономических административных районов позволит им в определенной мере регулировать отраслевые пропорции в развитии народнохозяйственного комплекса.

Советы народного хозяйства действовали на основании единого Положения, утвержденного Постановлением Совета Министров СССР от 26 сентября 1957 г., и конституировались в качестве коллегиального органа управления.² Образование характеризовало тенденцию децентрализации в системе государственного управления. Они осуществляли управление народным хозяйством внутри экономических административных районов и в своей деятельности были непосредственно подчинены советам министров союзных республик. Совет Министров СССР осуществлял руководство совнархозами через центральные органы государственного управления республик.

Структура аппарата советов народного хозяйства включала отраслевые управления и функциональные отделы. Состав основных

¹ ГАРФ. Ф. 403. Оп. 9. Д. 2243. Л. 26, 89.

² См.: Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1959. Т. 2. С. 511.

организационных единиц СНХ и содержание их управленческой деятельности воспроизводили ранее существовавшую схему ведомственно-министерского управления — отраслевые главки и функциональные отделы. Формальная специфика состояла в территориальных рамках их деятельности. В качестве основы внутреннего построения аппарата советов народного хозяйства был сохранен производственно-отраслевой принцип. Функциональные подразделения оказывали управленческое воздействие на деятельность предприятий и организаций через отраслевые управления. В общем виде принятая модель хозяйственного управления имела двухуровневый характер: совет народного хозяйства (отраслевое специализированное управление) — предприятие (объект управления).

Организационные отличия новой системы управления народным хозяйством от предшествующей ей формы очевидны. Она первоначально строилась как территориальная форма централизованного управления промышленностью, при которой широкая оперативная самостоятельность совнархозов сочеталась с централизованным плановым руководством на уровне Совета Министров СССР и Госплана СССР. Ведущим звеном общегосударственного регулирования развитием промышленности в целом и составляющих ее территориальных комплексов, как и в прежней модели ведомственно-отраслевого управления, признавалось директивное планирование.

Эволюция системы хозяйственного управления промышленностью протекала в направлении постепенной вертикальной централизации совнархозовской системы (образование республиканских СНХ — июнь 1960 г.,¹ Совета народного хозяйства СССР — январь 1963 г.,² Высшего совета народного хозяйства — март 1963 г.);³ в направлении усложнения системы общегосударственного планирования народного хозяйства (образование Государственного научно-экономического совета при Совете Министров СССР — февраль 1959 г.,⁴ изменение функциональной роли Госплана СССР — январь 1963 г.⁵ и дальнейшее развитие механизма территориального планирования через плановые комиссии крупных экономических рай-

¹ См.: Тимошенко В. П. Сибирь и мировой рынок (Резонанс освоения). Екатеринбург, 1997. С. 86.

² См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов... Т. 10. С. 356.

³ См.: История народного хозяйства Урала (1946–1985). Свердловск, 1990. Ч. 2. С. 83.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же.

онов СССР — декабрь 1963 г.); в направлении формирования дополнительной организационной структуры по осуществлению единой технической политики в отраслях народного хозяйства и по отраслевому планированию (развитие системы государственных отраслевых и производственных комитетов — ноябрь 1962 г., январь 1963 г., март 1963 г.). Практическое осуществление комплекса идей, лежавших в основе реформы, в конечном счете стимулировало возникновение именно тех тенденций в развитии системы управления народным хозяйством (усиление централизации и отраслевой дифференциации государственного аппарата), которые были в значительной степени присущи модели ведомственно-отраслевого хозяйственного управления.

Образование республиканских советов народного хозяйства было первым сдвигом в организационной структуре, построенной на территориальных началах, в направлении формирования многоступенчатой административной системы. Появление промежуточного элемента между совнархозами и советами министров союзных республик было мотивировано потребностью рационального выполнения функций оперативного управления подчиненными предприятиями, функции общегосударственного планового руководства экономикой и функции контроля за выполнением народнохозяйственных планов республик. Было признано необходимым, чтобы СНХ союзных республик сосредоточили внимание на обеспечении реализации планов и координации хозяйственной деятельности совнархозов. Госпланы союзных республик были освобождены от решения оперативных вопросов организации межхозяйственных связей между совнархозами. Республиканские СНХ были подчинены советам министров союзных республик и в пределах возложенных функций осуществляли руководство совнархозами экономических административных районов. Ноябрьский (1962 г.) Пленум ЦК КПСС усилил эту тенденцию в развитии системы управления народным хозяйством. Пленум констатировал, что накопленный «опыт деятельности советов народного хозяйства показал, что крупные совнархозы более квалифицированно управляют отраслями промышленности, обладают большими возможностями для маневрирования материально-техническими ресурсами, располагают лучшими условиями для концентрации и кооперирования производства».¹ В целях «рационального и эффективного использования материальных, трудовых и финансовых ресурсов»

¹ Там же. С. 84.

было решено образовать новый общесоюзный государственный орган — Совет народного хозяйства СССР. СНХ СССР призван был руководить реализацией народнохозяйственных планов промышленности и осуществлять координацию деятельности республиканских совнархозов и совнархозов экономических районов.

Следующим этапом в направлении административной централизации в совнархозовской модели было создание Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР как высшего государственного органа по руководству промышленностью и строительством. Взаимоотношения ВСНХ СССР с другими центральными органами государственного управления строились на началах подчиненности. ВСНХ СССР осуществлял руководство и плановыми органами, и территориальными хозяйственными органами. Управленческая компетенция ВСНХ СССР в этой области отношений была весьма широкой. На него было возложено руководство через соподчиненные общегосударственные органы работой всех отраслей промышленности и строительством, координация деятельности плановых и хозяйственных органов и контроль за исполнением заданий народнохозяйственных планов. Наряду с этими общими задачами ВСНХ СССР обладал полномочиями по оперативному управлению и решению текущих вопросов, возникавших в процессе реализации планов.

Образование ВСНХ вызвало в свою очередь изменения в положении других общеэкономических органов. Централизация руководства народным хозяйством привела к преобразованию Госплана СССР и СНХ СССР из общесоюзных органов управления в органы управления союзно-республиканского значения.¹

Административная перестройка системы хозяйственного управления в тот период шла не только в направлении формальной, механической «разверстки» плановых и оперативных функций между отдельными общегосударственными органами. Более важным моментом для понимания ведущей тенденции организационного развития было то, что текущая реорганизация системы управления сопровождалась формированием разветвленной вертикальной структуры централизованного оперативного руководства народным хозяйством. Внутри совнархозовской системы произошла кардинальная трансформация идейных начал реформы 1957 г. Процесс перемещения основных управленческих полномочий на уровень СНХ экономических административных районов, осуществленный

¹См.: Там же.

на начальных этапах реформы, в последующем был блокирован более мощным обратным процессом — централизацией управления, которая в свою очередь получила последовательное организационное выражение.

В системе управления, построенной по территориальному принципу, в период 1960–1963 гг. наряду с процессом вертикальной централизации интенсивно протекал процесс образования государственных отраслевых и производственных комитетов СССР. Данные организационные единицы выполняли в механизме управления народным хозяйством три самостоятельные функции: отраслевого планирования, технического руководства развитием отдельных отраслей народного хозяйства, оперативного управления рядом отраслей. На государственные отраслевые комитеты СССР были возложены вначале задачи отраслевого планирования и затем, в соответствии с решением ноябрьского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС, и технического руководства. Государственные производственные комитеты СССР по характеру своей управленческой компетенции были аналогичны промышленным министерствам. Они в отличие от отраслевых комитетов имели в своем непосредственном подчинении предприятия и организации, осуществляли оперативное руководство ими, планировали их производственную деятельность и несли ответственность перед центральными органами управления народным хозяйством (ВСНХ СССР и Госстроем СССР) за развитие подведомственных отраслей.

В структуре управления народным хозяйством государственные комитеты того и другого профиля концентрировались вокруг различных организационных элементов системы. На начальном этапе реформы группа государственных отраслевых комитетов, созданная на базе ряда общесоюзных промышленных министерств, была сосредоточена вокруг Госплана СССР. Объединение в систему органов, выполняющих общегосударственное плановое регулирование народного хозяйства, и органов, осуществляющих планирование народного хозяйства в отраслевом разрезе, имело первостепенное значение для пропорционального и сбалансированного развития экономики.

На последующих этапах организационного развития в связи с образованием Высшего совета народного хозяйства СССР, наделенного наряду с оперативными также плановыми полномочиями, часть отраслевых комитетов стала формироваться в составе ВСНХ СССР. Государственные производственные комитеты в количественном отношении занимали небольшой удельный вес в системе

управления народным хозяйством (на завершающем этапе реформы насчитывалось семь организационных единиц данного вида по сравнению с 29 отраслевыми комитетами).¹ Они были включены в зависимости от предметной специализации либо в состав системы ВСНХ СССР, либо в состав системы Госстроя СССР.

Возникнув в качестве организационных единиц, призванных дополнить общеэкономическое планирование экономики внутриотраслевым, государственные отраслевые комитеты постепенно превратились в развитую структурную часть системы управления народным хозяйством, построенной по территориальному принципу. Динамика роста государственных отраслевых комитетов (до 1962 г. — 12, в 1963 г. — 20, на начало 1965 г. — 29) показывала непрерывное повышение функциональной роли отраслевых плановых органов внутри совнархозовской системы. В этом процессе экстенсивного роста однородных организационных единиц весьма отчетливо проявили себя закономерности развития хозяйственного управления административного типа. Причем данный процесс протекал неравномерно внутри системы государственных производственных комитетов и государственных отраслевых комитетов. Внутренняя дифференциация хозяйственного управления по отраслям народного хозяйства имела ограниченный характер по сравнению с его дифференциацией по сферам планового регулирования. Это обстоятельство подтверждало, что на момент начала демонтажа данной модели управления она обладала еще значительным организационным потенциалом будущего развития. Можно предположить с достаточной степенью вероятности, что при дальнейшей эволюции совнархозовской системы государственные производственные комитеты имели бы больший удельный вес.

В этом процессе проявила себя определяющая тенденция организационного развития в рассматриваемый период — восстановление ведомственно-отраслевой системы хозяйственного управления внутри территориальной. Данная линия в развитии системы СНХ составила объективно структурную часть административной реформы 1957 г. Таким образом, идеология реформы и практика ее реализации, должное и сущее не совпали. Весьма симптоматично, что в развитии совнархозовской модели хозяйственного управления в период 1963–1964 гг. достаточно отчетливо обнаружила себя характерная именно для ведомственно-отраслевой модели особенность, заключающаяся в непрерывном механическом делении

¹ ГАСО. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 959. Л. 67–69.

структурных единиц на более дробные, но функционально идентичные образования. На завершающей стадии ее административной эволюции чисто количественные изменения уже доминировали над качественными. Так, Государственный комитет по автоматизации и машиностроению при Госплане СССР был разделен на пять государственных отраслевых комитетов,¹ затем один из «новых» комитетов был преобразован в два самостоятельных отраслевых комитета. Данный способ «структурных» изменений в системе хозяйственного управления приобрел устойчивый характер, что свидетельствовало о появлении регрессных, тупиковых форм и линий в развитии совнархозовской модели.

Углубление процессов централизации и механического роста однородных организационных единиц в период 1961–1963 гг. позволяет сделать вывод о развитии кризиса административной реформы 1957 г. Существенно важным, подкрепляющим данный тезис является то, что после образования системы СНХ основная масса принимаемых решений обеспечивала отраслевое развитие ее организационной структуры. Организационная система, сложившаяся вокруг Госплана СССР, являлась иллюстрацией действительной логики происходивших внутри совнархозовской системы изменений. Удвоение административно-управленческой надстройки над наличной массой «хозяйствующих объектов» — естественный итог бюрократического администрирования в процессах хозяйствования и управления.

Территориальная модель хозяйственного управления в ее совнархозовском варианте в том виде, как она складывалась на завершающем этапе своего существования, все в большей степени превращалась из фактора развития экономики в фактор ее торможения. «Цена» бюрократических решений, вырабатываемых внутри совнархозовской системы, и «потребительная стоимость» ее конечных результатов становились несоизмеримым.

Многоступенчатая, весьма дифференцированная по функциям и уровням управления схема отношений между составными частями — планово-регулирующими, координационными и оперативными — трансформировала постепенно систему СНХ. По мере наращивания звеньев и уровней она превращалась в неуправляемый бюрократический организм, утрачивавший общественный смысл собственного существования. Принятые в рам-

¹ См.: История Урала. Пермь, 1977. Т. 2. С. 397; ГАРФ. Ф. 403. Оп. 9. Д. 675. Л. 34.

ках сохранявшейся административной системы управления и планирования главным образом формально-структурные решения, направленные на ее консервацию, не затрагивали исходных элементов административного механизма и режима хозяйствования.

В итоге организационная ситуация отражалась на эффективности деятельности отдельных промышленных предприятий и организаций. Именно на уровне конкретных промышленных объектов, где планово-организационная неупорядоченность управления проявлялась наиболее очевидно, начали постепенно конституироваться организационные формы, снимавшие в какой-то мере все расширявшееся противоречие между предприятиями, потребностями хозяйственного развития и управленческой надстройкой. Такими формами стали отраслевые производственные объединения. Несмотря на то, что образование данных звеньев в условиях территориальной системы управления промышленностью было заключено в рамки экономических районов, их появление означало определенный сдвиг в совнархозовской системе. Структурные изменения начались не только в управленческой надстройке, но и в хозяйственных звеньях, т. е. стали постепенно охватывать всю систему хозяйственного управления в целом. Процесс административной централизации был, таким образом, частично уравновешен процессом производственно-хозяйственной кооперации. Создание производственных отраслевых объединений на завершающей стадии организационного развития совнархозовской системы было интересным, но не реализованным в полной мере опытом хозяйствования.

Управление промышленностью в совнархозовской модели имело положительные стороны. Оно расширило возможности межотраслевой специализации и кооперации в пределах экономических районов, обеспечило сбалансированное материально-техническое снабжение внутри совнархозов, способствовало приближению оперативного управления к деятельности подведомственных предприятий. Именно здесь лежал хозяйственный потенциал системы территориального хозяйственного управления. *Советы народного хозяйства способствовали в большей мере, чем это могло иметь место в рамках ведомственно-отраслевой системы управления, созданию производственно-хозяйственных комплексов.* Данная линия в развитии СНХ не получила должного завершения, поскольку была приостановлена чисто административным образом.

Образованные комплексы были «разрушены» благодаря формальной разверстке составлявших их производственных звеньев между ведомственно-отраслевыми хозяйственными системами в 1966 г. Межотраслевые объединения в границах отдельных экономических районов были весьма перспективной формой хозяйствования, планирования и управления. Этот факт становится все более очевидным, особенно в свете тех проблем, которые породила ведомственно-отраслевая модель хозяйственного управления.¹

Вместе с тем опыт развития СНХ — это преимущественно опыт развития административной системы хозяйственного управления. Деление отрасли промышленности между экономическими административными районами и как следствие необходимость формирования разветвленной организационной структуры и дополнительных звеньев в виде отраслевых и производственных государственных комитетов существенно осложняли выполнение и управленческих, и хозяйственных задач, возникших на рубеже 1950–1960-х гг. К этому времени наметилось существенное отставание отечественной экономики от стандартов мирового хозяйства. *Страна не вписалась своевременно в орбиту мирового хозяйства. Понадобилось вновь жестко централизовать ресурсы и направить их на реализацию общегосударственных целей и интересов.*

* * *

Итак, при послевоенном восстановлении народного хозяйства и последующем его развитии был взят курс на восстановление и развитие основных сложившихся хозяйственных пропорций и систем планирования и управления. Возникающие проблемы решались через административные импровизации в сфере сочетания элементов отраслевого и территориального управления, расширения прав и интересов предприятий как возможных субъектов регионального развития.

Не сумев создать механизм по внедрению в производство достижений НТП, страна по темпам развития и структуре производства стала быстро отставать от высокоразвитых стран, хотя смогла накопить мощный научный потенциал.

Постепенно усиливалось отставание СССР в развитии инфраструктуры. Предпринятые в годы перестройки реформы по ослаблению государственного управления регионами и внедрению

¹ См.: История Урала. Пермь, 1977. Т. 2. С. 84.

элементов рыночных отношений высветили несоответствие существовавшей в СССР структуры народного хозяйства рыночному механизму функционирования экономики. Остро встал вопрос об источниках государственных доходов, обострилась проблема разделения власти между центром и периферией. Сложившаяся система регионального управления и развития народного хозяйства вступила в стадию распада.

3.3. Территориальные аспекты атомного проекта

Создание ядерного оружия можно по праву отнести к одной из самых захватывающих страниц послевоенной советской истории. Благодаря выдающимся прорывам в развитии науки, техники, производства было обеспечено беспрецедентное наращивание советской военной мощи. И это стало материальной основой превращения Советского Союза в мировую «сверхдержаву». Такого результата удалось добиться в ходе осуществления специальной научно-производственной программы, называемой атомным проектом СССР. Как правило, его запуск относят к выходу в сентябре 1942 г. постановления Государственного комитета обороны «Об организации работ по урану», а завершение датируют концом 1950-х гг. Именно тогда страна обрела возможности для расширенного воспроизводства ядерного и термоядерного оружия, обеспечила их средствами доставки и боевого управления, сформировала развитую инфраструктуру для поддержания «изделий» в высокой степени боевой готовности.¹

Советскому атомному проекту посвящена обширная историография.² Однако пока она не дает ответа на ряд важных вопросов. В частности, нет ясного понимания, чем руководствовались его исполнительные органы при размещении предприятий ядерно-оружейного комплекса, какие факторы они учитывали, какое влияние принимавшиеся ими решения оказывали на пространственную конфигурацию промышленности и научного потенциала, развитие отдельных регионов. Вместе с тем, территориальные

¹ См.: Артемов Е. Т. Советский атомный проект: слагаемые успеха // Российская история. 2017. № 4. С. 139–141.

² См.: Толстиков В. С. Советский атомный проект в отечественной и зарубежной историографии // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 161–167; Мельникова Н. В., Джозефсон П. Американские и российские исследования истории атомного проекта СССР: сравнительный анализ // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37. № 1. С. 85–109; Мельникова Н. В., Бедель А. Э. Атомный проект СССР: современная отечественная историография и источники // Экономическая история: Ежегодник. 2014/15. М., 2016. С. 492–513.

аспекты реализации атомного проекта имели далеко идущие последствия. Специальное обращение к ним позволяет многое прояснить в советской экономической истории второй половины XX в.

Прежде всего нужно отметить, что размещение предприятий атомной отрасли являлось производной от общей стратегии ее развития. Эта стратегия была жестко ориентирована на конечный результат: создание ядерного оружия. В глазах советских лидеров оснащение им Советской Армии оправдывало любые издержки. Не случайно даже в официальных документах атомный проект именовался «задачей № 1». Поэтому в широком смысле материально-технической базой атомного проекта являлась вся экономика страны. Прямо или косвенно на него работали предприятия большинства отраслей тяжелой промышленности. Они обеспечивали атомный проект различными материалами, оборудованием и приборами, комплектующими и электроэнергией. Их исследовательские, конструкторские и проектные организации решали значимые научно-технические проблемы. Это были так называемые «смежники». Одни из них привлекались на плановой основе, другие — выполняли разовые задания. Те «смежники», для которых атомная проблематика становилась основным профилем работы, передавались в непосредственное ведение руководящих органов атомной промышленности. Но большинство из них, выполняя задание атомного проекта, оставались в составе своих министерств и ведомств. Однако ядро формирующейся атомной индустрии составляли предприятия и организации Первого и Второго главных управлений при Совете Министров СССР и их восприемника — Министерства среднего машиностроения. Они занимались добычей и переработкой ураносодержащего сырья, выпуском специальных материалов, конструированием и изготовлением «изделий». Эти базовые для атомного проекта производства создавались с нуля. На строительство и развитие их предприятий выделялись огромные средства. По имеющимся оценкам в середине 1950-х гг. они вышли на уровень 6 млрд руб., что составляло более 4 % ежегодного объема государственных капитальных вложений по всем министерствам и ведомствам.¹

¹ См.: Шестаков В. А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006. С. 164; Полунин В. В. Становление центральных органов управления атомной промышленностью СССР (1945–1953 гг.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 217; Атомный проект СССР: документы и материалы. М.; Саров, 2007. Т. 2, кн. 7. С. 556.

Сначала за стратегию и практику реализации атомного проекта отвечал Специальный комитет при Совете Министров СССР. Он подчинялся лично И. В. Сталину как председателю правительства и никакие партийно-государственные инстанции не имели права вмешиваться в его дела. Спецкомитет, как директивный орган, мог в пределах своей компетенции давать указания любым министерствам и ведомствам. Такая схема организации работы, позволяла без всяких формальных ограничений мобилизовать ресурсы страны для решения «задачи № 1» не считаясь с интересами других секторов экономики и отдельных регионов. Спецкомитет ликвидировали 26 июня 1953 г., в день ареста его председателя Л. П. Берии. Оперативное руководство атомным проектом возложили на Министерство среднего машиностроения. Оно утратило право давать прямые указания другим министерствам и ведомствам без согласования с Совмином СССР и Президиумом ЦК. Но за ним оставили функции «наблюдения и контроля» за выполнением «заданий правительства в области атомной энергии». На практике это означало сохранение высокой степени самостоятельности Минсредмаша в планировании, финансировании и материально-техническом обеспечении работ по атомному проекту, в том числе в части создания, размещения, развития предприятий и организаций атомной отрасли. После смещения Г. М. Маленкова с поста председателя Совмина СССР, верховенство в «атомных делах» перешло к партийной ветви власти в лице Президиума ЦК и его первого секретаря Н. С. Хрущева. Тогда же был образован Совет обороны СССР. Его возглавил Н. С. Хрущев. И этот орган стал высшей инстанцией при решении принципиальных вопросов разработки, производства и оснащения Вооруженных сил ядерным оружием.¹

Ничего принципиально не изменилось после перехода к территориальной схеме управления промышленностью. Ее ввели в ходе т. н. совнархозовской реформы. Она стартовала в мае 1957 г., и вскоре место отраслевых министерств заняли советы народного хозяйства экономических административных районов. Определенное исключение сделали лишь для оборонной промышленности. Ее министерства преобразовали в госкомитеты. Их предприятия и организации подчинили совнархозам. За госкомитетами оставили отраслевое планирование, руководство научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами, внедрение в производство

¹ См.: Артемов Е. Т. Советский атомный проект в системе «командной экономики» // Cahiers du Monde Russe. 2014. Vol. 55. № 3–4. P. 275–281.

новых образцов вооружения. Но свои решения по этим вопросам они должны были согласовывать с совнархозами.¹ Лишь Министерство среднего машиностроения сохранило прежнюю компетенцию. Видимо удалось доказать, что эксперименты с атомной промышленностью могут иметь непредсказуемые последствия, да и слишком уж большим был аппаратный вес и авторитет возглавлявшего его ведомства. Таким образом, отраслевой подход играл определяющую роль в организации работы на протяжении всей реализации атомного проекта. И ему неукоснительно следовали при размещении базовых производств.

Особое внимание в атомном проекте уделялось научному обеспечению работ. Дело в том, что успех всего дела в решающей степени зависел от освоения самых передовых, наукоемких технологий. Не случайно в перечне его главных задач первое место отводилось развитию научных исследований. Затем уже шли вопросы создания сырьевой базы атомной отрасли, производства специальных материалов, оборудования и «готовой продукции» (ядерных боеприпасов).² К разработке научных основ решения атомной проблемы были привлечены десятки академических институтов и отраслевых организаций. Но ключевую роль здесь играли вновь созданные учреждения. Первой и головной научной организацией атомного проекта стала Лаборатория № 2, образованная в 1943 г. (ныне — Российский научный центр «Курчатовский институт»). Формально — она числилась в составе Академии наук СССР, но реально — подчинялась только руководству атомного проекта. Такой же подход использовали при создании еще двух научных учреждений: Лаборатории № 3 АН СССР (сегодня — Российский научный центр «Институт теоретической и экспериментальной физики») и Лаборатория № 11 АН СССР (Радиотехническая лаборатория). Еще одно ведущее научное учреждение атомного проекта — НИИ-9 (в настоящее время — Высокотехнологичный научно-исследовательский институт неорганических материалов им. А. А. Бочвара) образовали в системе НКВД, а затем передали в ведение ПГУ. В подчинении исполнительных органов атомного проекта также находились

¹ См.: Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. 10 мая 1957 г. // Заседание Верховного Совета СССР четвертого созыва. Седьмая сессия (7–10 мая 1957 г.): стенограф. отчет. М., 1957. С. 291–297; Задача особой государственной важности: из истории создания ракетно-ядерного оружия и ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг.): сб. документов. М., 2010. С. 596, 597.

² См.: Атомный проект СССР: документы и материалы. М., 1999. Т. 2, кн. 1. С. 11.

вновь организованные научно-исследовательские и конструкторские центры, непосредственно занятые разработкой ядерных боезарядов: КБ-11 и НИИ-1011 (сегодня это Российские федеральные ядерные центры — ВНИИ экспериментальной и технической физики соответственно). Для решения отдельных задач были созданы институты «А» и «Г», лаборатории «Б» и «В» (там работали приглашенные немецкие специалисты, заключенные и военнопленные), НИИ-10 (ныне — Всероссийский институт химической технологии), филиал № 1 КБ-11 (КБ-25, с 1992 г. — Всероссийский научно-исследовательский институт автоматики им. Н. Л. Духова). В 1945 г. ПГУ передали мощную проектную организацию — ГСПИ-11, от которой затем «отпочковался» еще один проектный институт — ГСПИ-12.

На организацию новых и расширение привлеченных к выполнению заданий атомного проекта научных учреждений направлялись огромные средства. Только в 1946–1948 гг. на строительство их зданий и сооружений, оснащение оборудованием было израсходовано 900 млн рублей капитальных вложений. Для понимания масштабов предпринятых усилий уместно заметить, что аналогичные затраты, ежегодно проходившие в то время по смете Академии наук, составляли 250 млн рублей. В результате, Лаборатория № 2, Лаборатория № 3, КБ-11, Лаборатория № 11, НИИ-9 по заключению заместителя председателя Госплана СССР Н. А. Борисова в считанные годы превратились в мощные научные центры, способные «успешно решать задачи как по проблеме № 1, так и по другим, не менее сложным проблемам народного хозяйства». В выигрыше от участия в атомном проекте оказались многие академические институты. В частности, Институт физической химии «расширился более чем вдвое и по производственным площадям, и по количеству научных сотрудников». Существенно нарастили свой потенциал Институты химической физики, физических проблем, Радиевый институт, Физический институт. А Институт аналитической химии и геохимии, «начавший свою деятельность с простой лаборатории, превратился в крупное, современное научное учреждение» и т. д.¹

Крупные вложения были направлены и на развитие отраслевой науки. В ходе реализации атомного проекта в министерствах машиностроения и приборостроения, тяжелого машиностроения, промышленности средств связи, вооружения, химической промышлен-

¹ Атомный проект СССР: документы и материалы. М., 2002. Т. 2, кн. 3. С. 825, 826; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 30. Л. 47.

ленности для решения его задач создали свыше 20 конструкторских бюро и НИИ.¹ Практически все они, как и академические институты, располагались в Москве и Ленинграде. Для такой дислокации имелись веские основания. В столичных центрах концентрировались основные научно-технические силы страны. Они располагали развитой инфраструктурой. Поэтому здесь было гораздо проще и дешевле развернуть новые исследовательские и конструкторские структуры, особенно с учетом временных ограничений. К тому же, исполнительные органы атомного проекта и ведомства — «смежники» рассматривали научно-технические учреждения как некое продолжение управленческого аппарата, выполняющего информационные и аналитические функции. Согласно такой логики, их следовало держать «под рукой», располагая рядом с собой.

Отдельные исключения объяснялись особенностями деятельности той или иной организации. Так при выборе площадок для размещения КБ-11 и НИИ-1011 в первую очередь учитывались требования соблюдения правил безопасности и секретности проводимых работ, близость к предприятиям-партнерам. В расчет принимались и другие специфические факторы. Территориальное рассредоточение разработчиков было призвано обеспечить устойчивость ядерно-оружейного комплекса в случае прямого военного столкновения с «вероятным противником». А наличие двух аналогичных исследовательско-конструкторских центров повышало эффективность создания новых образцов оружия, внося в этот процесс элементы конкуренции. Поэтому их расположили отдельно на «периферии», в Горьковской и Челябинской областях, построив специальные «закрытые» города. Но такие случаи не отменяли главного: реализация атомного проекта лишь усилила концентрацию научно-технического потенциала страны в немногих, прежде всего в «столичных» центрах. Этому же способствовало осуществление других послевоенных оборонных программ: создания ракетно-космической техники, радиоэлектронного вооружения, реактивной авиации. В результате к середине 1950-х гг. в Москве и Ленинграде и в пределах Московской и Ленинградской областей было сосредоточено 60 % кадрового потенциала отраслевой и 85 % академической науки.² В общем, сосредоточение научной деятельности в относительно немногих центрах является мировой тенденцией.

¹ См.: Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017. С. 267.

² См.: XX Съезд Коммунистической партии Советского Союза: стенограф. отчет. М., 1956. Кн. 1. С. 86; Кн. 2. С. 34.

Вопрос заключается в уровне ее концентрации. И несомненно, что сложившаяся к тому времени пространственная структура научного потенциала страны, плохо согласовывалась с регионализацией научно-технического прогресса, с задачами хозяйственного освоения новых территорий.

При размещении производственных мощностей формирующейся атомной отрасли имелась своя специфика. Предприятия по добыче и первичной переработке ураносодержащих руд были жестко привязаны к их месторождениям. К началу «запуска» атомного проекта одно такое месторождение было уже обнаружено в Средней Азии в Ферганской долине. Для его освоения сразу же организовали Комбинат № 6. И с 1946 г. он стал выдавать «конечный продукт» — металл в химконцентратах. Одновременно, поиски урановых месторождений развернули на всей территории страны. К середине 1950-х гг. проявления урана были открыты в районах Кривого Рога на Украине и Пятигорска — на Кавказе, в Киргизии, в бассейне Колымы, в Забайкалье, ряде других мест. Их сразу же стремились ввести в эксплуатацию.¹ Но руды этих месторождений отличались низким качеством, что удорожало работы и сдерживало наращивание добычи. Жесткий дефицит ураносодержащего сырья ставил под вопрос выполнение амбициозных планов серийного выпуска ядерных зарядов. Гипотетически проблему можно было решить за счет импорта. Однако Соединенные Штаты Америки и Англия установили жесткий контроль над всеми известными в мире месторождениями урана и не желали допускать к ним Советский Союз.² Оставалось ориентироваться только на контролируемые источники. Широкие возможности для расширения сырьевой базы атомного проекта открыло включение в советскую зону влияния стран Восточной и Центральной Европы. В отличие от отечественных месторождений, урановые руды Яхимова (Чехословакия), Саксонии (Германия), Готен (Болгария), Силезии (Польша) содержали больше металла и могли обогащаться механическим способом. Это существенно ускорило организацию их добычи и снижало себестоимость работ. На их освоение были направлены огромные средства. Они составляли до 20 % капиталовложений, выделяемых на создание материально-технической базы атомной отрасли. Но понесенные затраты стоили того. В первой половине 1950-х гг. число занятых на зарубежных

¹ См.: Ветров В. И., Коротков В. В., Куниченко В. В. Сырьевая отрасль ядерной индустрии // Ядерная индустрия России. М., 1999. С. 747–752.

² См.: Helmreich J. Gathering Rare Ores: The Diplomacy of Uranium Acquisition, 1943–1954. Princeton, 1986. P. 33–36, 48.

горнопромышленных предприятиях (формально не включаемых в советскую атомную промышленность) составляло свыше 190 тыс. человек и они на 80 % обеспечивали потребности атомного проекта в ураносодержащем сырье.¹

Включение европейских месторождений в производственно-технологическую цепочку советской атомной индустрии дало существенный временной выигрыш в гонке за обладание ядерным оружием. Но делалось это отнюдь не в ущерб развитию отечественной сырьевой базы. Разведанные промышленные запасы урановых руд в Советском Союзе росли даже опережающими темпами. На их освоение выделялись средства сопоставимые с вложениями в зарубежные предприятия. Лидером по добыче и переработке урановых руд оставался Комбинат № 6. В 1950-е гг. к нему добавились новые предприятия: Комбинат № 7 (Эстония, рядом с Нарвой), Комбинат № 9 (построен на базе Первомайского и Желтореченского месторождений вблизи Кривого Рога), Комбинат № 11 и Рудоуправление № 8 (Киргизия), Рудоуправление № 10 (район Минеральных Вод). Вместе с зарубежными предприятиями они смогли обеспечить как текущие, так и перспективные потребности производства металлического урана в исходном сырье.²

Его выпуск организовали на перепрофилированных предприятиях. При их отборе руководствовались простым принципом: на каком действующем заводе быстрее и проще наладить технологию получения металлического урана. Сначала для этих целей «приспособили» Завод № 12 Наркомата боеприпасов (г. Электросталь, Московская область), создав там соответствующие мощности. Однако он не мог удовлетворить растущих потребностей атомного проекта. Поэтому пришлось организовать еще два химико-металлургических предприятия: одно — путем перепрофилирования пиротехнического завода № 544 Министерства вооружения (г. Глазов, Удмуртия), а второе — на базе строящегося в Новосибирске автозавода, «изъяв» его у Министерства автомобильной и тракторной промышленности.

Металлический уран используется в качестве промежуточного продукта для получения «ядерной взрывчатки» (расщепляющихся материалов). Это, пожалуй, самая трудоемкая и сложная в инженерно-техническом отношении стадия изготовления ядерного оружия. По

¹ См.: Ветров В. И., Коротков В. В., Куниченко В. В. Создание предприятий по добыче и переработке урановых руд // Создание первой советской ядерной бомбы. М., 1995. С. 191–197; Атомный проект СССР: документы и материалы. М., 2005. Т. 2, кн. 5. С. 643, 674.

² См.: Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2, кн. 7. С. 555.

оценке одного из отцов американской программы его создания Эдварда Теллера, если страна налаживает производство расщепляющихся материалов, «то можно считать, что через несколько месяцев она будет обладать бомбой».¹ Такого же мнения придерживался научный руководитель советского атомного проекта И. В. Курчатов. Не случайно он не устал повторять, что «основная трудность осуществления атомной бомбы» заключается в получении плутония и урана-235.² Плутоний — нарабатывается в уран-графитовых и тяжеловодных реакторах, а уран-235 получают путем выделения соответствующего изотопа из природного металлического урана, предварительно переводя его в газообразное химическое соединение со фтором (гексафторид урана). Для организации их производства были разработаны уникальные технологии и построены специальные предприятия.

Принципиальное решение о строительстве первых трех комбинатов — плутониевого, по разделению изотопов диффузионным и электромагнитным способами — приняли в конце 1945 г. К выбору их размещения подошли очень тщательно. В конечном счете, для плутониевого комбината, получившего наименование Комбинат № 817 (ныне — ПО «Маяк»), остановились на районе, прилегающем к озеру Кызыл-Таш в Челябинской области. С одной стороны, он находился недалеко от крупных индустриальных центров Урала, предприятия которых можно было использовать для изготовления отдельных видов необходимого оборудования. Здесь также имелась мощная строительная организация — Челябинметаллургстрой НКВД. Это снимало проблему поиска генподрядчика для проведения необходимых работ. С другой стороны, район отличала низкая плотность населения, что создавало благоприятные условия для решения вопросов безопасности и секретности. Он располагал и огромными запасами воды, крайне необходимой по технологии (для охлаждения активной зоны реакторов). Первую партию «готовой продукции» Комбинат № 817 выдал к началу лета 1949 г. Она была использована для оснащения опытной атомной бомбы, испытанной в августе 1949 г. Но для серийного изготовления «изделий» требовалось совсем иное количество плутония. Для термоядерного оружия нужен был тритий, также нарабатывавшийся в реакторах. Поэтому мощ-

¹ Наука — техника — правление: интеграция науки, техники и технологии, организации и управления в Соединенных Штатах Америки: сб. тр. Всеамериканской конф. по проблемам управления комплексными программами в эпоху научно-технического прогресса. М., 1966. С. 75.

² Атомный проект СССР: документы и материалы. М., 2002. Т. 1, ч. 2. С. 71.

ности Комбината № 817 продолжили наращивать ударными темпами. В строй стали вводить более производительные тяжеловодные реакторы. Производство тяжелой воды для них наладили на ряде заводов министерства химической промышленности, расположенных в различных регионах: Чирчикском электрохимическом комбинате (Узбекская ССР), Днепродзержинском, Горловском, Березняковском азотно-туковых заводах, Кировоканском химкомбинате. Так легче было изыскать необходимые для очень энергоемкого производства электроэнергетические мощности. На отобранных предприятиях возвели специальные цеха, для чего были выделены капитальные вложения во многие сотни миллионов рублей, которые, кстати, прошли по смете Минхимпрома. В результате предпринятых усилий, к середине 1953 г. на Комбинате № 817 действовали уже пять реакторов. Их мощность составляла 280 кг плутония и 700 г трития в год. К тому времени, численность персонала Комбината № 817 превысила 14 тыс. человек. Рядом построили «закрытый» поселок на 34 тыс. жителей. Общие затраты на возведение комбината достигли 4,6 млрд руб. в текущих ценах.¹

Однако для выполнения перспективных планов наращивания ядерного арсенала мощностей Комбината № 817 все же было недостаточно. Поэтому сразу после испытания опытного заряда, Спецкомитет подготовил решение о строительстве второго плутониевого комбината на реке Томь ниже Томска или реке Енисей ниже Красноярска. В конечном счете остановились на втором варианте. Здесь легче было решить вопросы безопасности производства в случае полномасштабной ядерной войны, чему тогда уделялось особое внимание. Комбинат № 815 (ныне Горно-химический комбинат) предписывалось возвести под землей «в скальных породах с заглублением не менее 200–230 метров».² В районе же Томска решили возвести многоцелевое предприятие — Комбинат № 816 (Сибирский химический комбинат). Его планировалось специализировать на производстве трития, необходимого для создания водородных бомб. Попутно в ядерных реакторах должно было нарабатываться до 130 кг плутония ежегодно. Одновременно в составе Комбината № 816 решили построить два диффузионных завода, а также создать мощности по производству металлического обогащенного урана, металлического плутония и т. д. Оба комбината —

¹ См.: Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2, кн. 5. С. 704–706, 716, 717, 778; Т. 2, кн. 7. С. 552.

² Жидков В. ФГУП «Горнохимический комбинат» // Оружие и технологии России. М., 2007. Т. 14. С. 324–326.

№ 815 и № 816 — начали работать во второй половине 1950-х гг. Так что в рамках атомного проекта основным и главным производителем плутония являлся Комбинат № 817.¹

Для производства еще одного делящегося материала — урана-235 — сначала построили газодиффузионный Комбинат № 813 (Уральский электрохимический комбинат). Его также разместили на Урале, между Свердловском и Нижним Тагилом. Здесь проходила высоковольтная линия электропередачи. Поэтому чрезвычайно энергоемкое производство комбината легко было подключить к электросистеме уральского региона, одной из самых мощных в стране. Рядом находился большой пруд, что позволяло наладить обязательное по технологии постоянное охлаждение основного оборудования. В расчет принималось еще одно важное обстоятельство: наличие недостроенного завода Наркомата авиационной промышленности, на базе которого можно было быстро развернуть строительство. Его сразу же передали Первому главному управлению.² Решение о создании комбината приняли в декабре 1945 г. А через год на его строительстве работало уже 16 тыс. человек и их число росло с каждым месяцем. Для обеспечения Комбината № 813 исходным сырьем (гексафторидом урана) реконструировали завод № 752 Минхимпрома (ныне — Кирово-Чепецкий химический комбинат). Первую партию обогащенного урана получили в середине 1949 г., а к концу следующего — суточная производительность Комбината № 813 заметно превысила расчетную мощность. Это был выдающийся научно-технический результат. Советский Союз овладел диффузионной технологией всего на четыре года позже Соединенных Штатов. И только еще две страны смогли повторить их успех — Великобритания, запустившая в 1956 г. свой газодиффузионный завод, и Франция, которая ввела в строй аналогичное предприятие в 1967 г.³

К середине 1950-х гг. капитальные затраты в Комбинат № 813 превысили 4 млрд руб. Число его работников достигло 10 тыс. человек. Он мог производить до 1 100 кг урана-235 в пересчете на 75 % концентрацию.⁴ Однако потребность в нем росла опережающими

¹ См.: Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. С. 203, 204.

² См.: Артемов Е. Т., Бедель А. Э. Укрощение урана. Екатеринбург, 1999. С. 23, 24.

³ См.: Синев Н. М. Обогащенный уран для атомного оружия и энергетики: к истории создания в СССР промышленной технологии и производства высокообогащенного урана (1945–1952 гг.). М., 1992. С. 75.

⁴ См.: Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2, кн. 7. С. 552, 553.

темпами. Запуск в эксплуатацию диффузионных заводов Комбината № 816 частично уменьшил его дефицит. Чтобы решить проблему кардинально решили построить еще два предприятия: Комбинат № 820 (Ангарский электролизный химический комбинат) и завод № 825 (электрохимический завод) в Красноярском крае. Но в строй они вступили уже в 1960-е гг. Так что основным поставщиком обогащенного урана для нужд атомного проекта являлся Комбинат № 813. Стоит отметить, что несмотря на высокие темпы наращивания мощностей по производству урана-235 и плутония, в СССР их тогда выпускалось в несколько раз меньше, чем в Соединенных Штатах.¹ Сказывался более ранний старт американской атомной программы и различия в экономических возможностях стран. Тем не менее, Советскому Союзу удалось наладить производство делящихся материалов, достаточное для серийного изготовления широкой номенклатуры ядерных боезарядов.

Вопросы создания предприятий по серийному выпуску «изделий» начали обсуждаться еще до испытания первой атомной бомбы. Тогда же приняли решение о строительстве первого такого предприятия на площадке КБ-11 (завод № 551, с 1957 г. — Электрохимический завод «Авангард»). Это позволяло существенно сократить сроки и стоимость его возведения, заметно облегчало организацию взаимодействия разработчиков и производственников. Свою первую продукцию он выдал в декабре 1951 г. Но ввод его в строй еще не решал всех проблем серийного производства. Во-первых, Завод № 551 располагал ограниченными мощностями, а, во-вторых, был спроектирован без учета перспектив освоения новых видов «изделий».² Поэтому в конце 1951 — начале 1952 г. решили построить еще два серийных предприятия. Первое наметили возвести «на площадке объекта № 814». Он располагался на севере Свердловской области, в поселке Верхняя Тура. Здесь, начиная с 1947 г., строился завод по электромагнитному разделению изотопов урана. Его первую очередь сдали в эксплуатацию в IV квартале 1950 г. Но оказалось, что электромагнитный метод значительно уступает по эффективности газодиффузионному. Поэтому решили промышленное производство обогащенного урана сосредоточить на Комбинате № 813, где к тому времени уже была освоена

¹ См.: Рябев Л. Атомный проект и современность // Оружие и технологии России. Энциклопедия. XXI век. М., 2007. Т. 14. Ядерный оружейный комплекс. С. 38.

² См.: Завалишин Ю. К., Зотова В. А. Завод № 550 («Авангард») // Ядерная индустрия России. М., 1999. С. 411–414

газодиффузионная технология, а предприятие в Верхней Туре — ликвидировать. Его здания и сооружения вместе с оборудованием и всей инфраструктурой передали вновь организованному серийному заводу № 418 (впоследствии — комбинат «Электрохимприбор»). Завершение строительства нового завода запланировали на I квартал 1953 г. Второе серийное предприятие наметили возвести в Челябинской области южнее города Юрюзани (Завод № 933, впоследствии — Приборостроительный завод). Выбранное месторасположение отвечало всем требованиям секретности, безопасности и к тому же находилось недалеко от поставщиков делящихся материалов. Завод должен был войти в строй в IV квартале 1953 г. Но его пуск, как и Комбината № 814, задержался более чем на год.¹ Так что до 1954 г. единственным работавшим серийным предприятием являлся Завод № 551. Тем не менее к 1 января 1953 г. было произведено 75 «изделий». А в 1959 г. в советском арсенале насчитывалось уже 1 060 ядерных боеприпасов.²

К тому времени в Минсредмаше (после передачи ему Главпромстроя МВД и ряда других организаций) работало свыше полумиллиона человек. Его предприятия располагались в различных регионах. К выбору площадок для их строительства каждый раз подходили ситуативно. Тем не менее, значительная часть базовых производств оказалась сосредоточена на Урале и юге Сибири вблизи от новых индустриальных центров. Здесь имелась развитая транспортная инфраструктура, а удаленность от границ и относительно низкая заселенность позволяли проще решать вопросы безопасности и секретности. Эти районы располагали местными строительными материалами (лес, камень, песок и т. д.), а также необходимыми по технологии электроэнергетическими мощностями и богатыми водными ресурсами. Их промышленность можно было подключить к производству отдельных видов оборудования для формирующейся атомной отрасли. Но кооперационные связи «атомных» предприятий, особенно после образования Минсредмаша, стремились ограничить «атомным» ведомством. Исключение делали только для уникального оборудования, поставляемого по особым нарядам в

¹ См.: Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т. 2, кн. 5. С. 521, 522; Т. 2, кн. 7. С. 338; Надпорожский Л. И., Поляков Л. А., Митюков А. В. «Электрохимприбор» // Ядерная индустрия России. С. 422; Долинин А. В., Щедрин Л. П. Приборостроительный завод, г. Трехгорный // Там же. С. 432.

² См.: Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2, кн. 7. С. 500, 501; Харитон Ю. Б., Бриш А. А. Ядерное вооружение // Вооружение России: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 199.

рамках межотраслевого взаимодействия. Даже внутриотраслевое планирование и организация работы жестко строились по вертикали, через отдельные главки Минсредмаша. Они отвечали за состояние дел в своих подотраслях: горно-металлургическом производстве, выпуске делящихся материалов, серийном изготовлении «изделий» и т. д. Каких-либо управленческих структур, координирующих их деятельность на территориальном уровне, даже во времена совнархозов, не существовало. Так что предприятия атомной промышленности встраивались в региональные хозяйственные комплексы в качестве неких анклавов. Они работали сугубо по своим планам, выступая по отношению к окружающим территориям по преимуществу как дополнительные потребители ресурсов. Это, зачастую, оборачивалось для развития экономики соответствующих регионов крупными проблемами.

В подтверждение сказанному можно привести ряд примеров. Так Уральский электрохимический комбинат, после выхода на проектную мощность во второй половине 1950-х гг., стал потреблять около 3 % производимой в СССР электроэнергии.¹ Аналогичный спрос после ввода в строй предъявляли другие производители делящихся материалов: Сибирский химический комбинат и Электрохимический завод. В то же время Свердловская и Томская области, Красноярский край испытывали жесткий дефицит электроэнергии. Ее недостаток оборачивался «веерными отключениями» потребителей, ограничением нового строительства и т. д. Но подобные «неувязки» во внимание не принимались. Задания по атомному проекту подлежали безусловному исполнению «независимо от степени обеспечения... других нужд народного хозяйства».² Это были не просто слова. В случае нарушения «установленного порядка» виновные в том лица подвергались жестким санкциям вплоть до уголовного преследования. И все руководители — «смежники» очень быстро усвоили жизненную необходимость неукоснительного исполнения доводимых до них требований несмотря на любые издержки.

Были случаи, когда для удовлетворения запросов атомного проекта пришлось пересматривать долгосрочные планы развития и размещения производительных сил страны. Так, в частности, произошло с программой хозяйственного освоения Ангаро-Енисейского региона. В конце 1940-х гг. здесь наметили каскад

¹ См.: Артемов Е. Т., Бедель А. Э. Указ. соч. С. 75.

² Атомный проект СССР: документы и материалы. Саров, 2000. Т. 2, кн. 2. С. 207, 208.

крупных гидроэлектростанций. Их мощности предполагалось задействовать для развития вновь создаваемых энергоемких производств алюминия, магния, ферросплавов, электростали, искусственного волокна и т. п. Это должно было существенно расширить сырьевую базу советской экономики. Но вскоре оказалось, что выпуск запланированного количества «специальных изделий» не обеспечен обогащенным ураном. Для восполнения его дефицита решили построить Ангарский электролизный химический комбинат расчетной стоимостью 5 млрд руб. (в ценах 1952 г.) и гигантским потреблением электроэнергии. За ним сразу зарезервировали половину мощностей возводимой Иркутской ГЭС. Однако она не могла покрыть все потребности комбината в электроэнергии. Только с вводом в строй Братской ГЭС и ЛЭП-500 он получил устойчивую базу электроснабжения. Такой «маневр» имел очевидные последствия. Задачу «вовлечения в эксплуатацию громадных природных ресурсов» Восточной Сибири пришлось отодвинуть на второй план.¹ Это означало существенную корректировку амбициозных планов развития экономики восточных районов страны. Но такова была плата за впечатляющий рывок в военно-технической сфере.

¹ Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2, кн. 5. С. 803–805; Артемов Е. Т. Восточные регионы в проектировках предвоенного Генерального хозяйственного плана // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2013. № 1 (463). С. 161–163.

3.4. Урало-Печорский проект: истоки замысла и причины неудачи

Периодически в кругах отечественных политиков и экономистов актуализируется идея вовлечения минерально-сырьевых ресурсов Северного Урала в уральское промышленное производство. В последний раз на высшем уровне такая инициатива стартовала в 2005 г., когда Президентом Российской Федерации В. В. Путиным на совещании по вопросам развития Уральского федерального округа была поставлена задача разработки проекта «Урал промышленный — Урал Полярный». В качестве его главной цели было определено вовлечение минерально-сырьевых ресурсов Приполярного и Полярного Урала в уральский промышленный комплекс путем создания транспортного коридора по восточному склону Уральского хребта. Основой такого коридора предстояло стать железнодорожной линии Полуночное — Обская-2.¹

Вместе с тем, первая конкретная попытка осуществить интеграцию сырьевых ресурсов Приполярного Урала в промышленное развитие региона была предпринята еще в 1940-е гг. Нам представляется интересным выяснить причины, по которым столь масштабный экономический проект остался не реализованным вплоть до настоящего времени.

Перед Великой Отечественной войной стратегическим направлением индустриального развития Урала стало создание Урало-Кузнецкого комбината, предусматривавшего перевод уральских металлургических предприятий с древесного угля на каменный, а также соединение каменноугольных копей Кузбасса с индустрией Урала путем организации магистрального сообщения между регионами. Такой «широтный» вектор территориальной интеграции экономики восточных районов СССР означал необходимость осуществления масштабных перевозок каменного угля из Западной

¹ См.: Левитин И. Е. Перспективы развития транспортной системы Уральского федерального округа 16–17 мая 2005. URL: http://www.mintrans.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=14700 (дата обращения: 21.05.2015).

Сибири на Урал, и, как следствие, ставил успешное функционирование уральской промышленности в прямую зависимость от регулярности таких перевозок (табл. 1).

Таблица 1

Перевозка каменноугольных грузов по железным дорогам СССР в 1940 г., тыс. т

		Всего прибыло / всего отправлено	Районы отправления					
			Северо-Запад	Центр	Северный Кавказ	Урал	Западная Сибирь	Юг
Районы прибытия	Северо-Запад	6 260,0/ 612,2	422,7	1,1	65,1	0,2	0,4	5 771,3
	Центр	28 641,0/ 6 153,2	146,5	6 140,5	4 230,6	457,8	562,2	16 771,9
	Северный Кавказ	6 244,5/ 9 845,9	0,1	1,5	3 051,7	0,1	–	3 183,7
	Урал	22 161,3/ 12014,8	1,6	1,7	5,4	11 010,4	7 427,7	320,4
	Западная Сибирь	9 395,7/ 18 271,6	0,1	0,2	–	9,6	8 982,3	0,7
	Юг	50 930,3/ 79 197,2	–	3,3	370,4	0,3	0,1	50 261,3

Источник: ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 48а. Д. 2698. Л. 131.

Из табл. 1 видно, что накануне Великой Отечественной войны доля используемых в уральской промышленности западносибирских углей достигала 40 %.

После начала войны потребности военной экономики вынудили правительство резко увеличить объемы производства на металлургических предприятиях Урала. За годы войны только в Свердловской области они в среднем выросли более чем в 2,5 раза.¹ Такой рост требовал пропорционального расширения добычи на Урале железной руды и увеличения объемов используемого уральской металлургией каменного угля, завозившегося сюда из Кузбасса. Связывавшая Центр с Востоком Транссибирская магистраль с трудом справлялась с ростом перевозок, вызванных военными обстоятельствами. Для

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40. Д. 105. Л. 11.

уральской промышленности это грозило серьезными перебоями в получении западносибирского угля, что негативно отразилось бы на стабильности и ритмичности ее работы.

В этих условиях в конце 1941 г. секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по черной металлургии А. Б. Аристов выдвинул идею использования в уральской металлургии печорского каменного угля, крупные залежи которого были открыты еще летом 1930 г. Сам А. Б. Аристов вспоминал об этом так: «...Я стоял у карты, мысленно прикидывая, когда придет заветный угольный эшелон, застрявший где-то в пути. И вдруг меня что-то толкнуло: Печора ведь ближе к Уралу, чем Кузбасс! Я вымерил — почти на тысячу километров! А на Печоре — коксующийся уголь. Недолго думая, позвонил в один из лесозаготовительных трестов в Ивделе, на самом севере области. Возглавлял его тов. Долгих, деятельный, предприимчивый руководитель. Я попросил его поразведать, нет ли удобного перевала через Уральский хребет для дороги, которая соединит его с Печорским угольным бассейном. Долгих на нартах, в собачей упряжке, отправился на изыскание. И вскоре доложил, что нашел наивыгоднейший перевал. Я отыскал это место на карте, прочертил будущую дорогу, и на душе стало как-то легче».¹ Несмотря на то, что проект Аристова в годы войны не нашел поддержки в Москве, а в 1942 г. был даже отнесен к числу вопросов, «которые не надо ставить»,² руководство Свердловской области не прекращало работу в этом направлении.

В 1946 г. секретарь Свердловского обкома ВКП(б) В. И. Недосекин представил правительству обстоятельную записку, в которой подробно обосновывал необходимость переориентации уральской промышленности с западносибирских углей на печорские посредством организации магистрального железнодорожного сообщения вдоль Уральского хребта. В. И. Недосекин указывал, что развитие угольной промышленности Свердловской области резко отстает от потребностей промышленности в топливе, что начинает лимитировать ее работу. К концу 4-й пятилетки прогнозируемая потребность промышленности Урала в угле составляла 20 млн т при максимальном возможном уровне добычи в 4 млн т.³

В этой связи вопрос о строительстве Урало-Печорской железнодорожной магистрали, которая могла бы соединить Печорский каменноугольный бассейн с промышленными центрами Урала,

¹ Аристов А. Б. Незабываемое // Урал. 1981. № 5. С. 23.

² Архив РАН. Ф. 666. Оп. 1. Д. 13. Л. 82.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 218. Л. 50.

приобретал особое значение. С ее помощью предполагалось наладить снабжение промышленности Среднего и Южного Урала печорским углем взамен кузнецкого и обеспечить углем на перспективу металлургическое производство в Ивдельском районе, где на базе местных руд планировалось строительство нового металлургического завода с законченным производственным циклом. Только разведанные запасы печорских углей составляли около 36 млрд т. Они отличались малым содержанием фосфора и серы, давали кокс высокой механической прочности с содержанием фосфора до 0,0034 %, серы 0,5–1,1 %, золы 11–13 %. Это имело особое значение для выплавки бессемеровского чугуна на Ново-Тагильском заводе, а также для производства качественного металла на Серовском заводе. Коксохимические заводы Среднего и Северного Урала, работавшие тогда исключительно на дальнепривозном кузнецком угле, могли полностью перейти на печорские.

При этом расстояние от станций отправления кузнецкого угля до Нижнего Тагила достигало 2 088–2 150 км, до Челябинска — 1 825–1 888 км, до Губахи — 2 401–2 464 км, в то время как месторождения Печоры в среднем были ближе на 700 км. Исходя из этого, маршрут будущей магистрали был определен следующим образом: от Свердловска до станции Полуночное (23 км севернее Ивделя), далее по восточному склону Уральского хребта до бассейна реки Северная Сосьва, далее до Усть-Кожвы, с пересечением горного хребта у 65-й параллели и выходом на соединение с Северо-Печорской железной дорогой. При этом железная дорога должна была пройти вблизи контактной полосы Уральского хребта, где располагались залежи железных руд. Поскольку железная дорога от Свердловска до станции Полуночное, в связи с наличием в районе запасов марганцевых руд, необходимых военной промышленности Урала, была введена еще во время войны, предстояло построить недостающую часть железнодорожной трассы длиной около 600 км (прил. 1).

Сооружение Урало-Печорской магистрали, помимо снабжения промышленности Урала коксующимся углем, открывало возможность расширения рудной базы уральской черной металлургии дальше на север, тем более что разведанные запасы железных руд промышленного значения на Урале при существующих масштабах эксплуатации должны были быть исчерпаны в течение 30 лет.

Урало-Печорскую магистраль предполагалось использовать и для развития на Северном Урале лесной и лесохимической промышленности. Нетронутые массивы хвойных лесов покрывали там пространства в миллионы гектаров. Площадь лесов в одном только

Ивдельском районе превышала 2 млн га с запасами пригодных к рубке лесов свыше 100 млн м³. Перенесение лесозаготовок на север позволило бы сохранить леса Среднего Урала для питания рек.

Общий грузооборот проектируемой дороги в первые годы после ее открытия должен был составить 10 млн т в год. Из них 8–9 млн т должны были составить перевозки в южном направлении (уголь, руда, лес и лесопродукты) и 1,5–2 млн т — в северном (металл, металлоизделия, лес, строительный крепеж, продовольственные товары). Около 70 % всех перевозок (7 млн т) должны были приходиться на печорский уголь, что позволяло разгрузить на соответствующие объемы перевозок Транссибирскую магистраль. Начать строительство магистрали планировалось уже в конце 4-й пятилетки.¹

Проект нашел поддержку и у руководителей Молотовской области. В 1945 г. на конференции по изучению производительных сил Молотовской области заместитель председателя Молотовского облисполкома В. Ф. Тиунов в специальном докладе подчеркнул большое значение Урало-Печорского проекта для комплексного использования природных ресурсов Вишеро-Печорского района Молотовской области. В. Ф. Тиунов выражал уверенность, что «уральская промышленность должна получить соединение с печорскими углями, ухтинской нефтью, ижмо-печорскими газами, использовать энергию вод Западного Урала, развернуть производство легких металлов (магния и алюминия) и широко использовать железные руды Северного Урала. И тогда будет создан гигантский индустриальный узел — Урало-Печорский комбинат, в котором Вишеро-Печорский район займет свое почетное место».²

21 октября 1948 г. соображения В. И. Недосекина были рассмотрены заместителем Председателя Совмина СССР Г. М. Маленковым.³ Свое согласие с проектом выразили все отраслевые министры. Еще 20 октября его поддержало Министерство лесобумажной промышленности, 26 октября поступило согласие Министерств металлургии и угольной промышленности восточных районов. Министерство путей сообщения поддержало проект 12 ноября 1948 г.⁴ Однако возражения против строительства неожиданно поступили со стороны Госплана. Последний 16 ноября 1948 г. настаивал на сосредоточении

¹ Там же. Л. 50–55.

² Тиунов В. Ф. Вишеро-Печорский район и его комплексное освоение // Тр. конф. по изучению производительных сил Молотовской области: в 2-х т. М.; Л., 1947. Т. 1. Народнохозяйственные проблемы Молотовской области. С. 373.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 134. Д. 425. Л. 108–114.

⁴ Там же. Л. 115–118.

усилий на достройке существующей Печорской железной дороги (построена в декабре 1941 г.) с переоборудованием ее в двухпутную магистраль на всем протяжении для снабжения печорскими углями промышленности районов Севера и Северо-Запада.¹ Немедленное строительство Урало-Печорской магистрали, по мнению Госплана, «привело бы лишь к распылению строительных ресурсов и не обеспечило бы ни своевременной достройки Печорской магистрали, ни ввода в действие Урало-Печорской железной дороги».² Возражения Госплана СССР против строительства Урало-Печорской магистрали интересны в том аспекте, что в его же докладе «О предварительном проекте генерального хозяйственного плана СССР на 1946–1965 гг.», представленном в ЦК ВКП(б) и Совмин СССР, был целый раздел, посвященный «Соединению Печорского угольного бассейна с Северным Уралом».³ В разделе отмечалось, что печорские угли до сих пор употреблялись только на Европейском Севере и Северо-Западе, так как Печорский бассейн пока был связан только с этими районами единственной Северо-Печорской железной дорогой. Между тем, по ряду экономических, в особенности транспортных, показателей использование печорских коксующихся углей на Урале имело бы даже существенное преимущество по сравнению с Северо-Западом. Если расстояние от Печорского бассейна до железорудных месторождений Кольского полуострова составляло 2 800 км, а до Череповца — 1 800 км, то до железорудных месторождений Северного Урала только 984 км, до Серова — 1 111 км, до Нижнего Тагила — 1 444 км. Металлургические предприятия Северного и Среднего Урала находились к Печорскому бассейну почти вдвое ближе, чем металлургия Северо-Запада.⁴ В разделе доклада была отмечена также важность сооружения магистрали в плане разгрузки железнодорожного сообщения между Сибирью и Уралом. Резерв паровой мощности при ее постройке должен был составить 7–7,5 млн т, что было равносильно сооружению между Кузбассом и Уралом еще одной однопутной магистрали.⁵ Кроме того, новая магистраль позволяла значительно разгрузить Свердловскую железную дорогу, перевозки угля по которой за годы войны значительно выросли, составив к 1947 г. почти 20 % (табл. 2).

¹ Там же. Л. 119–120.

² Там же. Л. 120.

³ РГАЭ. Ф. 4372. Ф. 96. Д. 239. Л. 28–35.

⁴ Там же. Л. 32–33.

⁵ Там же. Л. 35.

Таблица 2

**Структура грузоперевозок Свердловской железной дороги
в 1940–1947 гг.**

Наименование грузов	Отчет 1940 г.		Отчет 1947 г.	
	Вагонов	%	Вагонов	%
всего перевезено грузов	11 585	100	14 486	100
в т. ч.:				
каменный уголь	156	5,18	635	19,43
руда всех видов	436	14,49	336	10,28
черные металлы	163	5,42	312	9,54
лес	666	22,14	356	10,89
стройматериалы	330	10,97	371	11,35

Источник: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 209. Л. 3.

Проект Госплана предусматривал завершить строительство Урало-Печорской магистрали к 1950 г.¹ И все же, в 1948 г., несмотря на собственные доводы, Госплан СССР высказался против сооружения железной дороги между Печорой и Уралом в пользу модернизации Северо-Печорской дороги, соединявшей Печорский угольный бассейн с Севером и Северо-Западом. Причины, по которым Госплан отдал предпочтение Северо-Западу, могут быть связаны с проблемой функционирования промышленности Ленинграда. Любопытные сведения сообщает на этот счет экономист А. А. Адамеску: «Весной 1948 г. рассматривался важный для послевоенного развития вопрос о выполнении поручений правительства по подготовке программы перестройки ленинградской промышленности. Отмечалось, что до создания собственной топливно-энергетической базы должно быть ограничено развитие промышленности города, в первую очередь несложных — химической и текстильной, чтобы сохранить Ленинград как центр квалифицированного машиностроения, а также приборостроения и судостроения. В связи с этим объем промышленной продукции предусматривалось оставить на довоенном уровне. *Намечалось также подготовить доклад и проект постановления об ускорении строительства Череповецкого металлургического завода*

¹РГАЗ. Ф. 4372. Ф. 96. Д. 243. Л. 113–114.

для обеспечения металлом ленинградской промышленности [курсив мой — М. М.].¹ Северо-Печорская магистраль снабжала и продолжает снабжать в настоящее время именно Череповецкий металлургический комбинат. Таким образом, отказ от строительства Урало-Печорской железной дороги был продиктован именно интересами поддержания промышленности Ленинграда, желанием Госплана сохранить город «как центр квалифицированного машиностроения». Скорее всего, большую роль в принятии такого решения сыграл и тот факт, что в 1948 г. во главе Госплана стоял выходец из Ленинграда Н. А. Вознесенский, близкий к ленинградской политической группировке, уничтоженной в 1949 г. по т. н. «Ленинградскому делу».²

Таким образом, можно заключить, что в послевоенное время имела место конкуренция индустриального Урала с промышленной агломерацией Ленинграда. Последнее, безусловно, является собой любопытную черту советских послевоенных экономических реалий, когда противоречия интересов двух регионов *в условиях планового хозяйства* оказывали прямое воздействие на решения, касающиеся территориальной организации экономики государства.

Урало-Печорский проект остался не реализованным. Даже в 1956 г. промышленность Урала не имела доступа к углю Печорского бассейна. Более того, из Кузбасса на Урал завозилось 100 % коксующегося угля для обеспечения нужд черной металлургии. Доля использования кузнецкого угля в цветной металлургии Урала составляла 38,8 %. В целом, сибирский уголь обеспечивал деятельность индустрии Урала на 26,4 %.³

Говоря о причинах неудачи проекта, нельзя сбрасывать со счетов и экономический фактор. 17–23 ноября 1948 г. в г. Кемерово под руководством Академии наук СССР была проведена конференция по изучению производительных сил Кузбасса, где академик И. П. Бардин отметил, что в случае реализации Урало-Печорского проекта высокие затраты на его осуществление приведут к тому, что «кузнецкие угли будут на Урале дешевле печорских».⁴

¹ Планирование размещения производительных сил СССР: в 2-х ч. М., 1985. Ч. 1. С. 276, 277.

² Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 98, 99.

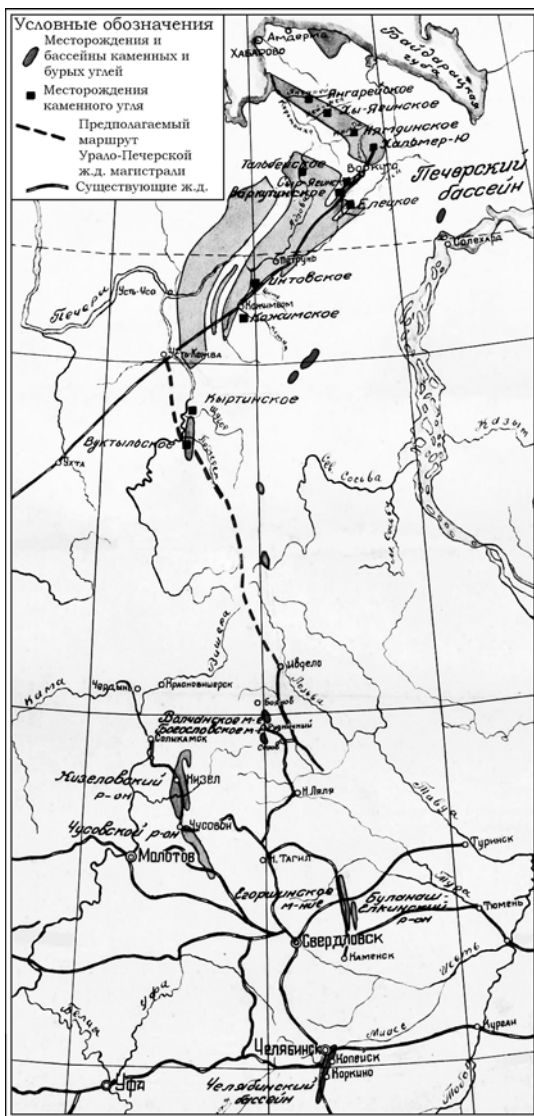
³ Научный архив УрО РАН. Ф. 17. Оп. 3. Д. 9. Л. 9.

⁴ Бардин И. П., Рикман В. В. Черная металлургия в перспективном плане развития Кузбасса // Тр. конф. по изучению производительных сил Кузбасса: в 3 т. М., 1959. Т. 1. Народнохозяйственные проблемы Кузбасса. С. 317, 318.

Отмечалось, что советский проект освоения угольных ресурсов Северного Урала изначально во многом базировался не столько на чисто экономических основаниях, сколько на принципах нового географического размещения производительных сил страны для обеспечения наиболее равномерного использования ее топливно-сырьевых ресурсов. Таким образом, имеются основания предполагать, что, несмотря на официальные заверения конференции о приоритете «социалистических принципов размещения промышленности» над «чисто буржуазными» экономическими принципами конкурентоспособности и прибыльности инвестиций, в реальности в послевоенном СССР экономические соображения в такой же степени имели преимущество над политическими установками — хотя пробивали себе дорогу в основном стихийным и часто скрытым образом. Логика здесь состояла в том, что пятилетние планы требовали от советской промышленности роста конкретных показателей по выплавке стали, чугуна, производства проката и т. д. Однако, правительство, похоже, уже тогда мало заботило, *где и как именно* будет произведена эта продукция. Неудивительно, что, выбирая между дешевым кузнецким углем сейчас и пока что дорогим печорским коксом, уральские власти также делали выбор в пользу Сибири.¹

¹ Подробнее об этом см.: Михеев М. В. Урал — Печора: несостоявшийся проект территориальной реорганизации советской экономики // ЭКО Всероссийский экономический журнал. 2015. № 10. С. 172–183.

Обзорная карта угольных месторождений Урала

Пунктиром отмечена проектируемая Урало-Печорская магистраль
 Источник: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 234. Л. 103.

Раздел IV. Генеральная перспектива: несостоявшийся подъем

4.1. Создание экспортных баз и инфраструктуры

В 1960–1970-е гг. происходит изменение позиционирования Уральского региона в программах освоения восточных районов. Он рассматривался основной базой:

- для создания условий наращивания экспортного потенциала страны;
- материально-технического обеспечения целевых программ освоения ресурсов Сибири и Дальнего Востока;
- проведения широкомасштабной реконструкции и модернизации действующих производств.

С утверждением на рубеже 1950–1960-х гг. психологии «экономического рывка» в будущее региональная политика становится ведущим фактором, оказывающим все большее влияние на характер размещения производительных сил страны. Этот фактор играл большую роль при постановке и решении хозяйственных проблем развития Урала. Речь шла об извлечении максимальных выгод от разработки и экспорта сырьевых ресурсов региона, с одной стороны, и создании технико-технологических условий для форсированного освоения минеральных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, с другой. Предполагалось резко увеличить экспортный потенциал страны, обменять на мировом рынке сырьевые и энергетические ресурсы на современную технологию и оборудование. В резолюции XXI съезда КПСС отмечалось, что меры по углубленному освоению Урала и Сибири позволяют «полнее использовать имеющиеся здесь богатства для подъема экономики всего Советского Союза».¹

¹ Совершенствование управления производством на предприятиях Свердловской области. Свердловск, 1972. С. 121.

Одной из важнейших предпосылок решения этой задачи явился быстрый рост экономики. «Генеральная перспектива» предполагала ускоренное развитие восточных районов страны, где планировалось создание новых мощных металлургических и топливно-энергетических баз, крупной комплексной технологической промышленности и машиностроения. В контрольных цифрах на семилетку ставилась задача достижения быстрых темпов развития лесной и деревообрабатывающей промышленности, строительства железных дорог, крупных нефтеперерабатывающих заводов, магистральных газо- и нефтепроводов. Решение этих хозяйственных проблем должно было привести к созданию новых мощных экспортных баз на востоке страны и, безусловно, нуждалось в соответствующем финансовом и материально-техническом обеспечении.

В 1960-е гг. Уралу отводилась важная роль в решении общегосударственной задачи развития производительных сил, наращивания материально-технической базы производства, совершенствования структуры народного хозяйства. Особенно важным было более полное и эффективное использование созданного производственного потенциала для технического обеспечения создания новых предприятий и реконструкции действующих в обширных восточных регионах, создания мощной экспортной базы.¹

Этапами в развитии народного хозяйства стали семилетний план на 1959–1965 гг. и восьмой пятилетний план на 1966–1970 гг. Следует отметить, что основные из поставленных в этих планах задач в значительной мере удалось решить.

В этот период определенных успехов добилась советская наука. В Советском Союзе были построены первые в мире атомная электростанция и атомный ледокол, запущен первый в мире космический корабль с человеком на борту.

Контрольные цифры семилетнего плана предусматривали сохранение за Уралом ведущего места в стране по производству черных и цветных металлов, а также по уровню развития машиностроения. Наряду с высокими темпами развития машиностроения и металлургии ускоренно развивались такие отрасли, как химическая, и лесная, целлюлозно-бумажная промышленность, нефтехимия, энергетика. Намечалось улучшение структуры топливного баланса, развитие всех видов транспорта и особенно железнодорожного.

XXIII съезд КПСС, состоявшийся в апреле 1966 г., принял Директивы по восьмой пятилетке. Главным содержанием нового восьми-

¹ См.: Там же. С. 13.

летнего плана стало всемерное повышение эффективности общественного производства. На основе достижений науки и техники, повышения эффективности производства и роста производительности труда предусматривалось добиться значительного развития промышленности, транспорта и сельского хозяйства, еще предполагалось существенно поднять уровень жизни народа.

Возросшие масштабы индустрии, рост технического уровня ее отраслей настоятельно требовали совершенствования управления народным хозяйством. По постановлению ЦК КПСС и Совета Министров 26 апреля 1961 г. «Об экономическом районировании и организации советов по координации и планированию в крупных экономических районах» был создан Уральский совет по координации и планированию работы совнархозов (Уралплан).¹ Последний рассматривал основные проблемы комплексного развития промышленности, строительства, транспорта Западно-Уральского, Средне-Уральского и Южно-Уральского совнархозов, разрабатывал рекомендации и предложения по наиболее эффективному использованию природных богатств, производственных фондов и трудовых ресурсов Урала. Подготовленные рекомендации после детального обсуждения в обкомах КПСС, облисполкомах, совнархозах передавались на рассмотрение в Госплан, Советы Министров РСФСР и СССР.

В 1962 г. было проведено экономическое районирование страны. В Уральский экономический район (УЭР) вошли Курганская, Оренбургская, Пермская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области и автономные республики — Башкирская и Удмуртская. Укрупнены совнархозы. В УЭР создано три совнархоза: Западно-Уральский (Пермская область и Удмуртская АССР), Средне-Уральский (Свердловская и Тюменская области), Южно-Уральский (Курганская, Оренбургская и Челябинская области). В 1963 г. из УЭР была выделена Башкирская АССР, которая вошла в Поволжский район, а Тюменская область в 1966 г. стала составной частью Западной Сибири.²

В период деятельности совнархозов на Урале была проведена большая работа по повышению технического уровня производства, его концентрации, созданию специализированных заводов, более эффективному использованию основных производственных фондов, изысканию резервов производства.

Однако народнохозяйственные трудности и неадекватность схемы управления с использованием территориальных принципов

¹ РГАЭ. Ф. 233. Оп. 2. Д. 247. Л. 64–66.

² Там же.

программно-целевой модели достижения общегосударственных целей в региональном развитии привели к тому, что в 1965 г. началось воссоздание отраслевой структуры управления народным хозяйством. Сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС разработал меры по изменению схемы управления промышленностью, совершенствованию планирования и усилению роли экономических стимулов в промышленном производстве.

В промышленности Урала, как и во всей стране, началось осуществление хозяйственной реформы. В январе 1966 г. совнархозы были ликвидированы, управление промышленностью и строительством стало осуществляться по отраслевому принципу — через соответствующие министерства и ведомства.¹ Расширились права предприятий в проведении технической политики, в выборе наиболее рациональных путей выполнения народнохозяйственных планов, появилась возможность шире использовать систему материального стимулирования.²

Административно-территориальное деление страны осталось неизменным. Даже не обсуждался вопрос о возможности совмещения границ экономических районов и административных единиц.

С воссозданием центрального управления народным хозяйством был упразднен Уралплан. В новых условиях повысилась роль и ответственность обкомов КПСС и облисполкомов за решение вопросов комплексного развития экономики региона. Хозяйственная реформа на Урале осуществлялась под постоянным руководством и контролем Совета Министров СССР, Госплана СССР, местных партийных и советских органов.

К концу 1966 г. по новой системе в Свердловской, Челябинской и Пермской областях работало 31 предприятие, в том числе Уралхиммаш, Уральский турбомоторный, Верх-Исетский заводы, Челябинский завод дорожных машин, Пермский велосипедный завод и др. Десять заводов Свердловска, которые перешли на новую систему планирования, в 1966 г. увеличили объем реализованной продукции на 15 млн руб., а прибыль — на 5,7 млн руб. По сравнению с ранее намеченными планами их фонд развития производства вырос в 1,5 раза, фонд социально-культурных мероприятий — в 3 раза, фонд материального поощрения — в 1,5 раза.³

С 1967 г. на Урале развернулся массовый переход промышленных, а также строительных и транспортных предприятий на новые

¹ Там же.

² См.: Уральский рабочий. 1970. 4 марта.

³ РГАЭ. Ф. 233. Оп. 2. Д. 247. Л. 64–66.

условия хозяйствования, который в основном был завершен к концу восьмой пятилетки. В 1970 г. на новых условиях планирования и экономического стимулирования работало 95 % всех предприятий Курганской области, 76 % — Оренбургской, 86 % — Свердловской, 90 % — Челябинской, 96 % — Удмуртской АССР. Большинство из них ускорило темпы роста производительности труда и производства, увеличило прибыль, добилось повышения фондоотдачи и рентабельности.¹

Совершенствование методов управления производством было тесно связано с укрупнением предприятий. В 1960-е гг. улучшение производственной структуры предприятий шло за счет соединения мелких участков и цехов, создания крупных производственных объединений, в которые наряду с головным предприятием входил ряд небольших и средних. Осуществлялся переход на двух-, трехзвенную систему управления.

Работа по созданию производственных объединений в более широких масштабах развернулась на рубеже 1970-х гг. Были созданы крупнейшие объединения в машиностроении: Уралмашзавод, Уралэлектротяжмаш, Уралгидромаш, а также комбинаты: Уралмедь, Свердловспром и др.²

Высокая концентрация промышленности в Уральском регионе облегчала и ускоряла создание объединений. Особенно быстро процесс шел в Свердловской области. Здесь к 1971 г. имелось свыше 50 объединений, фирм и комбинатов, включавших 300 предприятий, на которых работало 30 % промышленно-производственного персонала области.³

В связи с организацией объединений проводилась работа по совершенствованию специализации и кооперирования на предприятиях. Получил распространение эффективный метод технологической специализации, осуществленный на Уралмаше.

Глубокие качественные изменения в управлении производства связывались с внедрением автоматизированных систем управления (АСУ) на базе электронно-вычислительной техники. В 1969 г. государственной комиссии была сдана первая очередь «АСУ-Эльмаш» на Уралэлектротяжмаше — одна из первых подсистем АСУ в стране. Ее внедрение позволило получить значительный экономический эффект за счет сокращения расходов на содержание аппарата

¹ См.: Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. М., 1971. С. 49, 63.

² См.: Внеочередной XXI съезд КПСС: стеногр. отчет. М., 1959. Т. 2. С. 511.

³ См.: Нетрусов А. Восточным районам СССР — мощную экспортную базу // Внешняя торговля. 1963. № 7. С. 24.

управления, более экономного использования материалов, сокращения сверхнормативных запасов материальных ресурсов и других факторов.

Новые важные инициативы по развитию производства на Урале в 1960-е гг. осуществлялись учеными, инженерно-техническими работниками и передовыми рабочими под жестким руководством активизировавших свою деятельность партийных органов. Так, в апреле 1965 г. Свердловский обком КПСС провел областную научно-практическую конференцию, на которой были обсуждены вопросы ускорения научно-технического прогресса в промышленности, строительстве, на транспорте и выработаны рекомендации по внедрению достижений науки и техники в производство на 1966–1970 гг. В подготовке вопросов участвовало более 2 тыс. работников предприятий, НИИ и вузов, а в их обсуждении — 35 тыс. Конференция рекомендовала к внедрению 926 мероприятий с ожидаемым экономическим эффектом в 460 млн руб. Из них за пятилетие было внедрено 756 мероприятий, давших 418 млн руб. экономии.¹ Учитывая большой успех в проделанной работе, Свердловский обком КПСС провел в октябре 1970 г. вторую областную научно-практическую конференцию, утвердившую к внедрению в девятой пятилетке почти 1 600 мероприятий с ожидаемым годовым эффектом более 600 млн руб.²

В организации перевода предприятий на новые условия хозяйствования большую роль сыграла первая в стране межотраслевая экономическая конференция, созванная в январе 1966 г. в Свердловске Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и Госпланом СССР совместно со Свердловским обкомом КПСС.³

В новых условиях хозяйствования появилась объективная необходимость комплексного подхода к проблемам повышения технико-экономических показателей производства. Это и привело к инициированию партийными органами массового движения за разработку и внедрение планов научной организации труда (НОТ), производства и управления, т. е. речь шла об активизации человеческого фактора.

¹ См.: География производительных сил СССР и международное экономическое сотрудничество. М., 1976. С. 171.

² См.: Там же.

³ См.: Ефимкин М. М. Региональные проблемы на востоке России в контексте отечественной и мировой истории // Региональные процессы в Сибири в контексте отечественной и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 61–64.

Внедрение планов НОТ способствовало использованию резервов производства, повышению производительности труда, распространению передового опыта, росту культуры производства. Основной научной организации труда в новых условиях являлось рациональное внутрипроизводственное планирование при усилении хозрасчетных стимулов. Осуществление планов НОТ на предприятиях и стройках Свердловской области уже в 1964–1965 гг., т. е. в самом начале движения, дало экономический эффект свыше 9 млн руб., а в целом за пятилетку (1966–1970 гг.) — более 100 млн руб.¹

Поиски эффективных схем управления, вовлечение в процесс управления коллективов предприятий способствовали повышению эффективности народного хозяйства. Объем производства промышленной продукции Уральского экономического района за 1960–1965 гг. возрос на 48 %, за 1966–1970 гг. — на 47 %. В целом за десять лет объем производимой продукции увеличился более чем вдвое (217 %). Происходило выравнивание экономического развития областей и республик Урала. Наиболее высокими темпами росло промышленное производство в районах с формирующимся новым комплексом производств — в Оренбургской, Курганской областях, Удмуртской АССР.

Темпы роста производительности труда в промышленности УЭР опережали общегосударственные показатели. Высокие темпы роста производительности труда наряду с совершенствованием управления обеспечивались взаимодействием ряда других объективных и субъективных факторов: достигнутым уровнем концентрации производства, постоянным совершенствованием технологических процессов, осуществлением реконструкции предприятий и модернизации оборудования и т. д.

Увеличение индустриального потенциала Урала и наметившиеся связи с внешними рынками давали надежды весьма эффективно использовать ресурсы Урала, Сибири и Дальнего Востока во внешней торговле, а специализация предприятий ряда отраслей на изготовлении экспортной продукции в свою очередь рассматривалась в качестве важного ускорителя освоения этих районов.

В соответствии с имеющимися условиями, основной товарной группой в экспортных поставках из региона виделась продукция лесной и деревообрабатывающей промышленности. В первую очередь учитывались структура и потребности экономики стран Тихоокеанского бассейна и интересы возможных европейских партнеров.

¹ См.: Там же.

Первоочередное решение проблемы создания экспортной базы в отраслях лесной промышленности мотивировалось несколькими причинами. Во-первых, для увеличения производства требовались относительно небольшие капиталовложения и затраты труда; во-вторых, экспорт леса и лесопродуктов давал быстрый экономический эффект; в третьих, для транспортировки экспортных грузов можно было воспользоваться уже имеющимися транспортными коммуникациями — Транссибирской железной дорогой и Северным морским путем.

В перспективе в лесопромышленном комплексе предполагалось сделать упор на развитие производства полуфабрикатов и готовой продукции: пиломатериалов, фанеры, целлюлозы, бумаги и т. д. Уральские предприятия призваны были обеспечить поставки оборудования для намеченных к строительству крупных Братского лесопромышленного комплекса, Красноярского целлюлозно-бумажного комбината, Усть-Илимского, Лесосибирского комплексов, Мухинского и Хурмулинского лесопильно-деревообрабатывающих комбинатов. Основные экспортные базы лесных ресурсов сложились в Тюменской и Томской областях и в Восточной Сибири. Предполагалось их расширение и создание новых на Дальнем Востоке.¹

Географическая близость Урала к емким рынкам Азии создавала дополнительные стимулы для расширения экспортных возможностей в эксплуатации рудных богатств региона. К тому же на Урале предполагалось расширение металлургической базы. На внешний рынок поставлялись различные виды проката, сталь. По первоначальным подсчетам импортная потребность стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки в прокате черных металлов составляла более 3 млн т с возможным ростом потребностей в перспективе. И при разработке планов строительства мощных предприятий черной металлургии учитывались интересы экспорта на эти рынки.

Но значительно большую роль призвано было сыграть уральское тяжелое машиностроение в развитии металлургии цветных металлов, реконструкции действующих предприятий. Ускоренное строительство предприятий соответствовало потребностям мирового рынка. Продукция Новокузнецкого алюминиевого завода и Кузнецкого завода ферросплавов, Красноярского, Пермского и Иркутского заводов, Норильского горно-обогатительного комбината пользовалась спросом и в промышленно развитых странах (Англии, Италии, Финляндии, Норвегии, Японии и др.).

¹ См.: Социально-экономические особенности комплексного освоения районов Севера Тюменской области. Тюмень, 1969. С. 103.

Вывоз черных и цветных металлов и металлургического сырья предполагалось значительно увеличить с освоением Алданского, Аргуньского, Мало-Хинганского и Зее-Селемджинского бассейнов. Наилучшими энерготехнологическими возможностями для развития цветной металлургии располагала Центральная Сибирь, где в перспективе и сложилась основная экспортная база. Энергоемкое производство цветных металлов, конечно же, выгодно было разместить вблизи крупных сибирских гидроэлектростанций.¹ Нужно заметить, что практически все отрасли сибирской цветной металлургии базировались на местном сырье: медь и никель Норильска, свинец и цинк Читинской области, вольфрам, молибден, плавиковый шпат Красноярского края и Бурятии, глинозем Ачинска и т. д. Урал выполнял роль индустриальной опорной базы для освоения сибирских ресурсов.²

В развитии экспортного машиностроения в регионе упор делался на производстве наиболее металлоемкой продукции: оборудования для горной и металлургической промышленности, сельскохозяйственных машин, энергетического и бурового оборудования. Перспектива специализации машиностроения Уральского региона связывалась с наиболее рациональной системой межрайонных и международных связей. За вычетом местных потребностей, продукцию заводов региона предпочтительнее было вывозить на рынки Азии, чем в европейскую часть СССР и страны Европы. Экспортное производство в машиностроении региона развито значительно слабее, чем в других отраслях. В основном продукция находила сбыт в социалистических и развивающихся странах, шла на оснащение строящихся предприятий внутри страны. Алтайский тракторный, Сельхозмаш, Славгородский завод кузнечного оборудования, Барнаульский завод тракторного машиностроения, Новосибирские приборостроительные заводы, Красноярские заводы сельхозмашиностроения, Читинский и Иркутский станкостроительные, Дарасунский завод горного оборудования — адреса поставок оборудования уральских предприятий. Большое количество продукции направляли на объекты, строящиеся за границей при техническом содействии СССР и для комплектации — на другие предприятия страны, выпускающие экспортную продукцию. Собственно, изначально были ясны трудности завоевания рынков развитых капиталистических

¹ РГАЭ. Ф. 233. Оп. 2. Д. 247. Л. 65–66.

² См.: Тимошенко В. П. Сибирь и мировой рынок (Резонанс освоения). Екатеринбург, 1997. С. 27.

стран, закупки оборудования ими на уральских предприятиях но-
силы разовый характер.¹

Огромную роль расширение экспортных возможностей играло в освоении месторождений энергоресурсов и развитии топливно-энергетического комплекса. Разработка месторождений нефти, газа и угля открывала широкие перспективы внешнеторгового взаимодействия. Кузнецкие угли и кокс пользовались широким спросом за рубежом, нефть и газ Обского Севера со временем станут основной статьей экспорта региона. Предполагалось обеспечить разработку месторождений газа и нефти в Якутии, на Сахалине, а также ресурсов Канско-Ачинского и Южно-Якутского угольных бассейнов и создание новых экспортных баз в этой отрасли хозяйства.

Проблема увеличения экспорта энергоресурсов в Европу осложнялась трудностями их транспортировки на дальние расстояния. «Генеральная перспектива» высвечивала два уровня решения проблемы: 1) создание сети нефте- и газопроводов; 2) ориентация на переработку сырья на месте, строительство мощных нефтеперерабатывающих заводов с выпуском продукции необходимого для экспорта ассортимента.

Перемещение центра экспортного производства энергоресурсов в Сибирь сопряжено с увеличением транспортных и производственных расходов. Дистанционный, неблагоприятный фактор мог быть преодолен путем совершенствования и удешевления транспортировки, а также создания в топливообеспеченных восточных районах производственных комплексов, специализирующихся на выпуске экспортной продукции и нефтепереработке. Такой подход мог обеспечить резкое повышение региональной эффективности экспорта энергоресурсов и продуктов их переработки.

В отраслях химической промышленности предполагалось создание экспортных производств на базе месторождений дешевых природных газов и другого химического сырья. Большие возможности открывались для развития нефте- и коксохимии, лесохимии и других отраслей. Большим спросом на мировом рынке пользовались минеральные удобрения, пластмассы, каучук, синтетические и искусственные волокна, разные типы полуфабрикатов. В планах расширения экспорта учитывались будущие возможности предприятий, которые строились на технологической базе Уральского промышленного комплекса — Новокемеровского химкомбината, Омских шинного и завода синтетического каучука, Кемеровского

¹РГАЭ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 3595. Л. 1226; Д. 3612. Л. 141.

азотно-тукового комбината, Алтайских химкомбинатов, Ангарского нефтехимического и Усольского химического комбинатов, Томского и Тобольского нефтехимических комплексов. В отраслях химической промышленности экспортные производства развивались очень высокими темпами: в ходе реконструкции значительно увеличивались мощности действующих предприятий, строились новые. Получили импульс к развитию экспортных поставок и химико-фармацевтические предприятия Сибири: Новосибирские заводы химпрепаратов и химико-фармацевтический, Новокузнецкий, Анжеро-Судженский, Томский химфармзаводы.¹

Таким образом, Уральский регион на новой стадии развития реализовал свою функцию «региона для страны», крупного технологического донора для освоения восточных районов. В то же время огромная территория, большое разнообразие экономических и природно-климатических условий в Уральском регионе определили специфику размещения производительных сил и экспортной базы. Западный Урал должен был играть ведущую роль в экспорте топливно-энергетических ресурсов и металлургического сырья, Средний Урал — в вывозе продукции лесной и деревообрабатывающей промышленности, цветной металлургии. На Южном Урале, наиболее выгодно расположенном по отношению к рынкам стран Азии, предполагалось развивать экспортное производство по широкой номенклатуре товаров.

Экспортные возможности региона подтверждались заметным усилением роли Урала в общесоюзной экономике. В период с седьмой по десятую пятилетку темпы развития экономики региона устойчиво превышали общесоюзные.

По данным Института экономики УрО АН СССР, основные отрасли народного хозяйства региона развивались более высокими темпами, чем в среднем по СССР, а темпы роста экспорта опережали темпы роста производства.² Весь анализируемый период отличался тем, что значительную часть валютной выручки от экспорта страна получила от вывоза руд и концентратов, черных и цветных металлов, лесоматериалов, т. е. тех видов продукции, в производстве которых удельный вес Урала увеличивался. Большинство из ресурсов региона находило неограниченный спрос на мировых товарных рынках.

Крупномасштабность планов создания промышленных комплексов определила своеобразие индустриального развития региона. Для

¹ См.: Уральский рабочий. 1986. 10 июля.

² См.: Там же.

получения максимального уровня производительности труда с учетом объемов производства и недостаточной плотности населения потребовалось применение самой совершенной техники и оборудования. В решении этой задачи также важно значение внешней торговли.

Создание мощной экспортной базы имело для страны народнохозяйственное и международное значение. Во-первых, использование природных ресурсов в целях экспорта являлось сильным импульсом к освоению богатств обширного региона и подъему его экономики; во-вторых, использование ресурсов Урала в соответствии с международным разделением труда и получение в обмен дефицитных и необходимых для народного хозяйства товаров обещали государству большую экономию на материальных и трудовых затратах. Народное хозяйство страны, уже ощущавшее отставание от мировых стандартов, нуждалось в валюте для преодоления технической и технологической отсталости. На XXII съезде КПСС ставилась задача значительного увеличения объемов экспорта и повышения его эффективности. С этой целью намечалось «опережающее развитие вывоза машин, оборудования и других готовых изделий, а также расширение экспорта таких видов сырья, полуфабрикатов и материалов, которые гарантируют высокую валютную выручку». Советские хозяйственные делегации в зарубежных странах стремились привлечь внимание предпринимателей к разработке уральских ресурсов, предлагая очень выгодные для партнеров условия. Например, велись переговоры с австрийскими, западногерманскими, итальянскими, французскими фирмами и банками о предоставлении кредитов под закупки необходимой техники и материалов для создания на Урале нефте-газотранспортного комплекса. Хозяйственная делегация в Японию в начале 1960 г. выразила согласие закупать большие партии оборудования и материалов для разработки сырьевых ресурсов Урала, чтобы увеличить экспорт в Японию на долгосрочной основе интересующих ее товаров из этого региона.

Быстрые темпы развития экономики Урала, недра которого таили неисчерпаемые ресурсы нужного промышленно развитым странам сырья, приковывали интерес и внимание деловых кругов Запада. Этот интерес и послужил предпосылкой сотрудничества на компенсационной основе в разработке месторождений минеральных ресурсов.

Предоставление западными партнерами кредитов на среднесрочной и долгосрочной основе позволило приступить на Урале к осуществлению комплексных межотраслевых программ, которые

учитывали разработку и внедрение систем оборудования, целиком охватывающих весь технологический процесс для Урала, где был высок удельный вес трудоемких видов производства (особенно в отраслях, где значительное число рабочих занято тяжелым физическим — лесной промышленности, а также в работах под землей), применение современной технологии и техники могло создать основу для крупных качественных сдвигов в развитии регионального хозяйства.

Внешнеэкономические связи обеспечивали вклад в развитие научно-технического прогресса в самых разных отраслях хозяйства, особенно с большой долей нового промышленного строительства. Использование в этих случаях зарубежного опыта, документации, технологии, оборудования и материальных средств выводили производство на возможность выработки продукции, отвечающей требованиям мирового рынка.

Иначе говоря, в 1960-е гг. была предпринята попытка: 1) импортировать современное оборудование для эффективной разработки ресурсов Урала, создать мощную экспортную базу в добывающих отраслях; 2) на условиях компенсации сырьем и готовой продукцией наладить при помощи промышленно развитых стран современное производство в обрабатывающей промышленности с ориентацией на мировой рынок; 3) использовать увеличивающиеся в результате расширяющегося экспорта валютные поступления для решения социально-экономических задач, предусмотренных «Генеральной перспективой развития».

Расширение экспорта и, соответственно, увеличение валютной выручки на первых порах сопрягались с большими вложениями в программы разработки месторождений и строительства производств на компенсационной основе. Кроме того, не развитая в регионе производственная и социальная инфраструктура требовала дополнительных затрат. Крупные затраты нужны были для создания транспортных условий экспорта и развития вспомогательных производств.

Существует тесная взаимозависимость между развитием регионального хозяйства и внешнеэкономическими связями. Так, без введения в народнохозяйственный оборот ресурсного потенциала Урала невозможно было проводить соответствующую валютным поступлениям от экспорта политику крупномасштабных закупок на мировом рынке машин и оборудования, зерна, товаров народного потребления. И, наоборот, без западных кредитов, современной техники и оборудования колоссальные планы технологического

развития региона не получали необходимого обеспечения. В исследуемый период внешнеэкономические связи служили толчком для регионального развития, и наоборот. Неслучайно поэтому оказались возможны смена и чередование приоритетов, в конце концов обусловившие форсированный рост экспорта из региона сырьевых материалов и полуфабрикатов.

В соответствии со стратегией развития, кредиты под компенсационные соглашения большей частью направлялись на закупки оборудования и технологии. В 1960-е — первой половине 1970-х гг. осуществлялись крупные закупки импортных машин, оборудования и материалов для топливно-энергетического комплекса, нефтехимии, лесной промышленности. Возникающие социально-экономические трудности в развитии страны также требовали валютных инъекций для уменьшения накала напряжения. Экспорт готовой продукции ожидался в отдаленном будущем, причем значительная часть продукции должна вывозиться в счет погашения кредитов. Поэтому уже в восьмой и девятой пятилетках намечалась тенденция к увеличению экспорта сырья для получения валюты, которая использовалась для поддержания разваливающихся структур командной экономики: масштабных закупок продовольствия, товаров народного потребления, покрытия отставания отечественного машино- и приборостроения за счет увеличения импорта. В структуре экспорта вместо предполагаемого увеличения доли готовых изделий идет обратный процесс: удельный вес машин, оборудования и вообще готовой продукции в советском экспорте уменьшается, сырья и полуфабрикатов — стремительно растет. Только за восьмую пятилетку для оплаты импортных закупок страна увеличила вывоз топлива, промышленного сырья и полуфабрикатов на 44 %. На базе импорта делается попытка обеспечить значительный прирост мощностей по производству трикотажа, обуви, мясной и молочной продукции, концентратов и других товаров народного потребления. Ввоз сельскохозяйственных и промышленных товаров народного потребления и сырья для их производства в общем импорте Советского Союза уже к середине 1970-х гг. составил свыше 40 %.

На решение этих задач направляется и часть кредитов под компенсационные соглашения. Практически каждый договор содержал статьи, оговаривающие объемы закупок товаров народного потребления, расчеты за которые также осуществлялись поставками ресурсов из районов Урала. Компенсационные соглашения становились все более выгодной формой партнерства. Другой важный вопрос — это развитие новых форм внешнеэкономических связей,

которые выходят за рамки обычной торговли, намного расширяют наши возможности и дают, как правило, наибольший эффект. В частности, компенсационные соглашения, когда новые предприятия, полностью принадлежащие нашему государству, создаются в сотрудничестве с иностранными фирмами. Нам предоставляют кредиты, оборудование, лицензии, а мы расплачиваемся частью продукции, которая производится на этих и других предприятиях.

Потребности в валюте, растущие с накоплением внутренних экономических трудностей, определили деформации в развитии огромного региона. Быстрое развитие промышленности Урала достигалось в значительной степени за счет отраслей добывающей промышленности. И это стало особенно явным со второй половины 1960-х гг. По данным А. Г. Гранберга, в десятой и одиннадцатой пятилетках темпы прироста добывающей промышленности на востоке превосходили показатели всего промышленного производства страны и всей добывающей промышленности СССР в 3–4 раза.¹ В середине 80-х гг. доля добывающих отраслей в общем объеме продукции промышленности Урала в 3 раза выше, чем в промышленности страны в целом. В экспорте огромного региона преобладающее положение заняли сырье и полуфабрикаты: нефть, газ, лес, уголь, руды и т. д.²

Роль других отраслей хозяйства, несмотря на планы и прогнозы, в течение 1970–1980-х гг. стремительно уменьшалась. По подсчетам В. П. Чичканова, доля металлургического комплекса и машиностроения в региональном экспорте сократилась в 2,5 раза, химической промышленности — в 2 раза, стройиндустрии, легкой, пищевой промышленности — в 3 раза.³

Стремление к расширению экспорта готовой продукции, характерное для стратегии освоения региона, реализовывалась лишь отчасти и не вышло за рамки промежуточного производства. Главным образом это относится к нефтехимии, на которую в десятой и одиннадцатой пятилетках приходилось свыше 75 % капиталовложений, направляемых на строительство на Урале объектов с использованием импортного оборудования. Некоторые

¹ См.: Гранберг А. Г. Экономика Сибири — задачи структурной политики // Коммунист. 1988. № 2. С. 32.

² См.: Тимошенко В. П. Реформа регионального внешнеэкономического комплекса (поиски и решения). Екатеринбург, 1998. С. 9–17.

³ См.: Татаркин А. И. Диалектика федерального и регионального в макроэкономическом реформировании экономики // Уральский исторический вестник. 1996. № 3. С. 27–38.

сдвиги обозначились в развитии целлюлозно-бумажного экспорта. Но и эти изменения не выпадали из общей тенденции усиления ресурсной направленности экспорта из региона.¹

Практика «проедания ресурсов» сложилась вопреки всякой логике, решениям и программам развития, требованиям технического прогресса. В партийных и правительственных документах 1970–1980-х гг. содержались совершенно противоположные устремления, но они под воздействием комплекса причин внутреннего и внешнего порядка оказались нереализованными. С большим опозданием и не в полном объеме выполнялись решения XXIII–XXIV съездов КПСС о сосредоточении на Урале энергоемких и металлоемких производств, усилении комплексной переработки добываемого сырья. Пятилетние планы по общему росту производства в промышленности Урала за последние 25 лет не выполнялись. Отставания и диспропорции полностью покрывались за счет форсированного экспорта сырья.

Важным направлением развития регионального производства в 1970-е гг. в соответствии с решениями XXIV и XXV съездов КПСС стало использование интенсивных факторов развития народного хозяйства. Возросло значение эффективности общественного производства, производительности труда, экономии материальных ресурсов и трудовых затрат. Основной упор был сделан на более полное использование уже созданного производственного потенциала, его реконструкцию и техническое перевооружение. Наряду с этим с начала 1970-х гг. стали ощущаться определенные трудности в экономическом развитии страны, приведшие к застою и предкризисной ситуации в экономике и социальной жизни. Не было проявлено необходимой настойчивости в пересмотре структурной политики, форм и методов управления, самой психологии хозяйственной деятельности. Это привело к тому, что экономика страны продолжала по инерции развиваться преимущественно на экстенсивной основе.

В реализации региональной стратегии государства в этот период видная роль по-прежнему принадлежала Уральскому экономическому району. Это определялось значением его производственного потенциала в народнохозяйственном комплексе страны. Основу экономики Урала составляла промышленность. По объему промышленного производства район занимал третье место в стране, второе — в Российской Федерации. Уровень территориальной концентрации промышленности в 3 раза превышал общесоюзный.

¹ См.: Внешняя торговля. 1988. № 9. С. 11.

В системе общественного разделения труда Урал специализировался на производстве продукции тяжелой индустрии, доля которой в общем объеме промышленного производства неуклонно повышалась и составила в 1980 г. более 80 %. Ведущими отраслями района являлись машиностроение и металлообработка, металлургическая промышленность. Кроме того, к отраслям специализации относились химическая и нефтехимическая промышленность, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная отрасли.¹

Формированию и развитию экономики Урала в 1970-е гг. способствовали те же положительные факторы, о которых говорилось раньше. Вместе с тем напряженность баланса трудовых ресурсов при отрицательном сальдо миграции населения, отставание в развитии водного хозяйства, транспорта, социальной инфраструктуры и особенно энергетической базы сдерживали развитие района.

Решения XXIV и XXV съездов КПСС предусматривали наращивание экономического потенциала Урала. Планировалось продолжить реконструкцию действующих, а также обеспечить строительство новых предприятий, осуществить дальнейшее развитие черной и цветной металлургии, машиностроения и химической промышленности.

Отраслевая структура промышленности района сохраняла стабильный характер, причем неуклонно повышалась доля отраслей, определяющих научно-технический прогресс. Так, удельный вес машиностроения и металлообработки увеличился в 1971–1980 гг. на 7,2 %, химической и нефтехимической промышленности — на 0,7 %. Темпы развития этих отраслей опережали среднепромышленные соответственно на 46,5 и 20,7 %.²

Интенсивно развивались в это время машиностроение и металлообработка в Удмуртской АССР (производство легковых автомобилей) и Курганской области, в Пермской области — химическая промышленность (производство минеральных удобрений, продуктов нефтехимии), в Оренбургской был создан новый крупный район по добыче и переработке природного газа, введены дополнительные мощности на Ириклинской ГРЭС. Это позволило лучше использовать имеющиеся природно-экономические условия и факторы, более сбалансировано и пропорционально развивать хозяйство района в целом.

В связи с историческими особенностями формирования и раз-

¹ См.: Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. М., 1976. С. 50.

² По расчетам Института экономики УрО РАН.

вития промышленности Урала к началу девятой пятилетки на эффективности и росте промышленного производства отрицательно сказалось наличие большого количества морально и физически устаревшего оборудования. Кроме того, низок был еще уровень механизации и автоматизации вспомогательных производств. Вспомогательные цехи, а в ряде случаев и основные производственные звенья часто располагались в старых, плохо приспособленных помещениях, не позволявших использовать новую прогрессивную технику. Это вызывало необходимость замены устаревшего технологического оборудования новым высокопроизводительным, увеличения мощностей действующих заводов путем реконструкции и расширения существующих цехов, внедрения новых технологических процессов.

В 1970-е гг. проведен новый цикл реконструктивных работ на большей части ведущих предприятий Урала.¹ Реконструкция носила комплексный характер, предполагала концентрацию финансовых и материальных ресурсов, производственных мощностей строительных, монтажных и проектных организаций. Для решения важнейшей проблемы были мобилизованы творческие усилия коллективов, труд которых был направлен на осуществление ускоренной интенсификации и повышение эффективности производства.

В постановлении ЦК КПСС (1972) «Об опыте работы Свердловской партийной организации по увеличению выпуска продукции за счет реконструкции действующих предприятий с минимальными капитальными вложениями» была поставлена задача поощрять и развивать инициативу коллективов, направленную на увеличение объемов производства с минимальными затратами. Возрастающие капитальные вложения в техническое вооружение и реконструкцию действующих предприятий обуславливались прежде всего высокой экономической эффективностью этих форм расширения объемов производства. Обобщение опыта ведущих уральских заводов позволило не только подтвердить экономические преимущества реконструкции и технического перевооружения, но и распространить его в масштабах страны.

Реконструкция и техническое перевооружение действующего производства на ведущих предприятиях Урала носили в девятой и десятой пятилетках многоцелевой комплексный характер. При этом главной их целью был рост производительности труда и объемов производства продукции без увеличения численности работающих.

¹ ГАСО. Ф. 1966. Оп. 1. Д. 1177. Л. 5–12.

Такой характер реконструкции считался наиболее целесообразным, так как в конечном счете был направлен на повышение эффективности производства, его интенсификацию.

В 1970-е гг. на Урале капитальные вложения были сделаны в обновление основных фондов путем реконструкции и технического перевооружения действующих предприятий и развитие материальной базы непромышленной и производственной сфер с ускоренным ростом вложений в те отрасли, которые обеспечивали технический прогресс и повышение жизненного уровня населения.

Важнейшим итогом реконструкции уральских предприятий в этот период стало существенное повышение доли активной части основных производственных фондов, более быстрое обновление оборудования, сокращение затрат живого и овеществленного труда на единицу продукции, экономия капитальных вложений и сокращение сроков ввода новых мощностей.

Осуществление широкой программы реконструкции и нового строительства потребовало значительного роста объемов капитальных вложений. Общие их объемы по Уралу возросли за десятилетие на 174,4 %, а за десятую пятилетку — на 128,8 %. При этом выросли и объемы капитальных вложений на развитие действующего производства. К 1977 г. они достигли 70,1 %. Доля затрат на реконструкцию и техническое перевооружение предприятий в общем объеме капитальных вложений производственного назначения по УЭР составила в 1976 г. 20,1 % и в 1977 г. — 23,7 %. В то же время она была значительно выше на Среднем Урале, где достигала в десятой пятилетке 32 %.¹

Одной из основных причин, сдерживавших повышение эффективности капитального строительства, являлось отставание развития его материально-технической базы. Значительное количество техники, используемой в строительстве, физически и морально устарело. Испытывался острый недостаток в мощных карьерных экскаваторах, бульдозерах, дробилках, грохотах, большегрузных машинах и др. Слабо была механизирована разработка грунтов. Наличие до 50 % ручного труда в строительстве поставило на повестку дня острую проблему увеличения выпуска строительных машин и механизмов, в том числе и таких, которые необходимы для специальных работ при реконструкции действующих производств.²

Оставались крайне низкими и масштабы внедрения в произ-

¹ См.: Татаркин А. И. Указ. соч. С. 31.

² См.: Там же.

водство достижений научно-технического прогресса.

Таким образом, цели, обозначенные стратегией регионального развития Урала, достигнуты с серьезной структурной деформацией. Роль региона в экономике страны и обеспечении ее экспортной составляющей многократно возросла, тогда как сохранялось содержание хозяйственной деятельности — добыча и вывоз богатейших минерально-сырьевых, лесных и горных ресурсов. Структура экспортного производства сместилась в сторону первичных и промежуточных стадий, связанных с добычей и переработкой природного сырья. Круг замкнулся, а хозяйство страны, односторонне участвовавшее в международном разделении труда, увеличило свое отставание от мирового рынка.

Валютные поступления от экспорта уральских ресурсов на некоторое время отодвинули кардинальные хозяйственно-политические решения внутри страны, покрывая трудности функционирования административной экономики. Но массовый импорт оборудования и товаров народного потребления не привел к экономическому подъему. Во-первых, оказались подорваны собственные инженерные усилия в развитии производства; во-вторых, увеличивалось отставание от мирового хозяйства, так как развивались отрасли добычи топлива, сырья, производства продукции с очень низкой степенью наукоемкости. Поэтому логика развития привела к росту расходов на увеличение темпов добычи сырья. Увеличивался вывоз ради ввоза оборудования и материалов для нового роста экспортных поставок сырья и первичных материалов.

В наибольшей мере такая практика затронула интересы огромного региона. Как и в предшествующие периоды советской истории, развитие его хозяйства осуществлялось вне контекста социально-экономических нужд Урала.

В 1980-е годы была предпринята попытка в реализации региональной политики опереться на интересы предприятий в регионах. С этой целью в 1979–1987 гг. осуществлялись меры по существенному изменению хозяйственного механизма с выделением приоритетов интересов предприятий.¹ Существовавший хозяйственный механизм в его территориальном разрезе сложился исторически при значительном преобладании административных методов планирования и управления народным хозяйством над непосредственным взаимодействием территориальных систем. Одним из важнейших

¹ См.: Пригожий А. И. Феномен катастрофы (дилеммы кризисного управления) // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 114–126.

элементов этого механизма были цены, нормативы эффективности, плата за ресурсы и т. п., не приспособленные для сопоставления экономической эффективности различных регионов.

На июньском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС была поставлена задача коренного совершенствования цен, нормативов и платности всех видов ресурсов.

Активизация хозяйственных связей предприятий и локализация их прав в этой сфере требовали адекватного механизма, увязывающего интересы отдельных территорий и отраслей, участвующих в реализации экономических проектов. Недостаточная разработанность такого механизма и преобладание отраслевых решений по использованию результатов труда имели следствием существенные диспропорции в региональном воспроизводимом процессе и потери в конечных народнохозяйственных результатах.

Предусмотренные союзным Центром в рамках первых реформ меры по развитию экономического и научно-технического сотрудничества с социалистическими, развивающимися и капиталистическими странами открывали широкие возможности в развитии прямых производственных связей, создании совместных предприятий, взаимодействию в области технической политики. В конечном счете, эти меры должны были способствовать ускорению социально-экономического развития страны, переводу экономики на путь интенсивного развития, техническому перевооружению производства, расширению ассортимента и улучшению качества потребительских товаров.

Однако на пути эффективной реализации принятых постановлений стоял ряд нерешенных проблем в области совершенствования механизма планирования и управления народным хозяйством страны, включая его территориальный аспект.

Действовавшие нормативы платы за природные ресурсы (например, попенная плата, плата за воду и т. п.) не обеспечивали существенной части полных народнохозяйственных затрат на их воспроизводство и недостаточно учитывали ограниченность (дефицитность) этих ресурсов. Величина заработной платы не отражала даже всех прямых затрат на воспроизводство рабочей силы, так как сюда не включались расходы на медицинское обслуживание, жилье, инфраструктуру, социальное страхование и т. п. Полные затраты существенно превышали прямые, что связано с необходимыми расходами на содержание нетрудоспособных, образование и квалификационную подготовку кадров. Плата за использование трудовых ресурсов только начинала вводиться в эксперименталь-

ном порядке в ряде регионов страны. Обоснование нормативов такой платы нуждалось в специальных научных исследованиях.

Далеки были от совершенства и транспортные тарифы, не отражавшие полных народнохозяйственных затрат на преодоление пространственного разрыва. Применение заниженных нормативов платы за ресурсы приводило к фактическому перекалыванию значительной части затрат на государство, искажению показателей экономической эффективности.

Еще сложнее обстояло дело с территориальной дифференциацией нормативов платы за ресурсы. Несоответствие этой дифференциации реальным народнохозяйственным затратам и потребностям вело к нежелательным последствиям в размещении совместных предприятий, имеющим, как и всякие ошибки в размещении, долговременный характер. Новые предприятия и фирмы стремились в регионы, наиболее подготовленные в инфраструктурном отношении, обеспеченные квалифицированной рабочей силой, т. е. прежде всего в наиболее освоенные и насыщенные промышленностью районы европейской части страны.

При существовавших транспортных тарифах и нормативах платы за ресурсы выгоднее было оплачивать доставку сырьевых ресурсов в европейскую часть страны, чем приближать свои производства к источникам сырья, идя в труднодоступные, инфраструктурно не подготовленные и недостаточно обеспеченные рабочей силой необходимой квалификации восточные районы страны. Однако во многих «выгодных» (при существующих нормативах) районах европейской части уже сложилось трудное положение с природными ресурсами (например, водой) и окружающей средой. Приход сюда новых предприятий усугублял сложившееся положение, делая его критическим. Следует также иметь в виду, что достигли критических размеров нагрузки на транспортную сеть, связывающую западные и восточные районы страны. Рост потребностей в таких перевозках вызывал серьезные сбои в работе транспорта.

Совершенствование экономических нормативов и преодоление нерационального использования природных и сырьевых ресурсов связывались с введением стоимостной (рентной) оценки ресурсов и возмездного характера природопользования. При социализме не имелось социальных мотивов против возмездного характера природопользования и рентные оценки представляли собой экономическую форму реализации общенародной собственности на природные ресурсы. Различие условий приложения труда в раз-

ных регионах страны и ограниченность лучших условий требовали активного использования дифференциальной ренты. При этом, с теоретической точки зрения, плату за ресурсы и другие рентные платежи правильнее связывать не с объемами произведенной продукции, полученной прибылью и (или) другими результирующими показателями, а с объемами использованных ресурсов, т. е. с затратными характеристиками.

Недостаточно удачной представлялась идея выравнивания условий приложения труда через дифференциацию закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию по районам страны. Такая вариация цен фактически направлена на изъятие дифференциальной ренты. Однако в этом случае увеличение производства продукции за счет лучшего использования ресурсов фактически ведет к повышению соответствующей платы за ресурсы и, тем самым, недостаточно стимулирует повышение эффективности их использования. Еще более яркий пример: плата за ресурсы (например, нефть, уголь) с тонны добытого сырья. Такая плата не стимулировала комплексного использования ресурсов (включая использование попутного сырья), так как эффективным с точки зрения локальных интересов часто оказывается извлечение только легкодоступной части сырья. Более обоснованным было бы установление платы не с результирующего показателя (урожая, объема добычи), а с используемого природного фактора (земли, месторождения в целом). Здесь, правда, следует признать, что установление такой платы связано с принципиальными трудностями (оценка земли, природных ресурсов и др.).

Активизация хозяйственной деятельности предприятий, расширение прав в этой сфере отдельных предприятий, министерств и ведомств — мера безусловно прогрессивная. Однако важно понимать, что это не могло не мультиплицировать существовавшие недостатки в хозяйственном механизме и, особенно, его территориальном аспекте. Конечно, и сегодня эти недостатки оказывают негативное воздействие на экономическое развитие страны. Вместе с тем в ряде случаев это воздействие ограничивалось перераспределением эффекта между регионами страны. Во многих ситуациях принимались прямые административные решения, вопреки расчетам экономической эффективности. Возможности прямого административного вмешательства сохранились и основное регулирование не осуществлялось через систему экономических нормативов и показателей.

Одним из основных направлений совершенствования хозяй-

ственного механизма в нашей стране как раз и являлось расширение сферы действия экономических нормативов и стимулов. Однако следует понимать, что это процесс постепенный и требовал определенного времени, особенно в сфере территориального планирования и управления народным хозяйством страны.

Набор кризисных проблем не оставлял времени для «мягкого», поэтапного перенесения перераспределительных функций с уровня государства на региональный и уровень субъектов хозяйственной деятельности.

Государство, опираясь на рычаги ведомственно-отраслевого управления, использовало природные богатства региона для поддержания статус-кво и столь своеобразного погашения кризиса в стране. На Урале практика перераспределения средств, иными словами, материального поощрения производства с очень низкой общественной значимостью, породила серьезные экономические и социальные трудности, противоречила принципам социальной справедливости.

Вероятнее всего, сложившиеся в прошлом тенденции регионального развития Урала имеют характер долговременного действия. И в обозримой перспективе сохраняются сырьевая направленность экспорта и преобладание производств добывающей промышленности.

Последняя четверть века показала утопичность надежд на стабильный и прочный экономический подъем, опирающийся на методы «экономического скачка». Так же, как индустриализация в 1930-е гг., основанная практически целиком на импорте обрабатывающей промышленности, «генеральная перспектива» 60–70-х гг. не привела к ожидаемым результатам. Попытка обеспечить экономический подъем и решение социальных проблем путем получения средств от вывоза природных богатств обернулась иждивенческой психологией задействованных в производстве людей, вызванной эффектом «нефтедолларового существования».

На первый взгляд, стратегия использования возможностей внешней торговли в освоении природных богатств и использовании полученных средств для экономического подъема страны оказалась слабой в плане учета конкретных условий ее осуществления. Но эту слабость, нельзя свести только к просчетам в разработке и реализации планов. Планы, хотя и не в полном объеме и не всегда последовательно, но выполнялись. Деформации в хозяйственной структуре Урала были вызваны двумя группами причин: 1) противоречиями действовавшего хозяйственного механизма, несовпа-

дением общегосударственных, ведомственных и территориальных интересов; 2) спецификой политико-правового обеспечения региональной деятельности в условиях административного централизма. «Генеральная перспектива» опиралась на тенденции в развитии межгосударственных отношений, долговременность которых была весьма проблематичной.

4.2. Освоение нефтегазовых ресурсов Тюменского Севера

Разработка стратегии освоения природных богатств Тюменского Севера предполагала наличие четко сформулированного курса на достижение социально-экономических целей, постановку долгосрочных и среднесрочных задач, определение их иерархии и соподчинения, методов решения и соответствующее распределение ресурсов. Задачи промышленного развития территории ставились, главным образом, в рамках решений ЦК КПСС и Правительства по Западно-Сибирскому нефтегазовому комплексу. «Фактически постановления ЦК КПСС и Совмина СССР по ЗСНГК для внутривозрастной жизни страны имели силу закона», — писал В. И. Долгих, курировавший в ЦК вопросы развития тяжелой промышленности и энергетики, формирование ЗСНГК.¹

Следует добавить, что: 1) запаздывание или принятие неверных решений высшим партийным руководством дорого стоило и региону, и стране; 2) в результате системного кризиса, нараставшего в СССР в 1970–80-х гг., происходило ослабление властной вертикали. Центральные органы утрачивали былые возможности контролировать выполнение своих же решений.

Прогнозирование и планирование в условиях создания крупного нефтегазодобывающего района имели особое значение. В 1960-е гг. основными методами такого прогнозирования были экспертные оценки различных организаций, связанных с геологоразведкой, добычей нефти и газа, планированием развития промышленности. Единой точки зрения на перспективы новой нефтегазоносной провинции Советского Союза не существовало до конца 1960-х гг.

Начальный этап создания нефтяной и газовой промышленности региона был связан с выполнением постановления Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г. «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых

¹См.: Долгих В. И. Область особой заботы // Нефтегазостроители Западной Сибири. М., 2004. Кн. 1. С. 18.

месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области».¹ Предусматривалась разработка схемы размещения предприятий, связанных с развитием нефтяной и газовой промышленности, намечалось проектирование и строительство промысловых объектов, рабочих поселков, решение проблем транспорта, энергоснабжения и связи, кадровых и социальных вопросов. То есть был заложен принцип комплексного решения проблем создания новых в регионе отраслей индустрии.

Комплексный подход к развитию производительных сил Тюменской области и ее северных округов, где намечалось строительство нефте- и газопромислов, требовал всесторонней проработки многих проблем, создания генерального плана развития ЗСНГК на длительную перспективу с соблюдением в нем правильных пропорций и связей. XXIII съезд КПСС (март — апрель 1966 г.) нацеливал партийные и хозяйственные органы на улучшение размещения производительных сил, комплексное развитие и специализацию хозяйства экономических районов, правильное сочетание территориального планирования с отраслевым принципом управления народным хозяйством.² Однако до конца 1960-х гг. не только долгосрочной (на 15–20 лет), но и среднесрочной программы развития нефтегазовой промышленности в Западной Сибири подготовлено не было. Только в декабре 1969 г., через пять с лишним лет после начала эксплуатации месторождений региона, было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири», определившее задачи развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса на ближайшие 10 лет. Цель программы создания новой топливно-энергетической базы СССР была задана в виде контрольных цифр по добыче нефти на 1975 и 1980 гг. Кроме того, была определена совокупность сопряженных задач, необходимых для достижения народнохозяйственных целей освоения.

Реализация программы проходила в рамках отраслевого управления, давшего на первых порах положительные результаты. Его стержень — сквозная система планирования от Госплана до предприятий, нацеленная на отраслевое обеспечение материальными и финансовыми ресурсами. Но в руках одного министерства невозможно было сосредоточить все, что необходимо развитию

¹ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5. С. 427–433.

² См.: XXIII съезд КПСС. Стеногр. отчет. Т.2. М., 1966. С. 362.

экономики региона. Многоотраслевые промышленные узлы — Надымский, Новоуренгойский, Ноябрьский, Пуровский — со своими социально-экономическими проблемами стали такими же важными звеньями, как и отраслевые объединения.¹

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1969 г. было своеобразной программой развития ЗСНГК на период до 1980 г., поэтому в 1970-е гг. ЦК КПСС и Совмин СССР неоднократно давали поручения Госплану СССР составить новую перспективную программу развития комплекса, однако плановые органы и министерства медлили. Партийно-правительственные директивные документы по отдельным проблемам развития ЗСНГК принимались в 1970-е гг., но все они носили скорее характер прямого реагирования, нежели перспективного планирования.

Вместе с тем, говорить об импровизационном характере процесса создания главной топливной базы СССР — значит упрощать картину. В конце 1960-х гг. руководство страны сделало выбор в пользу освоения газовых месторождений Тюменского Севера, а выполнить эту задачу только концентрацией ресурсов в новом районе было невозможно. Предстояло решить сложные научно-технические проблемы: осуществление бурения в районах вечной мерзлоты, создание надежных конструкций высокодебитных газовых скважин в условиях многолетнемерзлых пород, производство высокоэкономичных труб большого диаметра для дальнего транспорта газа, и многие другие. Освоение велось с использованием новых технологий и техники, организационных и управленческих решений.

На 1-м этапе (до середины 1970-х гг.) политика создания новой топливной базы заключалась, главным образом, в разработке уникальных по концентрации запасов нефтяных месторождений в Ханты-Мансийском национальном округе и газового месторождения Медвежье (с 1972 г.) в Ямало-Ненецком округе (Надымский район). Возникло несколько крупных промышленных узлов, на Дальнем Севере — Надымский. На втором этапе формирования ЗСНГК (1976–1990 гг.) произошел сдвиг инвестиционной деятельности и добывающей промышленности в новые районы, главным образом, на Дальний Север (Ямало-Ненецкий округ), включая Арктическую зону (Ямбург, хозяйственное освоение которого опиралось на производственный потенциал Нового Уренгоя).

¹ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 7. С. 579–582.

Выбор ускоренной модели развития комплекса требовал значительных капиталовложений в районы нового промышленного освоения (РНПО) и Правительство решилось на этот шаг, были привлечены необычные по размеру инвестиционные ресурсы, в том числе в центры газо- и нефтедобычи Ямала — Надым, Новый Уренгой, Ноябрьский и Пуровский районы. Капитальные вложения на освоение газовых месторождений Севера составили к 1976 г. более 2,2 млрд руб., в том числе только за годы 9-й пятилетки (1971–1975 гг.) 2,0 млрд руб. В следующей пятилетке они выросли более, чем в 2 раза.¹ В XI-й пятилетке капиталовложения в Ямало-Ненецкий автономный округ составили 14,3 млрд рублей, в 1986–1989 гг. — 22,2 млрд руб. Львиная доля инвестиций направлялась в быстро растущие центры газо- и нефтедобычи округа. Так, в десятой и одиннадцатой пятилетках (до 1989 г.) в Новый Уренгой было вложено соответственно 4,4 и 4,3 млрд руб., в Ноябрьск — 2,5 и 4,8 млрд, в Надымский район — 3,3 и 7,2 млрд, в г. Надым — 2,9 и 5,7 млрд, в Пуровский район — 1,5 и 2,95 млрд рублей.²

Однако, в финансировании «стройки века» явный приоритет был отдан производственной сфере в ущерб созданию нормальных условий жизни для тех, кто ее формировал. Ведомства зачастую рассматривали города и поселки как дорогое приложение к газо- и нефтепромыслам. Капиталовложения в строительство городов составляли лишь десятую часть от общего объема затрат на освоение крупных месторождений.³ Возникшая в результате такой политики проблема жилья накладывала свой отпечаток на решение практически всех вопросов, потому что не позволяла в полной мере обеспечить предприятия квалифицированными рабочими и специалистами. На начало 1980 г. ПО «Уренгойгаздобыча» было укомплектовано кадрами лишь на 68,4%.⁴ К этому времени в Новом Уренгое проживало 17 тыс. человек, но не было ни одного капитального дома. Подавляющая часть людей жила в самодельных балках и вагончиках. Близок к такому положению был базовый поселок месторождения Медвежье — Пангоды. Вблизи Надыма также были разбросаны по большой площади тысячи балков и вагончиков. «В СССР вряд ли найдется какое-нибудь другое место с таким отношением к быту трудящихся, — писал в 1980 г. академик А. Г. Аганбегян, — и это в районе, обеспечивающем весь прирост добычи природного газа в

¹ ГАТО. Ф. 2101. Оп. 1. Д. 561. Л. 112, 121.

² Там же. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 3230. Л. 4об.

³ См.: Куцев Г. Ф. Человек в северном городе. Свердловск, 1987. С. 66.

⁴ ГАТО. Ф. 2101. Оп. 1. Д. 957. Л. 2.

стране».¹ По подсчетам экономистов из Сибирского отделения АН СССР убытки только из-за миграции и повышенной текучести кадров впятеро превышали объем средств, необходимых для создания нормальной социальной инфраструктуры.²

Отсутствие жилья для работников обусловило и такую важную составляющую стратегии освоения Крайнего Севера как вахтово-экспедиционный метод (ВЭМ) организации работ. Многие западные исследователи увидели в его широком применении отказ от существенных элементов концепции комплексного освоения нефтегазодобывающих районов Севера. Действительно, широкое использование ВЭМ со второй половины 1970-х гг. было во многом вынужденной мерой — работников просто негде было селить. При этом ВЭМ использовался неумело. Упор был сделан на развитие межрегиональной вахты, более затратной, чем внутрирегиональная. Производственным объединением «Севергазпром» для комплектации вахт привлекались трудовые ресурсы более чем из 100 городов СССР.³ В 1988 г. в ЯНАО работали вахтово-экспедиционным методом почти 9 тыс. газовиков, из них 5 600 человек были заняты на Ямбургском месторождении.⁴ Использование на полуострове Ямал вахтового метода в той же форме как на Уренгое и Ямбурге усугубило недостатки ВЭМ: большие транспортные расходы, потери рабочего времени, нарушение организации труда, отрицательное воздействие на здоровье вахтового персонала в силу сложных природно-климатических условий и частой сменяемости вахт.

Наряду с быстрым ростом инвестиций в газовый Север предусматривалось, особенно на начальном этапе освоения, всемерное развитие науки. К 1965 г. в Сибири работали десятки академических институтов, которые помогли в решении проблем развития производительных сил Севера. Поначалу их деятельность координировало Сибирское отделение АН СССР. Руководство Тюмени добилось от соответствующих органов создания новых и укрепления имевшихся научно-исследовательских и проектных учреждений непосредственно в РНПО. Крупнейшими из них стали Западно-Сибирский научно-исследовательский геологоразведочный институт (ЗапСибНИГНИ) и Государственный научно-исследовательский и проектный институт нефтяной и газовой промышленности

¹ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 219. Д. 107. Л. 119.

² См.: Огнев И., Шилов В. Не откладывать на завтра // Советская Россия. 1985. 1 дек.

³ ГАТО. Ф. 2101. Оп. 1. Д. 1528. Л. 32.

⁴ Там же.

(«Гипротюменнефтегаз»). Важное место среди научных подразделений занял созданный в 1966 г. Тюменский филиал Всесоюзного НИИ природных газов, преобразованный в 1971 г. в Сибирский научно-исследовательский и проектный институт природных газов «СИБНИПИГАЗ», а в 1973 г. — в «ТюменьНИИГипрогаз». Над решением проблем освоения газовых месторождений Тюменского Севера работало свыше 30 научно-исследовательских и проектных институтов, но основные разработки осуществлялись институтом «ТюменьНИИГипрогаз». 90 % всех исследований проводились по проблемам освоения Медвежьего и Уренгойского месторождений: совершенствование технологии бурения и крепления скважин, испытание комплекса скважинного оборудования, исследование установок по подготовке газа к дальнему транспорту и т. д.¹

В 1970 г. в Тюменской области были образованы в порядке эксперимента одни из первых в стране научно-производственные объединения (НПО) на основе подчинения главным территориальным производственным управлениям нефтяной, газовой промышленности, нефтегазового строительства и геологии соответствующих региональных научно-исследовательских и проектных институтов. ТюменьНИИГипрогаз вошел в структуру ПО Тюменгазпром. В январе 1974 г. в связи со значительным увеличением объема научно-исследовательских и проектно-изыскательских работ на газовых месторождениях Тюменского Севера — Медвежьем, Уренгойском, Вынгапуровском — была создана на базе Ямало-Ненецкой и Уренгойской комплексных экспедиций и проектно-изыскательских подразделений ТюменьНИИГипрогаза Северная комплексная научно-изыскательская экспедиция ТюменьНИИГипрогаза с размещением в г. Надыме.² В результате перестройки значительно окрепла научно-техническая база предприятий.

Отмечая успехи в разработке научно-технической политики на этапе создания нового газодобывающего района, следует сказать, что многое из положительного опыта в последующий период было утрачено. Утверждение идеи о необходимости ускоренного варианта формирования нефтегазодобывающего комплекса сделало невозможной реализацию идеи «комплексного освоения». То обстоятельство, что разработка концепции освоения и ее реализация осуществлялись параллельно, неизбежно порождало просчеты и ошибки.

¹ ГАТО. Ф. 2101. Оп. 1. Д. 446. Л. 26.

² Там же. Д. 458. Л. 4.

Медленно разрабатывалась новая техника, специально предназначенная для работы в сложных горно-геологических и природно-климатических условиях тюменского Севера. В 1960–1970-е гг. и позже использовались главным образом серийные буровые установки, транспортные средства, промысловое оборудование, приспособленные производственниками к северным условиям. Из-за недостаточного количества производимой в северном исполнении техники в районах с низкими температурами в зимний период приходилось эксплуатировать машины, предназначенные для умеренного климата, что приводило к снижению их производительности в среднем в 1,5 раза по сравнению с летним периодом, фактический срок службы сокращался по сравнению с нормативами в 2–3,5 раза.¹ Обращения Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ) СССР в Академию Наук СССР, соответствующие министерства и Госплан СССР с предложениями расширить объемы научных исследований, связанных с созданием и освоением серийного производства техники в северном исполнении, расширением производственных мощностей для их выпуска остались без должного внимания. Удельный вес такой техники в общем производстве не превышал 2–3 %.²

Внедрение научно-технического прогресса неоправданно затягивалось и в других сферах, капиталовложения на эти цели были незначительны. Если на фундаментальные исследования и разработки они составляли в общей сумме 10 %, на прикладные — 85 %, то на внедрение — лишь 5 %, при оптимальном соотношении 10, 30 и 60 %.³ В результате, недостатка в новинках не было, но производственники их своевременно не получали. Такая ситуация была характерна не только для ЗСНГК, но и для промышленности СССР в целом. По оценкам экономистов, в 1970–1980-х гг. отставание СССР от Запада в области нововведений составляло 15–20 лет, увеличившись по сравнению с серединой 1960-х гг. почти вдвое. Средняя продолжительность научно-производственного цикла в СССР составляла в 1970-е гг. 17,5 лет, в то время как в США — 6–8 лет при снижении этого срока к концу 70-х гг. до 4–5 лет.⁴

¹ Там же. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 2613. Л. 144.

² См.: Возняк В. Я. Проблемы экономики строительства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. М., 1983. С. 51.

³ См.: Пашков Н. М., Карпов В. П. Научно-техническое обеспечение Западно-Сибирского нефтегазового комплекса: опыт и проблемы // Нефть и газ Западной Сибири. Т. 3.: тез. докл. IV обл. науч.-практ. конф. Тюмень 1987. С. 190.

⁴ См.: Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993. С. 209.

Огромную роль в разработке и реализации концепции промышленного освоения тюменского Севера играл фактор времени. «Страна не могла ждать десятилетия, пока весь район будет детально изучен...», — пишет бывший председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков.¹ Поэтому обычная на зарубежном Севере цепь освоения: сначала полная разведка месторождений, затем создание социальной и производственной инфраструктуры в РНПО, и после этого собственно добыча природных ресурсов — была отвергнута. Сибирские нефть и газ стали компенсатором неэффективной экономики СССР. В результате принятия ускоренного варианта разработки месторождений, освоение северных территорий становилось в перспективе не просто более затратным, но и породило более драматичный, чем на Западе, цивилизационный конфликт между коренным и пришлым населением. Конфликт между «ведомством» и «территорией» был неизбежен в условиях промышленного освоения северного региона. Но задачей государства было смягчить этот конфликт, чтобы не появлялись «хватающие за сердце детской печалью» письма, подобные тому, что написала семиклассница Тэсидо Альбина и опубликовала газета «Красный Север» (Салехард) в 1990 г.: «А если везде буровые, то не будет оленей, чума, меня и моих родителей».² Степень остроты конфликта свидетельствовала о серьезных издержках в стратегии освоения Севера.

Перспективы развития газовой промышленности в XIII-й пятилетке руководство страны связывало с освоением месторождений полуострова Ямал и, в первую очередь, уникальных Бованенковского и Харасавэйского месторождений. В конце 1985 г. в составе Главтюменгазпрома была организована Дирекция строящихся газодобывающих, газотранспортных предприятий и железной дороги полуострова Ямал «Ямалгазпром» в г. Лабитнанги.³ К началу 1988 г. общая численность работавших здесь составила 1 438 человек. Объединением «Севергазпром» были начаты подготовительные работы по обеспечению бурения скважин.⁴ Однако освоение полуострова в конце 1980-х гг. было отложено. Освоители столкнулись с трудностями, превышающими те, которые были на Уренгое и Ямбурге. Ямал представляет собой в основном территорию из льда,

¹ Нефтяная эпопея Западной Сибири. М., 1995. С. 11.

² Зотов Н. Д. Предположим, я человек «территории»... (Опыт интроспективной моралистической модели) // Территория — ведомство — человек в Сибири: материалы Всесоюз. науч. конф. Тюмень, 1990. С. 266.

³ ГАТО. Ф. 2101. Оп. 1. Д. 1327. Л. 178.

⁴ Там же. Д. 1528. Л. 32.

перемещающегося минеральными грунтами с плохими строительными свойствами. Транспортные магистрали и порты отсутствовали полностью. В то же время на полуострове очень ранимая и неустойчивая с экологической точки зрения природная среда. Требовался пересмотр традиционных схем, технологий, изменение привычного отношения к самой вечной мерзлоте. «Освоение Ямала, — говорил в выступлении на коллегии Главка в январе 1988 г. начальник Тюменгазпрома Е. Н. Яковлев, — призвано стать и академией нового опыта...»¹ Однако состояние подготовительных работ, как уже повелось, начиная с Медвежьего, было неудовлетворительным. Несколько раз менялся выбор площадок под пионерную базу, отсутствовали не только программа работ, но и проектная документация. «Буровики ведут себя на Ямале как захватчики, — говорил на коллегии Главка в ноябре 1988 г. руководитель Дирекции «Ямалгазпром» В. П. Бурдин, — на своем пути все топчут, мнут, валят отходы и т. д. <...> Поселок на Сабетте (перевалочная база на реке Сабетта — В. К.) строился без проекта, т. к. не было проектной документации. Горюче-смазочные объекты не охраняются, нет пожарной защиты... Нам нужна комплексная программа освоения Ямала. Все это мы упустили сделать».² Неудовлетворительное ведение работ объяснялось отсутствием, генеральной схемы, затруднявшей определение многих организационных, экономических, технических и социальных задач, выбор правильных инженерных решений. Упущением Госплана и Мингазпрома СССР являлось то, что освоение Бованенковского месторождения рассматривалось как частная задача, вне связи с общей генеральной схемой использования нефтяных, газовых и газоконденсатных месторождений как на суше, так и в шельфовой зоне Ямала.

Многое на Ямале делалось в «догоняющем» порядке. «Интересы развития производства «любой ценой» заступали впереди не только человека, но и любого рационального расчета, — отмечает К. И. Зубков. — В частности, при решении проблемы — что необходимо развивать раньше: дороги доступа или производство? — СССР, как правило, склонялся ко второму варианту». Строительство железных и автомобильных дорог, как и объектов перерабатывающей промышленности, энергетики, стройиндустрии, связи на Ямале отставало от освоения месторождений на 5–10 лет. Протяженность, конфигурация и техническое состояние автомобильных дорог с

¹ Там же. Д. 1525. Л. 20.

² Там же. Д. 1533. Л. 8–9.

твердым покрытием, строившихся в округе с начала 1960-х гг., отражали только ведомственные интересы.

Несмотря на значительную протяженность дорог, отсутствовала связь с общей транспортной сетью, отдельных населенных пунктов друг с другом, с Салехардом. Плотность автомобильных дорог общего пользования значительно уступала аналогичным показателям соседних территорий. В 1985–1990 гг. протяженность автомобильных дорог в ЯНАО увеличилась более, чем вдвое, но из 758,5 км в 1990 г. 693,9 км дорог были ведомственными и лишь 64,6 км — общего пользования.¹

Стратегия освоения нефтегазовых ресурсов Ямала с самого начала определилась так, что округ специализировался на поставках газа и нефти, а развитие производств, обеспечивающих функционирование этих отраслей, социальной и производственной инфраструктуры осуществлялось главным образом за пределами Тюменской области, в тех регионах, где это было дешевле и проще. В результате округ и область не имели к 1991 г. достаточной строительной индустрии, производств по выпуску оборудования, товаров народного потребления. Яркий пример ущербности процесса интеграции территории в общероссийскую экономику — газификация Ямала. «Салехард без газа — это же смешно», — говорил Б. Н. Ельцин на совещании в Тюмени в августе 1991 г.² Но прошло еще почти 10 лет, прежде чем газ пришел в столицу Ямала. В ноябре 2000 г. руководителю тюменских газовиков (в 1966–1978 гг.) Е. Н. Алтунину был задан вопрос: «В ваше время у государства не было денег на газификацию?» Ответил Евгений Никифорович так: «Никто тогда денег на эти мелкие дела не отпускал. Задачи ставились глобальные, вот на их решение средств никто не жалел...».³

Возможно, такая стратегия освоения Ямала, диктующая главным образом технократический и сырьевой характер развития территории, подчинение интересов региона интересам Центра, объясняется и тем, что среди организаторов новых в регионе отраслей индустрии практически не было коренных северян, сибиряков. Руководители со стороны не были «заражены местным патриотизмом», мыслили «более широко». Показателен в этом смысле ответ Е. Н. Алтунина на другой вопрос корреспондента газеты «Тюменские известия». «Территориальные интересы часто входили

¹ Там же. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 3329. Л. 26.

² Там же. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7848. Л. 35.

³ Соратники: поколение Виктора Муравленко. Тюмень, 2002. С. 37.

в противоречие с государственными?» — спрашивает журналист. Е. Н. Алтунин отвечает: «Особых территориальных интересов у нас тогда не было. Западно-Сибирский топливно-энергетический комплекс не признавал никаких границ. Он создавался ради экономики государства. И на него работал весь Союз. Округа же были национально-культурными автономиями...».¹

Решение любой крупной экономической задачи следует оценивать с точки зрения его эффективности не только для страны, но и для региона, взвешивая вклад в развитие не только собственно индустрии, но — и это главное — общества. Важно, как воспользоваться индустриальным ростом в общественных интересах. Газ и нефть превратили Ямал в крупнейший топливно-энергетический центр Советского Союза и мира, создав условия и предпосылки для всестороннего прогресса региона. Однако стратегии освоения Ямала, адекватной вызову времени, требованиям научно-технической революции, у государства не оказалось. Если в 1960-е — первой половине 1970-х гг. СССР продемонстрировал возможности экономики мобилизационного типа в решении масштабной общегосударственной задачи, то в условиях начавшегося во второй половине 1970-х гг. следующего этапа научно-технической революции советское руководство не сумело правильно отреагировать на новые экономические сигналы. Советский Союз продолжал движение в русле индустриализма, все больше отставая в научно-техническом плане, компенсируя это отставание безудержной эксплуатацией природных и людских ресурсов, что сказалось и на освоении Крайнего Севера. Обратной стороной исторически стремительных экономических достижений в освоении Ямала стало большое количество нерешенных проблем, касающихся, в первую очередь, создания нормальной среды жизнедеятельности как для газовиков и нефтяников, так и для коренного населения.

¹ Там же. С. 38.

4.3. Стагнация «экономики согласований»

Партийное и государственное руководство не могло игнорировать необходимость изменений, которые к середине 1960-х гг. назрели, и после нескольких месяцев заминки реформаторские усилия в сфере экономики были возобновлены. Отправные идеи и ход реформы были весьма противоречивы. Со сменой руководства в 1964 г. были смягчены перегибы в политике времен Н. С. Хрущева (иногда говорят о «контрреформе», но это — эмоциональный термин). Наступил длительный (20 лет) период в целом умеренной политики государства, который впоследствии получит название «периода застоя». Это было продолжение «демобилизационной программы». Но не было выработано государственной доктрины либерализации хозяйства, которая соответствовала бы типу советского общества (в конце периода генсек КПСС Ю. В. Андропов признал: «Мы не знаем общества, в котором живем»). В 1965 г. была начата реформа, делающая в экономике и социальной сфере упор на товарно-денежные отношения, так что критерием эффективности работы предприятия становилась прибыль. Это был принципиальный отказ от представления о советском хозяйстве, которое дал Сталин в «Экономических проблемах социализма в СССР». Довольно быстро выяснилось, что хозяйственная система отвечает на изменения не так, как ожидалось, и реформа была без шума свернута. Народное хозяйство СССР развивалось быстро, и главные показатели жизнеобеспечения людей и страны улучшались. Именно в «период застоя» было проведено огромное по масштабам жилищное и дорожное строительство, построено метро в 11 городах, быт людей в городе в основном вышел на современный уровень, а на селе сильно улучшился (завершена полная электрификация села и газификация большей части). Сделаны большие капиталовложения в гарантированное жизнеобеспечение на долгую перспективу; созданы единые энергетические и транспортные системы, построена сеть птицефабрик, решившая проблему белка в рационе питания, проведены крупномасштабное улучшение почв

(ирригация и известкование) и обширные лесопосадки (1 млн га в год). Хозяйство и госаппарат были насыщены квалифицированными кадрами, стабильной стала демографическая обстановка с постоянным приростом населения около 1,5 % в год. СССР стал единственной в мире самодостаточной страной, надолго обеспеченной всеми основными ресурсами.

25 апреля 1962 г. ВС СССР принимает постановление о выработке проекта новой Конституции и формирует комиссию. Но лишь к маю 1977 г. проект был создан и 4 июня 1977 г. опубликован в печати. В ходе обсуждения было высказано около 400 тыс. предложений с поправками и дополнениями.

В новой Конституции СССР было зафиксировано, что диктатура пролетариата выполнила свою задачу и советское государство стало общенародным. Конституция закрепила систему органов власти и управления, сложившуюся к тому времени. Высшим органом являлся Верховный Совет СССР, состоявший из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей. Полномочия его были увеличены с 4 до 5 лет.

Конституция закрепила СССР как союзное, федеративное государство. За каждой союзной республикой сохранялось право свободного выхода из СССР. Таким образом, и в конце 1970-х гг. государство продолжало линию на «строительство наций» и их огосударствление.

Вместе с тем с 1966 г. (и до 1989 г.) в официальном языке имелось понятие «советский народ». Суть его была в том, что на стадии «развитого социализма» возникла новая историческая общность людей, имеющая ряд характерных признаков. Критики этой концепции усматривают в ней замысел советского государства путем ассимиляции ликвидировать этническое многообразие общества, заменив народы неким безнациональным *homo sovieticus*. Ни в каких документах советского государства таких программных положений нет. Если же судить по реальной практике государства, то, согласно принятым в этнографии критериям, национальная политика в СССР на ассимиляцию направлена не была. Так, четыре переписи населения (с 1959 по 1989 г.) показали небольшое, но постоянное снижение доли русских в населении СССР (с 54,6 до 50,8 %). Численность же малых народов, которые первыми исчезают при ассимиляции, регулярно росла (даже столь малочисленных народов, которые по западным меркам, теоретически не могут уцелеть и не раствориться — тофаларов, орочей, юкагиров и др.).

С иных позиций критиковали понятие «советский народ» те, кто отрицал возникновение общности советских людей и считал народы и этносы СССР конгломератом, не связанным в одно целое. Это схоластические утверждения, преследующие чисто идеологические цели. Советский народ сложился как продукт длительного развития единого государства (до СССР — Российской империи). Граждане этого государства разных национальностей воспринимали СССР как отечество и проявляли лояльность к символам этого государства. Согласно всем современным представлениям о государстве и нации, советский народ был нормальной полиэтнической нацией, не менее реальной, чем американская, бразильская или индийская.

Тем более важно, что, признав свершившимся становление советской нации (народа), последняя Конституция СССР подтвердила федерализм национально-государственных образований, отказавшись от перехода к территориальному федерализму. В комментариях к конституции прямо указывалось, что «в состав СССР входят не географические или административные единицы, а национальные государства».

Видимо, возможность перейти к территориальному федерализму, который укрепил бы СССР как единое государство, реально существовала лишь в 1945–1953 гг., но необходимость этого шага на фоне победных настроений не осознавалась. Во времена Хрущева и Брежнева республиканские элиты настолько окрепли, что центр уже был не способен посягнуть на их власть и интересы. Негласно, под лозунги интернационализма, проводилась «коренизация» нового типа — вытеснение русских кадров и обеспечение преимуществ не всем нерусским народам, а лишь статусным нациям. Это в полной мере выявилось в ходе перестройки.

В этот период были предприняты попытки реформировать систему управления.

Во-первых, произведены перемены в структуре управления народным хозяйством. Сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС принял решение ликвидировать территориальные советы народного хозяйства и осуществить переход на отраслевой принцип управления промышленностью. Были воссозданы ведомственные монополии в лице союзных и союзно-республиканских министерств.

Во-вторых, осуществлена коррекция системы планирования. Поскольку прежняя плановая система была сориентирована на достижение роста объемов производства предприятиями на базе

валовой продукции, то предполагалось нацелить планы на реализованную продукцию.

Третье направление — совершенствование экономического стимулирования. Оно включало в себя улучшение системы ценообразования в пользу низкорентабельных производств. До реформы наряду с высокорентабельными заводами и фабриками имелось немало убыточных. Вся угольная промышленность, например, была убыточной. И, кроме того, на одном и том же предприятии наряду с высокорентабельными изделиями выпускалось немало и убыточных видов продукции. Поэтому предприятия старались производить «выгодную» продукцию и «отбивались» от невыгодной, хотя она и пользовалась большим спросом. С помощью реформы предполагалось выровнять условия экономической деятельности. Экономическое стимулирование предусматривало также улучшение системы оплаты труда. Оно осуществлялось как путем централизованного увеличения ставок заработной платы и окладов, так и за счет более широкого использования части доходов предприятия в целях материального стимулирования работников. В русле этих направлений, в частности, предусматривалось: оценивать результаты хозяйственной деятельности предприятий по реализованной продукции, полученной прибыли и по выполнению заданий по поставкам важнейших видов изделий; поставить оплату труда работников промышленности в непосредственную зависимость не только от результатов труда, но и от общих итогов работы предприятий; положить в основу экономических отношений между предприятиями принцип взаимной материальной ответственности; развивать постоянные прямые связи между предприятиями-изготовителями и потребителями продукции; повысить роль хозяйственных договоров. Предусматривалось, что системы планирования и экономического стимулирования должны были создавать у коллективов предприятий заинтересованность в принятии более высоких плановых заданий, требующих полного использования производственных фондов рабочей силы, материальных и финансовых ресурсов, достижений технического прогресса, повышения качества продукции. В январе 1966 г. хозяйственная реформа взяла старт. На новые условия работы были переведены первые 43 предприятия 17 отраслей промышленности.

Курс на крутые перемены в экономике, казалось бы, закрепил XXIII съезд КПСС (март — апрель 1966 г.). Был провозглашен в качестве принципа переход от административных методов управ-

ления хозяйством к экономическим, разработан комплекс мер его достижения. В отчетном докладе ЦК съезда говорилось: «Интересы коммунистического строительства, необходимость преодоления возникших трудностей требовали не отдельных частных поправок, а выработки системы мер...». Большие надежды возлагались на то, что удастся покончить с экстенсивным развитием страны, которое затягивало экономику все глубже в трясину малоэффективности и затратности. Тем не менее в руководящих кругах партии и государства, в обществе витали иллюзии относительно того места на шкале индустриального развития, на котором находилась советская страна. А дела в этом плане были далеко не радужными. При всем многообразии исторических этапов, которые прошло советское общество с конца 1920-х гг., развитие народного хозяйства к середине 1960-х гг. имело с этим ранним периодом общие черты. Главная из них заключалась в том, что на протяжении всего этого большого отрезка времени движение производительных сил страны определялось в основном процессом индустриализации в широком смысле этого слова. Конечно, индустриализация связана прежде всего с ростом промышленных отраслей, но она не сводится к изменению отраслевой структуры народного хозяйства. По сути дела, это гораздо более глубокий и всеобъемлющий процесс перестройки экономики, связанный с переходом от домашних технологических методов труда к машинной технике во всех отраслях материального производства и частично в сфере обслуживания. Если понимать индустриализацию в таком широком смысле, то вполне понятно, что в советском обществе индустриализационные процессы играли определенную роль на протяжении полувека, а не только в 1920–1930-е гг. Они захватили и 1960–1970-е гг. Фактически народнохозяйственный рост в это время представлял собой по преимуществу продолжение индустриализации, ее распространение на все сферы экономики. Но происходило это уже в эпоху современной НТР, что не могло не порождать многие острые коллизии. Противоречие обострялось тем, что индустриализационные процессы в этот «наверстывающий» период носили преимущественно экстенсивный характер. По большей части они сводились к механическому вовлечению в производство дополнительных человеческих и природных ресурсов. Поэтому, несмотря на дальнейшее индустриальное преобразование народного хозяйства, многие проблемы, возникшие в условиях форсированной индустриализации, не только не исчезали, но даже нарастали. Более того, отставание определенных сфер экономики приобретало застойные черты.

В результате воплощения в жизнь такой социально-экономической стратегии укоренились специфические, по сути, давно изжившие себя хозяйственные механизмы и управленческие традиции, объективно поддерживающие отставание. Формировалась социальная база стагнации. Бюрократия от имени государства выступала фактически монопольным работодателем и концентрировала в своих руках распределение основных социальных благ. Поэтому все апелляции о повышении уровня жизни неизменно адресовались в «верха». В интересах самосохранения и идеологического прикрытия административно-командная система на все лады пропагандировала линию на стирание классовых и социальных различий, достижение социальной однородности, уравнивание доходов трудящихся. Вопреки интересам развития страны механизм поддержания экстенсивного роста все более укреплялся. Он порождал перемещение больших людских масс из села в город. Если в 1959 г. городское население в СССР составляло 47,9 %, то в 1970 г. — уже 56,9 %, в 1981 г. — 63,4 %. Экстенсивность экономики стимулировала нарастание дефицита рабочей силы и спрос на тяжелый неквалифицированный ручной труд, который становился фактором люмпенизации трудящихся. Солидным источником пополнения рядов рабочего класса были места заключения.

Тяжелым ручным физическим трудом в стране — первооткрывателе космоса — было занято 50 млн человек: в промышленности — около 40 % занятых, строительстве — 60 %, в сельском хозяйстве — около 70 %. Причем темпы вытеснения такого труда неуклонно падали, составив в 1975–1982 гг. всего около 0,7 %.

Попытки подменить материальные стимулы внедрением «социалистического соревнования» во все сферы жизни мало что давали. Так, даже изрядно препарированные социологические исследования творческой активности инженерно-технических работников показывали, что хотя личные творческие планы под нажимом администрации и парторганизаций принимали 60–80 % специалистов, только 14–20 % инженеров их полностью выполняли. Апатия и равнодушие к делам производства и общественной жизни нарастали во всех слоях трудящихся. Дефицит рабочей силы в экономике «развитого социализма» самым парадоксальным образом уживался с тем, что почти четверть рабочих мест в народном хозяйстве стала относиться к «избыточным», около 32 млн человек составили «излишки рабочей силы».

Продолжала воспроизводиться и номенклатурная элита. Питательной средой стремительного размножения бюрократии было

господство внеэкономического принуждения, которое проистекало из монопольного положения государственной собственности. Это неизбежно превращало бюрократическую иерархию в единственно реального хозяина. В то же время собственно экономических интересов у номенклатуры не было, ее подлинные устремления сводились к удержанию своих позиций. Не компетентность и профессионализм, моральные и нравственные устои, а «управляемость» и личная преданность как главные критерии отбора, протекция и семейственность как основной метод, включение в касту избранных (прежде всего через «освобожденную» комсомольскую работу), фактические несменяемость и неподсудность этого слоя, который все активнее стал воспроизводиться на собственной основе, внутрикорпоративное деление не по профессиональной квалификации, а по «уровням руководства» (советской «табели о рангах») — все это не могло не превращать номенклатурную элиту в антиэлилу.

Между тем становилось ясно, что записанные в третьей Программе КПСС цифры роста общественного производства были явно завышены, их не случайно называли волюнтаристскими. Но дело заключалось не только в этом. В конце 1950-х и начале 1960-х гг. было принято много решений по развитию отдельных отраслей экономики без увязки с реальными народнохозяйственными ресурсами. Когда же приступили к разработке проекта плана восьмой пятилетки, то стало очевидным, что выполнение всех этих решений ведет к деформации экономических пропорций и вместе с тем отдалает выход на многие намеченные XXII съездом КПСС на 1970 г. показатели, особенно по уровню жизни народа.

О том, что в программные решения не были заложены тенденции новой волны технологической революции, тогда еще и не помышлялось. Тем не менее был сделан вывод: при заметном насилии над народнохозяйственными пропорциями можно было бы выйти на эти показатели двумя годами позднее. Возникла соблазнительная идея — разработать семилетний план. Таким образом при формировании плана на период 1966–1972 гг. можно было бы замаскировать невыход на определенные XXII съездом КПСС хозяйственные рубежи 1970 г.

В первой половине 1964 г. началась подготовка народнохозяйственного плана на семилетку, в котором предполагалось хотя бы на немного превзойти в 1972 г. задания на 1970 г. Сейчас трудно сказать, что бы из всего этого вышло. События конца 1964 г. серьезно изменили отношение к хрущевскому «субъективизму».

Тем не менее, задания восьмого пятилетнего плана отражали стремление руководства к резкому ускорению экономического развития. Так, в соответствии с директивами XXIII съезда КПСС, в области промышленности намечалось сделать важные шаги по пути интенсификации, повышения эффективности производства, технического уровня, чтобы обеспечить все отрасли народного хозяйства современной техникой и технологией, а население — товарами и услугами.

При опережающем росте производства средств производства ставилась задача достижения экономической сбалансированности. Производительность труда в промышленности предполагалось увеличить на 33–35 %, прибыль — более чем удвоить. При этом намечалось, что 80 % прироста продукции будет обеспечено за счет увеличения производительности труда (против 63 % в 1961–1965 гг., 72 % — в 1956–1960 гг. по официальной статистике). Декларировался новый подход к формированию территориально-промышленных комплексов (ТПК). XXIII съездом КПСС было подчеркнуто: «Положить в основу планирования и размещения производства научно обоснованные схемы развития и размещения отраслей народного хозяйства и схемы развития экономических районов». Звучали призывы уделить первостепенное внимание практическому использованию природных ресурсов Сибири, южного Таджикистана, Курской магнитной аномалии о том, как при этом должны решаться экологические и социальные проблемы, речи не шло.

Наибольшее увеличение темпов роста в восьмой пятилетке предусматривалось по сельскому хозяйству, реальным доходам населения и группе «Б» промышленности. В целом главные общие пропорции, определявшие принципиальные черты этой пятилетки, содержали ориентацию на приоритетное решение проблемы потребления населением материальных благ за счет повышения эффективности и роста конечных результатов при уменьшении доли промежуточного продукта. Кроме того, в рамках структурной политики восьмой пятилетки был предусмотрен еще один принципиальный сдвиг в производственных пропорциях. Речь шла о приоритетности при распределении ресурсов, и в частности капитальных вложений, отраслей, продукция которых представляет собой элементы текущего производственного и непроизводственного потребления сельского хозяйства, промышленности группы «Б», нефтяной и газовой отраслей и некоторых других.

Определив стратегические установки пятилетки, партийно-государственное руководство сосредоточило внимание на конкретизации принятых решений, выработке форм и методов достижения поставленных целей, механизмов их реализации. В этот период в практику партийного руководства народным хозяйством входят ежегодные обсуждения на Пленумах ЦК КПСС проектов Государственных планов и бюджетов на очередной хозяйственный год. После одобрения, чаще всего автоматического, эти проекты выносились на сессии Верховного Совета СССР.

Первые годы восьмой пятилетки дали обнадеживающие результаты, динамика экономического развития несколько возросла, была достигнута известная сбалансированность народного хозяйства.

В 1967 г. на новый порядок планирования и экономического стимулирования стали переводиться целые отрасли промышленности и к концу года в новых условиях работало уже 15 % предприятий, на их долю приходилось 37 % промышленной продукции. Перевод на новые условия сопровождался пересмотром оптовых цен 1955 г., которые уже не отражали общественно-необходимые затраты, особенно в горнодобывающих отраслях. Пересмотр цен улучшил экономическую ситуацию, с 1968 г. все отрасли промышленности стали рентабельными.

В 1967 г. было реализовано такое экономическое мероприятие, как введение государственной аттестации продукции с присвоением Знака качества. Тогда же в ходе развертывания социалистического соревнования в честь 50-летия Октября сфера действия экономической реформы была резко расширена. Однако надежды, возлагавшиеся на быстрое улучшение положения дел в экономике, не сбывались. Хозяйственная реформа не получила дальнейшего логического развития, не реализовались ее основные принципы.

Прежде всего, не удалось установить отношения взаимной ответственности между органами, принимающими и выполняющими решения. Директивность планирования не была подкреплена четкими формами экономической ответственности плановых органов за качество планов и ресурсообеспеченность. Дело заключалось в том, что экономические методы управления пытались распространить в условиях организационно-структурной системы управления, воссоздававшей, по сути, те формы хозяйствования, которые сложились в период 1930–1950-х гг.

И все же в первые годы восьмой пятилетки были налицо некоторые успехи. Темпы роста производительности труда и средней заработной платы работающих в промышленности сблизились, однако полной сбалансированности их достичь не удалось. Не были выполнены задания по производительности труда. В 1968 г. средняя заработная плата по всей индустрии выросла заметно больше, чем производительность труда.

Становилось ясно: для того чтобы двинуться вперед, необходимо демонтировать отжившую свой век малоэффективную хозяйственно-политическую систему и заменить ее современной, принимавшиеся косметические меры уже не помогали.

На практике произошло другое. В высшем эшелоне власти взяли верх силы, которые рассматривали формы политической и хозяйственной организации 1930-х гг. как едва ли не системообразующие признаки социализма. Для оправдания все увеличивающегося разрыва между «общественными идеалами» и практикой была сконструирована концепция развитого социализма, которая была призвана хоть как-то (в теоретическом отношении) свести концы с концами.

Руководство партии и страны просто оказалось неспособным принять вызов времени, перестроить экономику и политику применительно к новому этапу НТР.

Несмотря на довольно успешное развитие экономической реформы, положение дел в стране оставалось сложным, эффективность народного хозяйства то повышалась, то понижалась. Вопросы экономики все больше перемещались в центр борьбы за власть в советском руководстве. Л. И. Брежнев, который вообще слабо верил в успех экономических экспериментов, решил радикально ослабить позиции вдохновителя реформы А. Н. Косыгина.

По установившейся традиции в конце каждого года собирался Пленум ЦК КПСС, который перед сессией Верховного Совета СССР обсуждал основные итоги уходящего и основные задачи предстоящего года. Докладчиком обычно выступал Председатель Совета Министров СССР, затем шли краткие, часто формальные, прения.

Но на декабрьском (1969 г.) Пленуме после доклада А. Н. Косыгина случилось непредвиденное — с большой речью по проблемам интенсификации народнохозяйственного развития выступил Л. И. Брежнев. Его речь содержала крайне резкую критику в адрес органов хозяйственного управления и ряда местных партийных комитетов, оратор дал необычайно жесткую оценку состоянию дел

в экономике. Брежнев подчеркнул, что повышение эффективности народного хозяйства стало поистине ключевой проблемой прежде всего по той причине, что изменились главные факторы экономического роста. Раньше страна еще могла развивать народное хозяйство за счет количественных факторов, то есть увеличения численности рабочей силы и высоких темпов наращивания капитальных вложений. Но теперь период экстенсивного развития по существу подходит к концу. Надо рассчитывать, прежде всего, на качественные показатели экономического роста, на повышение эффективности, интенсивности народного хозяйства. Нарастивать производство и улучшать качество продукции необходимо не только за счет роста численности работников, капитальных вложений, но и все в большей мере — за счет полного и рационального использования имеющихся производственных мощностей, внедрения достижений науки и техники, а также рачительного отношения к технике и ресурсам.

«Требуется, — подчеркнул Л. И. Брежнев, — постоянно соизмерять затраты с полученными результатами, добиваться, чтобы каждый рубль давал максимальную отдачу. Это, — говорил он, — становится не только главным, но и единственным возможным путем развития нашей экономики и решения таких коренных социально-политических задач, как строительство нового общества, повышение благосостояния трудящихся, победа в экономическом соревновании двух мировых систем». Острой критике подверглись те руководители, которые поощряли сооружение, так называемых, престижных объектов непромышленного назначения — роскошных административных зданий, помпезных домов культуры, проектирование (как это было в Баку) огромного надводно-подводного ресторана и т. д.

К началу 1970-х гг. в экономике еще ощущалось дыхание реформы 1965 г., но уже было ясно, что она постепенно сворачивается. Процесс этот протекал весьма своеобразно. Курс на использование экономических методов управления никто не отменял. Более того, в партийных решениях постоянно подчеркивалась необходимость добиваться рентабельной работы, роста эффективности, снижения издержек производства и фондоемкости. Как бы подтверждая поворот к интенсификации, ЦК КПСС и Правительство за годы восьмой пятилетки разработали и приняли 35 постановлений, специально или главным образом посвященных дальнейшему подъему промышленности, из них 16 являлись постановлениями ЦК КПСС и 19 совместными. Значительная

часть постановлений касалась непосредственно проведения экономической реформы, повышения эффективности промышленного производства.

К концу 1970 г. на новую систему хозяйствования перешло более 41 тыс. промышленных предприятий (из 49 тыс. имевшихся). На их долю приходилось свыше 95 % прибыли и 93 % общего производства промышленной продукции. В 1970 г. на самокупаемость была переведена даже работа аппарата одного ведомства — Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления. Однако под предлогом соблюдения общегосударственных интересов все активнее стали внедряться всякие ограничения и регламентации.

Повсеместно были введены лимиты на образование фондов экономического стимулирования. Даже высокорентабельные предприятия не имели права увеличивать свои фонды сверх этих лимитов. Всю дополнительную прибыль приходилось перечислять в госбюджет в виде так называемого свободного остатка. Инициатива, таким образом, вроде бы не наказывалась, но и не поощрялась. Впрочем, и наказание следовало, но несколько позже в виде увеличения плановых заданий для передовиков в следующем плановом периоде. Искусственное ограничение средств, оставленных в распоряжении трудовых коллективов, по существу работало против экономических методов управления. Более того, установление разного рода «потолков» и «лимитов» в формировании фондов предприятий играло роль своего рода троянского коня в системе хозрасчета, изначально дискредитировало эту позитивную меру.

Отсутствие права самостоятельного выбора альтернативных хозяйственных решений особенно ярко проявилось в жестком ограничении возможностей использования предприятиями части заработанной ими прибыли на нужды развития собственного производства. Фонд развития предприятий очень быстро попал под контроль вышестоящих органов, которые стали его включать в централизованный план распределения капиталовложений. Наступил кризис экономической реформы. В 1970 г., например, были опубликованы данные опроса 211 руководителей предприятий Сибири и Дальнего Востока. На вопрос о том, существенно ли расширяет права директоров предприятий реформа, положительный ответ дали 44 % руководителей, отрицательный — 56 %.

Реформа основного производственного звена — предприятия — не была подкреплена реформой центрального аппарата. Деятель-

ность отраслевых министерств, планово-финансовых и других органов хозяйственного управления не была увязана с механизмом экономической реформы. Они по-прежнему использовали административные методы. Причем эти административные начала в деятельности центральных экономических ведомств и отраслевых министерств усиливались. Их аппарат увеличивался, возникали новые главки и другие подразделения.

Не была подкреплена реформа и снизу: система оплаты трудящихся осталась прежней, слабо связанной с результатами труда — те же нормы, те же тарифы, то же преобладание индивидуальной сдельщины и повременщины. Трудящиеся были надежно отчуждены от результатов своего труда. Безднажность попыток «запустить» рыночные механизмы, не ослабляя административно-бюрократические тормоза, усугублялась зыбкостью их политического и идеологического обеспечения. Даже когда пытались осуществлять глубокие экономические перемены, не было приложено сколько-нибудь серьезных усилий подкрепить их демократизацией политических порядков, не был проведен пересмотр идеологических догм относительно рынка, товарно-денежных отношений, планомерности и регулируемости, плюрализма. Наоборот, со времени ввода войск в Чехословакию гонениям стали подвергаться те ученые и научные направления, которые искали решение экономических проблем на путях расширения действия закона стоимости и рыночных отношений. Между тем в советском обществе, где экономика была тесно сращена с политикой и идеологией, где народное хозяйство представляло собой хозяйственно-политическую и в значительной мере хозяйственно-идеологическую систему, коренные экономические преобразования без демонтажа командно-административной системы были просто невозможны.

Безусловно, определенные изменения в системе хозяйствования происходили. Расширение масштабов производства сделало невозможным столь же высокую концентрацию экономической власти, как прежде. Директивно-показной характер экономических отношений сохранился, а в 1970-е гг. даже стал усиливаться, но фактическое принятие решений все в большей мере распределялось по разным эшелонам хозяйственно-политической иерархии. Основа хозяйственной жизни по-прежнему определялась директивой, но директивы теперь уже приходилось в большей мере согласовывать, «увязывать» в различных инстанциях. Нарастала отраслевая раздробленность общественного производства, ибо

блокирование рыночных, товарно-денежных отношений неизбежно усиливало автаркию. Зацентрализованная по всем параметрам экономическая система сменялась столь же малоэффективной экономикой согласования.

Тем не менее ряд позитивных сдвигов в народном хозяйстве, особенно в начале восьмой пятилетки, произошел. Они зафиксированы даже в альтернативных подсчетах, произведенных экономистом Г. И. Ханиным. Так, по сравнению с 1961–1965 гг. удельный вес интенсивных факторов в обеспечении прироста национального дохода возрос с 34 % в 1966 г. до 40 % в 1970 г. В строй действующих было введено около 2 тыс. новых крупных промышленных предприятий. Среди них такие уникальные, как Красноярская ГЭС, металлургические гиганты — Западно-Сибирский и Карагандинские комбинаты, было положено начало созданию Тюменского нефтегазодобывающего комплекса. Конечно, тогда мало кто задумывался об экологических последствиях такого типа промышленного развития, большинство приходило в восторг от таких масштабов и темпов «покорения Сибири». В 1970 г. первую партию легковых автомобилей выпустил завод в Тольятти, хотя сооружение его началось только в 1967 г. Именно с пуска этого завода началась подлинная автомобилизация страны.

Но прямой зависимости результатов в народном хозяйстве от воздействия экономической реформы не просматривается. Позитивные перемены происходили в основном в первой половине пятилетки, когда реформа еще только разворачивалась. Скорее всего, сказалось то обстоятельство, что монопольный диктат совнархозовской разновидности административно-командной системы ослаб, а министерско-ведомственный еще не набрал силы. В этих условиях степень регламентации деятельности производственных коллективов временно понизилась, предприятия получили большие возможности для маневра, что и способствовало некоторому росту эффективности народного хозяйства в целом.

Существовал и еще один положительный фактор, резко отличавшийся по возможностям действия от прошлых пятилеток. Это степень профессиональной свободы плановых работников, необходимость учитывать в плане заидеологизированные установки, ранее принятые решения, определенная свобода руководителей от сложившихся стереотипов во взглядах на приоритеты, структурные сдвиги и т. д. В период завершения работы над восьмым пятилетним планом в этом отношении как раз возникла уни-

кальная благоприятная обстановка. Планирующие органы имели довольно редкую возможность при разработке плана опираться на знания об объективных закономерностях расширенного воспроизводства, потребности и возможности народного хозяйства, обоснованно решать важнейшую и труднейшую задачу планирования — согласование целей и ресурсного обеспечения. Ранее принятые решения, данные обещания высшего руководства и другие привходящие обстоятельства над разработчиками плана уже не столь довели. Поэтому задания восьмого пятилетнего плана и в известной степени весь плановый механизм первое время не насильствовали экономику, а наоборот, помогли полнее проявиться закономерным тенденциям.

Итоги восьмой пятилетки были обнадеживающими. Удалось в известной мере реализовать курс на первоочередное решение проблем потребления. В отраслях тяжелой промышленности по всем видам продукции, включенным в Директивы, кроме добычи нефти, данные о фактическом выполнении планов за 1970 г. были меньше заданий. Диапазон невыполнения заданий по видам продукции также был достаточно велик. Но характерно было то, что показатели качественного развития каждой из отраслей в целом соответствовали тем задачам, которые ставились перед индустрией Директивами XXIII съезда КПСС.

Некоторое улучшение социально-экономического положения, достигнутое за счет мобилизации ресурсов административно-командной системы, а также частично за счет реформ, как это ни парадоксально, укрепило позиции консервативных и антиреформаторских сил в политическом руководстве страны. Радикальные политические и экономические идеи оказались под запретом, само слово «реформа» стало исчезать из руководящего лексикона, появились другие термины — «улучшение» и «совершенствование». В соответствии с типом и уровнем мышления высшего партийного и административного эшелона, ставка на упрощенно технократические подходы стала преобладающей.

На XXIV съезде КПСС декларировалось, что решающее значение для экономического роста приобрел вопрос об интенсификации и источниках роста. Подчеркивалось, что в плане очередных задач и долгосрочных перспектив на первое место выдвигается ускорение научно-технического прогресса. В докладе Брежнева на XXIV съезде в качестве задачи исторической важности было выдвинуто требование: «органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической

системы хозяйства, шире развивать свои, присущие социализму, формы соединения науки с производством».

Поскольку в планах не находили должного отражения вопросы использования достижений науки и техники из-за отторжения научно-технического прогресса ведомственным монополизмом, то выдвигался новый подход: сформировать комплексную программу развития техники и технологии, на основе которой вести разработку всех разделов плана и его основных показателей. В течение 1971–1975 гг., например, предполагалось получить от использования в народном хозяйстве достижений науки и техники экономический эффект 40–42 млрд руб., или приблизительно 40 % планируемого на пятилетие прироста национального дохода, 3 млрд руб. должны были дать мероприятия по НОТ. На практике же большую силу набирали инертность, рутинерство, бюрократизм.

Универсальным средством решения всех экономических и социальных проблем провозглашалось повышение руководящей роли партии. Оно трактовалось как распространение партийного контроля на все сферы жизни общества. В соответствии с такой установкой, на XXIV съезде КПСС в Устав партии было внесено положение о том, чтобы наряду с производственными парторганизациями правом контроля деятельности администрации были наделены и партийные организации научно-исследовательских институтов, учебных заведений, культурно-просветительных и других учреждений и организаций. Парторганизации центральных и местных управленческих органов должны были осуществлять контроль за работой аппарата по выполнению директив партии и правительства, соблюдением партийной и государственной дисциплины. Все это не создало сколько-нибудь серьезных препятствий для бюрократизма и коррупции, не говоря уже о повышении эффективности и технического уровня производства.

Поскольку в ходе реформы стимулировался процесс экстенсивного наращивания прямых хозяйственных связей, как правило, слабо подкрепленных экономически (в 1966 г. прямыми хозяйственными связями было охвачено 1 263 предприятия, в 1969 г. уже 8 тыс.), то партийные работники, чтобы не допустить срывов плановых заданий, подменяя диспетчеров и снабженцев, месяцами занимались вопросами материально-технического снабжения.

Существует точка зрения, будто в области (крае) все дела вершили обком (крайком) партии и его первый секретарь. На деле это была лишь иллюзия всемогущества партийных комитетов, обладания

им экономической властью. Воздействие партийного комитета на экономику региона было весьма незначительным, так как большая часть предприятий находилась в подчинении центральных ведомств. Конечно, обком, его секретарей директора заводов «уважали», соглашались с целым рядом секретарских «просьб», чаще всего кадровых, стремились не раздражать местное руководство, жить с ним в ладу и т. д. Но в жизнь неукоснительно проводились конкретные министерские установки, а из области, края, из кармана их населения изымалось все возможное при самых минимальных затратах на соцкультбыт, экологию, развитие производственной и социальной инфраструктуры и т. п. Даже объективно предназначение министерской системы заключалось в том, чтобы заниматься деятельностью, противоречащей интересам общества того региона, в пределах которого действовало предприятие. И чем крупнее было предприятие, чем важнее была его продукция для государства в целом, тем больший конкретный ущерб приносила его деятельность региону.

Между тем положение дел ухудшалось, рост жизненного уровня народа прекратился. Так, в девятой пятилетке (1971–1975 гг.) объем промышленного производства вырос на 43 % (по альтернативным оценкам, лишь на 25 %) по сравнению с 50,5 % (39 %) в восьмой пятилетке. Вместо 41 % прироста используемого национального дохода в 1966–1970 гг. в девятой пятилетке этот показатель вырос только на 28 %. Причем эти приросты достигались за счет вовлечения в хозяйственный оборот огромных объемов новых ресурсов. Прирост интегрального показателя эффективности общественного производства упал с 18 % в восьмой пятилетке до 6 % в девятой. В 1,5 раза за это же время сократился прирост общественной производительности труда. Перестала снижаться материалоемкость, упали фондоотдача и эффективность капиталовложений. Страна погружалась в застой.

Зато процветала «теневая экономика». Ее питательной средой была бюрократическая система, функционирование которой требовало постоянного жесткого внеэкономического принуждения и регулятора в виде дефицита. Последний абсурдно демонстрировал себя повсеместно на фоне совершенно невероятных излишков различного сырья и материалов. Самостоятельно продать ненужные запасы или обменять их на нужные товары предприятия не могли. Сделать это могли подпольные дельцы. Подпольный рынок поддерживал разваливающуюся экономику. Очень дорого, но он удовлетворял потребности.

Партийное руководство дутыми цифрами и гигантскими прожекторами стремилось отвлечь внимание общественности от того плачевного состояния, в котором оказалась держава. Конспиративная суета в принятии решений выдавалась за принцип государственной деятельности. Келейность, семейственность, наличие массы «легкоуправляемых» на ключевых постах — необходимые компоненты административно-командной системы. Нарастало сращивание дельцов «теневого бизнеса» с ответработниками партийно-государственного аппарата в центре и на местах. Обороты «теневой экономики» становились миллиардными. А ведь еще сравнительно недавно Н. С. Хрущев был изумлен, когда ему доложили о первом миллионном хищении. Только после ряда дел он перестал удивляться.

В мире нарастал новый виток научно-технической революции. Его сердцевину составляли такие достижения науки, которые привели к появлению микроэлектроники, биотехнологии в качестве базисных направлений технологического переворота в производственной и непроизводственной сферах. Это требовало новых кадров, знаний и навыков. У нас же проржавевшая бюрократическая машина не могла адаптироваться к переменам, реагируя на них лишь увеличением штатов. С 1960 по 1987 г. аппарат органов управления в стране вырос более чем в 2 раза — с 1 245 тыс. до 2 663 тыс. человек, а общая численность управленцев превысила 18 млн человек. Эти кадры отличались в основном низким профессиональным уровнем (из 9,3 млн руководящих работников всего 4,2 млн (45 %) имели высшее образование и только доли процента — среднее специальное управленческое образование). Эффективно реагировать на реалии технологической революции такой аппарат не был в состоянии. Воплощение в жизнь любых нововведений превращалось в «хождение по мукам».

Но беда заключалась не только в негодных аппаратчиках. Административно-командной системой было воспитано несколько поколений технократически мыслящих людей, лишенных твердых нравственных устоев, способных поставить свои корыстные личные или групповые, ведомственные интересы выше общенародных, безразличных к будущему природы и общества.

В руководящих кругах, по-видимому, ощущался надвигающийся кризис, но утилитарно-прагматические интересы верхушки превалировали над стратегическими, блокируя политическую волю, и не позволяли осуществить назревшие преобразования. Делались попытки различных реформ, затевались очередные тех-

нократические новации, но все уходило в песок. Была ускорена работа над проектом новой Конституции СССР, которая должна была отразить «основные черты развитого социалистического общества, его политической организации». На XXV съезде КПСС (февраль — март 1976 г.) декларировалась необходимость последовательного перехода от создания и внедрения отдельных машин и технологических процессов к разработке, производству и массовому применению высокоэффективных систем машин, оборудования, приборов и технологических процессов, обеспечивающих механизацию и автоматизацию всего производства. В этой связи активизировалась работа над Комплексной программой научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий. Но программно-целевые подходы не могли дать эффект в среде с деформированными товарно-денежными, рыночными отношениями. В силу своей инерционности административно-командная система не могла быть настроена на постоянное самообновление, модернизацию экономических структур, решение перспективных задач. Попытки концентрации сил на приоритетных направлениях приносили мало пользы и лишь усугубляли диспропорции в народном хозяйстве. Огромные ресурсы проваливались как сквозь землю.

Десятая пятилетка, скорее для самоуспокоения, была провозглашена «пятилеткой эффективности и качества». Однако все шло наоборот. Вместо всемерной экономии изо всех сил поддерживались пропорции 1930–1950-х гг. Ставка делалась на закупки по импорту промышленного оборудования и товаров ширпотреба в обмен на экспорт энергоносителей из невозобновляемых источников. При этом недальновидно рассчитывали на благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру.

Безоглядно форсировалась нефтегазодобыча в Западной Сибири. Для надзора за выполнением плановых заданий была создана специальная правительственная комиссия, Западно-Сибирским нефтегазовым комплексом постоянно занимался ЦК КПСС. На сооружение объектов комплекса бросались силы строителей буквально из всех регионов страны. С затратами считаться было не принято, с нуждами нефтяников и газовиков тоже. Нефть любой ценой — таков был девиз «экономной экономики». Западная Сибирь в 1980 г. дала 10 % мировой добычи нефти и газа.

После восьмикратного (а в торговле с развитыми капиталистическими странами пятнадцатикратного) повышения цен на нефть в 1970-х гг., в нашу страну буквально хлынул поток нефтедолларов.

Доходы от реализации нефти и нефтепродуктов за период с 1974 по 1984 г., по самым скромным подсчетам, составили 176 млрд инвалютных рублей. Но эти сказочные деньги в невероятно скромных масштабах были использованы на удовлетворение нужд и запросов людей и развитие экономических структур. Затратный механизм перемалывал получаемые средства с неукротимой силой, канализируя их в осуществлении очередных бесперспективных и экологически губительных долгостроев.

Декларировалась необходимость опережающего роста отраслей промышленности, определяющих научно-технический прогресс в народном хозяйстве. Действительно, удельный вес машиностроения, металлообработки, химии и нефтехимии, электроэнергетики в валовой промышленности вырос с 25 % в 1970 г. до 38 % в 1985 г. Но страна по этому показателю была по-прежнему далека от индустриально развитых держав, где этот показатель достиг 55–65 %. Тем не менее из пятилетки в пятилетку сокращались инвестиции в машиностроение. Поэтому его ключевые отрасли — станкостроение, приборостроение, производство вычислительной техники, электроника, не получали должного развития.

Оттребований времени все больше отставал научно-технический потенциал, который был запрограммирован на эволюционное развитие и не соответствовал требованиям современного этапа технологического переворота. Качественный уровень отечественного научно-технического задела неуклонно снижался. Среднегодовое число созданных образцов новой техники сократилось с 4,6 тыс. в 1961–1965 гг. до 3,5 тыс. в 1981–1985 гг. Причем только 10 % образцов этой техники превышало уровень лучших мировых, затормозилось освоение и принципиально новых технологий. Но самым плохим было то, что определялось серьезное отставание в развитии фундаментальных научных исследований, где еще совсем недавно наша страна имела хорошие позиции.

Робкой попыткой улучшить дела в экономике была реформа 1979 г. Декларировалось стремление покончить с «валом» введением такого показателя, как нормативно-чистая продукция. Этот показатель должен был не учитывать стоимость сырья, материалов, комплектующих изделий, а лишь фиксировать вновь созданную стоимость. По идее, это могло бы стимулировать рост технического уровня продукции, ее качества, ликвидировало бы ее деление на выгодную и невыгодную. Предусматривалось усиление хозрасчетных отношений и одновременно — их антипода — адресного директивного планирования. Все это шло в русле

модернизации административно-командной, системы и как от всякого паллиатива здесь нельзя было ожидать серьезных позитивных результатов.

Хозяйственно-политические решения конца 1970-х гг. как никогда страдали внутренней несогласованностью: мероприятия по активизации экономических стимулов сочетались с ограничением прав предприятий, возрастало число директивных показателей, а дезорганизация в народном хозяйстве все нарастала. Возникла целая система блокирования экономических инструментов власти, окончательно оформился механизм социально-экономического торможения.

Механизм этот был настолько мощным, что в 1979–1982 гг. по сравнению с показателями 1978 г. объем произведенной продукции в стране оказался абсолютно ниже примерно по 40 % всех ее видов (по данным о выпуске продукции в натуральном выражении). Становилось очевидным: экономика пришла к критическому положению, нарастала разбалансированность, а возникавшие повсеместно «черные дыры», куда бесследно проваливались ресурсы, не удавалось уже «затыкать» дополнительными поставками на экспорт энергоносителей и ценного сырья.

Ноты беспокойства складывающейся ситуацией прозвучали, правда, в Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС в феврале 1981 г., который зачитал перед делегатами Л. И. Брежнев. Он все больше упирал на объективные причины экономических трудностей, которые будут иметь место в 80-е гг. В докладе указывалось на сокращение прироста трудовых ресурсов, увеличение затрат на освоение природных богатств восточных и северных районов, рост расходов на защиту окружающей среды, увеличение числа устаревших предприятий, требующих реконструкции, отставание транспорта и связи.

Тем не менее, главной задачей одиннадцатой пятилетки провозглашалось устойчивое, поступательное развитие народного хозяйства на базе ускорения научно-технического прогресса и перевода экономики на интенсивный путь, рациональное использование производственного потенциала страны, всемерная экономия всех видов ресурсов и улучшение качества работы.

Провалы в экономике и социальной сфере, низкое качество продукции, штурмовщина, инфляция и многое другое упорно замалчивались. Статистика изо всех сил «работала» на успехи «развитого социализма», зачастую в полном отрыве от реальной действительности. На всех уровнях хозяйственно-политического руководства

вместо принятия конкретных мер по оздоровлению экономической жизни, наведению элементарного порядка на транспорте, в снабжении населения товарами первой необходимости выдумывались все новые и новые почины, нежизнеспособные формы «социалистического соревнования», оглушающими призывами к социальной активности стремились остановить сползание к краху.

Нараставшие в социальной и экономической сферах трудности усиливали формирование крайних позиций и радикальных оттенков в общественном мнении. Все большей поддержкой пользовались сторонники чрезвычайных мер, предлагавшие искать выход из трудностей радикальным путем. Снизу шло возрождение идеи «чистки партии», «молниеносной борьбы» против бюрократизма, предложений о введении на производстве дисциплины на манер военного времени. Настроения в пользу наведения порядка «революционным» путем затронули и проблемы социальной сферы, концентрируясь в стремлении к уравнительному «большому переделу» в отношении доходов, размеров личной собственности и жилья. Сформировался весьма сложный симбиоз самых противоречивых настроений и мнений.

Но ведущим было стремление к предотвращению сползания к кризису, к стабильности, достижение которой виделось одними на путях постепенного обновления основ политической и экономической жизни, а другими — через решительное вмешательство «сверху» в ход общественных процессов. Сама система государства стала терять целостность и неявно распадаться на множество подсистем, следующих не общим, а своим собственным критериям оптимизации. Наглядным выражением этого стала ведомственность. Этот известный дефект системы отраслевых министерств проявлялся в СССР уже с 1920-х гг., но с особой силой — в период застоя. Со временем ведомство имеет тенденцию превратиться в замкнутый организм, так что возникает конфликт интересов: ведомства с государством в целом и ведомства с другими ведомствами. Ведомственность подрывала одну из главных основ советского строя, придававшую силу его экономике — общенародный характер собственности и хозяйства. Складываясь в замкнутую административно-хозяйственную систему и обретая «чувство хозяина», ведомство неявно проводило денационализацию части хозяйства, вставало на путь, ведущий к приватизации. Это порождало и процесс разделения народа, пусть не на классы, а на группы и корпорации (что позже, в 1990 г., проявилось, например, в антисоветских забастовках шахтеров).

В период сталинизма важную роль в нейтрализации ведомственности играла партия, которая следовала «общим» критериям и держала хозяйственных руководителей в жестких рамках. Использовалась также частая ротация кадров (в конце 1930-х гг. даже с репрессиями) — зародыши неконтролируемой самоорганизации разрушались. В 1970–1980-е гг. партийная номенклатура стала сращиваться с ведомственной, ротация кадров замедлилась, центральная власть все больше утрачивала контроль над госаппаратом. Поскольку это были годы больших технологических сдвигов (научно-техническая революция), а они требовали межотраслевых усилий, ведомственность стала важным тормозом научно-технического прогресса.

В 1970-е гг. произошло соединение ведомственности с местничеством — сплочением руководителей госаппарата и хозяйства региона в конфликте интересов с центром и другими регионами (другой тип субоптимизации — исходя из региональных критериев). В тех регионах, которые были национально-государственными образованиями (союзных и автономных республиках, областях и округах), местничество принимало национальную окраску. Образование региональных элит, включающих в себя и работников аппарата ведомств, и работников местных органов власти, породило новый тип политических субъектов — номенклатурные кланы.

До «оттепели» Хрущева государство вело с местничеством постоянную и тщательную борьбу, доходя в сталинский период до жестоких репрессий. Семилетний период территориального управления хозяйством через совнархозы создал сильные структуры с узаконенной идеологией местничества, и в последующем они не были нейтрализованы. Да и номенклатура центральных органов включилась в процесс образования кланов. Началось неявное пока разделение страны. Государство становилось все менее советским.

Это было не следствием ошибок или злой воли, а результатом процессов самоорганизации. Разница в том, что до 1953 г. государство придавало всем этим процессам большое значение, постоянно держало их в центре внимания и регулировало исходя из общей политической программы. В ходе десталинизации были ликвидированы те небольшие по размерам или даже невидимые элементы государства, которые вели системный анализ всего происходящего, и в последующие периоды именно утрата системности стала особенностью планов и действий государства.

Для объяснения обществу причин уже ощущаемого неблагополучия идеологическая партийно-государственная машина внедряла в

массовое сознание ряд мифов (внедряла как непосредственно, так и через тeneвую систему — самиздат, анекдоты, кухонные дискуссии). Советские граждане и не догадывались, что их угнетают и эксплуатируют, пока им этого не объяснили. Не было ничего похожего на массовое недовольство советским строем, отрицания самой его сути. Но людей начал грызть червь сомнения.

Все в более широких кругах населения СССР, прежде всего, в кругах интеллигенции, нарастало отчуждение от государства и ощущение, что жизнь устроена неправильно. Тем самым государство лишилось своей второй опоры — согласия.

Заключение

Период 1920–1960-х гг. в истории России, среди прочих определений, может быть охарактеризован как этап активных и решающих трансформаций общественно-экономической и политической системы страны, в результате которых сложились конструкция и образ советского социализма как принципиально «нового», передового, социально справедливого общества, способного преодолеть противоречия прежней, капиталистической, модели общественного развития. Одним из направлений советской стратегии преобразований, где, как считали современники, оказались с максимальной силой сконцентрированы принципиальная новизна, широта и смелость осуществленных преобразований, стала разработка новой парадигмы размещения производительных сил страны, переход к активной политике усовершенствования территориально-экономической структуры государства в соответствии с новыми вызовами XX века и новыми экономико-технологическими тенденциями. Основные трансформации в этой сфере приобрели определенный и весьма долговременный пространственный вектор развития и выразились в так называемом «восточном сдвиге» — серии крупных программ хозяйственного развития восточных регионов страны, которые, в зависимости от смены приоритетов и сопутствующих этому обстоятельств, на каждом этапе имели определенные отраслевые, технологические и территориальные акценты.

Кумулятивным результатом реализации этой стратегии стало формирование новой геополитической и экономической структуры страны — возможно, не настолько новой, чтобы кардинально преодолеть исторически обусловленную разницу экономических потенциалов между развитой (европейской) и осваиваемой (азиатской) частями России, но достаточной для того, чтобы в значительных размерах увеличить стратегическую ресурсную базу общего индустриального прогресса страны, усилить ее оборонный потенциал, устранить вопиющие «разрывы» в территориальной

структуре ее экономики. Всё это стало возможным, прежде всего, благодаря последовательному осуществлению программ и проектов индустриального развития, сфокусированных на «ближнем» Востоке России и ее географическом «ядре» — Урале и Западной Сибири. Целенаправленное и форсированное хозяйственное освоение этих регионов, объединенных единой организационно-технической схемой, оказалось значимым и оправданным со всех точек зрения — и учитывая ту роль, которую они сыграли в формировании стратегического тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и последовавшей за ней «холодной войне», и имея в виду их определяющее значение в наращивании ключевых ресурсов современной индустриальной экономики — металла и энергии — на длительную перспективу развития. Эта часть грандиозных системных трансформаций советской эпохи, в отличие от неоднозначно воспринимаемых социальных «реконструкций» переходного периода (например, демонтажа НЭПа, коллективизации и т. п.) в целом, может быть отнесена к несомненным достижениям советского социализма — даже с учетом тех деформаций и изъянов доктринальной природы, разного рода утопических упований, которые наложили свой отпечаток на реализацию региональных программ и проектов. Равномерность размещения производительных сил по территории страны еще остается в значительной степени недостижимым идеалом, как и «комплексность» индустриального развития вновь осваиваемых территорий. Авторы данного обобщающего труда, не обходя существенных для исторической оценки баланса достижений и просчетов, расхождений между планами и реальностью при реализации Урало-Кузбасского проекта и других программ развития Урало-Сибирского региона, попытались показать, что формированию новой стратегии размещения производительных сил и воплощавшему ее «восточному сдвигу» сопутствовало складывание и принципиально новой — централизованной, «командно»-директивной — системы управления экономикой, где использование «рыночных» категорий прибыльности, рентабельности и т. п. мыслилось уже лишь в качестве расчетно-контрольных инструментов планирования, а не реальных движущих сил экономического развития. Исторически, успехи в реализации региональных программ и новая централизованная система планирования и управления экономикой, по существу, оказываются неотделимы друг от друга. Это, в свою очередь, сообщает двойственное отношение к интегральной оценке советского социализма и характерной для него системы управления: перед нами система, в значительной

степени подавляющая импульсы внутреннего саморазвития экономики, безразличная к социальной цене достижений, неспособная в полной мере учитывать критерии эффективности производства, — но в то же время это и система, которая за счет полного слияния экономики и политики, предельной мобилизации и централизации ресурсов, полнейшей управляемости социального агрегата общества способна за исторически короткий срок достигать стратегических «прорывов» в наращивании индустриальной мощи и кардинальных сдвигов в ее распределении по территории страны, на которые в обычных условиях могут потребоваться десятилетия. В такой плоскости анализа проблема исторических преимуществ социализма, о которой много писали в советское время, приводя в качестве одного из весомых доказательств новое качество политики размещения производительных сил, приобретает новые очертания: она в значительной мере лишается своего социального измерения и начинает тяготеть к констатации преимуществ организационно-технического и даже технократического свойства. «Управляемость» становится ключевым понятием, характеризующим созидательный потенциал и стратегическую нацеленность централизованной, директивной экономики, которая способна мобилизовать ресурсы и общество на достижение социально значимых целей в короткие исторические сроки и этим демонстрирует свое превосходство над распыленным между множеством хозяйствующих субъектов и хаотичным целеполаганием в рамках капиталистической экономической системы. Но, вместе с тем, важно понимать, что такого рода «управляемость» открывает простор и для произвольных допущений и всегда уязвима для политически конъюнктурных искажений тех «сигналов», которые объективно посылает правящей элите развивающаяся экономическая система и присутствующие в ней экономические интересы. Все это в полной мере было характерно для практической реализации региональных программ на Урале и в Западной Сибири. С этой точки зрения, региональное программирование советской эпохи является своего рода зеркалом общей противоречивости, «дихотомичности» всего многоаспектного опыта советского социализма.

Возможности преодоления трудностей и издержек, связанных с новым подходом к управлению экономикой и ее территориальной организацией, виделись, прежде всего, в научности экономического планирования, которая рассматривалась как своего рода «объективация» реальных потребностей и возможностей развития экономики. С этой точки зрения, опыт реализации Урало-Кузбасского

проекта и других программ развития восточных районов страны, с учетом применяемого в них многоцелевого и системного подхода, вполне заслуживает высокой оценки — особенно в контексте своего времени. Баланс плановой проработанности проектов и издержек политического волюнтаризма при общей оценке эффективности регионального программирования все-таки складывается в пользу первого.

В этом контексте особого внимания заслуживает вопрос о том, в какой степени реализация программ регионального развития в СССР в рассматриваемый период порывала с прежней исторической инерцией, а в какой могла считаться эволюционным продолжением тех тенденций, которые обнаружились в народном хозяйстве России еще в предреволюционный период. Исследование показывает, что, например, разработке Урало-Кузбасского проекта предшествовала огромная проектная работа научной общественности, представителей корпоративного капитала, ясно осознававших недостатки в размещении производительных сил страны и стратегические преимущества соединения ресурсов Урала и Западной Сибири в единую производственную схему. Есть много указаний на то, что, не произошли в России социалистическая революция, возможно, идея соединения производственных ресурсов Урала и Западной Сибири рано или поздно была бы реализована корпоративным капиталом при поддержке царского правительства. Важно подчеркнуть в этой связи то, что советский опыт регионального программирования не находился в стороне и от общемировых тенденций. Опыт Первой мировой войны, которая, как первая тотальная война в истории человечества, резко выдвинула в повестку дня всех тогдашних правительств задачи мобилизации и планирования, и концептуальные подходы, нацеленные на государственное регулирование экономики в условиях циклических кризисов капиталистической экономики (кейнсианство) существенно укрепляли в общественном восприятии веру в спасительную силу планирования и государственного вмешательства в частнокапиталистические отношения (концепция «организованного капитализма»). С этой точки зрения, советский опыт индустриализации можно рассматривать в русле этих общемировых тенденций, хотя, конечно, как наиболее радикальный вариант преодоления вопиющих недостатков капиталистической системы хозяйствования. Больше того, разработанные в СССР подходы к региональному программированию на востоке страны вызвали интерес и даже попытки его копирования в ряде капиталистиче-

ских стран (США, Япония). Все эти соображения открывают совершенно новую исследовательскую перспективу в изучении опыта советского социализма как общественной системы и как системы региональной политики.

Список литературы

Bailes K. E. Science and Russian Culture in an Age of Revolutions. Vernadsky and his Scientific School. Bloomington, 1990.

Bailes K. E. Technology and Society under Lenin and Stalin. Princeton, 1978.

Cameron R. E. A Concise Economic History of the World: from Paleolithic times to the present. 2nd ed. New York, 1993.

Cameron R. E. France and the Economic Development of Europe, 1800–1914. London; New York, 2000.

Chandler Jr., Alfred D. Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism. London, 1994.

Dicken P. A New 'Geo-Economy': Patterns, Processes, Problems // Companion Encyclopaedia of Geography. The Environment and Humankind. London; New York, 1996. P. 370–390.

Dodds K., Sidaway J. D. Halford Mackinder and the 'geographical pivot of history': a centennial retrospective // The Geographical Journal. 2004, December. Vol. 170, № 4. P. 292–297.

Graff M., Kenwood A. G., Loughheed A. L. Growth of the International Economy, 1820–2015. 5th ed. London, 2014.

Grübler A. The Rise and Fall of Infrastructures. Dynamics of Evolution and Technological Change in Transport. Darmstadt, 1990.

Helmreich J. Gathering Rare Ores: The Diplomacy of Uranium Acquisition, 1943–1954. Princeton, 1986.

Holdar S. The Ideal State and the Power of Geography: The Life-Work of Rudolf Kjellén // Political Geography. 1992. May. Vol. 11, № 3. P. 307–323.

Kennedy P. Strategy and Diplomacy. 1870–1945. 8th ed. London, 1989.

Kleeberg J. M. The Disconto-Gesellschaft and German Industrialization: A Critical Examination of the Career of a German Universal Bank. 1851–1914: PhD Diss. Oxford, 1988. URL: <https://books.google.ru/books?id=NQgGAHGMDcQC> (дата обращения: 15.03.2018).

Koropecy I. S. Industrial Location Policy in the U.S.S.R. During the Postwar Period // *Economic Performance and the Military Burden in the Soviet Union*. Washington, 1970. P. 232–285.

Landes D. S. The Wealth and Poverty of Nations. Why Some Are So Rich and Some So Poor. New York; London, 1998.

O'Rourke K., Williamson J. G. Globalization and History: Evolution of a Nineteenth-Century Atlantic Economy. Cambridge, 1999.

Okazaki T. Development and Management of Manchurian Economy under the Japan Empire // *CIRJE Discussion Paper*, Tokyo University, August 2013. URL: <http://www.cirje.e.u-tokyo.ac.jp/research/dp/2013/2013cf899.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).

Ratzel F. Politische Geographie, oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs, und des Krieges, München; Berlin, 1923.

Rodgers A. The Manchurian Iron and Steel Industry and Its Resource Base // *Geographical Review*. 1948. January. Vol. 38, № 1. P. 41–54.

Strausz-Hupé R. The Balance of Tomorrow: Power and Foreign Policy in the United States. New York, 1945.

Whittlesey D. S. The Earth and the State: A Study in Political Geography. New York, 1939.

Абрамовский А. П. Первые социалистические преобразования в промышленности горнозаводского Урала. Челябинск, 1981.

Академия наук СССР. Сибирское отделение. Хроника. 1957–1982 гг. Новосибирск, 1982.

Алексеев В. В. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX в. М., 2000.

Алексеев В. В. Столетняя революция в России // *Северная Евразия: взгляд через тысячелетия. Урало-Сибирские исторические чтения, посвященные 275-летию РАН*. Екатеринбург, 2000. С. 35–48.

Антуфьев А. А. Промышленность Урала накануне и годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.

Артемов Е. Т. Советский атомный проект в системе «командной экономики» // *Cahiers du Monde Russe*. 2014. Vol. 55, № 3–4. P. 267–294.

Артемов Е. Т. Советский атомный проект: слагаемые успеха // *Российская история*. 2017. № 4. С. 138–154.

Артемов Е. Т. Проекты организации научных учреждений АН СССР в Западной Сибири в годы первых пятилеток // *Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект*. Новосибирск, 1988. С. 159–174.

Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017.

Артемов Е. Т. Восточные регионы в проектировках предвоенного Генерального хозяйственного // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2013. № 1 (463). С. 151–166.

Артемов Е. Т., Бедель А. Э. Укрощение урана. Екатеринбург, 1999.

Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. М., 2002. Т. 1, Ч. 2.

Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. М., 1999. Т. 2, кн. 1.

Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. Саров, 2000. Т. 2, кн. 2.

Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. М., 2002. Т. 2, кн. 3.

Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. М., 2005. Т. 2, кн. 5.

Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. М.; Саров, 2007. Т. 2, кн. 7.

Ахундов М. Д., Баженов Л. Б. У истоков идеологизированной науки // Природа. 1989. № 2. С. 90–99.

Баканов С. А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012.

Бакунин А. В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.). Свердловск, 1968.

Бандман М. К. Государственная региональная экономическая политика: вехи, задачи и пути ее реализации в Сибири // Регион: экономика и социология. 1996. № 2. С. 34–58.

Бардин И. П., Рикман В. В. Черная металлургия в перспективном плане развития Кузбасса // Труды конференции по изучению производительных сил Кузбасса: в 3 т. М., 1959. Т. 1.

Бедель А. Э., Мельникова Н. В. Атомный проект СССР: современная отечественная историография и источники // Экономическая история: ежегод. 2016. Т. 14–15. С. 492–513.

Беляев Е. А., Пышкова Н. С. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР: Исторический очерк. М., 1979.

Березов Н. К вопросу о перспективах развития уральской металлургии на кузнецком топливе // Хозяйство Урала. 1925. № 12. С. 74–80.

Васютин В. Ф. Урало-Кузбасс во втором пятилетии. М., 1932.

Вебер А. Теория размещения промышленности. Л.; М., 1926.

Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988.

Вершинин Т. Я. Михаил Ошвинцев. Свердловск, 1971.

Ветров В. И., Коротков В. В., Куниченко В. В. Создание предприятий по добыче и переработке урановых руд // Создание первой советской ядерной бомбы. М., 1995. С. 170–198.

Ветров В. И., Коротков В. В., Куниченко В. В. Сырьевая отрасль ядерной индустрии // Ядерная индустрия России. М., 1999. С. 736–800.

Возняк В. Я. Проблемы экономики строительства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. М., 1983.

Гараев Г. Г. Организация и совершенствование системы управления промышленностью Урала. Томск, 1984.

География производительных сил СССР и международное экономическое сотрудничество. М., 1976.

Гинзбург С. З. О прошлом — для будущего. М., 1983.

Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.

Гловели Г. Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. — первая треть XX в.). СПб., 2009.

Гриневецкий В. И. Послевоенные перспективы русской промышленности. Харьков, 1919.

Дворкин И. Н. Несостоятельность буржуазной и реформистской теории «второй промышленной революции». М., 1958.

Дедюшина Н. А. Академия наук и проблемы Урало-Кузбасса // Академия наук и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 187–201.

Диманштейн Я. Б. О районировании металлургического производства СССР // Плановое хозяйство. 1928. № 11. С. 247–261.

Долгих В. И. Область особой заботы // Нефтегазостроители Западной Сибири. М., 2004. Кн. 1.

Долинин А. В., Щедрин Л. П. Приборостроительный завод, г. Трехгорный // Ядерная индустрия России. М., 1999. С. 431–436.

Ермолаева Ю. Н. Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг. Развитие науки в Якутии. Новосибирск, 2001.

Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки. Основные направления государственного руководства наукой. М., 1971.

Ефимкин М. М. Региональные проблемы на востоке России в контексте отечественной и мировой истории // Региональные процессы в Сибири в контексте отечественной и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 61–64.

Жидков В. ФГУП «Горнохимический комбинат» // Оружие и технологии России. М., 2007. Т. 14. С. 324–329.

Завалишин Ю. К., Зотова В. А. Завод № 550 («Авангард») // Ядерная индустрия России. М., 1999. С. 410–419.

Залкинд А. И., Мирошниченко Б. П. Очерки развития народнохозяйственного планирования. М., 1980.

Запарий В. В., Камынин В. Д. Изучение экономической истории на Урале // Экономическая история. 2016. № 3(34). С. 30–36.

Запарий В. В., Камынин В. Д., Гуансян Ч. Экономика Урала XX столетия глазами историков // Экономика региона. 2015. № 2(42). С. 85–92.

Зотов Н. Д. Предположим, я человек «территории»... (опыт интроспективной моралистической модели) // Территория — ведомство — человек в Сибири: материалы Всесоюзной научной конференции. Тюмень, 1990. С. 265–268.

Зубков К. И. «Континентальный» геополитический тренд в индустриальном развитии России начала XX в. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы Десятой юбилейной всероссийской научной конференции: в 2 т. Екатеринбург, 2011. Т. 2. С. 283–290.

Историческая энциклопедия Кузбасса. Кемерово, 1996. Т. 1.

История индустриализации Урала. 1928–1932 гг.: документы и материалы. Свердловск, 1967.

История индустриализации Урала. 1933–1937 гг.: документы и материалы. Свердловск, 1984.

История народного хозяйства Урала (1946–1985). Свердловск, 1990. Ч. 2.

История Урала. Период социализма. Пермь, 1977. Т. 2.

История Уфы. Уфа, 1984.

Кабаков И. Д. В борьбе за генеральную линию партии. Свердловск; М., 1930.

Канторович Я. Частная торговля и промышленность по действующему законодательству. М., 1925.

Колосовский Н.Н. Великая Сибирская сверхмагистраль. М., 1930.

Колосовский Н.Н. Урало-Кузнецкая проблема // Проблемы сибирской сверхмагистрали. М., 1929. С. 79–98.

Кольцов А. В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР (1917–1961 гг.). Л., 1988.

Корнилов Г. Е. История российских регионов периода Великой Отечественной войны: особенности современной историографической ситуации // Великая отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов. Казань, 2015. С. 69–82.

Корнилов Г. Е. Урало-Кузбасс в советской экономической стратегии: историография проблемы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4(42). С. 287–303.

Корнилов Г. Е. Урал в Великой Отечественной войне: историографическая ситуация // Уральский исторический вестник. 2013. № 4(41). С. 50–62.

- Куцев Г. Ф. Человек в северном городе. Свердловск, 1987.
- Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.; Л., 1927.
- Маряхин Г. Очерки истории налогов с населения в СССР. М., 1964.
- Мельникова Н. В. Джозефсон П. Американские и российские исследования истории атомного проекта СССР: сравнительный анализ // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37, № 1. С. 85–109.
- Мельникова Н. В., Бедель А. Э. Атомный проект СССР: современная отечественная историография и источники // Экономическая история: ежегодник. 2014/15. М., 2016. С. 492–513.
- Михеев М. В. Урал — Печора: несостоявшийся проект территориальной реорганизации советской экономики // ЭКО Всероссийский экономический журнал. 2015. № 10. С. 172–183.
- Надпорожский Л. И., Поляков Л. А., Митюков А. В. «Электрохим-прибор» // Ядерная индустрия России. М., 1999. С. 420–430.
- Наука–техника–управление: интеграция науки, техники и технологии, организации и управления в Соединенных Штатах Америки: сборник трудов Всеамериканской конференции по проблемам управления комплексными программами в эпоху научно-технического прогресса. М., 1966.
- Нетрусов А. Восточным районам СССР — мощную экспортную базу // Внешняя торговля. 1963. № 7. С. 23–28.
- Нефтяная эпопея Западной Сибири. М., 1995.
- Нуреев Р. М. Экономическая компаративистика (сравнительный анализ экономических систем). М., 2012.
- Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000.
- Орско-Халиловский индустриальный комплекс. Самара, 1934.
- Ослоновский А., Орлов А. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. Свердловск, 1928.
- Очерки истории коммунистических организаций на Урале. Свердловск, 1971. Т. 1.
- Пашков Н. М., Карпов В. П. Научно-техническое обеспечение Западно-Сибирского нефтегазового комплекса: опыт и проблемы // Нефть и газ Западной Сибири: тезисы докл. IV обл. науч.-практ. конф. Тюмень, 1987. Т. 3. С. 121–125.
- Погребинская В. А. Вторая промышленная революция // Экономический журнал. 2005. № 10. С. 126–158.
- Погребинская В. А. Социально-экономическая модернизация России и мира в период второй промышленной революции (последняя треть XIX — начало XX в.): учеб. пособ. М., 2012.

Политов В. Н. Современный технический прогресс и критика теории «второй промышленной революции»: автореф. ... канд. филос. наук. 1960.

Полунин В. В. Становление центральных органов управления атомной промышленностью СССР (1945–1953 гг.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 213–219.

Пригожий А. И. Феномен катастрофы (дилеммы кризисного управления) // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 114–126.

Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002.

Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т. 1.

Просвет. История становления и развития уральской энергосистемы в 1920–1950-е гг. Екатеринбург, 2017.

Пути развития и основные задачи хозяйства Урала. Свердловск, 1927.

Районы Свердловской области: Краткая характеристика. Свердловск, 1939.

Рафиков И. К. Рабочие Урала в первые годы Советской власти. Свердловск, 1988.

Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале: документы и материалы. 1932–2002 гг. Екатеринбург, 2002.

Рябев Л. Атомный проект и современность // Оружие и технологии России: энциклопедия. XXI век. М., 2007. Т. 14.

Савкин М. М., Иванов Б. В. История организации и развития Западно-Сибирского филиала АН СССР // Наука в Сибири. 2004. № 11. (Март 2004). С. 6.

Синев Н. М. Обогащенный уран для атомного оружия и энергетики: к истории создания в СССР промышленной технологии и производства высокообогащенного урана (1945–1952 гг.). М., 1992.

Скочинский А. А. Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. 1944. № 4–5. С. 54–55.

Совершенствование управления производством на предприятиях Свердловской области. Свердловск, 1972.

Соколов Б. Роль ленд-лиза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Загадки ленд-лиза: Стеттиниус Э. Ленд-лиз — оружие победы. М., 2000. С. 305–332.

Соратники: поколение Виктора Муравленко. Тюмень, 2002.

Социально-экономические особенности комплексного освоения районов Севера Тюменской области. Тюмень, 1969.

Сухаревский Б. Проблемы комбинирования в черной металлургии. М.; Л., 1934.

Татаркин А. И. Диалектика федерального и регионального в макроэкономическом реформировании экономики // Уральский исторический вестник. 1996. № 3. С. 27–40.

Татарченко Дм. М. Металлургия чугуна, железа и стали в общедоступном изложении. М.; Л., 1932.

Тестов В. Н. Важнейшие проблемы строительства и эксплуатации Екатерининской железной дороги в 80-х–90-х гг. XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2009. № 1. С. 71–78.

Техническая реконструкция в первой пятилетке. М.; Л., 1934.

Тимошенко А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX веке. Концепции и решения. Новосибирск, 2007.

Тимошенко А. И., Введенский В. В., Исунов В. А., Лапердин В. Б., Романов Р. Е. Сибирский тыл в исторической динамике XX столетия: теория и практика реализации идеи. Новосибирск, 2016.

Тимошенко В. П. Реформа регионального внешнеэкономического комплекса (поиски и решения). Екатеринбург, 1998.

Тимошенко В. П. Сибирь и мировой рынок (Резонанс освоения). Екатеринбург, 1997.

Туинов В. Ф. Вишеро-Печорский район и его комплексное освоение // Труды конференции по изучению производительных сил Молотовской области: в 2-х т. М., Л., 1947. Т. 1.

Толстиков В. С. Советский атомный проект в отечественной и зарубежной историографии // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 161–167.

Урал в контексте российской и мировой истории XX века. Историографическая концептуализация. Екатеринбург, 2017.

Устьянцев С. В. 75 славных лет ЕВРАЗ НТМК. Екатеринбург, 2015.

Фельдман В. В. Восстановление промышленности на Урале. 1921–1926 гг. Свердловск, 1989.

Ханин Г. И. Почему и когда погиб НЭП // ЭКО. 1989. № 10. С. 66–83.

Харитон Ю. Б., Бриш А. А. Ядерное вооружение // Вооружение России: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 163–203.

Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.

Шестаков В. А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006.

Сведения об авторах

Артемов Евгений Тимофеевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

Бедель Александр Эмануилович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

Зубков Константин Иванович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

Карпов Виктор Петрович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета (г. Тюмень)

Корнилов Геннадий Егорович — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий сектором экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

Мельников Никита Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

Михеев Михаил Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

Тимошенко Альбина Ивановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории социально-экономического развития Института истории СО РАН (г. Новосибирск)

Тимошенко Владимир Петрович (1959–2016) — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

Список сокращений

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области

ГАСО — Государственный архив Свердловской области

ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области

ГАТО — Государственный архив Тюменской области

НТФ ГАСО — Нижнетагильский филиал Государственного архива Свердловской области

НФ ГАКО — Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области

ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

РГАЭ — Российский государственный архив экономики

ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области

Научное издание

**Хозяйственное освоение Урала и Западной Сибири
в XX веке: планирование и управление**

Рекомендовано к изданию решением
Объединенного ученого совета УрО РАН
по гуманитарным наукам
и Уральским отделением РАН

Технический редактор *А.С. Кузьмина*
Макет и верстка *А. Якубовский*

Подписано в печать 31.10.2018. Формат 60х90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,0. Тираж 300 экз. Заказ

ISBN 978-5-7691-2511-9

9 785769 125119